

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

НОВЫЯ АРАБСКІЯ НОЧИ

КЛУБЪ САМОУБІЙЦЪ. БРИЛЬЯНТЪ РАДЖИ. ПАВИЛЬОНЪ НА ХОЛМѢ. НОЧЛЕГЪ. ДВЕРЬ СИРА МАЛЕТРУА. ПРОВИДѢНІЕ И ГИТАРА. ПОХИТИТЕЛИ ТРУПОВЪ

NEW ARABIAN NIGHTS

Переводъ Е. Н. Киселева, Б. А. Марковича и Е. М. Чистяковой-Вэръ

Съ 32 иллюстраціями В. Дж. Геннесси, Гордона Броуна и др.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Первые два разсказа сборника «Новыя арабскія ночи» знакомятъ читателя съ похожденіями современнаго Гарунъ-Аль-Рашида, фантастическаго принца Богемскаго. Лордъ Розбери, въ своей рѣчи, посвященной памяти Стивенсона, замѣчаетъ, что этотъ писатель никогда не довольствовался словами, если онѣ не давали полнаго выраженія его мысли; поэтому въ его стилѣ непремѣнно заключается что-то намекающее и подсказывающее какой-то музыкальный мотивъ, оттѣняющій каждую фразу. Часто такимъ мотивомъ у него является тончайшая иронія. Достаточно прочитать похожденія принца Богемскаго, чтобы замѣтить этотъ ироническій элементъ, благодаря которому стиль Стивенсона пріобрѣтаетъ такую силу. Принцъ Флоризель, романтикъ, страстный любитель приключеній и въ то же время—благодушный буржуа, все время находится на границѣ великаго и смѣшного, пока авторъ не рѣшаетъ, наконецъ, завершить судьбу своего героя комическимъ эпилогомъ: бывшій принцъ Богемскій мирно доживаетъ свои дни за прилавкомъ табачнаго магазина. Такимъ образомъ, и «Клумбъ самоубійцъ» и «Брилліантъ раджи» можно отнести скорѣе къ юмористикѣ, чѣмъ къ разряду леденящихъ кровь разсказовъ въ стилѣ Эдгара По.

Всякій истинный писатель беретъ своихъ героевъ изъ жизни и зачастую надѣляетъ ихъ какой-нибудь черточкой своего собственнаго характера. Стивенсонъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ авантюристомъ-мечтателемъ, и въ лицѣ принца Богемскаго онъ, быть можетъ, слегка подтруниваетъ надъ своею же страстью къ приключеніямъ—страстью, удовлетворить которую онъ не могъ изъ-

за вѣчной болѣзни. Но чѣмъ недоступнѣе, тѣмъ ярче были его мечты. Поэтъ и критикъ Эдмундъ Госсе, другъ Стивенсона, приводитъ одинъ эпизодъ изъ его школьныхъ лѣтъ, показывающій до какой степени подчасъ разыгрывалась дѣтская фантазія будущаго писателя. Однажды лѣтомъ, начитавшись детективныхъ романовъ послѣдняго сорта, Льюисъ проходилъ по пустынной улицѣ Эдинбургскаго предмѣстья и обратилъ вниманіе на запертый наглухо домъ, изъ котораго жильцы, повидимому, выѣхали на дачу. Не забраться ли туда «съ цѣлью грабежа»? Мысль была соблазнительная и легко исполнимая. Льюису удалось отворить окно въ задней стѣнѣ и проникнуть въ домъ, который, дѣйствительно, оказался необитаемымъ. Мальчикъ началъ прокрадываться изъ комнаты въ комнату, разсматривая въ величайшемъ волненіи картины и книги. Вдругъ ему послышался шумъ въ саду. Въ неописуемомъ ужасѣ онъ бросился подъ кровать и разразился рыданіями; ему живо представилось, какъ его, связаннаго, точно воришку, приведутъ домой, какъ разъ въ то время, когда семья соберется идти въ церковь. Къ счастью, тревога оказалась напрасной, и Льюисъ успѣлъ благополучно выбраться черезъ то же самое окно.

Повѣсть «Павильонъ на холмѣ» была, еще до появленія «Острова сокровищъ», напечатана въ журналѣ «Cornhill Magazine» за еще неизвѣстной тогда подписью Р. Л. С. Однако, люди, обладавшіе художественнымъ чутьемъ тогда же оцѣнили выдающійся и свѣжій литературный талантъ автора. Въ этомъ разсказѣ ярко проявляется та особенность дарованія Стивенсона, которая дѣлаетъ его прямымъ преемникомъ Эдгара По, Гоуторна и отчасти Диккенса,—умѣнье приковать вниманіе читателя напряженной таинственностью разсказа. Лѣтъ черезъ десять послѣ напечатанія «Павильона на холмѣ» Конанъ Дойль, разбирая произведенія Стивенсона, писалъ объ этой повѣсти: «Въ «Павильонѣ на холмѣ» его дарованіе достигаетъ наибольшей высоты, и одного этого разсказа было бы достаточно, чтобы упрочить за авторомъ постоянное мѣсто среди нашихъ великихъ беллетристовъ. Стиль Стивенсона всегда отличается необыкновенной чистотой, воображеніе у него всегда живое, но въ этомъ разсказѣ

удачнѣйшая изысканность языка сочетается съ самымъ животрепещущимъ, самымъ сосредоточеннымъ интересомъ фабулы. Трудно найти другой разсказъ, гдѣ на протяженіи столь же немногихъ страницъ дѣйствующія лица были бы обрисованы съ такой же силой и отчетливостью, какъ эти четыре фигуры—Нортмура, Кассилиса, бѣглаго банкира и его дочери,—титаническая мощь которыхъ тѣмъ ярче выдѣляется, чѣмъ мрачнѣе задній планъ картины».

Разсказы «Ночлегъ» и «Дверь сира Малетруа»—особенно первый — представляютъ собой превосходныя картины быта средневѣковой Франціи. «Ночлегъ»—это эпизодъ изъ скитальческой жизни поэта и авантюриста Франсуа Вильона, представителя низкопробной богемы XV вѣка и въ то же время—замѣчательнаго стихотворца; онъ былъ приговоренъ къ смерти за убійство, но помилованъ и обреченъ на изгнаніе, не разъ навлекалъ на себя подозрѣніе въ кражѣ, побывалъ въ тюрьмѣ и умеръ неизвѣстно гдѣ и когда. Въ «Ночлегѣ» Стивенсонъ достигаетъ поразительной художественной силы, и достаточно одинъ разъ прочитать этотъ разсказъ, чтобы онъ запечатлѣлся навсегда.

Прелестная юмористическая жанровая картинка «Провидѣніе и гитара» является отзвукомъ впечатлѣній, пережитыхъ въ то счастливое время, когда «легкомысленный Аретуза» странствовалъ по Франціи, и величественный комиссаръ, причинившій столько огорченій пылкому артисту, вѣроятно, списанъ съ того не слишкомъ проницательнаго, но грознаго представителя власти, котораго читатель знаетъ по эпилогу къ «Путешествію внутрь страны».

Редакторъ «Pall Mall Gazette», желая помѣстить въ рождественскомъ нумерѣ журнала разсказъ, отъ котораго «проходилъ бы морозъ по кожѣ», обратился съ заказомъ къ Стивенсону Тотъ прислалъ сначала «Преступника», но такъ какъ этотъ разсказъ, по мнѣнію редакціи, оказался недостаточно страшнымъ, то Стивенсонъ обѣщалъ доставить что-нибудь другое, отъ чего «застынетъ кровь даже у гренадера». Это былъ «Похититель труповъ», включенный нами въ сборникъ «Новыхъ арабскихъ ночей». Журналъ устроилъ рекламу вполнѣ соотвѣтствующую

ужасному содержанію разсказа: заказали шесть паръ черныхъ гробовыхъ крышекъ съ гипсовымъ изображеніемъ человѣческаго черепа и сложенныхъ накрестъ костей, взяли въ похоронномъ бюро напрокатъ шесть бѣлыхъ похоронныхъ костюмовъ и наняли шестерыхъ сандвичменовъ, которые должны были разгуливать по улицамъ Лондона, навѣсивъ на себя гробовыя крышки. Впрочемъ, вмѣшалась полиція и прекратила эту зловѣщую процессію.

Какъ ни кошмаренъ разсказъ «Похититель труповъ», однако, онъ основанъ на дѣйствительномъ происшествіи. Въ 1829 г. въ Эдинбургѣ завелся злодѣй по имени Бёркъ, который заманивалъ людей въ свое логовище и убивалъ ихъ, съ цѣлью продать трупы въ анатомическій театръ. Бёркъ былъ казненъ, а выдавшій его сообщникъ Гэръ получилъ помилованіе. Въ Лондонѣ у нихъ нашлись подражатели—Бишопъ и Вильямсъ.

КЛУБЪ САМОУБІЙЦЪ.

(The Suicide Club).

Исторія одного молодого человѣка съ сладкими пирожками.

Переводъ Е. Н. Киселева.

Проживая въ Лондонѣ, благовоспитанный и безукоризненный принцъ богемскій Флоризель сумѣлъ привлечь къ себѣ все общество своимъ пріятнымъ обращеніемъ и обдуманною щедростью. Уже судя по тому, что о немъ было извѣстно, принцъ Флоризель былъ человѣкъ замѣчательный, извѣстно же о немъ было очень немного сравнительно съ тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Будучи въ обыкновенной обстановкѣ человѣкомъ характера спокойнаго и ровнаго, съ очень несложной житейской философіей, почти такой же, какъ у простого земледѣльца, принцъ Флоризель бывалъ иногда не прочь познакомиться и съ другими дорогами жизни, болѣе рискованными и опасными, чѣмъ тотъ путь, по которому ему отъ рожденія назначено было итти. Случалось, что отъ скуки, когда ничего не шло интереснаго и веселаго въ лондонскихъ театрахъ, или когда кончался спортивный сезонъ, и принцъ не могъ выступать въ тѣхъ видахъ спорта, въ которыхъ привыкъ одерживать верхъ надъ своими соперниками, онъ призывалъ къ себѣ своего наперсника и шталмейстера полковника Джеральдина и приказывалъ ему готовиться къ ночной прогулкѣ. Шталмейстеръ былъ храбрый, молодой офицеръ, склонный къ приключеніямъ. Онъ всякій разъ съ удовольствіемъ встрѣчалъ такое извѣстіе и сейчасъ же спѣшилъ приготовиться. Долгая практика и разнообразное знакомство съ жизнью обучили его искусству переодѣваться и гримироваться. Онъ могъ приспособить не только свое лицо и внѣшность, но даже голосъ и мысли ко всякому положенію, характеру и на-

ціональности. Этимъ путемъ онъ отвлекалъ вниманіе отъ принца, и въ иностранныхъ кружкахъ его нерѣдко принимали за своего. Полиція объ этихъ приключеніяхъ ничего не знала, потому что оба проказника до сихъ поръ выходили благополучно изъ всевозможныхъ затруднительныхъ положеній, благодаря невозмутимому мужеству одного и ловкой изобрѣтательности и рыцарской преданности другого. Съ теченіемъ времени они оба становились все смѣлѣе и самоувѣреннѣе.

Въ одинъ дождливый мартовскій вечеръ непогода загнала ихъ въ устричную лавочку по сосѣдству съ Лейчестерскимъ скверомъ. Полковникъ Джеральдинъ былъ одѣтъ и загримированъ газетнымъ сотрудникомъ средней руки, а принцъ, какъ всегда, наклеилъ себѣ большія брови и пару фальшивыхъ бакенбардъ. Это придавало ему довольно неопрятный видъ человѣка, потрепаннаго жизнью, дѣлая его неузнаваемымъ даже для близкихъ знакомыхъ. Въ такомъ снаряженіи принцъ и его наперсникъ сидѣли теперь и благодушествовали, попивая водку съ содовой водой.

Публики въ ресторанѣ было много. Были и мужчины, и женщины. Завести разговоръ было съ кѣмъ, но нашимъ авантюристамъ ни одинъ изъ публики не казался достаточно интереснымъ для болѣе близкаго знакомства. Очень ужъ была сѣра и непочтенна вся эта публика. Одни лондонскіе подонки! Принцъ уже началъ зѣвать отъ скуки и почти уже рѣшилъ, что экскурсія на сей разъ не задалась, какъ вдругъ распахнулись створчатыя двери, и въ ресторанъ вошелъ какой-то молодой человѣкъ, сопровождаемый двумя комиссіонерами. Каждый комиссіонеръ несъ по большому блюду, покрытому крышкой. Они сняли разомъ обѣ крышки, и на блюдахъ оказались сладкіе пирожки съ кремомъ. Молодой человѣкъ сталъ обходить всѣхъ сидѣвшихъ въ залѣ, съ необыкновенной учтивостью упрашивая ихъ отвѣдать пирожнаго. Иногда угощеніе принималось со смѣхомъ, а иногда отъ него отказывались наотрѣзъ и даже грубо. Въ такихъ случаяхъ молодой человѣкъ съѣдалъ пирожокъ самъ съ какимъ-нибудь болѣе или менѣе шутливымъ замѣчаніемъ.

Наконецъ, онъ дошелъ до принца Флоризеля.

— Сэръ,—обратился онъ къ нему съ необыкновенной учтивостью, держа между большимъ и указательнымъ пальцами одинъ пирожокъ,—не соблаговолите ли вы оказать честь со-

вершенно незнакомому вамъ человѣку? Я вполнѣ могу поручиться за доброкачественность пирожнаго, потому что за сегодняшній вечеръ самъ съѣлъ двѣ дюжины штукъ и еще три штуки.

— Я обыкновенно интересуюсь не столько самымъ подаркомъ,—возразилъ принцъ,—сколько цѣлью, съ которой онъ дѣлается.

— Цѣль у меня, сэръ,—отвѣчалъ съ новымъ поклономъ молодой человѣкъ,—просто посмѣяться.

— Посмѣяться? — переспросилъ Флоризель.—Надъ кѣмъ же или надъ чѣмъ?

— Я сюда пришелъ не для того, чтобы излагать свою философію,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—а чтобъ раздать желающимъ эти пирожки съ кремомъ. Скажу только, что я и самого себя охотно подвергаю при этомъ риску попасть въ смѣшное положеніе. Надѣюсь, что это вполнѣ васъ удовлетворитъ. Если же нѣтъ, то мнѣ останется только съѣсть двадцать восьмой пирожокъ, хотя мнѣ это уже и надоѣло, признаться сказать.

— Мнѣ васъ жаль,—сказалъ принцъ,—и я охотно избавлю васъ отъ такой необходимости, но только съ однимъ условіемъ. Если я и мой другъ съѣдимъ у васъ по пирожку—а къ этому у насъ нѣтъ, въ сущности, ни малѣйшей склонности ни у того, ни у другого—то вы должны за это гдѣ-нибудь съ нами сегодня отужинать.

Молодой человѣкъ какъ будто задумался.

— У меня еще нѣсколько дюжинъ пирожнаго на рукахъ,—сказалъ онъ, — и мнѣ предстоитъ обойти много ресторановъ, прежде чѣмъ я окончу свою задачу. На это потребуется время. Если вы очень проголодались...

Принцъ перебилъ его вѣжливымъ жестомъ.

— Мой другъ и я—мы пойдемъ съ вами оба,—сказалъ онъ,—потому что насъ чрезвычайно заинтересовалъ вашъ оригинальный способъ проводить вечеръ. А теперь, когда условія мира выработаны, позвольте мнѣ подписать договоръ за обоихъ.

Съ этими словами принцъ съѣлъ одинъ пирожокъ съ необыкновенно граціозной любезностью.

— Замѣчательно вкусно,—сказалъ онъ.

— Вижу, что вы знатокъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Полковникъ Джеральдинъ также съѣлъ одну штуку пи-

рожнаго. Послѣ того, какъ угощеніе было предложено всѣмъ остальнымъ посѣтителямъ, при чемъ одни отказывались, другіе принимали, молодой человѣкъ съ кремовыми пирожками отправился въ другой такой же ресторанъ. Оба комиссіонера, повидимому, совершенно освоившіеся со своей глупой ролью, вышли слѣдомъ за нимъ. Принцъ и полковникъ составили арьергардъ и пошли подъ руку, улыбаясь другъ другу. Въ такомъ порядкѣ компанія обошла еще два трактира, въ которыхъ повторилась только что описанная сцена: одни отказывались, другіе принимали неожиданное угощеніе, а молодой человѣкъ всякій разъ съѣдалъ самъ отвергнутый пирожокъ.

По выходѣ изъ третьяго трактира молодой человѣкъ пересчиталъ свой наличный запасъ. На одномъ блюдѣ оставалось шесть пирожковъ, на другомъ три, итого девять.

— Джентльмены, — сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ двумъ новымъ спутникамъ,—мнѣ очень не хочется задерживать вашъ ужинъ. Я положительно увѣренъ, что вы проголодались. Мнѣ почему-то кажется, что вы имѣете право на мое особенное уваженіе. Сегодня для меня великій день: сегодня я заканчиваю свою глупую карьеру нарочито глупѣйшимъ образомъ. Въ этотъ день я желаю быть пріятнымъ для всякаго, кто оказалъ мнѣ хотя малѣйшее доброжелательство. Джентльмены, вамъ больше не придется ждать. Хоть я и разстроилъ свое здоровье предшествующими излишествами, я все-таки, рискуя жизнью, немедленно ликвидирую связывающее насъ условіе.

Съ этими словами онъ принялся пихать себѣ въ ротъ и ѣсть одинъ за другимъ оставшіеся пирожки. Потомъ онъ обернулся къ комиссіонерамъ и далъ имъ каждому по два соверэна.

— Вотъ вамъ за ваше изумительное терпѣніе,—сказалъ онъ и отпустилъ ихъ съ поклономъ.

Нѣсколько секундъ онъ глядѣлъ на свой кошелекъ, изъ котораго только что выдалъ деньги своимъ ассистентамъ, потомъ разсмѣялся и бросилъ его на самую середину улицы.

— Ну-съ, джентльмены, я готовъ,—сказалъ онъ.

Компанія зашла въ небольшой французскій ресторанчикъ въ Сого, который пользовался одно время громкой, но совсѣмъ незаслуженной славой и вскорѣ былъ совсѣмъ забытъ, и заняла отдѣльный кабинетъ во второмъ этажѣ. Тамъ тремъ собесѣдникамъ поданъ былъ изящный ужинъ, который они облили

И онъ принялся ѣсть оставшіеся пирожки.

тремя или четырьмя бутылками шампанскаго, беседуя о разныхъ посторонних вещахъ. Молодой человѣкъ былъ веселъ и разговорчивъ, но смѣялся черезчуръ громко для человѣка изъ хорошаго общества. Его руки сильно дрожали, а въ голосѣ слышались порою какія-то неестественныя ноты, съ которыми онъ, видимо, не могъ справиться. Убрали дессертъ. Всѣ трое закурили сигары. Принцъ обратился къ молодому человѣку и сказалъ:

— Я увѣренъ, что вы простите мнѣ мое любопытство. То, что я отъ васъ видѣлъ, мнѣ очень понравилось, но и очень смутило меня. Хоть это и будетъ съ моей стороны нескромностью, но я все-таки скажу, что мой другъ и я—такіе люди, которымъ вполнѣ можно довѣрить тайну. У насъ у самихъ имѣется много такого, о чемъ мы не хотѣли бы, чтобы знали другіе. Постороннія уши отъ насъ лишняго не услышатъ. Если, какъ я предполагаю, вы надѣлали какихъ-нибудь глупостей, то вамъ съ нами нечего стѣсняться: больше насъ двоихъ, кажется, никто во всей Англіи глупостей не натворилъ. Меня зовутъ Годолъ, Теофилюсъ Годолъ, а это мой другъ—майоръ Альфредъ Гаммерсмитъ, По крайней мѣрѣ, онъ желаетъ, чтобы его знали подъ этимъ именемъ. Мы всю свою жизнь только и дѣлаемъ, что ищемъ самыхъ невѣроятныхъ приключеній, и чѣмъ приключеніе невѣроятнѣе, тѣмъ скорѣе оно способно вызвать нашу симпатію.

— Вы мнѣ очень нравитесь, м-ръ Годолъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Вы внушаете мнѣ невольное довѣріе. Противъ вашего друга майора я тоже ровно ничего не имѣю. Мнѣ онъ кажется знатнымъ лицомъ, только переодѣтымъ. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что онъ не солдатъ.

Полковникъ улыбнулся на этотъ комплиментъ своему искусству переодѣваться, а молодой человѣкъ продолжалъ съ воодушевленіемъ:

— Именно поэтому мнѣ бы и не слѣдовало разсказывать вамъ свою исторію. Но, быть можетъ, именно эта самая причина и побуждаетъ меня вамъ ее разсказать. По крайней мѣрѣ, я вижу, что вы совсѣмъ приготовились выслушать разсказъ про мои глупости, и я не въ силахъ причинить вамъ разочарованіе. Своего имени, вопреки вашему примѣру, я вамъ не скажу. Отъ предковъ своихъ я произошелъ самымъ обыкновеннымъ путемъ и получилъ отъ нихъ въ наслѣдство триста фунтовъ годового

дохода. Сколько мнѣ лѣтъ—это тоже неинтересно. Отъ предковъ же, повидимому, я унаслѣдовалъ и легкомысленный нравъ. Воспитаніе получилъ я хорошее. Умѣю играть на скрипкѣ почти настолько хорошо, что могъ бы зарабатывать себѣ деньги службой въ непервоклассныхъ оркестрахъ. То же замѣчаніе можно отнести къ флейтѣ и къ корнетъ-а-пистону. Играть въ вистъ я научился настолько, что могу проигрывать около сотни фунтовъ въ годъ въ эту научную игру. Благодаря знанію французскаго языка, я могъ въ Парижѣ мотать деньги почти съ такой же легкостью, какъ въ Лондонѣ. Словомъ, моя личность полна всевозможныхъ совершенствъ. Приключенія я испыталъ самыя разнообразныя, до дуэли изъ-за пустяка включительно. Два мѣсяца тому назадъ я встрѣтилъ молодую женщину, вполнѣ подходящую къ моему вкусу, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Мое сердце растаяло. Я увидалъ, что нашелъ, наконецъ, свою судьбу, и готовъ былъ совсѣмъ влюбиться. Но когда я сосчиталъ, сколько осталось у меня отъ моего капитала, то оказалось, что меньше четырехсотъ фунтовъ. Скажите, я васъ спрошу: развѣ можетъ уважающій себя человѣкъ пускаться въ любовь, имѣя за душой всего только четыреста фунтовъ? Я нашелъ, что нѣтъ. Но уже одно присутствіе моей очаровательницы ускорило таяніе моихъ денегъ, и сегодня утромъ я дошелъ до остатка въ восемьдесятъ фунтовъ. Эту сумму я раздѣлилъ на двѣ равныя части: сорокъ предназначилъ для одного опредѣленнаго дѣла, а другіе сорокъ истратилъ сегодня всѣ до наступленія ночи. День я провелъ очень интересно, устроилъ много всякихъ штукъ помимо извѣстнаго уже вамъ фарса съ пирожками, доставившаго мнѣ счастливый случай съ вами познакомиться. Все это я продѣлалъ для того, чтобы завершить безумнымъ концомъ безумно прожитую жизнь. Когда я у васъ на глазахъ выбрасывалъ кошелекъ на мостовую, въ немъ ничего не было. Теперь вы знаете меня такъ же хорошо, какъ я самъ себя знаю: безумецъ, но въ своемъ безуміи послѣдователенъ и постояненъ и, кромѣ того, могу васъ въ этомъ увѣрить, не нюня и не трусъ.

Все это было разсказано горькимъ тономъ, который свидѣтельствовалъ о томъ, что молодой человѣкъ глубоко самъ себя презираетъ. Слушатели пришли къ заключенію, что его любовный романъ задѣлъ его сердце гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ

въ этомъ самъ себѣ признается. Пирожки съ кремомъ—это фарсъ, которымъ прикрыта трагедія.

— Не странно ли, — сказалъ Джеральдинъ, переглянувшись съ принцемъ Флоризелемъ, — что простая случайность свела насъ троихъ вмѣстѣ въ этой громадной пустынѣ, именуемой Лондономъ, и что мы всѣ трое находимся приблизительно въ одинаковомъ положеніи?

— Какъ? — воскликнулъ молодой человѣкъ. — Развѣ вы тоже разорились? Значитъ, этотъ ужинъ—то же самое, что и мои пирожки съ кремомъ? Значитъ, это самъ чортъ свелъ здѣсь трехъ своихъ кліентовъ для послѣдней пирушки?

— Чортъ, сказать къ слову, поступаетъ иногда замѣчательно по-джентльменски, — возразилъ принцъ Флоризель. — И я очень радъ такому совпаденію. Мы съ вами находимся еще не въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, но я сейчасъ уничтожу остающееся неравенство. Я возьму съ васъ примѣръ и поступлю совершенно такъ же, какъ поступили вы, когда доѣли свои кремовые пирожки.

Принцъ досталъ изъ кармана кошелекъ и вынулъ изъ него небольшую пачку банковыхъ билетовъ.

— Вы видите, я отъ васъ отсталъ, но я собираюсь васъ догнать, и мы придемъ къ выигрышному столбу голова-въ-голову, — продолжалъ онъ. — Вотъ этого будетъ достаточно для уплаты по счету, — прибавилъ онъ, кладя на столъ одинъ изъ банковыхъ билетовъ, — а остальное...

Онъ бросилъ пачку въ огонь, гдѣ она сгорѣла въ одну минуту, и пепелъ унесся въ трубу камина.

Молодой человѣкъ протянулъ было руку, но опоздалъ и не досталъ: ему помѣшалъ столъ.

— Несчастный! — воскликнулъ онъ. — Что вы сдѣлали? Не надо было жечь всего. Надобно было оставить сорокъ фунтовъ.

— Сорокъ? Почему именно сорокъ? — спросилъ принцъ.

— Почему не восемьдесятъ? — воскликнулъ полковникъ.— Насколько мнѣ извѣстно, въ пачкѣ было больше ста фунтовъ.

— Нужно было только сорокъ, — печально проговорилъ молодой человѣкъ. — Безъ этого взноса не примутъ. Правило соблюдается строго. Сорокъ фунтовъ съ каждаго. Проклятая

наша жизнь! Порядочному человѣку даже и умереть нельзя безъ денегъ.

Принцъ и полковникъ переглянулись.

— Объясните, въ чемъ дѣло, — сказалъ полковникъ. — У меня въ карманѣ бумажникъ цѣлъ, и въ немъ денегъ достаточно. Я охотно подѣлюсь съ моимъ другомъ Годоломъ. Но я долженъ знать, на что это нужно. Разскажите намъ, про что вы говорите.

Молодой человѣкъ точно проснулся отъ сна. Онъ тревожно поглядѣлъ на того и на другого и густо покраснѣлъ.

— Вы меня не морочите? — спросилъ онъ. — Вы вправду разорились, какъ и я?

— За себя скажу, — да, вправду, — отвѣчалъ полковникъ.

— А за себя я вамъ ужъ и доказательство далъ, — сказалъ принцъ. — Кто, кромѣ разорившагося человѣка, станетъ жечь свои деньги? Поступокъ самъ за себя говоритъ.

— Это можетъ сдѣлать также и милліонеръ, — подозрительно замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Довольно, сэръ, — сказалъ принцъ. — Я вамъ такъ сказалъ, и я не привыкъ, чтобы въ моихъ словахъ сомнѣвались.

— Вы разорились, да? — сказалъ молодой человѣкъ. — Такъ же ли вы разорены, какъ и я? Послѣ безпечной жизни, наполненной удовольствіями, дошли ли вы до того, что можете доставить себѣ удовольствіе только въ одномъ? И готовы ли вы, — онъ понизилъ голосъ до шопота, — доставить себѣ это послѣднее на землѣ удовольствіе? Готовы ли вы уйти отъ послѣдствій своего безумія по единственной, имѣющейся для этого вѣрной дорогѣ? Готовы ли вы впустить къ себѣ чиновниковъ шерифа вашей совѣсти въ единственную открытую дверь?..

Онъ вдругъ круто оборвалъ свою рѣчь и попробовалъ разсмѣяться.

— Ваше здоровье, господа! — крикнулъ онъ, опоражнивая свой стаканъ. — И покойной ночи, веселые разоренные люди!

Онъ собрался встать, но полковникъ удержалъ его за руку.

— Вы намъ не довѣряете, — сказалъ онъ, — но это совершенно напрасно. — На всѣ ваши вопросы я даю вамъ утвердительный отвѣтъ. Я не изъ робкихъ и готовъ сейчасъ же все

объяснить на чистоту хоть самой англійской королевѣ. Да, намъ совершенно такъ же, какъ и вамъ, надоѣла жизнь, и мы рѣшили умереть. Раньше или позже, вмѣстѣ или въ одиночку, но мы надумали разыскать смерть и схватить ее тамъ, гдѣ она окажется подъ рукой. Теперь вотъ мы встрѣтили васъ, и ваше дѣло оказалось болѣе спѣшнымъ. Хотите сегодня ночью? Хотите въ одно время всѣ трое? Подумайте, какъ интересна будетъ эта наша тройка голяковъ, вступающихъ рука объ руку въ царство Плутона и другъ друга тамъ поддерживающихъ!

Джеральдинъ, говоря это, до такой степени вошелъ въ свою роль, что даже самъ принцъ смутился и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ поглядѣлъ на своего наперсника. А молодой человѣкъ опять густо покраснѣлъ, и глаза его засверкали.

— Вотъ мнѣ именно такихъ и нужно, какъ вы! — вскричалъ онъ съ какой-то особенно трагической, жуткой веселостью. — Значитъ, по рукамъ? — Рука у него была холодная и мокрая. — Вы немножко уже знаете того, съ кѣмъ вамъ предстоитъ выступить въ путь-дорогу. Вы немножко уже знаете, въ какую удачную для себя минуту вы приняли участіе въ моемъ приключеніи съ сладкими пирожками. Я только единица, но я единица въ цѣломъ войскѣ. Мнѣ извѣстенъ особый ходъ въ жилище смерти. Я одинъ изъ ея близкихъ кліентовъ и могу показать вамъ вѣчность безъ особыхъ церемоній и безъ огласки.

Они съ настойчивымъ любопытствомъ потребовали у него объясненій.

— У васъ у двоихъ найдется восемьдесятъ фунтовъ? — спросилъ онъ.

Джеральдинъ съ хвастливымъ видомъ заглянулъ въ свой бумажникъ и далъ утвердительный отвѣтъ.

— Вотъ и прекрасно! — воскликнулъ молодой человѣкъ.— Вы счастливцы! Сорокъ фунтовъ — вступной взносъ въ клубъ самоубійцъ.

— Это что же за чертовщина такая—клубъ самоубійцъ?— спросилъ принцъ.

— А вотъ послушайте,—сказалъ молодой человѣкъ.—Нашъ вѣкъ — вѣкъ всевозможныхъ приспособленій и удобствъ, и я васъ познакомлю съ однимъ изъ самыхъ послѣднихъ усовершенствованій. У насъ дѣла въ разныхъ мѣстахъ — и вотъ по этой причинѣ изобрѣтены желѣзныя дороги. Желѣзныя дороги

разлучаютъ насъ съ нашими друзьями—и вотъ къ нашимъ услугамъ телеграфныя линіи, посредствомъ которыхъ мы можемъ быстро сноситься другъ съ другомъ черезъ громадныя разстоянія. Въ гостиницахъ къ нашимъ услугамъ подъемныя машины, избавляющія насъ отъ труда ходить по сотнямъ ступеней. Мы знаемъ, что жизнь есть поприще, на которомъ намъ бы хотѣлось подвизаться только до тѣхъ поръ, пока намъ это нравится, пока намъ это доставляетъ удовольствіе. Среди совокупности удобствъ, составляющихъ современный комфортъ, недостаетъ пока только одного удобства: нѣтъ приличнаго и мягкаго пути, чтобы въ любое время удалиться съ жизненнаго поприща; нѣтъ лѣстницы, ведущей къ свободѣ; нѣтъ особаго хода въ жилище смерти, какъ я только что выразился. Этотъ недостатокъ, любезные мои сотоварищи-горемыки, восполняется клубомъ самоубійцъ. Не воображайте, что мы съ вами одни дошли до только что высказаннаго нами разумнѣйшаго желанія. Очень многимъ хотѣлось бы того же самаго, но ихъ удерживаетъ отъ побѣга съ жизненной каторги одна изъ двухъ причинъ. У однихъ есть семьи, на которыхъ отразится стыдъ общественнаго порицанія самоубійцы, а имъ этого не хочется. У другихъ не хватаетъ духа вообще, и они отступаютъ передъ самой обстановкой смерти. Взять хоть меня. Я рѣшительно не въ силахъ приставить себѣ къ виску пистолетъ и спустить курокъ. Словно кто-то сильнѣйшій, чѣмъ я, удерживаетъ мою руку и мѣшаетъ мнѣ, и хотя мнѣ безусловно надоѣла жизнь, но въ тѣлѣ у меня не находится достаточно силы для того, чтобы схватить смерть за волосы и притащить къ себѣ. Для такихъ, какъ я, а также и для тѣхъ, которые желали бы уйти изъ жизни безъ послѣдующей огласки, вотъ и учрежденъ клубъ самоубійцъ. Какъ онъ управляется, какова его исторія, какія у него отдѣленія въ другихъ странахъ — объ этомъ я самъ не имѣю свѣдѣній, а того, что мнѣ извѣстно объ его устройствѣ, я не имѣю права вамъ сообщить. За исключеніемъ этого, во всемъ остальномъ я къ вашимъ услугамъ. Если вамъ, дѣйствительно, надоѣла жизнь, то я могу сегодня же ночью отвести васъ на собраніе въ клубъ, и если не въ эту же ночь, то самое большое въ теченіе недѣли вы оба будете избавлены отъ тяжести существованія. Теперь ровно одиннадцать (онъ посмотрѣлъ на свои

часы). Самое позднее черезъ полчаса мы должны будемъ уйти отсюда, такъ что вотъ у васъ какой срокъ для того, чтобы окончательно обсудить мое предложенiе. Это будетъ посерьезнѣе пирожнаго съ кремомъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—и, я полагаю, много вкуснѣе.

— Серьезнѣе, это вѣрно,—отвѣчалъ полковникъ Джеральдинъ,—такъ что я попрошу у васъ дать мнѣ пять минутъ для разговора наединѣ съ моимъ другомъ мистеромъ Годоломъ.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Съ вашего позволенiя, я выйду на это время.

— Вы насъ очень этимъ обяжете,—сказалъ полковникъ.

Какъ только они остались вдвоемъ, принцъ Флоризель сказалъ:

— Что выйдетъ изъ всей этой чепухи, Джеральдинъ? Я вижу, вы смущены и взволнованы, но я совершенно спокоенъ. Мнѣ хочется посмотрѣть, чѣмъ все это можетъ кончиться.

— Ваше высочество,—отвѣчалъ поблѣднѣвшiй Джеральдинъ,—позвольте вамъ замѣтить, что ваша жизнь имѣетъ значенiе не только для вашихъ друзей, но и для всего общества. Этотъ человѣкъ сказалъ: «если не въ эту же ночь»—слѣдовательно, сегодня же ночью съ вашимъ высочествомъ можетъ случиться непоправимое несчастье, а вы подумали ли, въ какомъ отчаянiи буду тогда я, и какъ это несчастье отразится на цѣлой нацiи?

— Мнѣ хочется посмотрѣть, чѣмъ все это можетъ кончиться,—повторилъ принцъ самымъ рѣшительнымъ тономъ,—и прошу васъ, полковникъ Джеральдинъ, вспомните данное вами честное слово джентльмена и держите его. Не забывайте, пожалуйста, что вы не должны безъ моего спецiальнаго разрѣшенiя открывать кому-либо и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ мое инкогнито. Таковъ мой приказъ, который я вамъ здѣсь повторяю. А теперь, — прибавилъ онъ,—позвольте васъ попросить распорядиться, чтобы подали счетъ.

Полковникъ Джеральдинъ поклонился съ послушнымъ видомъ, но онъ былъ совершенно блѣденъ въ лицѣ, когда звалъ обратно молодого человѣка съ кремовыми пирожками и требовалъ отъ оффицiанта счетъ. Принцъ держалъ себя совершенно невозмутимо и съ большимъ юморомъ и вкусомъ пересказалъ молодому самоубiйцѣ одинъ пале-рояльскiй фарсъ. Съ полковни-

комъ Джеральдиномъ онъ старался не встрѣчаться глазами и выбралъ себѣ другую сигару съ преувеличеннымъ стараніемъ. Изъ всей компаніи онъ былъ безусловно единственнымъ человѣкомъ, сохранившимъ полное самообладаніе и не дававшимъ воли своимъ нервамъ.

По счету заплатили. Принцъ оставилъ изумленному оффиціанту всю сдачу съ банковаго билета. Всѣ трое сѣли въ кэбъ и уѣхали. Вскорѣ кэбъ остановился у воротъ полутемнаго двора. Тутъ всѣ вышли изъ экипажа.

Джеральдинъ расплатился съ извозчикомъ, а молодой человѣкъ сказалъ принцу Флоризелю:

— М-ръ Годолъ, у васъ еще есть время вернуться опять въ рабство. Это и къ вамъ относится, майоръ Гаммерсмитъ. Подумайте еще разъ хорошенько, прежде чѣмъ сдѣлать слѣдующій шагъ. Если сердца ваши говорятъ нѣтъ, то вѣдь отсюда дорогъ много.

— Ведите насъ, сэръ,—отвѣчалъ принцъ.—Я не изъ тѣхъ людей, которые легко берутъ назадъ свои слова.

— Я въ восторгѣ отъ вашего хладнокровія,—сказалъ проводникъ.—Никогда еще я не видалъ человѣка, который бы оставался такъ спокоенъ въ подобной обстановкѣ. Многіе изъ моихъ друзей уже успѣли раньше меня уйти туда, куда я самъ скоро послѣдую за ними—это я знаю. Но это для васъ неинтересно. Подождите меня здѣсь нѣсколько минутъ. Я вернусь сейчасъ же, какъ только подготовлю ваше вступленіе къ намъ.

Съ этими словами молодой человѣкъ, махнувъ рукой своимъ товарищамъ, вошелъ въ ворота, потомъ въ подъѣздъ и скрылся.

— Изъ всѣхъ вашихъ проказъ это самая чудовищная и опасная, — тихимъ голосомъ замѣтилъ полковникъ Джеральдинъ.

— Я начинаю самъ такъ думать,—отвѣчалъ принцъ.

— У насъ осталось нѣсколько свободныхъ минутъ, — продолжалъ полковникъ. — Умоляю ваше высочество воспользоваться случаемъ и уйти. Послѣдствія этого шага до такой степени загадочны и темны, они могутъ оказаться до такой степени серьезными, что я рѣшаюсь даже зайти дальше обыкновеннаго въ той свободѣ обращенія съ вами, которую вы мнѣ дозволили въ частномъ обиходѣ.

— Долженъ ли я понять это въ томъ смыслѣ, что полков-

никъ Джеральдинъ испугался?—спросилъ его высочество, вынимая изо рта сигару и острымъ взглядомъ пронизывая лицо полковника.

— Разумѣется, я боюсь, но только не за себя лично,—гордо отвѣчалъ полковникъ.—Въ этомъ вы, ваше высочество, можете быть увѣрены вполнѣ.

— Я такъ и предполагалъ—отвѣтилъ съ невозмутимымъ благодушіемъ принцъ,—но только мнѣ не хотѣлось напоминать вамъ разницу между мною и вами... Довольно, довольно, ни слова больше!—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что полковникъ Джеральдинъ собирается оправдываться.—Охотно извиняю.

И онъ продолжалъ спокойно курить, прислонившись къ рѣшеткѣ и дожидаясь возвращенія молодого человѣка.

Когда тотъ вернулся, принцъ спросилъ:

— Ну что же, примутъ насъ или нѣтъ?

— Идите за мной,—былъ отвѣтъ. — Предсѣдатель клуба проситъ васъ къ себѣ въ кабинетъ. Предупреждаю васъ, чтобы вы отвѣчали ему вполнѣ откровенно на его вопросы. Я за васъ хоть и поручился, но клубъ наводитъ всегда тщательныя справки о каждомъ вступающемъ, потому что отъ малѣйшей нескромности кого-нибудь изъ членовъ общества онъ можетъ вдругъ оказаться закрытымъ навсегда.

Принцъ и Джеральдинъ на минуту подняли другъ на друга головы.

— Поддерживайте меня,—сказалъ одинъ.

— А вы меня,—сказалъ другой.

Въ одинъ мигъ они пришли къ соглашенію и были готовы итти за своимъ проводникомъ къ предсѣдателю клуба.

Добраться до предсѣдателя было не особенно трудно. Входная дверь была открыта совсѣмъ, а дверь въ предсѣдательскій кабинетъ стояла пріотворенной. Въ этой небольшой, но очень высокой комнатѣ молодой человѣкъ снова оставилъ ихъ однихъ.

— Предсѣдатель сейчасъ придетъ,—сказалъ онъ, уходя и кивнувъ на прощанье головой.

Черезъ двустворчатую дверь въ кабинетъ доносились изъ сосѣдней комнаты голоса. Потомъ тамъ хлопнула пробка шампанскаго. Послышался взрывъ смѣха поверхъ гула разговоровъ. Единственное большое окно кабинета выходило на рѣку и на

плотину, и по расположенію фонарей принцъ и полковникъ догадались, что домъ находится недалеко отъ Чэрингъ-Кросскаго вокзала. Мебель была очень скудная съ протертой до нельзя обивкой. Посрединѣ стоялъ круглый столъ со звонкомъ, по стѣнѣ висѣли на деревянныхъ вѣшалкахъ верхнія пальто и шляпы.

— Въ какой это вертепъ мы попали?—сказалъ Джеральдинъ.

— За этимъ-то я и пришелъ, чтобы посмотрѣть,—возразилъ принцъ.—Если окажется, что они держатъ здѣсь у себя живыхъ чертей, то для насъ будетъ тѣмъ забавнѣе.

Двустворчатая дверь растворилась и пропустила человѣка. Съ нимъ вмѣстѣ ворвался въ комнату гулъ голосовъ. Передъ посѣтителями стоялъ самъ страшный предсѣдатель клуба самоубійцъ. Ему было на видъ лѣтъ пятьдесятъ или больше. Онъ вошелъ размашистой походкой. На щекахъ у него были густыя бакенбарды, на головѣ, на самой маковкѣ, большая лысина. Сѣрые глаза были прищурены, но въ нихъ временами сверкалъ яркій блескъ. Во рту онъ держалъ сигару, передвигая ее все время губами и языкомъ то направо, то налѣво. На немъ былъ свѣтлый костюмъ, изъ-подъ котораго виднѣлся широкій полосатый воротникъ сорочки. Подъ мышкой у него была записная книга. Онъ окинулъ незнакомцевъ пронзительнымъ взглядомъ и сказалъ, закрывая за собой дверь:

— Добрый вечеръ! Мнѣ сказали, что вы желаете со мной поговорить.

— Мы желаемъ, сэръ, записаться въ клубъ самоубійцъ,—отвѣтилъ полковникъ.

Предсѣдатель повертѣлъ нѣсколько разъ сигару во рту.

— Что такое?—рѣзко переспросилъ онъ.

— Извините, сэръ, но я полагалъ, что вы именно то лицо, которое можетъ намъ дать объ этомъ клубѣ болѣе подробныя свѣдѣнія,—отвѣчалъ полковникъ.

— Я?—вскричалъ предсѣдатель.—О клубѣ самоубійцъ? Понимаю. Это очень рѣзвая шалость по случаю «дня всѣхъ безумцевъ». Я могу охотно простить ее двумъ джентльменамъ, повеселѣвшимъ отъ хорошей выпивки, но все-таки, господа, надобно на этомъ и кончить.

— Называйте вашъ клубъ, какъ хотите,—сказалъ полков-

никъ,—но только за этими дверями у васъ собралась компанія, и мы желаемъ къ ней присоединиться.

— Сэръ, вы ошиблись,—коротко возразилъ предсѣдатель.— Это совершенно частная квартира, и вамъ слѣдуетъ немедленно ее оставить.

Во время этого короткаго разговора принцъ спокойно ждалъ на своемъ стулѣ. Полковникъ обернулся къ нему и посмотрѣлъ, какъ бы говоря взглядомъ: «отвѣчайте и уходите ради самого Бога!» Тогда принцъ вынулъ изо рта сигару и сказалъ:

— Я пришелъ сюда по приглашенію одного изъ вашихъ, съ которымъ познакомился. Вѣроятно, онъ вамъ уже сообщилъ о моемъ намѣреніи поступить къ вамъ въ члены. Позвольте вамъ напомнить, что съ лицомъ въ моемъ положеніи нельзя поступать такъ грубо. Обыкновенно я человѣкъ очень смирный, но позвольте вамъ сказать, любезный сэръ, что вы или должны сдѣлать для меня то, о чемъ вамъ уже было сказано, или вамъ придется горько раскаяться въ томъ, что вы продержали меня у себя въ передней.

Предсѣдатель громко разсмѣялся.

— Вотъ это настоящій разговоръ,—сказалъ онъ.—И вы настоящій мужчина, какими всѣ должны быть. Вы нашли дорогу къ моему сердцу и можете теперь дѣлать со мной что хотите. Будьте любезны,—обратился онъ къ полковнику,—посидите нѣсколько минутъ отдѣльно. Я сперва желаю кончить дѣло съ вашимъ товарищемъ, а нѣкоторыя наши клубныя формальности требуютъ непремѣнно небольшой секретной бесѣды съ каждымъ вступающимъ новымъ лицомъ.

Съ этими словами онъ отворилъ дверь въ маленькій кабинетикъ и ввелъ туда полковника.

— Вамъ я вѣрю—сказалъ онъ Флоризелю, какъ только они остались одни,—но увѣрены ли вы въ своемъ другѣ?

— Не настолько, какъ въ самомъ себѣ, хотя у него есть еще болѣе сильныя побужденія, чѣмъ у меня, — отвѣчалъ Флоризель;—принять его въ члены можно совершенно безопасно, за это я безусловно ручаюсь. Самый упрямый человѣкъ не согласится остаться въ живыхъ при такихъ условіяхъ, какія сложились у него. Онъ уличенъ въ нечистой игрѣ въ карты.

— Да, могу и я сказать, это очень важная причина,— замѣтилъ предсѣдатель.—У насъ есть еще одинъ съ такимъ же

случаемъ, и я въ немъ увѣренъ вполнѣ. А вы сами служили въ военной службѣ, позвольте васъ спросить?

— Служилъ,—отвѣчалъ принцъ,—но уже давно ее оставилъ: я слишкомъ лѣнивъ.

— А вамъ самимъ почему собственно надоѣло жить?—продолжалъ предсѣдатель.

— Я разорился, а работать ничего не могу и не умѣю,—отвѣчалъ принцъ.—Я неисправимый лѣнтяй.

Предсѣдатель опѣшилъ.

— Но вѣдь этого же очень мало,—сказалъ онъ.

— У меня нѣтъ ни копейки денегъ,—поспѣшилъ добавить Флоризель, — совершенно ничего нѣтъ. При моей лѣни это — полнѣйшая гибель.

Предсѣдатель нѣсколько минутъ повертѣлъ во рту свою сигару, пуская дымъ прямо въ глаза кандидату въ члены клуба, но тотъ выдержалъ это испытаніе, нисколько не смущаясь.

— Еслибы у меня не было такой опытности,—сказалъ, наконецъ, предсѣдатель,—то я бы долженъ былъ вамъ отказать. Но я знаю хорошо свѣтъ. Я знаю, что пустыя причины оказываются въ такихъ случаяхъ самыми сильными. И когда мнѣ кто-нибудь такъ понравится, какъ понравились вы, сэръ, то я всегда предпочитаю сдѣлать отступленіе отъ устава, чѣмъ отказать такому человѣку.

Принцъ и полковникъ, одинъ послѣ другого, подверглись длинному и подробному допросу. Принцъ допрашивался наединѣ, а Джеральдинъ въ присутствіи принца, такъ что предсѣдатель клуба могъ слѣдить за выраженіемъ лица перваго, когда второй находился подъ усиленнымъ перекрестнымъ допросомъ. Результатъ получился удовлетворительный. Предсѣдатель записалъ въ книгу краткія свѣдѣнія объ обоихъ вступающихъ и предложилъ имъ подписать клятвенное обѣщаніе. Вступающіе давали присягу на пассивнѣйшее, безусловнѣйшее повиновеніе, и за малѣйшее нарушеніе присяги имъ грозила самая полная потеря чести и не оставлялось ни малѣйшаго утѣшенія отъ религіи. Флоризель подписалъ присягу, но не безъ содроганія, а полковникъ послѣдовалъ его примѣру, имѣя совершенно убитый видъ. Тогда предсѣдатель принялъ отъ нихъ вступительный взносъ и безъ дальнѣйшихъ церемоній ввелъ ихъ въ курительную комнату клуба самоубійцъ.

Курительная комната клуба самоубійцъ была одинаковой высоты съ кабинетомъ, изъ котораго въ нее вела дверь, но гораздо больше, и оклеена бумажными обоями подъ дубъ. Въ комнатѣ ярко топился каминъ, и горѣли многочисленные газовые рожки. Присутствующихъ членовъ принцъ и полковникъ насчитали около восемнадцати. Почти всѣ они курили и пили шампанское. Царила лихорадочная веселость, но съ внезапными мрачными паузами.

— Тутъ всѣ въ сборѣ?—спросилъ принцъ.

— Нѣтъ, половина только,—отвѣтилъ предсѣдатель.—Если у васъ есть деньги, то обычай требуетъ, чтобы вы угостили шампанскимъ. Оно, во-первыхъ, отлично поднимаетъ у всѣхъ духъ, а во-вторыхъ, даетъ мнѣ нѣкоторый побочный доходъ.

— Гаммерсмитъ, распорядитесь шампанскимъ, — сказалъ Флоризель.

Онъ повернулся и началъ обходить всѣхъ присутствующихъ. Привыкнувъ къ роли хозяина въ самомъ высшемъ кругу, онъ очаровывалъ и покорялъ каждаго, къ кому подходилъ и съ кѣмъ разговаривалъ. Въ его обращеніи было вообще что-то властное, подчиняющее, а его необыкновенная холодность въ особенности должна была импонировать такому полусумасшедшему обществу. Переходя отъ одного къ другому, Флоризель пристально глядѣлъ и внимательно слушалъ, что говорилось кругомъ, такъ что очень скоро онъ составилъ себѣ полное представленіе объ обществѣ, въ которомъ теперь находился. Какъ и во всѣхъ подобныхъ собраніяхъ, преобладалъ одинъ типъ: самая зеленая молодежь, съ наружностью вполнѣ интеллигентной, но съ очень малыми признаками силы и тѣхъ качествъ, которые даютъ человѣку успѣхъ. Почти не было никого старше тридцатилѣтняго возраста, зато было много такихъ, которые не достигли еще и девятнадцати лѣтъ. Они стояли, облокачиваясь на столъ и переминаясь на ногахъ; курили нервно, сильно затягиваясь и часто бросая сигары. Нѣкоторые разговаривали, какъ слѣдуетъ, но разговоръ большинства являлся прямымъ результатомъ нервнаго возбужденія и былъ какой-то безсмысленный и безсодержательный. Всякій разъ, когда приносили новую бутылку шампанскаго, всѣ оживлялись и становились веселѣе. Сидѣли только двое—одинъ на креслѣ въ углубленіи окна, низко опустивъ голову и глубоко засунувъ руки въ карманы, а другой на большомъ ди-

танѣ около камина, при чемъ онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ рѣзкимъ несходствомъ съ окружающими. Ему было, вѣроятно, лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, но онъ казался по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять старше. Флоризель подумалъ, что онъ никогда, кажется, не встрѣчалъ человѣка, болѣе некрасиваго отъ природы и болѣе истощеннаго болѣзнями и излишествами. Это были только кожа да кости, при чемъ часть тѣла была въ параличѣ. На глазахъ у него были очки такой необыкновенной силы, что зрачки сквозь стекла казались непомѣрно увеличенными и совершенно искаженными. Кромѣ принца и предсѣдателя клуба, онъ одинъ изъ всѣхъ остальныхъ держалъ себя совершенно спокойно и съ достоинствомъ, какъ въ обыкновенной жизни.

Члены клуба нельзя сказать, чтобы держали себя особенно прилично. Одни хвастались некрасивыми поступками, которые ихъ и довели до необходимости искать себѣ убѣжище въ смерти, а другіе слушали безъ малѣйшаго неодобренія. Относительно нравственныхъ сужденій въ клубѣ установилось безмолвное соглашеніе. Вступающій въ клубъ получалъ право на невмѣняемость, какъ въ могилѣ. Пили за будущую память другъ о другѣ, пили въ память знаменитыхъ самоубійцъ въ прошломъ. Высказывались различные взгляды на смерть: одни находили, что смерть есть не болѣе какъ мракъ и прекращеніе всего; другіе надѣялись, что среди этого мрака совершится восхожденіе къ звѣздамъ и общеніе съ могуществомъ святыхъ.

— За вѣчную память барона Тренка, образцоваго самоубійцы!—воскликнулъ кто-то.—Изъ тѣсной кельи онъ перешелъ въ еще тѣснѣйшую, а оттуда къ свободѣ.

— Я бы желалъ только ничего не видѣть и не слышать,—сказалъ другой.—Глаза завязать, а уши заткнуть ватой. Но только на свѣтѣ не найдется для этого достаточно ваты.

Третій говорилъ о тайнахъ будущей жизни, четвертый увѣрялъ, что никогда не вступилъ бы въ этотъ клубъ, если бы не начитался Дарвина.

— Я Дарвину вѣрю и никакъ не могу помириться съ фактомъ, что я произошелъ отъ обезьяны,—говорилъ этотъ замѣчательный самоубійца.

Въ общемъ принцъ былъ сильно разочарованъ манерами и разговорами членовъ клуба.

— По моему,—говорилъ онъ про себя,—тутъ совершенно не изъ-за чего такъ много волноваться. Разъ человѣкъ рѣшилъ покончить съ собой, предоставьте ему, ради Бога, сдѣлать это по-джентльменски. А эти всѣ волненія и глупые разговоры я нахожу совершенно неумѣстными.

Тѣмъ временемъ полковникъ Джеральдинъ предавался самымъ мрачнымъ опасеніямъ. Клубъ и его правила оставались для него еще тайной, и онъ безпокойно оглядывалъ всю комнату, подыскивая, кто бы могъ ему все какъ слѣдуетъ объяснить. Тутъ онъ случайно взглянулъ на разбитаго параличемъ господина въ сильныхъ очкахъ. Замѣтивъ, что этотъ господинъ держитъ себя замѣчательно спокойно, полковникъ попросилъ председателя, который хлопотливо то входилъ, то выходилъ изъ комнаты, представить его джентльмену на диванѣ. Председатель хотя и замѣтилъ полковнику, что въ здѣшнемъ клубѣ такія формальности совершенно излишни, однако, представилъ м-ра Гаммерсмита м-ру Мальтусу.

М-ръ Мальтусъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на полковника и пригласилъ его сѣсть съ собой рядомъ по правую руку.

— Вы только что поступили и желаете ознакомиться съ клубомъ?—сказалъ онъ.—Вы какъ разъ подошли къ настоящему источнику. Я здѣсь уже давно. Вотъ уже два года, какъ я въ первый разъ посѣтилъ этотъ очаровательный кружокъ.

Полковникъ перевелъ духъ. Ему стало легче дышать. Если м-ръ Мальтусъ ходитъ сюда вотъ уже два года, слѣдовательно, принцъ не подвергается особенно большой опасности въ одинъ вечеръ. Но Джеральдинъ все же былъ удивленъ и подумалъ, нѣтъ ли тутъ мистификаціи.

— Какъ два года?!—воскликнулъ онъ. — Я думалъ... но нѣтъ, вы, разумѣется, пошутили.

— Нисколько,—мягко отвѣтилъ м-ръ Мальтусъ.—Мой случай особенный. Я, собственно говоря, совсѣмъ не самоубійца. Я скорѣе почетный членъ клуба. Мое болѣзненное состояніе и любезность председателя являются причинами, почему я пользуюсь извѣстными льготами. Кромѣ того, я вношу за это повышенную плату. Иначе мое счастье было бы просто изумительно и невѣроятно.

— Боюсь, что мнѣ придется попросить у васъ дальнѣйшихъ объясненій, — сказалъ полковникъ. — Позвольте вамъ напо-

мнить, что я до сихъ поръ лишь очень поверхностно знакомъ съ правилами нашего клуба.

— Обыкновенный членъ клуба, ищущій себѣ смерти, вотъ какъ вы, ходитъ сюда каждый вечеръ, пока судьба надъ нимъ не сжалится,—объяснилъ м-ръ Мальтусъ.—Онъ можетъ, если у него нѣтъ денегъ, жить и столоваться у предсѣдателя: это не роскошно, но вполнѣ удобно и прилично. Могло бы быть хуже въ виду незначительной подписки. Въ то же время и общество предсѣдателя чего-нибудь стоитъ, вѣдь онъ очень хорошій человѣкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я отъ него въ восторгѣ.

— Нѣтъ, вы еще его не знаете,—сказалъ м-ръ Мальтусъ.— Это замѣчательно интересный товарищъ. Какіе разсказы знаетъ! Какой циникъ! Жизнь онъ изучилъ замѣчательно. Другого такого развратника, я убѣжденъ, не найдешь во всемъ христіанскомъ мірѣ.

— И онъ здѣсь тоже на правахъ почетнаго члена, подобно вамъ, не въ обиду будь сказано?—спросилъ полковникъ.

— Да, но только совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ я, — отвѣчалъ м-ръ Мальтусъ.—Меня пока щадятъ, но въ концѣ концовъ я все-таки долженъ буду исчезнуть. А онъ никогда въ карты самъ не играетъ. Онъ только тасуетъ и сдаетъ и вообще управляетъ клубомъ. Это замѣчательно ловкій, изворотливый человѣкъ. Три года уже онъ занимается этимъ дѣломъ, практикуетъ, такъ сказать, свое артистическое призваніе, и за все время ни разу не возникло ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ точно вдохновляется откуда-то свыше. Вы, безъ сомнѣнія, помните одинъ случай, надѣлавшій большого шума полгода тому назадъ, какъ одинъ господинъ нечаянно отравился въ аптекѣ? Это было подстроено замѣчательно умно и тонко и притомъ съ совершенной безопасностью.

— Вы меня удивляете,—сказалъ полковникъ.—И что же, этотъ господинъ былъ...—полковникъ чуть-чуть не сказалъ: одною изъ жертвъ клуба, но опомнился и произнесъ: — однимъ изъ членовъ клуба?

Тутъ онъ сообразилъ, что и самъ м-ръ Мальтусъ говоритъ о смерти далеко не въ любовномъ тонѣ, и торопливо прибавилъ:

— Но я все-таки еще блуждаю здѣсь впотьмахъ. Вы говорите о какомъ-то тасованіи картъ, о сдачѣ. Для чего это дѣ-

лается? Я замѣтилъ, что вы скорѣе не желаете умирать, чѣмъ наоборотъ, и потому меня интересуетъ узнать, что собственно привело васъ сюда?

— Вы совершенно вѣрно сказали, что вы впотьмахъ,—отвѣчалъ, оживляясь, м-ръ Мальтусъ.—Этотъ клубъ—храмъ отравы. Если бы не мое слабое здоровье, я бы здѣсь бывалъ гораздо чаще. Это мое теперь единственное, мое, можно сказать, послѣднее развлеченіе, но часто пользоваться имъ для меня было бы вредно. Знаете, сэръ, я все испыталъ въ жизни, все безъ исключенія, и могу сказать, что почти все на свѣтѣ оцѣнивается невѣрно. Многіе играютъ въ любовь. Я положительно не признаю любовь за сильную страсть. Сильная страсть — это страхъ. Вотъ гдѣ сильная страсть. Если вы хотите сильныхъ ощущеній, играйте въ страхъ. Чтобы испытать напряженную радость жизни, нужно испытать напряженный страхъ за нее. Позавидуйте мнѣ! Позавидуйте мнѣ, сэръ!—прибавилъ онъ съ хохотомъ.—Я—трусъ!

Джеральдинъ насилу удержался, чтобы не выразить своего отвращенія къ этому жалкому человѣку, но сдѣлалъ надъ собой усиліе и продолжалъ наводить справки.

— Но какъ же, сэръ, можно продлить такое ощущеніе искусственно?—спросилъ онъ.—Чѣмъ это достигается? Какимъ способомъ можно держать человѣка въ подобной неизвѣстности?

— Сейчасъ я вамъ объясню, какъ выбирается у насъ жертва на каждый вечеръ,—отвѣчалъ м-ръ Мальтусъ.—И не только самая жертва, но и еще одинъ членъ клуба, который является тутъ какъ бы его уполномоченнымъ и какъ бы жрецомъ смерти для даннаго случая.

— Боже мой!—сказалъ полковникъ.—Неужели они другъ друга убиваютъ?

М-ръ Мальтусъ утвердительно кивнулъ головой.

— Этимъ путемъ устраняется тягость самоубійства,—объяснилъ онъ.

— Какъ! Боже милостивый!—воскликнулъ полковникъ.—Да неужели же такія вещи возможны среди людей, рожденныхъ женщинами? Неужели я... или вы... или мой другъ, скажемъ—неужели кто-нибудь изъ насъ можетъ сдѣлаться убійцей? О, какая гнусность!

Онъ хотѣлъ вскочить въ ужасѣ, но встрѣтился съ глазами

принца. Тотъ смотрѣлъ на него пристально и сердито. Въ одну минуту Джеральдинъ успокоился.

— Впрочемъ, въ концѣ концовъ, почему же нѣтъ?—прибавилъ онъ.—И разъ вы говорите, что игра очень интересная—vogue la galère! Буду дѣлать то же, что и всѣ!

М-ръ Мальтусъ испыталъ острое и жгучее наслажденіе отъ удивленія и отвращенія полковника. Онъ хвалился своей злостью и испорченностью. Ему нравилось видѣть, какъ другой даетъ волю великодушному чувству, тогда какъ онъ самъ, по своей совершенной испорченности, сознаетъ себя выше подобныхъ ощущеній.

— Вотъ видите,—сказалъ онъ,—какъ только у васъ прошла первая минута изумленія, вы сейчасъ же успѣли оцѣнить всю прелесть нашего кружка. Вы можете видѣть, какъ здѣсь скомбинировано возбужденіе игорнаго стола, дуэли и римскаго цирка. Язычники умѣли хорошо устраивать подобныя вещи. Я въ восторгѣ отъ утонченности ихъ выдумокъ. Но все же они оставили на долю одной христіанской страны достигнуть такихъ крайнихъ предѣловъ, такой квинтъ-эссенціи, такого абсолюта въ остротѣ ощущеній. Вы поймете, какими прѣсными, какими безвкусными должны казаться всѣ прочія наслажденія человѣку, попробовавшему этого самаго. Игра у насъ,—продолжалъ онъ,—разыгрывается очень просто. Берется цѣлая колода картъ—да, впрочемъ, будетъ гораздо лучше, если вы сами посмотрите, своими глазами, какъ это дѣлается. Не дадите ли вы мнѣ вашу руку—опереться? Я, къ несчастью, разбитъ параличемъ.

Дѣйствительно, какъ только м-ръ Мальтусъ началъ описывать игру, растворилась другая пара створчатыхъ дверей, и всѣ члены клуба стали довольно поспѣшно проходить въ сосѣднюю комнату. Комната была похожа на предыдущую, но обставлена нѣсколько по-другому. Посрединѣ стоялъ длинный зеленый столъ, за которымъ сидѣлъ предсѣдатель и съ особенной тщательностью тасовалъ колоду картъ. Опираясь одной рукой на палку, а другой на руку полковника, м-ръ Мальтусъ добрался до стола съ такимъ трудомъ, что всѣ прочіе члены уже успѣли занять мѣста прежде, чѣмъ присоединились къ компаніи онъ, полковникъ и дожидавшійся ихъ принцъ. Вслѣдствіе этого имъ троимъ достались мѣста на нижнемъ концѣ стола.

— Колода въ пятьдесятъ двѣ карты, — монотонно объяснялъ м-ръ Мальтусъ.—Слѣдите за тузомъ пикъ: это—карта смерти, и за тузомъ трефъ—кому онъ достанется, тотъ долженъ помогать дѣлу—понимаете? Счастливецъ вы, молодой человѣкъ!—прибавилъ онъ.—У васъ хорошее зрѣніе, вы можете слѣдить за игрой. А я, увы! не могу различить на столѣ туза отъ двойки.

И онъ принялся напяливать себѣ на носъ вторыя очки.

— По крайней мѣрѣ, я хоть лица-то буду видѣть,—пояснилъ онъ.

Полковникъ наскоро передалъ принцу все, что онъ узналъ отъ почетнаго члена. Принцъ почувствовалъ смертельный холодъ въ сердцѣ, и оно у него сжалось, какъ въ тискахъ. Онъ съ трудомъ дышалъ и смущенно оглядывался по сторонамъ.

— Одинъ смѣлый шагъ, и мы можемъ улизнуть,—шепнулъ полковникъ.

Это напоминаніе ободрило принца.

— Молчите!—сказалъ онъ.—Покажемъ, что мы способны по-джентльменски поставить ставку, какъ бы серьезна она ни была.

Къ нему вернулось наружное спокойствіе, хотя сердце сильно билось, и въ груди онъ чувствовалъ непріятное жженіе. Онъ оглянулся кругомъ. Члены клуба сидѣли спокойно и внимательно. Всѣ были блѣдны, но всѣхъ блѣднѣе мистеръ Мальтусъ. Онъ вытаращилъ глаза; голова у него тряслась, руки машинально, то одна, то другая, тянулись къ трясущимся, поблѣднѣвшимъ губамъ. Было очевидно, что почетному члену клуба мучительно достается его членство.

— Вниманіе, господа!—сказалъ предсѣдатель.

Онъ началъ медленно сдавать карты кругомъ стола въ обратномъ направленіи, дѣлая перерывъ всякій разъ, пока получавшій карту не открывалъ ее. Почти каждый открывалъ карту не сейчасъ, а послѣ нѣкотораго колебанія, часто пальцы не слушались игрока и долго скользили по изнанкѣ карты, прежде чѣмъ она повертывалась лицевой стороной. По мѣрѣ того, какъ очередь приближалась къ принцу, онъ чувствовалъ, что волненіе въ немъ все усиливается и готово его задушить, но у него была, очевидна, жилка игрока, потому что онъ въ то же время съ удовольствіемъ ощущалъ приливъ какого-то стран-

Игроки затаили дыханіе.

наго наслажденія. Ему досталась девятка трефъ; Джеральдину выпала тройка пикъ; даму червей открылъ у себя м-ръ Мальтусъ и даже не могъ удержаться отъ вздоха облегченія. Молодой человѣкъ съ кремовымъ пирожнымъ почти сейчасъ же вслѣдъ за нимъ открылъ туза трефъ и замеръ отъ ужаса, не выпуская карты изъ руки. Онъ пришелъ сюда не для того, чтобы убивать, а чтобы самому быть убитымъ. Принцу сдѣлалось до такой степени его жаль, что онъ почти забылъ о томъ, что онъ и самъ вмѣстѣ со своимъ другомъ только что подвергался точь-въ-точь такой же опасности.

Кончился полный кругъ, а роковая карта не вышла. Игроки затаили дыханіе. Дышали отдѣльными рѣдкими вздохами. Предсѣдатель продолжалъ сдавать. Принцъ получилъ другую трефовку; Джеральдинъ бубновку; но когда м-ръ Мальтусъ вскрылъ свою карту, онъ страшно вскрикнулъ и, забывъ о своемъ параличѣ, привсталъ и сѣлъ опять. У него оказался тузъ пикъ. Почетный членъ все игралъ, игралъ этими ужасами—и вотъ доигрался.

Разговоръ почти разомъ оборвался. Игроки перестали сидѣть въ прямыхъ позахъ и начали вставать изъ-за стола, группами по-двое и по-трое переходя въ курильню. Предсѣдатель потянулся и зѣвнулъ, какъ человѣкъ, кончившій свои дневныя занятія. Но м-ръ Мальтусъ продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, положивши руки на столъ, а на руки голову—пьяный, неподвижный, какъ брошенная вещь.

Принцъ и Джеральдинъ вышли изъ клуба вмѣстѣ. На холодномъ ночномъ воздухѣ имъ вдвое яснѣе представился весь ужасъ того, что они только что видѣли.

— Это ужасно!—воскликнулъ принцъ.—Связать себя присягой въ такомъ дѣлѣ! Допустить, чтобы эта ужасная торговля продолжалась безнаказанно и съ выгодой! Но что же мнѣ дѣлать? Я не могу измѣнить данному слову.

— Вы, ваше высочество, не можете,—возразилъ полковникъ,—потому что ваша честь есть въ то же время и честь всей Богеміи. Но я своему слову измѣнить могу, потому что моя честь принадлежитъ только мнѣ лично.

— Джеральдинъ,—сказалъ принцъ,—если ваша честь потерпитъ ущербъ отъ какого-нибудь изъ приключеній, въ ко-

торыя я васъ завлеку, то я никогда не прощу этого ни вамъ, ни себѣ, а послѣднее, я знаю, огорчитъ васъ еще больше.

— Жду приказаній вашего высочества,—сказалъ полковникъ.—Не пора ли намъ уходить изъ этого проклятаго мѣста?

— Да, да,—сказалъ принцъ.—Позовите, ради Бога, кэбъ. Отвезите меня домой спать; быть можетъ, мнѣ удастся заснуть и во снѣ позабыть эту непріятную ночь.

Тѣмъ не менѣе онъ старательно прочиталъ надпись на воротахъ дома, прежде чѣмъ уѣхать.

На другое утро, какъ только принцъ проснулся, полковникъ Джеральдинъ подалъ ему газету съ отмѣченной статьей слѣдующаго содержанія:

«Грустное происшествіе.—Сегодня въ два часа ночи м-ръ Бартоломью Мальтусъ, проживавшій въ домѣ № 16 на Чепстоуской площади, въ Вестбурнъ-Гровѣ, возвращаясь изъ гостей, упалъ черезъ перила Трафальгарскаго сквера, причемъ проломилъ себѣ черепъ и сломалъ одну руку и одну ногу. Смерть была моментальная. М-ръ Мальтусъ шелъ съ однимъ знакомымъ и въ моментъ несчастья нанималъ себѣ кэбъ. М-ръ Мальтусъ страдалъ параличемъ, такъ что въ его паденіи нѣтъ ничего удивительнаго. Несчастный джентльменъ былъ хорошо извѣстенъ въ самомъ лучшемъ обществѣ. Его смерть очень многихъ глубоко огорчитъ».

— Если чьей душѣ слѣдовало бы сейчасъ же послѣ смерти попасть прямо въ адъ, то именно душѣ этого паралитика,—замѣтилъ Джеральдинъ.—Я увѣренъ, что онъ какъ разъ туда и угодилъ.

Принцъ закрылъ лицо обѣими руками и молчалъ.

— Я почти даже радъ, что онъ умеръ,—продолжалъ полковникъ,—туда ему и дорога.—Но за молодого человѣка съ кремовыми пирожками у меня, по правдѣ сказать, сердце обливается кровью.

— Джеральдинъ,—сказалъ принцъ, открывая лицо,—этотъ несчастный юноша еще вчера былъ невиненъ, какъ и мы съ вами, а сегодня утромъ на его душѣ уже лежитъ кровавый грѣхъ. Когда же я вспоминаю объ этомъ предсѣдателѣ, у меня, я не знаю, что дѣлается въ груди. Я положительно недоумѣваю, какъ мнѣ поступить; но сдѣлать что-нибудь я долженъ, и этотъ

негодяй отъ моихъ рукъ не уйдетъ—вотъ какъ Богъ святъ! Какое для насъ испытаніе, какой намъ урокъ эта вчерашняя игра въ карты!

— И пусть онъ больше никогда не повторяется,—сказалъ полковникъ.—Довольно одного раза.

Принцъ такъ долго не отзывался, что Джеральдинъ даже встревожился.

— Вамъ больше и думать нечего туда ходить,—продолжалъ онъ.—Вы уже и такъ слишкомъ много выстрадали, слишкомъ много видѣли ужасовъ. Повторять подобный рискъ совершенно несовмѣстимо съ тѣми обязанностями, которыя налагаетъ на васъ вашъ санъ.

— Это вы правильно говорите, и я самъ не особенно доволенъ своимъ рѣшеніемъ,—отвѣчалъ принцъ Флоризель.—Увы! Какимъ вы саномъ человѣка ни облеките, онъ все-таки останется человѣкомъ. Никогда у меня не было такого остраго ощущенія своей слабости, какъ теперь. Но что же мнѣ дѣлать? Это сильнѣе меня. Развѣ я могу не принять участія въ судьбѣ того молодого человѣка, который ужиналъ съ нами всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ? Развѣ я могу предоставить предсѣдателю клуба спокойно продолжать свое безчестное дѣло? Развѣ я могу начать такое увлекательное приключеніе и не довести его до конца? Нѣтъ, Джеральдинъ, вы требуете отъ принца больше того, что онъ можетъ сдѣлать. Сегодня, ночью, мы еще разъ займемъ свои мѣста за столомъ въ клубѣ самоубійцъ.

Полковникъ Джеральдинъ упалъ на колѣни.

— Ваше высочество, угодно вамъ взять мою жизнь?—воскликнулъ онъ.—Берите ее: она ваша—беззавѣтно. Но только не дѣлайте этого! Ради Бога, не дѣлайте! Умоляю васъ, воздержитесь отъ такого ужаснаго риска!

— Полковникъ Джеральдинъ,—возразилъ принцъ съ нѣкоторой надменностью,—ваша жизнь мнѣ ни на что не нужна. Мнѣ нужно только ваше повиновеніе. Если же вы повинуетесь съ такой замѣтной неохотой, то я больше не буду къ вамъ обращаться. Вотъ и все. Прибавлю только одно слово: въ этомъ дѣлѣ вы были уже въ достаточной степени несносны.

Шталмейстеръ сейчасъ же всталъ съ колѣнъ.

— Ваше высочество, не соблаговолите ли вы уволить меня

въ отпускъ на сегодняшній день до вечера? Какъ честный человѣкъ, я не рѣшусь отправиться вторично въ этотъ опасный домъ, не приведя сначала въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ. И обѣщаю вашему высочеству, что вашъ вѣрнѣйшій и преданнѣйшій слуга не будетъ вамъ больше никогда противорѣчить.

— Мнѣ всегда очень непріятно, любезный Джеральдинъ, напоминать вамъ о моемъ санѣ,—отвѣчалъ принцъ. Располагайте сегодняшнимъ днемъ, какъ хотите, но къ одиннадцати часамъ вечера будьте здѣсь въ томъ же переодѣваніи, какъ вчера.

Въ этотъ вечеръ въ клубѣ оказалось далеко не такъ много народа. Въ курильнѣ сидѣло не больше полдюжины человѣкъ, когда туда вошли полковникъ и принцъ. Его высочество отвелъ предсѣдателя въ сторону и горячо поздравилъ его съ кончиной м-ра Мальтуса.

— Я люблю все талантливое,—сказалъ онъ,—а въ васъ я нахожу большой талантъ. Ваше дѣло въ высшей степени щекотливое, но вы, я вижу, справляетесь съ нимъ и успѣшно, и въ глубокой тайнѣ.

Сказано это было его высочествомъ съ величавой снисходительностью, которая произвела на предсѣдателя большое впечатлѣніе. Онъ былъ очень польщенъ и поблагодарилъ за комплиментъ почти подобострастно.

— Бѣдный Мальтусъ!—прибавилъ онъ.—Я съ трудомъ могу себѣ представить нашъ клубъ безъ него. Большинство членовъ—мальчики, сэръ, и притомъ поэтичные мальчики, такъ что они не по мнѣ. Мальтусъ былъ тоже поэтичный человѣкъ, но его жанръ былъ для меня понятенъ.

— Я легко могу себѣ представить, что между вами и м-ромъ Мальтусомъ была большая симпатія, — отвѣчалъ принцъ.— Онъ меня просто поразилъ своими оригинальными наклонностями.

Молодой человѣкъ съ кремовыми пирожками былъ тутъ же въ комнатѣ, но весь какой-то словно пришибленный и молчаливый. Товарищи тщетно пытались вовлечь его въ бесѣду.

— Какъ я горько раскаиваюсь, что вошелъ въ этотъ проклятый домъ!—воскликнулъ онъ.—Отойдите отъ меня, у васъ руки чистыя! Если бы вы только могли слышать, какъ кричалъ старикъ, когда падалъ, и какъ хрястнули его кости о мостовую!

Пожелайте мнѣ, если только у васъ можетъ найтись чувство жалости къ такому падшему созданію, какъ я,—пожелайте мнѣ туза пикъ нынѣшнею же ночью!

Когда насталъ поздній вечеръ, явилось еще нѣсколько человѣкъ, но все-таки больше чортовой дюжины членовъ въ этотъ разъ въ клубѣ не набралось къ тому времени, какъ стали садиться за игорный столъ. Принцъ опять почувствовалъ извѣстное наслажденіе въ переживаемой тревогѣ, но очень удивился, когда обратилъ вниманіе, что Джеральдинъ держитъ себя съ гораздо большимъ самообладаніемъ, чѣмъ въ предыдущую ночь.

— Вниманіе, господа!—сказалъ предсѣдатель и началъ сдавать карты.

Три раза обошли карты вокругъ стола, и ни одна изъ страшныхъ картъ не выпала изъ колоды. Когда онъ началъ сдавать въ четвертый разъ, общее возбужденіе дошло до крайности. Картъ оставалось ровно столько, чтобы разошлась послѣ полнаго круга вся колода безъ остатка. Принцъ сидѣлъ вторымъ слѣва отъ сдающаго и слѣдовательно, по практиковавшемуся въ клубѣ обратному способу сдачи, долженъ былъ получить предпослѣднюю карту. Третій игрокъ вскрылъ чернаго туза—трефоваго. Слѣдующій получилъ бубновку, слѣдующій за нимъ червонку и такъ далѣе. Но пиковый тузъ все не выходилъ. Наконецъ, вскрылъ свою карту Джеральдинъ, сидѣвшій слѣва отъ принца. Оказался тузъ, но червонный.

Когда принцъ Флоризель увидѣлъ свою судьбу прямо передъ собой на столѣ, у него остановилось биться сердце. Онъ былъ храбрый человѣкъ, но все-таки его лицо покрылось потомъ. Оказывалось ровно пятьдесятъ шансовъ изъ ста за то, что онъ будетъ осужденъ на смерть. Онъ перевернулъ карту. Открылся тузъ пикъ.

Въ головѣ у принца сильно зашумѣло, столъ поплылъ у него передъ глазами. Онъ услышалъ, что его сосѣдъ справа судорожно захохоталъ, не то отъ радости, не то отъ разочарованія. Онъ видѣлъ, что компанія стала быстро расходиться, но въ его мозгу роились другія мысли. Онъ сознавалъ теперь, какъ глупо и какъ преступно было его поведеніе. Человѣкъ въ полномъ здоровьи, въ цвѣтѣ лѣтъ и силы, наслѣдникъ престола — и вдругъ проигралъ въ карты будущность и свою, и цѣлой страны, честной, доброй, лояльной!

— Господи, прости Ты меня!—вскричалъ онъ.

Тутъ съ него соскочило затменіе чувствъ, и онъ разомъ вернулъ себѣ самообладаніе.

Къ его удивленію, Джеральдинъ куда-то исчезъ. Въ карточной комнатѣ принцъ былъ не одинъ. Будущій его убійца былъ тутъ же и шептался о чемъ-то съ предсѣдателемъ. Кромѣ нихъ, былъ еще молодой человѣкъ съ кремовымъ пирожнымъ. Онъ подобрался тихонько къ принцу и шепнулъ ему на-ухо.

— Будь у меня сейчасъ милліонъ, я бы съ радостью отдалъ его за вашъ выигрышъ.

Его высочество не успѣлъ отвѣтить, потому что молодой человѣкъ сейчасъ же отошелъ отъ него, но онъ собирался сказать въ отвѣтъ, что онъ съ своей стороны охотно уступилъ бы свой выигрышъ за несравненно болѣе умѣренную сумму.

Разговоръ шопотомъ окончился. Держатель трефоваго туза ушелъ, переглянувшись съ предсѣдателемъ, а предсѣдатель подошелъ къ несчастному принцу и подалъ ему руку.

— Я очень радъ, что встрѣтился съ вами, сэръ,—сказалъ онъ,—и еще больше радъ, что мнѣ удалось оказать вамъ эту небольшую услугу. Во всякомъ случаѣ, вамъ не приходится жаловаться на медленность. Во второй же вечеръ—это такая рѣдкая удача!

Принцъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но у него пересохло во рту, и языкъ не слушался.

— Вамъ, кажется, не совсѣмъ хорошо?—спросилъ, съ видомъ безпокойства, предсѣдатель.—Это бываетъ почти со всѣми. Не выпьете ли вы водки?

Принцъ сдѣлалъ утвердительный знакъ, и предсѣдатель сейчасъ же налилъ въ бокалъ водки.

— Мальти, бѣдненькій старичокъ!—вскричалъ предсѣдатель.—Онъ выпилъ вчера больше пинты, но это ему не особенно, кажется, помогло.

— На меня это лѣкарство сильно дѣйствуетъ,—сказалъ принцъ.—Какъ видите, я сталъ опять самимъ собою. Скажите же, какія будутъ отъ васъ указанія?

— Вы пойдете вдоль Стрэнда по направленію къ Сити, придерживаясь лѣваго тротуара, пока не встрѣтите того джентльмена, который только что отсюда ушелъ. Онъ вамъ сообщитъ дальнѣйшія инструкціи. Будьте любезны ему повино-

ваться, такъ какъ онъ является уполномоченнымъ и полновластнымъ представителемъ клуба на сегодняшнюю ночь. Засимъ,—сказалъ предсѣдатель,—позвольте пожелать вамъ пріятной прогулки.

Принцъ нашелъ, что это пожеланіе не особенно умѣстно, и разстался съ предсѣдателемъ. Онъ прошелъ черезъ курильню, гдѣ были въ сборѣ почти всѣ игроки. Они пили шампанское, часть котораго онъ же заказалъ и уже оплатилъ. Къ своему удивленію, онъ почувствовалъ, что всѣ они ему вдругъ сдѣлались страшно противны, и что онъ готовъ ихъ проклясть въ душѣ. Въ кабинетѣ онъ надѣлъ шляпу и верхнее пальто и разыскалъ въ углу свой зонтикъ. Эти простыя, обыденныя дѣйствія и мысль о томъ, что онъ ихъ совершаетъ въ послѣдній разъ, заставили его вдругъ громко разсмѣяться, и этотъ собственный смѣхъ прозвучалъ какъ-то непріятно въ его ушахъ. Ему не хотѣлось уходить изъ кабинета, и онъ вмѣсто двери направился къ окну. Отраженіе лампъ и темнота въ окнѣ заставили его опомниться.

— Ну, иди же, иди! Будь мужчиной!—сказалъ онъ себѣ мысленно.—Разомъ оторвись и все тутъ.

На углу Боксъ-Корта на принца Флоризеля внезапно напали какіе-то три человѣка, схватили его и безъ церемоніи втолкнули въ карету, которая быстро понеслась прочь.

Въ каретѣ уже кто-то сидѣлъ.

— Ваше высочество, простите меня за мое усердіе!—проговорилъ знакомый голосъ.

Принцъ со страстнымъ чувствомъ облегченія крѣпко обнялъ полковника Джеральдина.

— Чѣмъ и какъ я васъ за это отблагодарю, я не знаю!—воскликнулъ онъ.—И какъ вамъ удалось все устроить?

Хотя онъ и согласился, было, идти навстрѣчу роковой судьбѣ, но теперь съ удовольствіемъ подчинился дружескому насилію и радъ былъ вернуться къ жизни и надеждѣ.

— Вы меня вполнѣ достаточно отблагодарите, если впредь не станете подвергать себя такимъ опасностямъ,—отвѣчалъ полковникъ.—А на второй вашъ вопросъ я скажу, что все устроилось очень легко и очень просто. Вчера днемъ я условился съ однимъ извѣстнымъ сыщикомъ. Потребовалъ полнаго секрета и заплатилъ деньги впередъ. Въ дѣлѣ участвовали, главнымъ

образомъ, собственные люди вашего высочества. Съ наступленіемъ темноты домъ въ Боксъ-Кортѣ былъ плотно окруженъ, а недалеко была поставлена вотъ эта карета—также одна изъ вашихъ, ваше высочество—и дожидалась васъ здѣсь около часа.

— А тотъ несчастный, которому выпало на долю меня убить—съ нимъ какъ?—спросилъ принцъ.

— Его схватили, какъ только онъ вышелъ изъ клуба,—отвѣчалъ полковникъ,—и теперь онъ дожидается во дворцѣ вашего приговора. Во дворецъ же будутъ доставлены и всѣ его соучастники.

— Джеральдинъ,—сказалъ принцъ,—вы меня спасли вопреки моимъ распоряженіямъ и хорошо сдѣлали. Я вамъ обязанъ не только жизнью, но и хорошимъ урокомъ. Поэтому я окажусь просто недостойнымъ своего сана, если не отблагодарю, какъ слѣдуетъ, своего учителя. Выбирайте и назначайте сами себѣ награду.

Послѣдовала пауза. Карета продолжала мчаться по улицамъ, а принцъ и полковникъ предавались каждый своимъ думамъ. Молчаніе нарушилъ полковникъ.

— Ваше высочество,—сказалъ онъ,—у васъ въ настоящее время цѣлый корпусъ плѣнныхъ. Среди нихъ есть одинъ, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ остаться безнаказаннымъ. Мы связаны присягой и прибѣгнуть къ закону не можемъ, да и помимо присяги огласка была бы неудобна. Могу я спросить васъ, ваше высочество, какъ вы намѣрены поступить?

— Это у меня рѣшено,—отвѣчалъ Флоризель.—Предсѣдатель клуба долженъ погибнуть на дуэли. Остается только выбрать ему противника.

— Ваше высочество обѣщали мнѣ награду,—сказалъ полковникъ.—Могу я васъ попросить назначить на эту должность моего брата? Это очень почетное порученіе, но я смѣю увѣрить ваше высочество, что мой братъ исполнитъ его съ успѣхомъ.

— Вы просите у меня очень немилостивой милости,—сказалъ принцъ,—но я ни въ чемъ не могу вамъ отказать.

Полковникъ съ любовью поцѣловалъ его руку, и какъ разъ въ этотъ моментъ карета вкатилась подъ арку роскошной резиденціи принца.

Черезъ часъ послѣ того Флоризель въ полной парадной

формѣ при всѣхъ богемскихъ орденахъ принималъ у себя членовъ клуба самоубійцъ.

— Безумные и злые люди!—сказалъ онъ имъ.—Такъ какъ многіе изъ васъ попали въ это затруднительное положеніе изъза недостатка средствъ, то они получатъ отъ моихъ чиновниковъ должности и денежное пособіе. Тѣ, у кого на душѣ есть сознаніе грѣха, пусть обратятся къ болѣе высокому и болѣе милостивому Властителю, чѣмъ я. Я васъ всѣхъ жалѣю и гораздо глубже, чѣмъ вы можете себѣ это представить. Завтра вы мнѣ разскажете каждый свою исторію, и чѣмъ вы будете правдивѣе, тѣмъ больше я буду въ состояніи для васъ сдѣлать. Что касается васъ самихъ,—прибавилъ принцъ, обращаясь къ предсѣдателю,—то я вамъ не рѣшусь предложить матеріальнаго пособія: это значило бы обидѣть такую богато одаренную талантами личность, какъ ваша. Вмѣсто того я предлагаю вамъ нѣчто вродѣ дивертисмента. Вотъ этотъ мой офицеръ,—продолжалъ принцъ, кладя свою руку на плечо младшаго брата полковника Джеральдина,—желаетъ сдѣлать небольшую поѣздку на континентъ, и я прошу васъ поѣхать съ нимъ вмѣстѣ.—Дальше принцъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ строго и властно.—Хорошо ли вы стрѣляете изъ пистолета? Вамъ это можетъ понадобиться въ дорогѣ. Когда двое ѣдутъ вмѣстѣ путешествовать, лучше приготовиться ко всему. Позвольте мнѣ къ этому прибавить, что если вы по какому-нибудь случаю потеряете въ дорогѣ молодого м-ра Джеральдина, то у меня среди моихъ придворныхъ найдется кѣмъ его замѣнить около васъ. Я знаю среди нихъ очень многихъ, у кого зоркій глазъ и вѣрная рука.

Этими словами, сказанными съ большой суровостью, принцъ закончилъ свое обращеніе. На слѣдующее же утро члены клуба получили для себя все необходимое отъ щедротъ Флоризеля, а предсѣдатель уѣхалъ въ путешествіе подъ надзоромъ м-ра Джеральдина младшаго и двухъ вѣрныхъ и ловкихъ лакеевъ, прекрасно выдрессированныхъ при дворѣ принца. Кромѣ того въ домѣ на Боксъ-Кертѣ были поселены ловкіе и умѣлые агенты, и всѣ приходившія въ клубъ самоубійцъ письма просматривались, а всѣ посѣтители допрашивались принцемъ Флоризелемъ самолично.

Здѣсь (такъ говоритъ мой арабскій авторъ) оканчивается разсказъ о молодомъ человѣкѣ съ пирожнымъ. Онъ сдѣлался владѣльцемъ комфортабельнаго дома на Вигморъ-Стритѣ, близъ Кэвендишскаго сквера. Номеръ дома мы, по весьма понятнымъ причинамъ, не называемъ. Желающіе прослѣдить дальнѣйшія приключенія принца Флоризеля и предсѣдателя клуба самоубійцъ пусть читаютъ разсказъ про доктора и про дорожный сундукъ.

Разсказъ про доктора и про дорожный сундукъ.

М-ръ Сайлесъ Кв. Скеддаморъ былъ молодой американецъ простого и скромнаго нрава, что въ особенности говорило въ его пользу, такъ какъ онъ былъ изъ Новой Англіи, а этотъ уголокъ Новаго Свѣта, какъ извѣстно, не слишкомъ отличается вышеупомянутыми качествами. Хотя онъ былъ чрезвычайно богатъ, онъ всѣ свои расходы аккуратно записывалъ въ маленькую записную книжечку, а для знакомства съ парижскими развлеченіями онъ поселился въ седьмомъ этажѣ одного изъ такъ называемыхъ «меблированныхъ домовъ» въ Латинскомъ кварталѣ. Здѣсь все соотвѣтствовало его экономнымъ привычкамъ, а его добродѣтельный образъ жизни, дѣйствительно рѣдкій и замѣчательный, происходилъ главнымъ образомъ отъ недовѣрчивости и молодости.

Сосѣдній съ нимъ номеръ занимала очень красивая и элегантно одѣвавшаяся дама, которую онъ въ первое время по пріѣздѣ принималъ за графиню. Впослѣдствіи онъ узналъ, что ее зовутъ просто мадамъ Зефиринъ, и что по своему положенію ей до графини далеко. M-me Зефиринъ, вѣроятно, съ цѣлью понравиться молодому американцу, старалась какъ можно чаще встрѣчаться съ нимъ на лѣстницѣ и вѣжливо ему кланялась, а иногда даже обмѣнивалась подходящимъ словечкомъ, бросала на него сногсшибательный взглядъ своихъ черныхъ глазъ и исчезала съ шелестомъ шелка, не преминувъ при этомъ показать свою восхитительную ножку и даже чуть-чуть повыше. Но всѣ эти авансы не ободряли м-ра Скеддамора, а дѣлали его еще болѣе робкимъ и застѣнчивымъ. Она иногда заходила къ нему подъ разными вздорными предлогами и пускалась въ болтовню, но онъ совершенно терялся въ присутствіи этого высшаго су-

щества, забывалъ весь свой запасъ французкихъ фразъ и только заикался и таращилъ глаза. Поверхностность и безсодержательность ихъ сношеній не спасала его, однако, отъ шутокъ и намековъ со стороны немногихъ мужчинъ, съ которыми онъ водилъ знакомство.

Въ номерѣ по другую сторону отъ американца жилъ старый англичанинъ-врачъ съ довольно сомнительной репутаціей. Фамилія его была Ноэль, д-ръ Ноэль. Лондонъ онъ оставилъ не добровольно. У него тамъ была большая и выгодная практика, постоянно увеличивавшаяся. Но ходили слухи, что въ эту практику вмѣшалась полиція и заставила доктора Ноэля перемѣнить арену дѣятельности. Во всякомъ случаѣ прежде онъ былъ довольно важной фигурой, а теперь жилъ скромно и уединенно въ Латинскомъ кварталѣ, большую часть времени посвящая научнымъ занятіямъ. М-ръ Скеддаморъ познакомился съ нимъ, и они часто вмѣстѣ скромно обѣдали въ сосѣднемъ ресторанчикѣ.

М-ръ Сайлесъ Кв. Скеддаморъ отличался нѣкоторыми мелкими недостатками, отъ которыхъ не только не удерживался, но, напротивъ, самъ потворствовалъ имъ и притомъ довольно сомнительными путями. Главной его слабостью было любопытство. Онъ былъ прирожденный сплетникъ и подглядыватель. Жизнью и въ особенности тѣми ея сторонами, которыя были ему еще не извѣстны, онъ интересовался просто до страсти. Это былъ настойчивый и упорный разспрашиватель, доводившій свои разспросы до крайнихъ предѣловъ нескромности. Все онъ изслѣдовалъ и обшаривалъ, во все рѣшительно совалъ свой носъ. Получивъ письмо съ почты, онъ прикидывалъ на рукѣ, сколько оно вѣситъ, переворачивалъ его во всѣ стороны, тщательно прочитывалъ адресъ, пересматривалъ всѣ штемпеля. Когда ему удалось случайно найти щелку въ перегородкѣ между своей комнатой и номеромъ m-me Зефиринъ, то онъ не заткнулъ ее, а, напротивъ, расширилъ и устроилъ себѣ нѣчто вродѣ наблюдательнаго «глазка» за дѣйствіями сосѣдки.

Однажды, въ концѣ марта, его любопытство дошло до того, что онъ не могъ больше терпѣть и расширилъ щелку настолько, что ему сдѣлался виденъ и другой уголъ комнаты. Вечеромъ, подойдя къ щели, чтобы, по обыкновенію, приняться за свои наблюденія надъ m-me Зефиринъ, онъ съ удивленіемъ замѣ-

тилъ, что отверстіе какъ-то странно закрыто съ той стороны, и услыхалъ чье-то хихиканье. Отвалившаяся штукатурка, очевидно, обнаружила тайну его «глазка», и сосѣдка отплатила ему его же монетой. М-ръ Скеддаморъ остался очень недоволенъ. Онъ безпощадно осудилъ m-me Зефиринъ и даже разбранилъ себя самого. Но когда на слѣдующій день онъ убѣдился, что она и не думаетъ мѣшать его любимому занятію, то преспокойно сталъ пользоваться ея безпечностью и тѣшить свое праздное любопытство.

На слѣдующій день у m-me Зефиринъ оказался гость, котораго Сайлесъ еще ни разу не видалъ. То былъ высокій, крупнаго сложенія мужчина лѣтъ пятидесяти или даже больше. Костюмъ изъ пестрой шерстяной матеріи и цвѣтная сорочка, а также густыя, длинныя, свѣтлыя бакенбарды изобличали въ немъ несомнѣннѣйшаго британца. Его суровые мутно-сѣрые глаза произвели на Сайлеса непріятное, холодное впечатлѣніе. Во все время разговора, скоро перешедшаго въ шопотъ, онъ свой ротъ то кривилъ на обѣ стороны, то вытягивалъ впередъ губы. Американцу показалось, будто онъ нѣсколько разъ въ теченіе разговора указывалъ рукой на его комнату, но изъ всего разговора онъ уловилъ только одну фразу, сказанную англичаниномъ нѣсколько громче:

— Я узналъ его вкусъ и снова повторяю вамъ, что вы единственная женщина, на которую я могу въ этомъ дѣлѣ положиться.

Въ отвѣтъ на это m-me Зефиринъ только вздохнула и жестомъ выразила свою покорность, какъ дѣлаютъ люди, когда они хотя и подчиняются, но не одобряютъ.

Въ этотъ же день къ вечеру «глазокъ» оказался совершенно загороженнымъ: къ стѣнѣ приставили шкафъ съ платьемъ, вѣроятно по совѣту коварнаго британца. Такъ, по крайней мѣрѣ, подумалъ Сайлесъ. А вскорѣ привратникъ подалъ ему письмо съ женскимъ почеркомъ. Оно было на французскомъ языкѣ, не особенно грамотное и безъ подписи. Молодого американца въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ приглашали къ одиннадцати часамъ вечера въ Баль-Бюлье и просили быть въ залѣ въ такомъ-то мѣстѣ. Въ молодомъ человѣкѣ долго боролись любопытство и робость. То онъ былъ весь добродѣтель, то—весь огонь и смѣлость. Въ концѣ концовъ, задолго до десяти часовъ, м-ръ

Сайлесъ Кв. Скеддаморъ въ безукоризненномъ костюмѣ явился ко входу въ помѣщеніе Баль-Бюлье и уплатилъ деньги за билетъ съ не лишеннымъ пріятности беззаботнымъ чувствомъ: «а, чортъ возьми, куда ни шло!»

Былъ какъ разъ карнавалъ, и въ Баль-Бюлье было людно и шумно. Яркое освѣщеніе и толпа на первыхъ порахъ ошеломили молодого авантюриста, но вскорѣ же онъ почувствовалъ возбужденіе и необыкновенный приливъ храбрости. Онъ былъ теперь готовъ встрѣтиться хоть съ самимъ чортомъ и прошелся по залѣ съ отвагой настоящаго хвата-кавалера. За одной изъ колоннъ онъ замѣтилъ m-me Зефиринъ съ ея англичаниномъ. Они о чемъ-то совѣтовались между собой. Въ немъ разомъ проснулся его кошачій инстинктъ подслушиванія и подкрадыванія. Онъ подобрался сзади къ разговаривающей парѣ и услыхалъ слѣдующее:

— Вотъ этотъ мужчина съ длинными бѣлокурыми волосами, — говорилъ британецъ, — видите, онъ разговариваетъ съ дамой въ зеленомъ? Это онъ и есть.

Сайлесъ поглядѣлъ, на кого указывали. Оказался очень красивый молодой человѣкъ небольшого роста.

— Хорошо,—сказала m-me Зефиринъ.—Сдѣлаю все, что могу. Но только имѣйте въ виду, что самой лучшей изъ насъ можетъ не повезти въ подобномъ дѣлѣ.

— Ну, вотъ! Я вамъ за результатъ ручаюсь,—отвѣчалъ ея собесѣдникъ.—Недаромъ же я изъ всѣхъ тридцати выбралъ именно васъ. Ступайте. Но смотрите—остерегайтесь принца. Не знаю, что за нелегкая принесла его сюда именно въ этотъ вечеръ. Точно въ Парижѣ не нашлось для него другого бала изъ цѣлой дюжины, кромѣ этого гульбища для студентовъ и конторщиковъ! Посмотрите, какъ онъ сидитъ: подумаешь, царствующій императоръ у себя во дворцѣ, а не гуляющій принцъ на каникулахъ!

Сайлесу опять повезло. Онъ увидалъ довольно полнаго господина, замѣчательно красиваго, съ величественными и въ то же время необыкновенно вѣжливыми манерами, сидѣвшаго у стола съ другимъ красивымъ молодымъ человѣкомъ, на нѣсколько лѣтъ моложе его, который разговаривалъ съ нимъ особенно почтительно. Слово «принцъ» пріятно прозвучало для республиканскаго уха Сайлеса, и видъ особы, которую такъ титуловали,

Въ Баль-Бюлье было людно и шумно...

произвелъ на него обычное чарующее впечатлѣніе. Онъ отошелъ отъ m-me Зефиринъ и ея англичанина и, пробиваясь черезъ толпу, добрался до стола, у котораго удостоилъ присѣсть принцъ со своимъ наперсникомъ.

— Говорю вамъ, Джеральдинъ, это безуміе, — сказалъ принцъ.—Вы сами (я радъ напомнить вамъ это) выбрали своего брата для этого опаснаго порученія, и вы обязаны слѣдить за нимъ и беречь его. Онъ согласился провести нѣсколько дней въ Парижѣ, и уже это одно было съ его стороны большой неосторожностью, если принять во вниманіе, что за человѣкъ тотъ, съ кѣмъ онъ ѣдетъ. А теперь еще этотъ балъ... Мѣсто ли ему тутъ, когда черезъ три дня должно рѣшиться все дѣло? Ему слѣдовало бы себя готовить, практиковаться въ стрѣльбѣ; ему слѣдовало бы подольше спать и дѣлать умѣренныя прогулки пѣшкомъ; онъ бы долженъ былъ сѣсть на строгую діэту безъ вина и водки. Неужели этотъ песъ воображаетъ, что мы только комедію играемъ? Дѣло серьезное, рѣчь идетъ о жизни и смерти.

— Я слишкомъ хорошо знаю брата, чтобы не вмѣшиваться,—отвѣчалъ полковникъ Джеральдинъ, — и во всякомъ случаѣ настолько хорошо, чтобы не тревожиться за него. Онъ гораздо осторожнѣе, чѣмъ вы думаете, и въ то же время съ неукротимой душой. Если бы тутъ была женщина, я бы не говорилъ такъ рѣшительно, но предсѣдателя клуба я смѣло могу поручить ему и двумъ лакеямъ, не задумываясь ни на одну минуту.

— Очень пріятно все это отъ васъ слышать,—возразилъ принцъ,—но только я далеко не такъ спокоенъ душой. Наши лакеи очень ловкіе шпіоны, а между тѣмъ развѣ этому негодяю не удавалось уже три раза улизнуть на нѣсколько часовъ изъ-подъ ихъ надзора? Будь на ихъ мѣстѣ простые любители, это было бы ничего, но разъ такіе опытные ищейки, какъ Рудольфъ и Джеромъ, дали себя сбить со слѣда, то это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ необыкновеннаго ума и воли.

— Я полагаю, что этотъ вопросъ я и братъ должны обсудить только между собою,—отвѣчалъ слегка обидѣвшійся Джеральдинъ.

— Я готовъ это допустить, полковникъ Джеральдинъ,—возразилъ принцъ Флоризель,—но именно потому вамъ и слѣдуетъ

вполнѣ внимательно отнестись къ моимъ совѣтамъ. Но довольно. Эта женщина въ желтомъ очень недурно танцуетъ.

И разговоръ перешелъ на обычныя темы парижскаго карнавальнаго бала.

Сайлесъ вспомнилъ, гдѣ онъ и что ему нужно быть въ назначенномъ мѣстѣ. Перспектива ему все меньше и меньше нравилась, по мѣрѣ того, какъ онъ о ней думалъ. Толпа подхватила его въ свой водоворотъ и понесла къ дверямъ. Если бы она также и вынесла его вонъ изъ залы, онъ не имѣлъ бы ничего противъ. Но водоворотъ занесъ его въ уголъ подъ галлереей, гдѣ до его слуха сейчасъ же донесся голосъ m-me Зефиринъ. Она говорила по-французски съ тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ въ бѣлокурыхъ кудряхъ, на котораго ей указалъ за полчаса передъ тѣмъ ея англичанинъ.

— Характеръ у меня твердый,—говорила она. — Другого условія я не ставлю, кромѣ того, что подсказываетъ мнѣ сердце. Но только вы непремѣнно должны сказать это швейцару, и онъ васъ сейчасъ же безпрекословно пропуститъ.

— Но къ чему же это упоминаніе о какомъ-то домѣ?

— Боже мой, неужели вы думаете, что я своей гостиницы, гдѣ живу, не знаю и незнакома съ ея порядками?

Она прошла съ нимъ мимо Сайлеса, дружески повиснувъ на его рукѣ.

Сайлесу вспомнилась полученная записка.

— Черезъ десять минутъ я, быть можетъ, тоже пойду подъ-ручку съ такой же красивой женщиной, какъ эта,—подумалъ онъ,—и быть можетъ даже съ титулованной дамой.

Тутъ онъ вспомнилъ про безграмотность записки и нѣсколько затуманился.

— Можетъ быть, она писала не сама, продиктовала своей горничной,—допустилъ онъ предположеніе.

До назначеннаго часа оставалось лишь нѣсколько минутъ, и отъ любопытства и нетерпѣнія его сердце билось все скорѣе и скорѣе, такъ что ему самому сдѣлалось это непріятно. Тутъ онъ съ облегченіемъ сообразилъ, что его отсюда трудно увидать. Вновь явились на сцену добродѣтель и трусость, и онъ пошелъ къ дверямъ, навстрѣчу толпѣ, двигавшейся въ это время по противоположному направленію. Потому ли, что эта борьба со встрѣчнымъ теченіемъ его утомила, или просто у него пере-

мѣнилось настроеніе, но только онъ вдругъ повернулся и пошелъ въ обратную сторону, на этотъ разъ не противъ толпы, а съ толпой. Такимъ образомъ, онъ въ третій разъ сдѣлалъ кругъ и остановился только тогда, когда отыскалъ для себя укромное мѣстечко недалеко отъ пункта, назначеннаго для свиданія.

Здѣсь онъ дошелъ до крайне мучительнаго состоянія духа, такъ что началъ даже молиться Богу о помощи — онъ былъ юноша религіознаго воспитанія. Въ концѣ концовъ онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать: убѣжать или оставаться? Но вотъ на часахъ стрѣлка показала десять минутъ больше условленнаго часа. Скеддаморъ ободрился; онъ оглянулся кругомъ въ своемъ углу и никого не увидалъ на условленномъ мѣстѣ. Безъ сомнѣнія, его неизвѣстная корреспондентка соскучилась и ушла. Теперь онъ расхрабрился настолько же, насколько прежде робѣлъ. Ему стало казаться, что онъ вовсе не трусъ, потому что, хотя и поздно, а все-таки онъ явился по приглашенію. Въ то же время онъ сталъ подозрѣвать тутъ мистификацію и самъ хвалилъ себя за прозорливость и за ту ловкость, съ которою онъ сумѣлъ не дать себя провести за носъ и осмѣять. Молодые люди всѣ такъ легкомысленны!

Вооружившись этими размышленіями, онъ храбро вышелъ изъ своего угла, но едва успѣлъ пройти два шага, какъ ему на плечо легла чья-то рука. Онъ обернулся и увидалъ передъ собой высокую, очень полную даму съ пышными формами. Держала она себя не сурово, и взглядъ у нея былъ ласковый.

— Я вижу, что вы очень самоувѣренный сердцеѣдъ,—сказала она,—потому что заставляете себя ждать. Но я рѣшила, что непремѣнно встрѣчусь съ вами. Когда женщина настолько забываетъ свое достоинство, что дѣлаетъ сама первый шагъ, то ей приходится дѣлать и второй—и прятать свое самолюбіе въ карманъ.

Сайлесъ былъ пораженъ ростомъ и формами своей корреспондентки, а главнымъ образомъ внезапностью ея появленія. Но она скоро успокоила его. Держала она себя съ нимъ просто и мило, вызывала его на шутки и смѣялась его остротамъ. Разогрѣвшись отъ ея любезностей и отъ теплаго пунша, онъ очень скоро влюбился въ нее по уши и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ высказалъ ей свою страсть.

— Увы!—сказала она.—Я боюсь, не пришлось бы мнѣ по-

томъ жалѣть объ этой минутѣ, хотя ваши слова доставили мнѣ огромное удовольствіе. До сихъ поръ я страдала одна, а теперь, милѣйшій мальчикъ, намъ придется страдать вдвоемъ. Я не сама себѣ госпожа. Я не рѣшаюсь пригласить васъ къ себѣ въ домъ, потому что за мной слѣдятъ ревнивые глаза. Дайте мнѣ подумать,—прибавила она.—Я васъ старше, хотя и слабѣе. Положившись на ваше мужество и на вашу рѣшимость, я съ своей стороны должна для нашей обоюдной пользы пустить въ ходъ свое знаніе свѣта. Вы гдѣ живете?

Онъ объяснилъ ей, что живетъ въ меблированномъ домѣ, и назвалъ улицу и номеръ.

Нѣсколько минутъ она сидѣла въ задумчивости, какъ будто ломая голову надъ какимъ-то вопросомъ.

— Я вижу, что вы способны быть вѣрнымъ и послушнымъ,—сказала она, наконецъ.—Будете? Да?

Сайлесъ разсыпался въ самыхъ пламенныхъ завѣреніяхъ.

— Въ такомъ случаѣ—завтра ночью, — сказала она съ самой ободряющей улыбкой.—Будьте дома весь вечеръ. Если къ вамъ придетъ кто-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, сплавьте его подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Вашъ подъѣздъ запирается, вѣроятно, въ десять часовъ?—спросила она.

— Въ одиннадцать,—отвѣчалъ Сайлесъ.

— Въ четверть двѣнадцатаго выходите изъ дома,—продолжала дама.—Прикажите только отворить себѣ дверь, но ни въ какомъ случаѣ не вступайте въ разговоръ съ швейцаромъ: этимъ можно все разстроить. Идите прямо къ тому мѣсту, гдѣ Люксембургскій садъ пересѣкается съ бульваромъ. Тамъ я буду васъ ждать. Рекомендую вамъ въ точности послѣдовать всѣмъ моимъ указаніямъ. Помните, что если вы сдѣлаете отъ нихъ хоть одно малѣйшее отступленіе, вы причините тяжкій вредъ женщинѣ, которая только тѣмъ и виновата, что увидѣла васъ и полюбила.

— Всѣ ваши инструкціи исполню въ точности,—сказалъ Сайлесъ.

— Я вижу, вы уже начинаете смотрѣть на меня, какъ на свою возлюбленную,—вскричала она, ударяя его по рукѣ вѣеромъ.—Но погодите. Всему свое время. Женщины только на первыхъ порахъ любятъ, чтобы ихъ слушались, а потомъ нахо-

дятъ удовлетворенiе въ томъ, чтобы повиноваться самимъ. Сдѣлайте такъ, какъ я васъ прошу, иначе я ни за что не ручаюсь. Ахъ, вотъ я еще что придумала,—прибавила она вдругъ.—Я придумала гораздо лучшiй способъ избавиться вамъ отъ посѣтителей. Скажите швейцару, чтобы онъ къ вамъ никого не пускалъ, кромѣ одного человѣка, который придетъ къ вамъ въ тотъ вечеръ за долгомъ. При этомъ держите себя такъ, какъ будто вамъ непрiятно предстоящее свиданiе; это заставитъ швейцара отнестись къ вашей просьбѣ серьезно.

— Я полагаю, что я и самъ сумѣю оградить себя отъ лишнихъ посѣтителей,—сказалъ онъ съ легкимъ неудовольствiемъ,—вамъ объ этомъ можно не безпокоиться.

— Я вамъ указала только лучшiй, на мой взглядъ, способъ для этого,—холодно возразила она.—Я знаю васъ, мужчинъ. Вы нисколько не заботитесь о репутацiи женщины.

Сайлесъ покраснѣлъ и слегка потупился. У него былъ свой планъ, который какъ разъ долженъ былъ польстить его тщеславiю передъ знакомыми.

— Главное же—не разговаривайте съ швейцаромъ, когда будете уходить,—прибавила она.

— Но почему же это?—спросилъ онъ. — Изъ всѣхъ вашихъ наставленiй мнѣ этотъ параграфъ кажется самымъ малозначущимъ. Заговорю я съ швейцаромъ или нѣтъ—какое это можетъ имѣть значенiе въ данномъ случаѣ?

— Вы сперва сомнѣвались въ разумности нѣкоторыхъ другихъ моихъ указанiй, а потомъ сами признали, что такъ и слѣдуетъ, — отвѣчала она.—Повѣрьте, что и этотъ пунктъ очень важенъ. Вы потомъ сами убѣдитесь. И какое же мнѣнiе я могу составить о вашей любви ко мнѣ, если вы на первомъ же свиданiи отказываете мнѣ въ такихъ пустякахъ?

Сайлесъ пустился въ объясненiя и оправданiя; слушая ихъ, она вдругъ взглянула на часы, всплеснула руками и сдержанно вскрикнула:

— Ахъ, Боже мой, неужели такъ поздно?—сказала она.—Я больше ни минуты не могу терять. Бѣдныя мы женщины! Какiя мы рабыни!.. Чѣмъ я только не рискую теперь черезъ васъ?

Она повторила свои указанiя, перемежая ихъ съ ласковыми словами и завлекающими взглядами, простилась съ нимъ и исчезла въ толпѣ.

Весь слѣдующій день душа Сайлеса была преисполнена чувства какой-то необыкновенной важности. Теперь онъ былъ увѣренъ, что это графиня. И когда насталъ вечеръ, онъ свято исполнилъ всѣ приказанія и ровно въ назначенный часъ былъ у Люксембургскаго сада. Тамъ не было никого. Онъ прождалъ съ полчаса, заглядывая въ лицо каждому прохожему и каждому, кто останавливался поблизости. Заглянулъ онъ и на уголъ бульвара, прошелъ вдоль всей рѣшетки сада—нѣтъ, прекрасная графиня не приходила броситься въ его объятія. Наконецъ, онъ вынужденъ былъ прійти къ заключенію, что онъ такъ никого и не дождется, и съ большой неохотой пошелъ домой. Дорогой ему припомнился подслушанный имъ разговоръ m-me Зефиринъ съ бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ, и отъ этого ему сдѣлалось какъ-то еще больше не по себѣ.

— Повидимому,—подумалъ онъ,—насъ обоихъ заставили лгать передъ швейцаромъ.

Онъ позвонилъ. Швейцаръ отворилъ полураздѣтый и предложилъ ему свѣчу.

— Онъ ушелъ отъ васъ?—освѣдомился швейцаръ.

— Кто? Про кого вы говорите?—довольно сердито спросилъ Сайлесъ, злясь на неудачу.

— Я не видалъ, какъ онъ уходилъ, но я надѣюсь, что вы ему заплатили,—продолжалъ швейцаръ.—Намъ вовсе нелестно держать у себя въ домѣ жильцовъ, которые не могутъ оправдывать своихъ платежей.

— Да про кого такое вы говорите, чортъ васъ возьми?—грубо спросилъ Сайлесъ.—Я ничего не понимаю.

— Я говорю про невысокаго молодого человѣка, который приходилъ къ вамъ за долгомъ,—отвѣчалъ швейцаръ.—Вотъ про кого я говорю. Вы сами же распорядились, чтобы я кромѣ него никого къ вамъ не впускалъ.

— Да, но только онъ ко мнѣ не приходилъ, — возразилъ Сайлесъ.

— Что я знаю, то знаю,—проворчалъ швейцаръ и сердито умолкъ.

— Вы негодяй и нахалъ!—крикнулъ разсерженный Сайлесъ, чувствуя, что ставитъ себя въ глупое положеніе своей раз-

дражительностью, и въ то же время испытывая въ душѣ, по крайней мѣрѣ, дюжину тревогъ.

Онъ повернулся и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ.

— Развѣ вамъ не нуженъ свѣтъ?—крикнулъ ему вдогонку швейцаръ.

Но Сайлесъ только прибавилъ прыти и остановился не раньше, какъ на седьмой площадкѣ передъ своей дверью. Здѣсь онъ постоялъ нѣсколько времени, тяжело дыша и почти опасаясь войти въ свою комнату.

Когда же онъ, наконецъ, вошелъ, то очутился въ полной темнотѣ. Комната была не освѣщена, и, повидимому, въ ней никого не было. Онъ глубоко вздохнулъ. Наконецъ-то онъ дома и въ безопасности. Спички стояли на маленькомъ столикѣ у кровати. Сайлесъ направился впотьмахъ въ ту сторону, снова начиная чувствовать необъяснимый страхъ. Вотъ онъ дотронулся до оконныхъ занавѣсокъ. Окно было чуть-чуть видно, но Сайлесъ зналъ, что до кровати отъ него не больше фута, и болѣе увѣреннымъ шагомъ направился къ столику со спичками.

Онъ протянулъ руку, но нащупалъ не просто ватное одѣяло, а одѣяло, подъ которымъ что-то лежало—какъ будто человѣческая нога. Сайлесъ отдернулъ руку и на минуту окаменѣлъ.

— Что это значитъ?—думалъ онъ.

Онъ прислушался, но человѣческаго дыханія не было слышно. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ снова протянулъ руку къ тому мѣсту, до котораго только что дотронулся, но сейчасъ же отскочилъ назадъ на цѣлый ярдъ и остановился, вытаращивъ глаза и дрожа отъ ужаса. На кровати что-то лежало. Что это такое было, онъ не зналъ, но что-то было. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ не въ силахъ былъ пошевелиться. Потомъ, руководясь инстинктомъ, онъ разомъ схватилъ спички и, повернувшись задомъ къ кровати, зажегъ свѣчу. Когда свѣча разгорѣлась, онъ медленно повернулся кругомъ и увидалъ, наконецъ, то, на что боялся взглянуть. Оправдались самыя худшія изъ его опасеній. Одѣяло было старательно натянуто на всю кровать до подушки включительно, и подъ нимъ видны были контуры неподвижно лежавшаго человѣческаго тѣла. Сайлесъ откинулъ одѣяло и увидалъ того самаго блондинчика, котораго уже видѣлъ наканунѣ въ Баль-Бюлье. Лицо покойника распухло и почернѣло, изъ носа текла кровь.

Сайлесъ испустилъ протяжный, дрожащій вопль, выронилъ свѣчку и самъ упалъ на колѣни у кровати.

Изъ оцѣпенѣнія его вывелъ продолжительный, но осторожный стукъ въ дверь. Этотъ стукъ заставилъ его все сообразить и припомнить, и когда онъ собрался крикнуть, чтобы не входили, было уже поздно. Вошелъ д-ръ Ноэль въ большомъ спальномъ колпакѣ и съ лампой въ рукахъ, освѣщавшей его длинную бѣлую фигуру. Онъ вошелъ бокомъ, какъ-то по-птичьи поводя во всѣ стороны головой и озираясь, сейчасъ же затворилъ за собой дверь и дошелъ до середины комнаты.

— Мнѣ показалось, что вы кричите, — заговорилъ докторъ,—и, испугавшись, не больны ли вы, рѣшился къ вамъ войти.

Сайлесъ, весь красный, съ сильно бьющимся сердцемъ, всталъ между докторомъ и кроватью, но сказать ничего не могъ: голосъ не слушался.

— У васъ темно,—продолжалъ докторъ,—но я вижу, что вы еще не ложились спать. Напрасно вы будете стараться разубѣдить меня: я вѣдь вижу все. И по вашему лицу видно, что вамъ нуженъ или докторъ, или другъ, а я и то, и другое. Дайте мнѣ сюда вашъ пульсъ. Это лучшій показатель дѣятельности сердца.

Онъ подходилъ къ Сайлесу, а тотъ все отъ него пятился. Наконецъ, доктору удалось взять его за пульсъ. Но тутъ нервы молодого американца окончательно не выдержали, онъ лихорадочнымъ движеніемъ уклонился отъ доктора, бросился на полъ и зарыдалъ. Какъ только д-ръ Ноэль увидалъ мертвеца на кровати, его лицо потемнѣло. Онъ побѣжалъ къ двери и торопливо заперъ ее на два поворота.

— Вставайте! — крикнулъ онъ рѣзкимъ тономъ.—Ревѣть нѣкогда. Что вы такое сдѣлали? Откуда у васъ это мертвое тѣло? Говорите откровенно, потому что я могу вамъ помочь. Неужели вы думаете, что я захочу васъ губить? Неужели вы полагаете, что этотъ кусокъ падали на вашей постели способенъ повліять въ какой бы то ни было степени на ту искреннюю симпатію, которую вы мнѣ успѣли къ себѣ внушить? Ахъ, легковѣрный юноша! Когда человѣка любишь, тогда на тотъ или иной его поступокъ не можешь глядѣть тѣми же глазами, какими

смотритъ слѣпой и несправедливый законъ. Если бы я своего друга увидалъ среди цѣлаго моря крови, я бы къ нему нисколько не перемѣнился. Иначе что же бы это была за дружба? Вставайте,—прибавилъ онъ.—Добро и зло—это только одно воображеніе. Въ жизни ничего нѣтъ, кромѣ судьбы, и въ какомъ бы вы ни были положеніи, я готовъ вамъ помогать до послѣдней минуты.

Ободренный Сайлесъ собрался съ мыслями и прерывающимся голосомъ, больше отвѣчая на наводящіе вопросы доктора, сумѣлъ, наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ передать ему всѣ факты. Но про разговоръ принца съ Джеральдиномъ онъ не упомянулъ, не придавая ему значенія и даже не предполагая, что этотъ разговоръ имѣетъ извѣстную связь съ его дѣломъ.

— Увы!—сказалъ д-ръ Ноэль.—Или я сильно ошибаюсь, или вы попали въ самыя опасныя руки въ Европѣ. Бѣдный мальчикъ, какую вамъ яму выкопали, пользуясь вашей простотой! Въ какую опасную ловушку вы угодили, сами того не зная! Не можете ли вы описать мнѣ подробно этого англичанина, котораго вы видѣли два раза? Я подозрѣваю, что онъ-то и есть душа всей этой махинаціи. Скажите—онъ старый или молодой? Высокій или низенькій?

Но Сайлесъ былъ только очень любопытенъ, а совсѣмъ ненаблюдателенъ; онъ не запомнилъ ничего характернаго изъ наружности англичанина. Онъ могъ сообщить только самыя общія примѣты, по которымъ невозможно было узнать человѣка.

— Этому слѣдовало бы обучать во всѣхъ школахъ!—съ досадой воскликнулъ докторъ.—Къ чему зрѣніе, къ чему языкъ, разъ человѣкъ не умѣетъ наблюсти и запомнить черты лица своего врага? Я знаю всѣ шайки въ Европѣ и могъ бы его разыскать и обличить, могъ бы дать вамъ въ руки новое оружіе для вашей защиты. На будущее время вы старайтесь развивать въ себѣ это умѣнье, бѣдный мой юноша. Оно вамъ можетъ пригодиться въ нужную минуту.

— На будущее время! Какое же у меня можетъ быть теперь будущее, кромѣ висѣлицы?—сказалъ Сайлесъ.

— Юность труслива,—возразилъ докторъ,—и свои личныя затрудненія вообще всегда кажутся серьезнѣе, чѣмъ они есть. Я старикъ—и не отчаиваюсь.

— Долженъ ли я обо всемъ этомъ сообщить полиціи?— спросилъ Сайлесъ.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ докторъ.—Вы являетесь жертвой очень хитрой интриги, и ваше дѣло слѣдуетъ признать безнадежнымъ, потому что съ узко-судебной или узко-полицейской точки зрѣнія вы представляетесь несомнѣннымъ убійцей. Вспомните, что намъ извѣстна только небольшая часть заговора, и что эти же самые негодяи, безъ сомнѣнія, успѣли подстроить и всѣ прочія подробности такъ, что всѣ улики окажутся противъ васъ, сами же негодяи останутся въ сторонѣ и чисты.

— Да, вы правы. Я погибъ,—сказалъ Сайлесъ.

— Я этого не говорю,—отвѣчалъ докторъ Ноэль,—я человѣкъ осмотрительный.

— Да вы поглядите на это!—указалъ ему Сайлесъ на мертвое тѣло.—Я не могу ничего понять, не могу объяснить, не могу на это смотрѣть безъ ужаса!

— Почему безъ ужаса?—возразилъ докторъ. — Никакого ужаса нѣтъ. Всякій ужасъ и всякая привлекательность вышли изъ этого тѣла вмѣстѣ съ душой, и остался просто отжившій организмъ, интересный только для анатоміи. Пріучите себя смотрѣть на это тѣло совершенно спокойно и равнодушно, потому что, если мой планъ осуществимъ, то вы должны будете провести нѣсколько дней въ постоянной близости съ тѣмъ, что васъ такъ ужасаетъ.

— Какой вашъ планъ?—воскликнулъ Сайлесъ.—Что такое? Докторъ, говорите скорѣе, потому что у меня скоро не хватитъ мужества жить.

Не отвѣчая, д-ръ Ноэль повернулся къ кровати и сталъ изслѣдовать тѣло.

— Готовъ!—пробормоталъ онъ.—И карманы пусты, какъ я и предполагалъ. Такъ, такъ. Даже буквы у сорочки вырѣзаны. Дѣло сдѣлано чисто, аккуратно. Хорошо, что онъ небольшого роста.

Сайлесъ съ тревогой слушалъ эти слова. Кончивъ свой осмотръ, докторъ сѣлъ на стулъ и съ улыбкой обратился къ молодому американцу.

— Я замѣтилъ у васъ въ комнатѣ въ углу одну вещь, которая будетъ мнѣ очень полезна въ вашемъ дѣлѣ, — сказалъ онъ.—Я говорю про одинъ изъ тѣхъ чудовищныхъ дорожныхъ

сундуковъ, которые ваши земляки неизмѣнно таскаютъ съ собой по всѣмъ частямъ земного шара,—однимъ словомъ, про вашъ саратогскій сундукъ. До этой минуты я никакъ не понималъ, на что могутъ быть нужны такія громадины, но теперь у меня явилось просвѣтлѣніе. Теперь я понялъ, что подобный сундукъ какъ разъ устроенъ для того, чтобы класть въ него покойниковъ.

— Ахъ, право, теперь не до шутокъ!—воскликнулъ Сайлесъ.

— Я только выражаюсь въ шутливомъ тонѣ,—отвѣчалъ д-ръ Ноэль,—а по существу говорю совершенно серьезно. Первымъ дѣломъ, мой юный другъ, мы должны поскорѣе выбрать изъ вашего сундука все содержимое.

Сайлесъ послушно предоставилъ себя въ распоряженіе доктора Ноэля. Изъ саратогскаго сундука были выбраны всѣ вещи, которыя составили на полу порядочную груду. Затѣмъ Сайлесъ и докторъ взяли тѣло убитаго человѣка одинъ за ноги, а другой за плечи и не безъ труда втиснули его въ пустой сундукъ, согнувши пополамъ. Крышка также не безъ труда закрылась надъ этой не совсѣмъ обыкновенной поклажей, и докторъ собственноручно заперъ сундукъ и обвязалъ веревкой, а Сайлесъ убралъ вынутыя изъ него вещи въ комодъ и въ шкафъ.

— Первый шагъ къ вашему избавленію сдѣланъ,—сказалъ докторъ. — Завтра или, точнѣе, сегодня вамъ нужно будетъ усыпить подозрительность швейцара, заплативши ему, что съ васъ слѣдуетъ, я же займусь дальнѣйшей подготовкой благополучнаго конца. А пока сходимте ко мнѣ въ комнату, я вамъ дамъ пріемъ наркотическаго лѣкарства, такъ какъ вамъ безусловно необходимо выспаться хорошенько.

Слѣдующій день тянулся для Сайлеса съ безконечною медленностью. Онъ никому не показывался и просидѣлъ все время въ углу, сосредоточенно и хмуро глядя на сундукъ. Ему вспомнилась собственная нескромная страсть къ подглядыванію; онъ сообразилъ, что изъ комнаты m-me Зефиринъ за нимъ можно все время шпіонить. Какъ ни грустно это ему было, но все-таки онъ рѣшился заткнуть «глазокъ» со стороны собственной комнаты. Обезопасивши себя отъ подглядыванія, онъ значительную часть остальнаго времени провелъ въ сокрушенныхъ вздохахъ, слезахъ и молитвахъ.

Поздно вечеромъ къ нему пришелъ д-ръ Ноэль съ двумя за-

печатанными, но безъ адресовъ, конвертами въ рукахъ. Одинъ конвертъ былъ пухлый, толстый, а другой совсѣмъ тоненькій, такъ что можно было подумать, что въ немъ ничего не лежитъ.

— Пришло время, Сайлесъ, объяснить мнѣ вамъ свой планъ,—сказалъ докторъ, присаживаясь къ столу. — Завтра утромъ, съ раннимъ поѣздомъ, уѣзжаетъ обратно въ Лондонъ принцъ Флоризель богемскій, пріѣзжавшій сюда на нѣсколько дней повеселиться на парижскомъ карнавалѣ. Его шталмейстеру полковнику Джеральдину мнѣ посчастливилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ оказать одну очень цѣнную врачебную услугу. Такія услуги обыкновенно никогда не забываются, но въ чемъ она состояла, этого я не нахожу нужнымъ вамъ объяснять. Достаточно вамъ знать, что онъ готовъ отплатить мнѣ за нее, чѣмъ только можно. Вамъ необходимо проѣхать въ Лондонъ такъ, чтобы вашъ сундукъ не открывался. По таможеннымъ правиламъ этого нельзя, но я узналъ, что багажъ высокихъ особъ пропускается таможенными чиновниками, изъ вѣжливости, безъ осмотра. Я попросилъ полковника Джеральдина, и онъ согласился. Завтра въ шесть часовъ утра поѣзжайте въ гостиницу, гдѣ остановился принцъ, и вашъ сундукъ причислятъ къ его багажу, а сами вы проведете одинъ день среди его свиты.

— Мнѣ кажется, какъ я уже вамъ говорилъ, что я видѣлъ принца и полковника Джеральдина въ тотъ вечеръ въ Баль-Бюлье. Я даже слышалъ часть ихъ разговора.

— Это очень возможно. Принцъ любитъ бывать во всевозможныхъ кружкахъ и обществахъ,—отвѣчалъ докторъ. — По пріѣздѣ въ Лондонъ ваша задача будетъ почти окончена,— продолжалъ онъ.—Въ этомъ толстомъ пакетѣ я даю вамъ письмо, на которомъ не рѣшаюсь написать адреса. Но въ другомъ конвертѣ находится адресъ дома, куда вы можете отвезти свой сундукъ. Тамъ его у васъ примутъ—и больше ничего. Всѣ ваши треволненія на этомъ кончатся.

— Увы!—сказалъ Сайлесъ.—Я бы очень желалъ вамъ повѣрить, но развѣ это возможно? Вы рисуете мнѣ широкія перспективы, но, скажите, пожалуйста, развѣ я могу допустить такой невѣроятный исходъ? Будьте великодушны до конца и объясните мнѣ подробнѣе вашу махинацію.

Докторъ, повидимому, очень огорчился.

— Юноша, вы и сами не знаете, какое тягостное требованіе

предъявляете вы мнѣ. Но пусть будетъ такъ. Я давно привыкъ къ униженіямъ, и будетъ очень странно, если я откажу вамъ въ этой просьбѣ, когда уже такъ много сдѣлалъ для васъ. Знайте же, юноша, что это я только теперь кажусь такимъ тихимъ и смирнымъ, на-видъ, человѣкомъ, такимъ скромнымъ отшельникомъ, предавшимся одной наукѣ, а прежде, въ молодости, я объединялъ вокругъ себя самыхъ коварныхъ и опасныхъ людей во всемъ Лондонѣ. Наружно я пользовался общимъ уваженіемъ и почетомъ, но моя настоящая сила основывалась на секретнѣйшихъ, ужаснѣйшихъ, преступнѣйшихъ сношеніяхъ. Письмо, которое я вамъ передалъ, адресовано къ одному изъ лицъ, состоявшихъ у меня въ то время въ подчиненіи. Я просто прошу его освободить васъ отъ вашего груза. Эти лица принадлежали къ самымъ разнообразнымъ классамъ общества и ко всевозможнымъ національностямъ. Ихъ связывала между собой ужасная клятва и общая преступная дѣятельность. Товарищество наше промышляло убійствомъ. И я, съ виду такой передъ вами безобидный, невинный, былъ атаманомъ этой опаснѣйшей и преступнѣйшей разбойничьей шайки.

— Что вы говорите?—вскричалъ Сайлесъ.—Вы убійца? Вы промышляли убійствомъ вмѣстѣ съ другими вашими товарищами? Послѣ этого развѣ я могу пожать вашу руку? Развѣ я могу принять отъ васъ помощь? Темная вы личность, преступный вы старикъ! Вы хотите воспользоваться моей молодостью и неопытностью и моимъ бѣдственнымъ положеніемъ, чтобы сдѣлать изъ меня своего сообщника!

Докторъ Ноэль горько разсмѣялся.

— На васъ очень трудно угодить, м-ръ Скеддаморъ,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ я предлагаю вамъ сдѣлать выборъ между убитымъ и убійцей. Если вы, по своей чувствительной совѣсти, не можете принять отъ меня помощь, то вы такъ и скажите, и я сейчасъ же васъ оставлю въ покоѣ. Только вы ужъ и путайтесь тогда съ вашимъ сундукомъ и съ тѣмъ, что въ немъ лежитъ, какъ сами знаете, и какъ вамъ подскажетъ ваша правая совѣсть.

— Признаю свою неправоту,—отвѣчалъ Сайлесъ. — Мнѣ бы не слѣдовало забывать, какъ благородно вы предложили мнѣ свое покровительство, даже еще не убѣдившись въ моей

невинности... Съ благодарностью приму ваши совѣты и буду имъ слѣдовать.

— Такъ-то лучше,—сказалъ докторъ.—Я замѣчаю, что вы начинаете извлекать изъ опыта полезные уроки.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ я никакъ не пойму,—замѣтилъ американецъ,—почему бы вамъ, разъ вы такъ опытны во всевозможныхъ трагическихъ дѣлахъ и имѣете столько преданныхъ помощниковъ и сотрудниковъ,—почему бы вамъ самимъ не отвезти этотъ ящикъ и не избавить меня отъ его ненавистнаго присутствія?

— Честное слово, — отвѣчалъ докторъ Ноэль,—я въ восторгѣ отъ вашего добродушія. Неужели вы не находите, что я и такъ уже достаточно впутался въ ваши непріятности? Я иначе смотрю на это, и нахожу, что вполнѣ довольно. Можете мои услуги принять или отклонить, но только, пожалуйста, не смущайте меня больше словами благодарности, потому что мнѣ не уваженіе ваше нужно, а чтобы вы меня хорошенько поняли. Придетъ время—если вамъ посчастливится прожить нѣсколько лѣтъ въ здравомъ умѣ—придетъ время, когда вы будете совсѣмъ иначе смотрѣть на подобныя вещи и покраснѣете за то, какъ вы держали себя нынѣшнею ночью.

Съ этими словами докторъ всталъ со стула, коротко и ясно повторилъ свои указанія и ушелъ изъ комнаты, не давши Сайлесу времени на отвѣтъ.

На слѣдующее утро Сайлесъ явился лично въ гостиницу къ принцу и былъ вѣжливо принятъ полковникомъ Джеральдиномъ. Съ этой минуты онъ избавился отъ всякой непосредственной тревоги за свой сундукъ и за его ужасное содержимое. День прошелъ безъ всякаго инцидента, только молодой человѣкъ съ ужасомъ слышалъ нѣсколько разъ, какъ матросы и желѣзнодорожные носильщики жаловались другъ другу на необыкновенную тяжесть принцева багажа. Сайлесъ ѣхалъ въ вагонѣ для прислуги, потому что принцъ желалъ быть наединѣ со своимъ шталмейстеромъ. Но на пароходѣ Сайлесъ обратилъ на себя вниманіе его высочества своимъ меланхолическимъ видомъ, когда стоялъ и смотрѣлъ на груду багажа въ тревогѣ за будущее.

— У этого молодого человѣка непремѣнно какое-нибудь горе,—замѣтилъ принцъ.

— Это тотъ самый американецъ, — пояснилъ Джеральдинъ,—для котораго я выхлопоталъ у васъ разрѣшеніе ѣхать съ вашей свитой.

— Кстати, вы мнѣ напомнили о вѣжливости, — сказалъ принцъ и, подойдя къ Сайлесу, съ самой изысканной благосклонностью обратился къ нему, говоря:

— Я очень радъ, молодой джентльменъ, что могъ исполнить ваше желаніе, выраженное черезъ полковника Джеральдина. Прошу васъ помнить, что я буду радъ случаю и еще разъ быть вамъ полезнымъ даже въ чемъ-нибудь болѣе серьезномъ.

Послѣ того онъ задалъ нѣсколько вопросовъ объ американскихъ политическихъ дѣлахъ. Сайлесъ отвѣтилъ толково и впопадъ.

— Вы еще совсѣмъ молодой человѣкъ,—сказалъ принцъ,—но я замѣчаю, что вы что-то серьезны не по годамъ. Можетъ быть, вы слишкомъ много занимались науками? Впрочемъ, виноватъ, я, быть можетъ, нескромно коснулся какой-нибудь непріятной для васъ темы...

— Я, дѣйствительно, имѣю причину считать себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ на свѣтѣ,—отвѣчалъ Сайлесъ,—потому что ни съ кѣмъ еще, кажется, не поступали такъ ужасно безъ всякой вины.

— Я не хочу напрашиваться на ваше довѣріе,—сказалъ принцъ Флоризель,—но вы не забывайте, что рекомендація полковника Джеральдина для меня самый лучшій паспортъ, и что я не только хочу, но и больше другихъ могу быть вамъ полезенъ.

Сайлесъ пришелъ въ восторгъ отъ любезности высокой особы, но скоро опять вспомнилъ о своихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Его горя не могла разсѣять даже милостивая благосклонность принца.

Поѣздъ прибылъ въ Чэрингъ-Кроссъ, гдѣ таможенные чиновники, по обыкновенію, не стали осматривать багажа принца. У вокзала дожидались элегантные экипажи. Сайлеса вмѣстѣ съ другими привезли во дворецъ. Тамъ къ нему подошелъ полковникъ Джеральдинъ и выразилъ ему свое удовольствіе по поводу того, что счастливый случай помогъ ему оказать небольшую услугу другу доктора, къ которому онъ питаетъ особенное уваженіе

— Я надѣюсь,—прибавилъ онъ,—что весь вашъ фарфоръ окажется въ цѣлости. По всей линіи былъ разосланъ спеціальный приказъ—обращаться съ вещами принца особенно бережно.

Распорядившись, чтобы молодому человѣку подали одинъ изъ экипажей принца, и чтобы на задокъ поставили саратогскій сундукъ, полковникъ пожалъ американцу руку и ушелъ, сославшись на множество дѣлъ по управленію дворомъ.

Сайлесъ вскрылъ конвертъ съ адресомъ и велѣлъ представительному выѣздному лакею везти себя въ Боксъ-Кортъ со стороны набережной. Ему показалось, что названное мѣсто было небезызвѣстно выѣздному, потому что тотъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ и попросилъ повторить. Съ тревогой на сердцѣ сѣлъ Сайлесъ въ роскошную карету и поѣхалъ по адресу.

Въѣздъ въ Боксъ-Кортъ былъ слишкомъ узокъ для кареты. Тамъ былъ только проходъ между рѣшетками со столбомъ на каждомъ его концѣ. На одномъ изъ столбовъ сидѣлъ человѣкъ, который сейчасъ же соскочилъ съ него и дружески кивнулъ кучеру, а лакей отворилъ дверцу и спросилъ Сайлеса, нужно ли вынимать изъ кареты сундукъ и въ какой номеръ его нести.

— Пожалуйста, въ номеръ третій,—сказалъ Сайлесъ.

Выѣздной лакей и сидѣвшій на столбѣ человѣкъ съ помощью самого Сайлеса съ трудомъ потащили сундукъ. Прежде, чѣмъ они донесли его до дверей нужнаго дома, молодой человѣкъ съ ужасомъ увидалъ, что собралась толпа зѣвакъ на него смотрѣть. Но онъ и вида не подалъ, что смущенъ, а когда какой-то человѣкъ отперъ ему дверь, онъ вручилъ ему конвертъ съ письмомъ.

— Его нѣтъ дома,—сказалъ человѣкъ, — но вы оставьте письмо и зайдите завтра утромъ. Я тогда вамъ уже буду въ состояніи сказать, приметъ ли онъ васъ и когда. Свой ящикъ вы оставите у насъ?—прибавилъ онъ.

— Разумѣется! — воскликнулъ Сайлесъ, но сейчасъ же раскаялся въ своей торопливости и объяснилъ съ неменьшей горячностью, что предпочитаетъ увезти сундукъ съ собой въ гостиницу.

Толпа загоготала по поводу этой нерѣшительности. По адресу Сайлеса посыпались оскорбительныя замѣчанія. Смущенный, сконфуженный и напуганный американецъ обратился

къ слугамъ съ просьбой отвезти его въ какую-нибудь хорошую гостиницу по сосѣдству.

Карета принца привезла Сайлеса въ Крэвенскую гостиницу на Крэвенъ-Стритѣ и сейчасъ же уѣхала домой, сдавъ его на руки гостиничной прислугѣ. Для него нашелся единственный свободный номерокъ въ четвертомъ этажѣ съ окномъ на дворъ. Два дюжихъ носильщика, съ возней и воркотней, внесли въ эту келью саратогскій сундукъ. Нечего и говорить, что самъ Сайлесъ усердно поддерживалъ его, когда его несли, и на каждомъ поворотѣ замиралъ отъ страха, что при малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ сундукъ упадетъ черезъ перила на помостъ вестибюля, разобьется, раскроется—и всѣ увидятъ его роковое содержимое.

Войдя въ номеръ, онъ присѣлъ на край кровати, чтобы хотя немного отдохнуть послѣ перенесенной муки, но сейчасъ же испугался опять, увидавши, что носильщикъ услужливо хлопочетъ около сундука, стараясь развязать веревку, которой онъ былъ обвязанъ.

— Оставьте, не нужно развязывать!—закричалъ на него Сайлесъ.—Мнѣ изъ этого сундука ничего не понадобится, пока я здѣсь.

— Тогда зачѣмъ же вы велѣли его сюда вносить?— заворчалъ носильщикъ.—Оставили бы его внизу въ передней. Этакая тяжелая махина! Цѣлая церковь. Ума не приложу, что тутъ можетъ лежать. Если это все деньги, то вы богаче меня.

— Какія деньги?—внезапно смутившись, возразилъ Сайлесъ.—Нѣтъ тутъ никакихъ денегъ, вы все глупости говорите.

— Ладно, капитанъ, будь по вашему,—отвѣчалъ носильщикъ, кивая и подмигивая.—Дотрагиваться до денегъ въ вашемъ сундукѣ никто здѣсь не собирается. Онѣ будутъ въ немъ сохранны, какъ въ банкѣ. Но только сундукъ-то ужъ больно тяжелъ, такъ что я бы не прочь выпить за здоровье вашего сіятельства.

Сайлесъ далъ два наполеондора, извиняясь за иностранную монету, такъ какъ онъ только что пріѣхалъ изъ-за границы. Носильщикъ заворчалъ еще больше и, держа наполеондоры на ладони, презрительно посмотрѣлъ нѣсколько разъ то на нихъ, то на саратогскій сундукъ, и только послѣ этого, наконецъ, ушелъ.

Уже около двухъ сутокъ мертвое тѣло пролежало въ сундукѣ Сайлеса. Несчастный американецъ нѣсколько разъ съ тре-

вогой приставлялъ носъ ко всѣмъ щелямъ и промежуткамъ чемодана, но никакого запаха не было. Погода стояла холодная, и сундукъ до сихъ поръ не выдавалъ своей ужасной тайны.

Онъ сѣлъ на стулъ около сундука и въ глубокой задумчивости закрылъ лицо руками. Если онъ вскорѣ же не отдѣлается отъ своего багажа, то все немедленно обнаружится. Одинъ въ незнакомомъ городѣ, безъ друзей, безъ знакомыхъ, съ однимъ письмомъ доктора Ноэля, онъ пропадетъ окончательно, если не сдастъ сундука. А вѣдь у него недурные виды на будущее. Въ своемъ родномъ городѣ Бангорѣ, въ штатѣ Мэнъ, онъ могъ бы скоро сдѣлаться выдающимся человѣкомъ, переходить, повышаясь, съ должности на должность, отъ почета къ почету. Какъ знать, можетъ быть, современемъ онъ могъ бы даже попасть въ президенты Соединенныхъ Штатовъ, и впослѣдствіи ему поставили бы безвкусную статую въ вашингтонскомъ Капитоліи. А теперь онъ прикованъ къ мертвому англичанину, сложенному вдвое и засунутому въ саратогскій сундукъ, и если Сайлесъ не сумѣетъ отъ него отдѣлаться, — прощайте всѣ честолюбивыя мечты о высокихъ должностяхъ!

Мнѣ страшно даже представить то, что говорилъ самъ съ собой молодой человѣкъ про доктора, про убитаго человѣка, про мадамъ Зефиринъ, про носильщика, про лакеевъ принца, вообще про всѣхъ, съ кѣмъ только ему пришлось столкнуться во время своихъ бѣдственныхъ похожденій.

Въ седьмомъ часу вечера онъ сошелъ внизъ пообѣдать, но желтая столовая навела на него страхъ. Ему казалось, что всѣ обѣдающіе подозрительно на него смотрятъ, и его мысли постоянно устремлялись наверхъ, въ четвертый этажъ, къ сундуку. До такой степени были у него разстроены нервы, что когда офиціантъ принесъ сыръ, онъ отскочилъ прочь, всталъ со стула, и пролилъ на скатерть остатокъ пива.

Ему предложили пройти въ курительную комнату. Хотя въ душѣ онъ предпочиталъ уйти къ себѣ наверхъ, но тутъ не имѣлъ мужества отказаться и спустился внизъ въ курильню, освѣщенную газомъ. Тамъ на бильярдѣ играли два какихъ-то довольно потертыхъ господина: имъ прислуживалъ худой, чахоточный маркеръ. Сначала Сайлесу показалось, что въ комнатѣ больше нѣтъ никого, но потомъ, присмотрѣвшись, онъ увидалъ, что въ

дальнемъ углу сидитъ и куритъ господинъ съ опущенными глазами, съ виду скромный и приличный. Онъ сразу вспомнилъ, что уже видѣлъ гдѣ-то это лицо и, несмотря на полную перемѣну въ костюмѣ, узналъ въ курильщикѣ того самаго человѣка, который сидѣлъ на столбѣ у входа въ Боксъ-Кортѣ и помогалъ Сайлесу выносить сундукъ изъ кареты и вносить его туда опять. Тогда американецъ, не говоря худого слова, просто-на-просто показалъ пятки и остановился только тогда, когда вбѣжалъ къ себѣ въ номеръ и заперся на всѣ задвижки.

Всю ночь онъ былъ добычею всевозможныхъ воображаемыхъ ужасовъ и не ложился, а такъ и сидѣлъ все время возлѣ сундука. Предположеніе гостиничнаго слуги о томъ, что чемоданъ наполненъ золотомъ, давало ему поводъ для новыхъ опасеній, такъ что онъ не рѣшался глазъ сомкнуть хотя бы на одну минуту. Присутствіе въ курильнѣ переодѣтаго въ другой костюмъ празднаго зѣваки изъ Боксъ-Корта убѣдило его окончательно въ томъ, что онъ является центромъ какой-то темной махинаціи.

Пробило полночь. Терзаясь своими мучительными подозрѣніями, Сайлесъ отворилъ дверь своего номера и выглянулъ въ коридоръ, тускло освѣщенный одинокимъ газовымъ рожкомъ. Неподалеку спалъ на полу человѣкъ въ одеждѣ чернаго слуги при гостиницѣ. Сайлесъ подкрался къ нему на цыпочкахъ. Человѣкъ лежалъ отчасти на спинѣ, отчасти на боку, и лицо его было прикрыто передней частью руки. Вдругъ, какъ разъ въ ту минуту, когда Сайлесъ нагнулся надъ нимъ, спящій откинулъ руку и открылъ глаза. Американецъ опять оказался лицомъ къ лицу съ лодыремъ изъ Боксъ-Корта.

— Покойной ночи, сэръ,—сказалъ тотъ вѣжливо.

Но Сайлесъ былъ до того взволнованъ, что не могъ ничего отвѣтить и молча ушелъ къ себѣ въ комнату.

Подъ утро, весь измученный, онъ заснулъ на стулѣ, привалившись головой спереди къ сундуку. Несмотря на такую неудобную постель, онъ спалъ крѣпко и долго и проснулся поздно отъ сильнаго стука въ дверь.

Онъ торопливо отперъ и увидалъ передъ собой слугу.

— Это вы вчера пріѣзжали въ Боксъ-Кортъ?—спросилъ слуга.

Дрожащимъ голосомъ Сайлесъ отвѣтилъ утвердительно.

— Тогда это вамъ,—сказалъ служитель и подалъ закрытое письмо.

Сайлесъ распечаталъ и прочиталъ:

— Въ двѣнадцать часовъ.

Онъ явился аккуратно. Нѣсколько человѣкъ посильщиковъ изъ гостиницы несли за нимъ саратогскій сундукъ. Въ комнатѣ, куда онъ вошелъ, спиной ко входу сидѣлъ и грѣлся у камина какой-то человѣкъ. Человѣкъ этотъ не могъ не слыхать, какъ входили и выходили носильщики, какъ они со стукомъ поставили на полъ тяжелый сундукъ, но Сайлесу пришлось довольно долго стоять и ждать, пока сидѣвшій у камина не соблаговолилъ обернуться.

Да. Довольно долго. Не меньше пяти минутъ. А когда онъ, наконецъ, обернулся, то Сайлесъ увидалъ передъ собой—принца Флоризеля богемскаго.

— Такъ-то вы, сэръ, злоупотребляете моей вѣжливостью!—сурово напустился на молодого человѣка принцъ.—Вы нарочно стараетесь втереться къ высокопоставленнымъ лицамъ, чтобы уклониться отъ отвѣтственности за свои преступленія! Теперь я вполнѣ объясняю себѣ ваше смущеніе, когда я вчера заговорилъ съ вами.

— Увѣряю васъ, я ровно ни въ чемъ не виноватъ!—воскликнулъ со слезами въ голосѣ Сайлесъ.—Это только мое несчастье.

И онъ разсказалъ принцу подробно про свои бѣдствія. Разсказалъ торопливымъ голосомъ и до крайности наивно.

— Я вижу, что я ошибся,—сказалъ его высочество, дослушавъ разсказъ до конца.—Вы здѣсь сами оказываетесь жертвой. Теперь я не наказывать васъ долженъ, а долженъ помочь вамъ по мѣрѣ силъ. Хорошо. За дѣло, сэръ. Открывайте сундукъ, показывайте, что тамъ у васъ лежитъ.

Сайлесъ перемѣнился въ лицѣ.

— Я боюсь на это смотрѣть!—воскликнулъ онъ.

— Ну, вотъ еще! Вѣдь вы ужъ это видѣли!—возразилъ принцъ.—Съ подобнымъ чувствомъ необходимо энергично бороться, подавлять его въ себѣ. По моему, гораздо тяжелѣе видѣть больного, еще нуждающагося въ помощи, чѣмъ мертвеца, который уже избавился навсегда отъ всякихъ тревогъ, отъ

любви и отъ ненависти. Ободритесь, м-ръ Скеддаморъ, возьмите себя въ руки...

Видя, что американецъ все еще стоитъ и не рѣшается, принцъ прибавилъ:

— Я васъ прошу. Мнѣ бы не хотѣлось приказывать.

Молодой американецъ проснулся, какъ отъ сна, и съ дрожью отвращенія самъ распаковалъ, отперъ и открылъ саратотскій сундукъ. Принцъ стоялъ около, заложивъ руки за спину, и совершенно спокойно смотрѣлъ, какъ онъ все это дѣлаетъ. Тѣло совершенно закоченѣло, и Сайлесу стоило большихъ моральныхъ и физическихъ усилій его расправить и повернуть лицомъ.

Принцъ Флоризель взглянулъ и вскрикнулъ отъ горестнаго изумленія.

— Ахъ!—сказалъ онъ.—Вы и не знаете, м-ръ Скеддаморъ, какой жестокій подарокъ вы намъ привезли! Это молодой человѣкъ изъ моей свиты, братъ моего вѣрнаго друга. На службѣ мнѣ онъ и погибъ отъ рукъ убійцъ-предателей. Бѣдный Джеральдинъ! Какъ я ему скажу о смерти его брата? Какъ я оправдаюсь передъ нимъ и передъ Богомъ за то, что послалъ юношу на такое дѣло, гдѣ онъ нашелъ себѣ кровавую безвременную смерть? Ахъ, Флоризель, Флоризель! Когда же ты научишься быть скромнѣе и перестанешь ослѣплять себя собственнымъ могуществомъ? И какое же это могущество? Да я безсильнѣе всѣхъ! Я вотъ смотрю на этого мертваго юношу, м-ръ Скеддаморъ, на юношу, котораго самъ же принесъ въ жертву, и чувствую, какъ въ сущности это мало значитъ—быть принцемъ.

Сайлеса тронуло горе принца. Онъ попробовалъ сказать ему нѣсколько словъ въ утѣшеніе, что-то пробормоталъ невнятное, но самъ расплакался и замолчалъ. Принцъ въ свою очередь былъ растроганъ добрымъ намѣреніемъ американца; онъ подошелъ и взялъ его за руку.

— Соберитесь съ духомъ,—сказалъ онъ.—Для насъ для обоихъ это урокъ, мы оба сдѣлались лучше послѣ сегодняшней встрѣчи.

Сайлесъ молча поблагодарилъ его ласковымъ взглядомъ.

— Напишите мнѣ на этой бумагѣ адресъ доктора Ноэля,— продолжалъ принцъ, ведя его къ столу,—а вамъ я совѣтую, когда вы вернетесь въ Парижъ, всячески избѣгать этого опас-

наго человѣка. Правда, въ этомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ только по великодушному вдохновенію. Я думаю, что это такъ. Если бы онъ самъ былъ причастенъ къ смерти молодого Джеральдина, онъ ни въ какомъ случаѣ не отослалъ бы тѣло убитаго юноши къ дѣйствительному преступнику.

— Къ дѣйствительному преступнику!—съ удивленіемъ воскликнулъ Сайлесъ.

— Вотъ именно,—отвѣчалъ принцъ.—Это письмо по волѣ Провидѣнія попавшее такимъ страннымъ путемъ ко мнѣ въ руки, адресовано не къ кому иному, какъ къ самому убійцѣ, къ гнусному предсѣдателю клуба самоубійцъ. Не старайтесь проникнуть глубже въ это опасное дѣло, а поздравьте сами себя съ чудеснымъ избавленіемъ отъ опасности и поскорѣе уходите изъ этого дома. Я очень тороплюсь, мнѣ вѣдь нужно хорошенько все устроить съ этимъ бѣднымъ прахомъ, который еще такъ недавно былъ свѣжимъ, изящнымъ, красивымъ юношей

Сайлесъ почтительно откланялся принцу Флоризелю, но не сейчасъ ушелъ изъ Боксъ-Корта, а сначала посмотрѣлъ, какъ принцъ сѣлъ въ роскошную карету и поѣхалъ къ начальнику полиціи полковнику Гендерсону. При всемъ своемъ республиканствѣ молодой американецъ почтительнѣйше стоялъ безъ шляпы, провожая уѣзжавшую карету. Въ ту же ночь онъ укатилъ по желѣзной дорогѣ обратно въ Парижъ.

Здѣсь (говоритъ мой арабскій писатель) оканчивается разсказъ про доктора и про дорожный сундукъ. Опуская разныя разсужденія о всемогущемъ Промыслѣ, высоко-содержательныя въ оригиналѣ, но мало соотвѣтствующія нашему западному вкусу, я только прибавляю, что мистеръ Скеддаморъ уже началъ взбираться все выше и выше по лѣстницѣ политической славы и по послѣднимъ извѣстіямъ былъ уже шерифомъ своего родного города.

Приключеніе съ извозчиками.

Поручикъ Брэкенбюри Ричъ сильно отличился въ одну изъ послѣднихъ индійскихъ горныхъ войнъ. Онъ собственноручно захватилъ въ плѣнъ главнаго вождя. Его храбрость прогремѣла на весь свѣтъ. Когда онъ возвращался домой съ безобразнымъ

шрамомъ отъ сабельнаго удара и весь трясясь отъ болотной лихорадки, благопріобрѣтенной въ джунгляхъ, общество готовилось устроить ему торжественную встрѣчу, какая полагается знаменитости небольшого чина. Но поручикъ Брэкенбюри былъ очень скромный мужчина. Онъ любилъ приключенія и опасности, но терпѣть не могъ никакой лести и никакихъ торжествъ. Поэтому онъ переждалъ въ Алжирѣ и на разныхъ курортахъ, пока шумъ о немъ не улегся и объ его подвигахъ не начали забывать. Только тогда, наконецъ, рѣшился онъ пріѣхать въ Лондонъ. Пріѣздъ его былъ почти никѣмъ не замѣченъ, чего именно ему и хотѣлось. А такъ какъ онъ былъ одинокъ и имѣлъ лишь дальнихъ родственниковъ, жившихъ гдѣ-то въ провинціи, то въ столицѣ страны, за которую онъ только что пролилъ свою кровь, онъ оказался въ положеніи пріѣзжаго иностранца.

На слѣдующій день по пріѣздѣ онъ пообѣдалъ одинъ въ военномъ клубѣ. Тамъ онъ встрѣтился кое съ кѣмъ изъ старыхъ товарищей, пожалъ имъ руки, поговорилъ, но такъ какъ каждый изъ нихъ былъ куда-нибудь приглашенъ на вечеръ, то Брэкенбюри оказался опять въ одиночествѣ. На немъ былъ вечерній костюмъ, потому что онъ имѣлъ въ виду отправиться въ какой-нибудь театръ. Но онъ Лондона совсѣмъ не зналъ. Изъ провинціальной школы онъ попалъ сначала въ военное училище, а оттуда былъ выпущенъ прямо въ остъ-индскую армію. Теперь онъ разсчитывалъ познакомиться съ Лондономъ, который былъ для него почти совершенно незнакомою землей. Помахивая тросточкой, онъ пошелъ на западъ.

Былъ тихій темный вечеръ. Временами накрапывалъ дождь. Смѣна незнакомыхъ лицъ при свѣтѣ фонарей дѣйствовала на воображеніе поручика. Онъ размечтался. Ему представлялось, что онъ такъ и будетъ все итти и итти, безъ конца, въ этой возбуждающей атмосферѣ громаднаго города, окруженный таинственнымъ, невидимымъ вліяніемъ четырехъ милліоновъ человѣческихъ жизней. Онъ смотрѣлъ на дома, думая о томъ, что дѣлается за ихъ ярко освѣщенными окнами; вглядывался въ лица встрѣчныхъ и видѣлъ на всѣхъ на нихъ печать озабоченности чѣмъ-то неизвѣстнымъ ему, не то дурнымъ и преступнымъ, не то благороднымъ и добрымъ.

— Вотъ всѣ говорятъ—война, война, — думалъ онъ, — а

здѣсь развѣ не та же война? Развѣ это не поле битвы для человѣчества—большое, широкое?

Тутъ онъ сталъ удивляться тому, что вотъ онъ идетъ одинъ по такой обширной и сложной аренѣ, и для него нѣтъ ни малѣйшаго шанса испытать хотя бы что-нибудь похожее на приключеніе.

— Всему свое время,—размышлялъ онъ дальше.—Я здѣсь чужой; быть можетъ, и видъ у меня странный. Но этотъ водоворотъ втянетъ современемъ и меня.

Стемнѣло еще больше, и вдругъ съ шумомъ хлынулъ холодный дождь. Брэкенбюри спрятался подъ деревья. Тутъ онъ замѣтилъ, что стоявшій неподалеку извозчикъ знакомъ даетъ ему понять, что онъ свободенъ.

Поручикъ обрадовался благопріятному случаю и махнулъ извозчику въ отвѣтъ тросточкой. Тотъ подалъ свой кэбъ, и поручикъ усѣлся въ лондонскую гондолу.

— Куда прикажете?—спросилъ извозчикъ.

— Куда хотите, туда и везите,—отвѣтилъ Брэкенбюри.

Кэбъ съ изумительной быстротой помчался по дождю среди путаницы отдѣльныхъ дачъ, до того похожихъ одна на другую—съ садикомъ передъ каждой, съ плохо освѣщенными улицами—что Брэкенбюри, сидя въ быстро мчавшемся кэбѣ, скоро совсѣмъ пересталъ понимать, куда его везутъ. Одно время ему казалось, что извозчикъ просто забавляется и катаетъ его себѣ вокругъ одного небольшого квартала, но этому противорѣчила быстрота ѣзды: извозчикъ, очевидно, спѣшилъ куда-нибудь, имѣя вполнѣ опредѣленную цѣль. Поручику вспомнились разсказы о томъ, какъ въ Лондонѣ завозятъ пріѣзжихъ въ разные дурные притоны. Вдругъ этотъ извозчикъ принадлежитъ къ какому-нибудь разбойническому товариществу? Вдругъ его этакъ же завезутъ куда-нибудь и убьютъ? Такая мысль должна была явиться сама собою, когда кэбъ вдругъ быстро завернулъ за уголъ и подкатилъ къ садовымъ воротамъ дачи, отъ которыхъ шла къ дому длинная и широкая аллея. Домъ былъ великолѣпно освѣщенъ. Въ это время отъ воротъ отъѣзжалъ другой извозчичій кэбъ, и Брэкенбюри могъ видѣть, какъ какого-то господина впускали въ главный подъѣздъ и какъ его встрѣчали ливрейные лакеи. Поручикъ очень удивился, что его кэбъ остановился возлѣ самаго дома, но приписалъ это простой случайности

и преспокойно остался сидѣть въ экипажѣ, продолжая курить. Но вотъ открылась форточка вверху кэба, и извозчикъ сказалъ:

— Пріѣхали, сэръ!

— Пріѣхали? — переспросилъ Брэкенбюри. — Куда пріѣхали?

— Вы сами же изволили сказать: «Куда хотите, туда и везите»,—со смѣхомъ отвѣчалъ кэбменъ.—Вотъ я васъ и привезъ.

Брэкенбюри удивился, что у извозчика такой пріятный и вѣжливый голосъ; онъ вспомнилъ необычайную рѣзвость его лошади и теперь, кромѣ того, обратилъ вниманіе на роскошную отдѣлку экипажа. Такихъ извозчичьихъ кэбовъ не бываетъ.

— Я попрошу васъ объяснить мнѣ, что это значитъ, — сказалъ поручикъ.—Съ какой стати вамъ вздумалось высаживать меня на дождѣ и среди грязи? Я полагаю, любезный, что сначала слѣдовало спросить меня самого, захочу ли я?

— Я васъ и спрашиваю,—отвѣчалъ извозчикъ,—и когда я объясню вамъ все, то я напередъ увѣренъ, судя по вашей наружности, что вы захотите. Въ этомъ домѣ собирается джентльменская компанія. Я хорошенько не знаю, что за человѣкъ здѣшній хозяинъ: новичекъ ли онъ въ Лондонѣ, не имѣющій никого знакомыхъ, или просто чудакъ, потакающій собственнымъ своимъ прихотямъ, но только онъ меня нанялъ съ тѣмъ, чтобы я подхватывалъ и привозилъ къ нему джентльменовъ, одѣтыхъ въ вечерніе костюмы, въ особенности военныхъ офицеровъ. Вамъ стоитъ только войти и сказать, что васъ пригласилъ м-ръ Моррисъ.

— Это вы—м-ръ Моррисъ?—освѣдомился поручикъ.

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ кэбменъ.—М-ръ Моррисъ—хозяинъ этого дома.

— Не совсѣмъ заурядный способъ собирать къ себѣ гостей,—сказалъ Брэкенбюри.—Впрочемъ, отчего чудаку не почудачить немного, если это ни для кого не обидно. А скажите, если я отклоню приглашеніе м-ра Морриса, тогда какъ?

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приказано отвести васъ на то мѣсто, гдѣ я васъ посадилъ,—отвѣчалъ извозчикъ,—и до полуночи высматривать другихъ подходящихъ особъ. М-ръ Моррисъ говоритъ, что тѣ, кому такое приключеніе не по вкусу, въ гости ему не годятся.

Эти слова заставили поручика рѣшиться.

— Вотъ и приключеніе, — подумалъ онъ, сходя съ извозчика.—Въ общемъ, мнѣ недолго пришлось дожидаться.

Выйдя изъ кэба у воротъ, при чемъ едва нашелъ мѣсто, гдѣ ступить на тротуаръ, онъ сталъ рыться въ карманахъ, чтобы заплатить за ѣзду, но кэбъ уже успѣлъ сейчасъ же отъѣхать и помчался попрежнему сломя голову. Брэкенбюри крикнулъ извозчику, но тотъ не обратилъ никакого вниманія и продолжалъ мчаться. Но голосъ поручика услыхали въ домѣ; дверь подъѣзда опять отворилась, пропустивъ въ садъ цѣлый потокъ свѣта, и къ поручику навстрѣчу выбѣжалъ лакей, неся для него зонтикъ.

— Извозчику заплачено,—учтиво объяснилъ лакей, — не извольте безпокоиться.

И онъ повелъ Брэкенбюри сначала по садовой дорожкѣ, а потомъ по ступенямъ крыльца.

Въ передней нѣсколько другихъ лакеевъ приняли отъ него палку, шляпу, пальто, дали ему билетъ съ номеромъ и вѣжливо повели по лѣстницѣ, убранной тропическими цвѣтами. Величественный дворецкій спросилъ его фамилію, проводилъ его въ гостиную и громогласно доложилъ: «Поручикъ Брэкенбюри Ричъ».

Навстрѣчу гостю вышелъ стройный и замѣчательно красивый молодой человѣкъ, привѣтствуя его вѣжливо и радушно. Сотни свѣчей изъ самаго лучшаго воска заливали свѣтомъ всю комнату, пропитанную, какъ и антрэ, ароматомъ рѣдкихъ и красивыхъ цвѣтущихъ растеній. Открытый буфетъ былъ уставленъ аппетитными блюдами. Многочисленные лакеи сновали по гостиной, разнося фрукты и бокалы съ шампанскимъ. Гостей было счетомъ шестнадцать человѣкъ,—все мужчины, только что вышедшіе изъ ранней молодости и, за немногими исключеніями, очень представительные и элегантные. Они разбились на двѣ группы: одна толпилась у рулетки, а другая у стола, на которомъ играли въ баккара.

— Очевидно, я попалъ въ какой-нибудь частный игорный домъ,—подумалъ Брэкенбюри,—и извозчикъ былъ просто зазыватель.

Онъ бѣгло окидывалъ глазами всю обстановку и дѣлалъ свои выводы,а хозяинъ все держалъ его за руку. Но вотъ онъ снова взглянулъ на хозяина.

При вторичномъ осмотрѣ наружность м-ра Морриса произвела на поручика еще болѣе благопріятное впечатлѣніе. Непринужденное изящество его манеръ, любезность, благородство, мужество, просвѣчивавшія во всѣхъ его чертахъ, — все это плохо согласовалось съ предубѣжденіями поручика противъ хозяина игорнаго ада. Общій тонъ м-ра Морриса обличалъ въ немъ человѣка съ положеніемъ въ обществѣ и съ большими достоинствами. Брэкенбюри почувствовалъ внезапно сильное влеченіе къ своему собесѣднику, и хотя самъ бранилъ себя за свою слабость, однако, никакъ не могъ этого влеченія въ себѣ подавить.

— Я много о васъ слышалъ, поручикъ Ричъ,—сказалъ м-ръ Моррисъ, понижая голосъ,—и очень радъ, что случай познакомилъ меня съ вами. Ваша наружность вполнѣ соотвѣтствуетъ той репутаціи, которую вы составили себѣ въ Индіи, и если вы пожелаете забыть на нѣкоторое время необычайность вашего появленія здѣсь, то я буду считать, что вы оказали мнѣ этимъ, во-первыхъ, большую честь, а, во-вторыхъ, доставили истинное удовольствіе. Человѣка, не испугавшагося варварской конницы,—прибавилъ онъ со смѣхомъ—едва ли можетъ испугать нарушеніе этикета, хотя бы и довольно серьезное.

Онъ подвелъ поручика къ открытому буфету и предложилъ ему чего-нибудь выпить и закусить.

— Ей-Богу, онъ очень милъ и интересенъ, — думалъ про себя поручикъ,—съ нимъ такъ пріятно себя чувствуешь.

Они выпили шампанскаго, которое оказалось превосходнымъ, и, замѣтивъ, что всѣ курятъ, онъ самъ также досталъ у себя изъ портсигара манилью и закурилъ. Съ сигарой во рту подошелъ онъ къ столу съ рулеткой и нѣсколько времени постоялъ около него, съ улыбкой смотря на играющихъ. На досугѣ онъ имѣлъ возможность замѣтить, что всѣ гости безъ исключенія состояли подъ неусыпнымъ наблюденіемъ. М-ръ Моррисъ переходилъ отъ одного къ другому, какъ самый внимательный и любезный хозяинъ, но въ то же время въ каждаго зорко вглядывался, и ни одинъ гость не могъ избѣгнуть его пытливаго взгляда. Брэкенбюри началъ сомнѣваться, дѣйствительно ли это игорный притонъ: такъ все было по-домашнему. Онъ слѣдилъ за всѣми движеніями м-ра Морриса; хотя тотъ и улыбался все время, но Брэкенбюри замѣчалъ подъ этой маской серьезную тревогу и

озабоченность. Гости смѣялись и играли, но у Брэкенбюри пропалъ къ нимъ всякій интересъ.

— Этотъ Моррисъ далеко не самый беззаботный изъ находящихся здѣсь,—подумалъ онъ.—Онъ чѣмъ-то глубоко удрученъ. Постараюсь дознаться, что такое.

Отъ времени до времени м-ръ Моррисъ отводилъ кого-нибудь изъ гостей въ сторону, выходилъ съ нимъ въ сосѣднюю пріемную, и послѣ короткаго разговора возвращался въ гостиную одинъ, а гость уже больше не появлялся. Послѣ того, какъ это повторилось нѣсколько разъ, любопытство Брэкенбюри достигло крайней степени. Онъ рѣшилъ добиться объясненія хотя бы этой только тайны, пробрался незамѣтно въ пріемную передъ гостиной и спрятался въ амбразурѣ окна, прикрывшись занавѣсками моднаго зеленаго цвѣта. Едва онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ послышались шаги и голоса. Выглянувъ въ щелку между двумя занавѣсками, онъ увидѣлъ м-ра Морриса, идущаго рядомъ съ толстымъ, краснощекимъ субъектомъ, похожимъ съ виду на коммивояжера и уже раньше обратившимъ на себя вниманіе поручика своимъ грубымъ хохотомъ и дурными манерами за столомъ. Хозяинъ и гость остановились какъ разъ противъ окна, такъ что Брэкенбюри не пропустилъ ни одного слова изъ ихъ разговора. Разговоръ же былъ такой:

— Тысячу разъ прошу у васъ извиненія!—говорилъ м-ръ Моррисъ самымъ миролюбивымъ тономъ.—Хоть я поступаю и круто, но я увѣренъ, что вы на меня не будете сердиться. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Лондонъ, инциденты случаются на каждомъ шагу, и наша обязанность всячески ихъ предупреждать. Говоря откровенно, я боюсь, что вы почтили мой домъ вашимъ присутствіемъ исключительно по ошибкѣ. Я даже и не помню, какъ вы вошли. Позвольте поставить вамъ вопросъ прямо, безъ дальнихъ околичностей — между джентльменами достаточно одного слова: какъ вы думаете, въ чьемъ домѣ вы здѣсь находитесь?

— Въ домѣ м-ра Морриса,—съ чрезвычайнымъ смущеніемъ отвѣчалъ гость, не зная куда ему дѣваться отъ конфуза.

— М-ра Джона или м-ра Джемса Морриса?—допытывался хозяинъ.

— Не умѣю вамъ сказать,—отвѣчалъ несчастный гость.— Я съ нимъ лично тоже не знакомъ, какъ и съ вами.

— Я теперь вижу все,—сказалъ м-ръ Моррисъ.—На этой улицѣ живетъ мой однофамилецъ. Навѣрное, полисменъ можетъ сказать вамъ въ точности номеръ его дома. Я очень благодаренъ тому недоразумѣнію, которое познакомило меня съ вами и дало мнѣ возможность довольно долго наслаждаться вашимъ обществомъ. Я буду надѣяться, что мы еще встрѣтимся съ вами на болѣе правильной почвѣ. А теперь я не буду больше задерживать васъ вдали отъ вашихъ друзей... Джонъ!—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ.—Помогите этому джентльмену отыскать свое пальто.

И съ самымъ любезнымъ видомъ м-ръ Моррисъ проводилъ гостя до дверей на лѣстницу, сдавши его на попеченіе дворецкаго. Когда онъ, возвращаясь въ гостиную, проходилъ опять мимо окна, Брэкенбюри слышалъ, какъ онъ облегченно вздохнулъ. Очевидно, онъ избавился отъ тяжелой задачи, угнетавшей его нервы.

Съ часъ еще продолжали подъѣзжать извозчики, привозя новыхъ гостей, такъ что на каждаго удаляемаго стараго гостя являлся всякій разъ новый, и число гостей не уменьшалось. Но потомъ пріѣзды сдѣлались рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились, хотя процессъ удаленія продолжался. Гостиная начала пустѣть. Баккара прекратилась, за неимѣніемъ банкомета. Нѣкоторые распрощались съ хозяиномъ по собственному почину, а съ оставшимися м-ръ Моррисъ удвоилъ свою любезность.

Съ самыми ласковыми взглядами и съ самыми любезными словами переходилъ онъ отъ группы къ группѣ, напоминая даже не хозяина, а хозяйку, потому что въ его привѣтливости было что-то мягко-женственное, очаровывавшее всѣ сердца.

Когда гости порѣдѣли, поручикъ Ричъ вышелъ изъ гостиной на минуту въ вестибюль подышать свѣжимъ воздухомъ. Но какъ только онъ переступилъ черезъ порогъ первой пріемной, то былъ страшно пораженъ изумительнымъ открытіемъ. Съ лѣстницы исчезли всѣ тропическія растенія. У садовыхъ воротъ стояли три мебельныхъ фуры; лакеи выносили изъ дома всю обстановку; многіе изъ нихъ уже надѣли верхнее платье, какъ бы собираясь уходить. Сцена напоминала конецъ деревенскаго бала, для котораго все было взято на прокатъ. Тутъ было надъ чѣмъ призадуматься поручику. Сначала сплавили гостей, ко-

торые далеко не были настоящими гостями; теперь расходились лакеи, которые едва ли были настоящей прислугой.

— Неужели весь этотъ домъ—одна фальшь?—думалъ поручикъ.—Неужели онъ выросъ, какъ грибъ, въ одну ночь и исчезнетъ до наступленія утра?

Выждавъ удобную минуту, Брэкенбюри вбѣжалъ во второй этажъ. Тамъ оказалось то, что онъ ожидалъ. Онъ обошелъ всѣ комнаты и нигдѣ не нашелъ ни признака мебели, ни малѣйшей картины на стѣнахъ. Хотя домъ былъ отлично отдѣланъ заново, оклеенъ хорошими свѣжими обоями, но видно было, что въ немъ не только не живутъ теперь, но и не жили никогда. Молодой офицеръ съ удивленіемъ вспоминалъ, какою эта дача представлялась уютной, благоустроенной и гостепріимной снаружи, когда онъ къ ней подъѣзжалъ. Весь этотъ маскарадъ долженъ былъ стоить огромныхъ денегъ.

Кто же былъ этотъ м-ръ Моррисъ? Съ какой цѣлью вздумалъ онъ разыграть на одну ночь роль домовладѣльца въ западномъ углу Лондона? И для чего онъ затаскивалъ къ себѣ въ гости первыхъ попавшихся людей съ улицы?

Брэкенбюри спохватился, что ушелъ черезчуръ надолго, и поспѣшилъ вернуться въ гостиную. Многіе успѣли безъ него разъѣхаться. Считая съ нимъ и съ хозяиномъ, въ гостиной, гдѣ только что передъ тѣмъ было такъ людно, оставалось только пять человѣкъ. М-ръ Моррисъ встрѣтилъ его съ улыбкой и сейчасъ же всталъ со стула.

— Теперь какъ разъ время, джентльмены,—сказалъ онъ,—объяснить вамъ, какую цѣль я имѣлъ въ виду, завлекая васъ къ себѣ позабавиться. Я увѣренъ, что вы провели у меня вечеръ не особенно скучно, но я вамъ скажу откровенно, что я имѣлъ въ виду не ваше развлеченіе, а собственную пользу. Мнѣ хотѣлось помочь самому себѣ въ одной очень несчастной случайности. Господа,—продолжалъ онъ,—вы всѣ здѣсь джентльмены, за это ручается ваша внѣшность; и никакого другого ручательства мнѣ больше не нужно. Говорю откровенно: я имѣю обратиться къ вамъ съ просьбой объ одной очень опасной и очень щекотливой услугѣ. Я называю ее опасной, потому что вы до извѣстной степени рискнете вашей жизнью; я называю ее щекотливой, потому что я попрошу у васъ полнѣйшаго, абсолютнѣйшаго молчанія обо всемъ, что вы увидите и услы-

шите. Такая просьба со стороны лица, совершенно для васъ посторонняго, должна показаться вамъ странной до комизма. Я это знаю самъ. Я знаю самъ и потому прибавляю: если кто изъ васъ находитъ, что онъ слышалъ достаточно и что больше слушать не слѣдуетъ, тому я готовъ пожать на прощанье руку съ пожеланіемъ покойной ночи и добраго успѣха во всѣхъ его дѣлахъ.

На это обращеніе сейчасъ же отозвался очень высокій и сутуловатый брюнетъ.

— Вполнѣ одобряю вашу откровенность, сэръ, — сказалъ онъ,—и что касается меня, то я ухожу. Никакихъ возраженій я не дѣлаю, но не скрою, что вы внушаете мнѣ самыя подозрительныя мысли. Самъ я ухожу, какъ я уже сказалъ, но мнѣ хотѣлось бы и другимъ посовѣтовать, чтобы они послѣдовали моему примѣру, а между тѣмъ вы, по всей вѣроятности, полагаете, что я на это не имѣю права.

— Напротивъ, сэръ, я буду радъ всему, что бы вы ни сказали,—отвѣчалъ м-ръ Моррисъ,—потому что серьезность моего предложенія неоспорима, и преувеличить ее нельзя.

— Что вы скажете, джентльмены?—спросилъ высокій мужчина, обращаясь ко всѣмъ гостямъ.—Вмѣстѣ мы провели весело этотъ вечеръ, вмѣстѣ дурачились, такъ не пойти ли намъ и домой всѣмъ вмѣстѣ? Вы меня очень похвалите за этотъ совѣтъ завтра утромъ, когда снова увидите солнце невинными и невредимыми.

Ораторъ произнесъ послѣднія слова такимъ тономъ, который усилилъ ихъ значеніе, и лицо его при этомъ выражало особенную торжественность и многозначительность. Еще одинъ изъ компаніи быстро всталъ и съ видимой тревогой сталъ собираться уходить. Остались на своихъ мѣстахъ только двое — Брэкенбюри и одинъ старый, красноносый кавалерійскій майоръ. Они сидѣли, какъ будто ничего особеннаго не случилось, и можно было бы подумать, что разговоръ не касается ихъ нисколько, еслибы не быстрый взглядъ, которымъ они обмѣнялись между собой по окончаніи разговора.

М-ръ Моррисъ проводилъ дезертировъ до дверей, которыя самъ за ними заперъ, и вернулся обратно, испытывая смѣшанное чувство облегченія и возбужденія. Къ двумъ офицерамъ онъ обратился со слѣдующими словами:

— Я сдѣлалъ себѣ выборъ людей по способу Іисуса Навина изъ Библіи,—сказалъ м-ръ Моррисъ,—и думаю, что во всемъ Лондонѣ другихъ такихъ, какъ вы, не найдешь. Вы понравились моимъ извозчикамъ, потомъ и мнѣ самому. Я внимательно слѣдилъ за вами, какъ вы себя держите въ совершенно незнакомомъ вамъ обществѣ; я смотрѣлъ, какъ вы играете въ карты и какъ относитесь къ проигрышу; наконецъ, я, чтобы васъ испытать, сдѣлалъ вамъ ошеломительное заявленіе, и вы его приняли, какъ самое простое приглашеніе на обѣдъ. А вѣдь чего-нибудь да стоитъ же,—воскликнулъ онъ,—что я много лѣтъ былъ компаніономъ и воспитанникомъ одного изъ самыхъ умныхъ и храбрыхъ принцевъ въ Европѣ.

— Въ битвѣ при Бондерчангѣ,—замѣтилъ майоръ,—я вызвалъ только двѣнадцать охотниковъ, а отозвались всѣ солдаты въ отрядѣ. Но партнеры въ картахъ или полкъ солдатъ подъ огнемъ—это двѣ вещи совершенно различныя. Вы еще можете себя поздравить, что у васъ нашлось два человѣка, которые не пожелали оставить васъ въ трудную минуту. Поручикъ Ричъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Брэкенбюри,—я много слышалъ о васъ въ послѣднее время. Вѣроятно, слыхали и вы обо мнѣ. Я майоръ О'Рукъ.

И ветеранъ подалъ молодому поручику свою красную и дрожащую руку.

— Кто же о васъ не слыхалъ?—сказалъ Брэкенбюри.

— Господа, вы должны быть мнѣ оба очень благодарны, потому что черезъ меня устроилось ваше знакомство другъ съ другомъ,—сказалъ м-ръ Моррисъ.

— А теперь къ дѣлу,—сказалъ майоръ О'Рукъ.—Дуэль, вѣроятно?

— Дуэль по всѣмъ правиламъ, — отвѣчалъ м-ръ Моррисъ,—дуэль съ неизвѣстными и очень опасными врагами, дуэль, какъ я опасаюсь, съ обязательнымъ смертельнымъ исходомъ. Я васъ попрошу не называть меня больше Моррисомъ. Зовите меня, пожалуйста, Гаммерсмитомъ; моего настоящаго имени я вамъ пока не скажу, какъ не открою и имени той особы, которой я васъ надѣюсь въ скоромъ времени представить. Три дня тому назадъ особа эта внезапно исчезла изъ дома, и до сегодняшняго утра я не получалъ отъ нея извѣстій. Вы легко поймете мою тревогу, мой страхъ, когда я вамъ скажу, что здѣсь

рѣчь идетъ о частномъ правосудіи. Особа связала себя неудачной клятвой, легкомысленно данной, и потому не считаетъ себя вправѣ прибѣгать къ помощи закона, а между тѣмъ землю необходимо избавить отъ коварнаго и кровожаднаго злодѣя. Уже двое изъ нашихъ друзей, въ томъ числѣ мой родной братъ, успѣли погибнуть въ предпріятіи. Да и сама особа, если я не ошибаюсь, попалась въ тѣ же самыя сѣти. Но что этотъ человѣкъ пока еще живъ и не утратилъ надежды—достаточно ясно доказываетъ вотъ эта записка.

Съ этими словами м-ръ Моррисъ, или м-ръ Гаммерсмитъ, а въ сущности никто иной, какъ полковникъ Джеральдинъ, показалъ своимъ собесѣдникамъ письмо слѣдующаго содержанія:

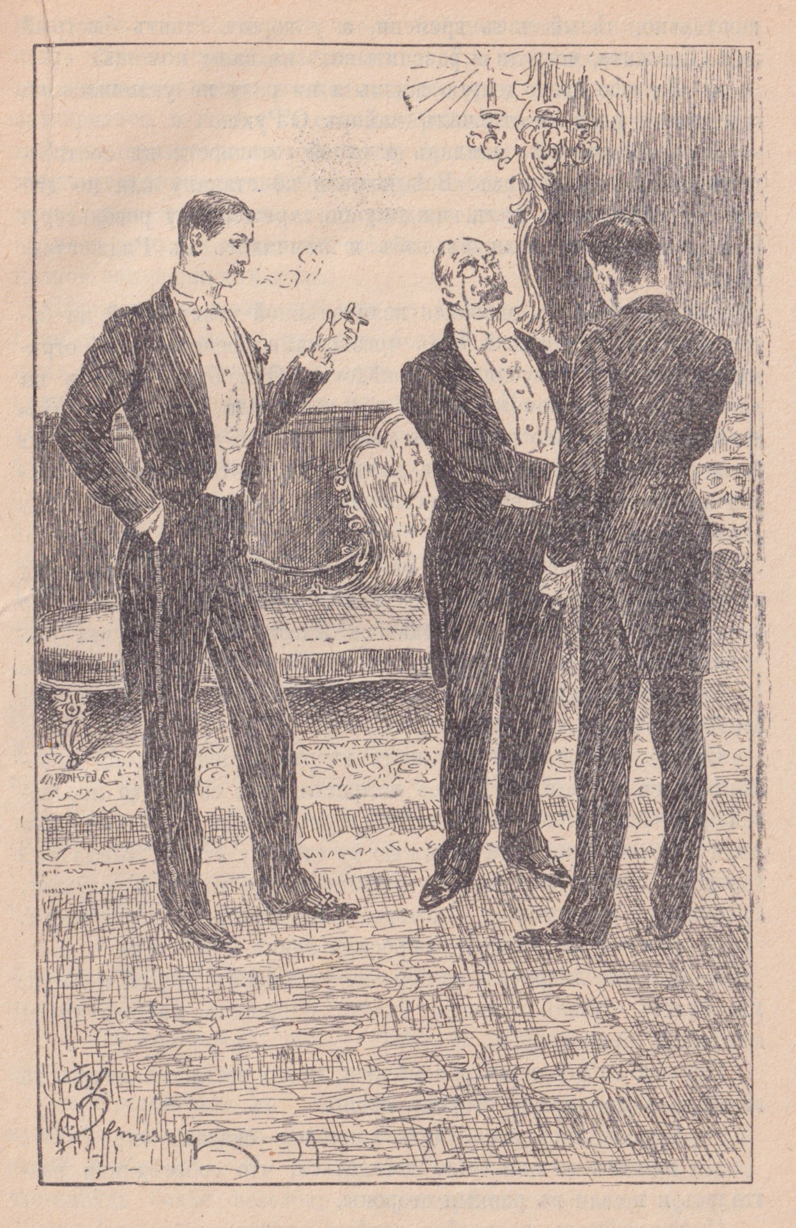
«Майоръ Гаммерсмитъ! Въ пятницу, въ три часа пополуночи, васъ впуститъ въ садовую калитку Рочестеръ-Гауза, въ Риджентсъ-Паркѣ, вполнѣ преданный мнѣ человѣкъ. Пожалуйста, не опаздывайте ни на одну секунду. Захватите мой ящикъ со шпагами и приведите съ собой двухъ джентльменовъ, если сумѣете найти такихъ, чтобы можно было положиться на ихъ твердость и скромность. Мое имя не должно фигурировать въ дѣлѣ. Т. Годолъ».

— Вы видите по письму, что я долженъ повиноваться,—продолжалъ полковникъ Джеральдинъ, когда майоръ и поручикъ прочитали письмо.—Нечего и прибавлять, что мнѣ совершенно неизвѣстно, въ чемъ заключается дѣло, о которомъ пишетъ мой другъ. Получивъ письмо, я отправился къ меблировщику, и вотъ этотъ домъ, въ которомъ мы съ вами находимся, въ нѣсколько часовъ былъ превращенъ въ помѣщеніе для бала. Планъ я составилъ себѣ очень оригинальный и въ результатѣ имѣлъ счастье познакомиться съ майоромъ О'Рукомъ и поручикомъ Брэкенбюри Ричемъ. Но здѣшняя улица будетъ завтра утромъ страшно удивлена: съ вечера этотъ домъ былъ залитъ свѣтомъ и наполненъ гостями, а на утро окажется, что онъ и сдается, и продается, и что въ немъ никто не живетъ. Такимъ образомъ, даже и въ этомъ серьезномъ дѣлѣ оказывается своя веселая сторона.

— И мы постараемся придать ему веселый конецъ,—сказалъ Брэкенбюри.

Полковникъ взглянулъ на часы.

— Еще нѣтъ двухъ,—сказалъ онъ.—У насъ впереди, слѣ-

Ветеранъ подалъ поручику руку...

розательно, цѣлый часъ времени, а у воротъ стоитъ быстрый кэбъ. Скажите, могу ли я разсчитывать на вашу помощь?

— За всю свою долгую жизнь я ни разу не уклонился ни отъ какого риска,—отвѣчалъ майоръ О'Рукъ.

Брэкенбюри тоже заявилъ о своей готовности въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ. Всѣ выпили по стакану или по два вина, и полковникъ далъ каждому по заряженному револьверу. Всѣ втроемъ они сѣли въ кэбъ и помчались въ Риджентсъ-Паркъ.

Рочестеръ-Гаузъ оказался великолѣпной резиденціей на берегу канала. Обширный садъ чрезвычайно основательно ограждалъ его отъ докучливаго сосѣдства. Онъ былъ похожъ на parc aux cerfs какого-нибудь вельможи или милліонера. Насколько можно было видѣть съ улицы, далеко не всѣ окна дома были освѣщены, и вообще на немъ лежалъ отпечатокъ нѣкоторой запущенности, свидѣтельствовавшій о томъ, что владѣлецъ давно въ домѣ не живетъ.

Три джентльмена вышли изъ кэба и безъ труда отыскали калитку, закрывавшую проходъ между двумя стѣнами сада. До назначеннаго времени приходилось ждать минутъ десять или пятнадцать. Шелъ сильный дождь, и три искателя приключеній встали подъ защиту свѣсившагося со стѣны плюща, шопотомъ бесѣдуя о предстоящемъ искусѣ.

Вдругъ Джеральдинъ поднялъ кверху палецъ, чтобы собесѣдники замолчали. Всѣ трое напрягли свой слухъ до послѣдней степени. Сквозь немолчный шумъ дождя слышны были шаги и голоса двухъ человѣкъ по ту сторону стѣны. Когда они подошли ближе, обладавшій необыкновенно тонкимъ слухомъ Брэкенбюри разслышалъ нѣкоторые обрывки изъ ихъ разговора.

— Могила выкопана?—спросилъ одинъ.

— Да, за лавровой изгородью,—отвѣчалъ другой.—Когда все будетъ сдѣлано, можно будетъ набросать на нее груду жердей.

Первый собесѣдникъ разсмѣялся, и его веселость непріятно отозвалась по другую сторону стѣны.

— Черезъ часъ все будетъ кончено,—сказалъ онъ.

По шагамъ можно было догадаться, что собесѣдники разстались и пошли въ разныя стороны.

Почти сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ калитку осторожно отво-

рили; изъ нея выглянуло чье-то блѣдное лицо, и чья-то рука стала дѣлать знаки дожидавшимся. Три джентльмена въ мертвомъ молчаніи вошли въ калитку, которая сейчасъ же за ними затворилась, и пошли за своимъ проводникомъ по многочисленнымъ аллеямъ сада къ кухонному крыльцу. Въ большой, съ каменнымъ поломъ, кухнѣ горѣла одна свѣча, а когда три джентльмена стали подниматься наверхъ по витой лѣстницѣ, кругомъ подняли возню и пискъ безчисленныя крысы, свидѣтельствуя о полной запущенности дома.

Проводникъ шелъ впереди со свѣчкой. Это былъ худой, сгорбленный человѣкъ, но еще бодрый и проворный. Повременамъ онъ оборачивался и дѣлалъ предостерегающіе знаки, чтобы никто не разговаривалъ и не шумѣлъ. Полковникъ Джеральдинъ шелъ за нимъ первый, держа подъ мышкой одной руки футляръ со шпагами, а въ другой наготовѣ пистолетъ. У Брэкенбюри усиленно билось сердце. Онъ видѣлъ и чувствовалъ, что приближается рѣшительная минута, и мрачная обстановка казалась самою подходящей для всевозможныхъ темныхъ дѣлъ. Тутъ простительно было смутиться даже и болѣе пожилому человѣку, а онъ былъ еще такъ молодъ.

Наверху лѣстницы проводникъ отворилъ дверь въ небольшую комнату и пропустилъ въ нее трехъ офицеровъ впередъ. Въ комнатѣ горѣла коптившая лампа, и топился еле-еле каминъ. У камина сидѣлъ молодой мужчина, нѣсколько полный, но изящный, съ величественной осанкой и повелительными манерами. Онъ былъ очень спокоенъ съ виду и съ наслажденіемъ курилъ сигару; около него стоялъ столикъ, а на столикѣ стаканъ съ какимъ-то горячительнымъ питьемъ, отъ котораго шелъ по комнатѣ пріятный ароматъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ, подавая руку полковнику Джеральдину.—Я такъ и зналъ, что могу разсчитывать на вашу аккуратность.

— На мою преданность,—отвѣчалъ съ поклономъ Джеральдинъ.

— Представьте мнѣ вашихъ друзей,—продолжалъ полный мужчина.—Когда это было сдѣлано, онъ необыкновенно ласково прибавилъ:—Я бы желалъ, господа, предложить вамъ что-нибудь болѣе веселое; такъ непріятно начинать знаком-

ство съ серьезнаго дѣла; но обстоятельства сильнѣе насъ, и ради нихъ приходится нарушать правила добраго товарищества. Я надѣюсь, что вы простите меня за этотъ скучный вечеръ. Для людей вашей марки достаточно будетъ узнать, что вы оказываете мнѣ громадную услугу.

— Ваше высочество,—сказалъ майоръ,—простите мнѣ мою грубость, но я не умѣю скрывать того, что я знаю. Я уже и въ майорѣ Гаммерсмитѣ давно подозрѣваю совсѣмъ другое лицо, а въ м-рѣ Годолѣ ошибиться окончательно невозможно. Искать въ Лондонѣ двухъ человѣкъ, незнающихъ случайно въ лицо принца Флоризеля богемскаго, значитъ слишкомъ многаго требовать отъ судьбы.

— Принцъ Флоризель! — въ изумленіи воскликнулъ Брэкенбюри.

Онъ съ глубочайшимъ интересомъ сталъ вглядываться въ черты лица высокой особы.

— Я не буду жалѣть, что мое инкогнито открылось,—замѣтилъ принцъ,—потому что это дастъ мнѣ возможность гораздо дѣйствительнѣе васъ отблагодарить. Вы собирались очень много сдѣлать для м-ра Годола; я увѣренъ, что вы сдѣлаете это же самое и для принца Флоризеля, но зато принцъ Флоризель можетъ сдѣлать для васъ гораздо больше, чѣмъ м-ръ Годолъ. Слѣдовательно, я только въ выигрышѣ,—прибавилъ онъ съ самымъ любезнымъ жестомъ.

Онъ завелъ съ офицерами разговоръ объ индійской арміи и о туземныхъ войскахъ. Оказалось, что онъ во всѣ эти вопросы основательно посвященъ и даже глубоко изучилъ ихъ.

Такъ спокойно, такъ невозмутимо держалъ себя этотъ человѣкъ въ минуту смертельной опасности, что Брэкенбюри преисполнился къ нему самаго почтительнаго восторга. Очаровала его также и бесѣда съ принцемъ и его необыкновенно привѣтливое обращеніе. Всѣ его слова, жесты, движенія были не только благородны сами по себѣ, но и какъ будто облагораживали также и того, кто имѣлъ счастье бесѣдовать съ принцемъ. Брэкенбюри съ восторгомъ рѣшилъ, что для такого государя всякій порядочный и храбрый человѣкъ съ охотой пожертвуетъ жизнью.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Тогда тотъ самый человѣкъ, который привелъ офицеровъ въ комнату и сидѣлъ по-

томъ все время въ дальнемъ углу, держа въ рукахъ свои часы, вдругъ всталъ и шепнулъ что-то на ухо принцу.

— Хорошо, докторъ Ноэль,—отвѣтилъ Флоризель громко и прибавилъ, обращаясь къ остальнымъ:—Извините меня, господа, я васъ оставлю въ темнотѣ. Минута приближается.

Д-ръ Ноэль потушилъ лампу. Въ окнѣ показался блѣдно-сѣроватый свѣтъ, какой бываетъ передъ восходомъ солнца, но этого было недостаточно, чтобы освѣтить комнату, такъ что когда принцъ всталъ на ноги, лица его не было видно, и только по звуку его голоса, когда онъ заговорилъ, можно было замѣтить, что онъ все-таки волнуется.

— Будьте любезны,—сказалъ онъ,—не говорите ни одного слова и сидите въ тѣни, такъ чтобы васъ не было видно.

Три офицера и докторъ поспѣшили повиноваться, и минутъ десять въ Рочестеръ-Гаузѣ глубокую тишину нарушала только возня крысъ въ полахъ и потолкахъ. Наконецъ, гдѣ-то скрипнула на петляхъ дверь, и этотъ скрипъ особенно отчетливо прозвучалъ среди абсолютнаго безмолвія. Вслѣдъ затѣмъ послышались тихіе, осторожные шаги по лѣстницѣ. Послѣ каждаго второго шага идущій, повидимому, останавливался и прислушивался, и во время этихъ остановокъ тревога сидящихъ въ комнатѣ все росла и росла. Д-ръ Ноэль, при всей своей привычкѣ къ опасностямъ и треволненіямъ, разстроился почти до физическихъ страданій. Грудь его тяжело, со свистомъ, дышала, зубы скрежетали, а когда онъ нервно мѣнялъ свою позу, то громко трещали всѣ его суставы.

Но вотъ за дверь взялась чья-то рука. Съ легкимъ стукомъ отскочила задвижка. Потомъ опять стало тихо. Брэкенбюри видѣлъ, что принцъ весь беззвучно приготовился къ какому-то необычному для него физическому дѣйствію. Вотъ дверь отворилась и впустила въ комнату полоску утренняго свѣта. На порогѣ появилась мужская фигура и неподвижно остановилась. Вошедшій былъ высокъ ростомъ и держалъ въ рукѣ ножъ. Въ полусвѣтѣ было видно, что его ротъ раскрытъ, и верхніе зубы оскалены, какъ у борзой собаки на садкѣ. Человѣкъ этотъ, должно быть, минуты за двѣ передъ тѣмъ былъ весь въ водѣ съ головой, потому что, пока онъ стоялъ, съ его мокрой одежды натекла вода и разошлась по полу.

Въ слѣдующій моментъ онъ переступилъ черезъ порогъ. Затѣмъ—бросокъ, сдавленный крикъ, короткая борьба. Прежде, чѣмъ полковникъ Джеральдинъ успѣлъ броситься на помощь принцу, тотъ уже держалъ въ своихъ рукахъ обезоруженнаго и побѣжденнаго противника.

— Д-ръ Ноэль,—сказалъ принцъ,—будьте добры зажечь лампу.

Сдавъ плѣнника Джеральдину и Брэкенбюри, онъ прошелъ черезъ всю комнату и усѣлся опять у камина. Когда зажгли лампу, присутствующіе замѣтили на лицѣ принца непривычную суровость. И когда онъ поднялъ голову и заговорилъ съ предсѣдателемъ клуба самоубійцъ, то въ эту минуту онъ уже былъ не безпечальнымъ джентльменомъ Флоризелемъ, а государемъ Богеміи, справедливо негодующимъ и готовящимся произнести смертный приговоръ.

— Предсѣдатель,—сказалъ онъ,—вы разставили вашу послѣднюю западню и попались въ нее сами. Свѣтаетъ. Это ваше послѣднее утро. Вы сейчасъ переплыли Риджентсъ-Каналъ; это ваша послѣдняя ванна. И та могила, которую вы сегодня вырыли для меня, скроетъ отъ любопытныхъ взоровъ вашу казнь. Вашъ старый соучастникъ въ преступленіяхъ не пожелалъ совершить надо мной предательство и выдалъ васъ мнѣ на судъ. Становитесь, сэръ, на колѣни и молитесь, если вы вѣрующій. Времени у васъ немного, Богу наскучили ваши злодѣйства.

Предсѣдатель не отвѣтилъ ничего ни словомъ, ни знакомъ. Онъ стоялъ, понуривъ голову, и хмуро глядѣлъ въ полъ, какъ будто чувствуя на себѣ упорный и безпощадный взглядъ принца.

— Господа,—продолжалъ Флоризель уже своимъ обычнымъ тономъ,—вотъ этотъ человѣкъ долго увертывался отъ меня, но сегодня, благодаря д-ру Ноэлю, онъ у насъ въ рукахъ. Всѣхъ его преступленій мнѣ не пересказать, а вамъ не переслушать, но я убѣжденъ, что еслибы въ каналѣ, въ которомъ онъ сейчасъ выкупался, была не вода, а только кровь его жертвъ, то этотъ презрѣнный негодяй былъ бы не суше, чѣмъ вотъ какъ онъ есть теперь. По поводу одного изъ его злодѣяній я желаю, чтобы были соблюдены всѣ формы, требуемыя правилами чести. Я васъ назначаю судьями, господа—потому что тутъ скорѣе казнь, чѣмъ дуэль, и предоставлять такому мошеннику выборъ

оружія значило бы доводить этикетъ до нелѣпой крайности. Я не могу допустить, чтобы моя жизнь подвергалась слишкомъ большой опасности въ подобномъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ, открывая футляръ со шпагами.—Я знаю, что пистолетная пуля нерѣдко летитъ на крыльяхъ случая, независимо отъ умѣнья и мужества стрѣлка. Поэтому я рѣшилъ передать дѣло на судъ меча и увѣренъ, что вы мое рѣшеніе одобрите.

Когда Брэкенбюри и майоръ О'Рукъ, къ которымъ эти замѣчанія были спеціально обращены, дали свое одобреніе, принцъ Флоризель сказалъ предсѣдателю:

— Поскорѣе, сэръ, выбирайте себѣ клинокъ и не заставляйте меня ждать. Мнѣ страшно хочется поскорѣе это дѣло кончить разъ навсегда.

Въ первый разъ послѣ того, какъ онъ былъ схваченъ и обезоруженъ, президентъ поднялъ голову и замѣтно ободрился.

— Значитъ, мнѣ можно будетъ защищаться? — съ живостью спросилъ онъ.—И моимъ противникомъ будете вы?

— Да, я имѣю въ виду удостоить васъ этой чести,—отвѣчалъ принцъ.

— О, превосходно!—воскликнулъ предсѣдатель.—Кто можетъ знать заранѣе, что случится на полѣ битвы? И, кромѣ того, я положительно въ восторгѣ отъ прекрасныхъ поступковъ вашего высочества. Пусть даже со мной случится самое худшее, я все же умру отъ руки благороднѣйшаго джентльмена во всей Европѣ.

Тотъ, кто держалъ президента, теперь отпустилъ его, и президентъ, подойдя къ столу сталъ внимательно выбирать себѣ шпагу. Онъ сдѣлался вдругъ очень важенъ и казался вполнѣ увѣреннымъ въ своей побѣдѣ.

Такая самоувѣренность смутила свидѣтелей, и они стали просить принца еще разъ обдумать свое рѣшеніе.

— Это не фарсъ, господа,—отвѣтилъ принцъ,—и я думаю, что могу вамъ обѣщать скорый конецъ.

— Берегитесь, ваше высочество, чтобы какъ-нибудь не промахнуться,—сказалъ полковникъ Джеральдинъ.

— Джеральдинъ,—отвѣчалъ принцъ,—когда же это было, чтобы я пасовалъ въ дѣлѣ чести? Да, наконецъ, мой долгъ передъ самимъ собой убить этого человѣка, и я его убью.

Предсѣдатель выбралъ, наконецъ, себѣ шпагу и объявилъ о

своей готовности жестомъ, который не былъ лишенъ нѣкотораго благородства. Близкая опасность и приливъ храбрости даже этому отъявленному негодяю придали видъ мужества и, если угодно, извѣстную грацію.

Принцъ выбралъ себѣ шпагу, не глядя. Взялъ первую попавшуюся.

— Полковника Джеральдина и д-ра Ноэля я попрошу подождать меня въ этой комнатѣ. Майоръ О'Рукъ, вы человѣкъ пожилой и съ установившейся репутаціей, позвольте мнѣ поручить г. предсѣдателя вашему благосклонному покровительству. Поручикъ Ричъ будетъ секундантомъ у меня; онъ молодъ и едва ли успѣлъ пріобрѣсти особенную опытность въ подобныхъ дѣлахъ.

— Ваше высочество,—сказалъ Брэкенбюри,—для меня это такая честь, такая честь, что я и выразить не могу, какъ я высоко ее цѣню.

— Хорошо,—отвѣчалъ принцъ.—А я съ своей стороны постараюсь выступить вашимъ другомъ въ какихъ-нибудь болѣе важныхъ обстоятельствахъ.

Онъ вышелъ первый изъ комнаты и пошелъ впереди всѣхъ внизъ по кухонной лѣстницѣ.

Двое оставшихся отворили окно и стали въ него глядѣть, стараясь не пропустить ни одной черты изъ разыгрывавшихся событій. Дождь пересталъ. Почти совсѣмъ разсвѣтало, въ кустахъ и деревьяхъ сада чирикали птицы. Принцъ и его спутники были видны до тѣхъ поръ, пока они шли по аллеѣ между двумя стѣнами густой зелени, но на первомъ же поворотѣ встрѣтилась купа деревьевъ и закрыла ихъ своей листвой. Только это и видѣли полковникъ и докторъ, садъ же былъ такъ великъ, и мѣсто боя находилось настолько далеко отъ дома, что до ихъ ушей не могъ долетать стукъ перекрещивающихся клинковъ.

— Онъ повелъ его какъ разъ къ самой могилѣ,—сказалъ съ содроганіемъ д-ръ Ноэль.

— Да поможетъ Богъ правому дѣлу!—воскликнулъ полковникъ.

Оба замолчали, ожидая исхода дуэли. Докторъ дрожалъ отъ страха, а полковникъ обливался потомъ. Прошло довольно много минутъ. День сдѣлался замѣтно свѣтлѣе. Птицы въ саду расчирикались совсѣмъ громко. Только тогда, наконецъ, послы-

шались за дверями шаги возвращавшихся. Полковникъ и докторъ разомъ устремили на дверь свои взгляды и увидѣли входящихъ принца и двухъ индійскихъ офицеровъ. Правому дѣлу Богъ помогъ.

— Мнѣ очень совѣстно за свое волненіе,—сказалъ принцъ Флоризель.—Подобная слабость совершенно мнѣ не къ лицу, но меня все время раздражало и изводило хуже всякой болѣзни, что эта проклятая собака продолжаетъ жить на свѣтѣ и никакъ нельзя ее истребить. Его смерть меня освѣжила лучше, чѣмъ если бы я крѣпко выспался за эту ночь. Взгляните, Джеральдинъ,—продолжалъ онъ, бросая на полъ свою шпагу,—это кровь человѣка, который убилъ вашего брата. Ея видъ долженъ быть для васъ пріятенъ. Но какъ странно устроенъ человѣкъ,—прибавилъ онъ.—Не прошло и пяти минутъ, какъ я исполнилъ свою месть, а уже начинаю спрашивать самъ себя, достойно ли и вообще имѣетъ ли смыслъ отмщеніе въ здѣшней временной жизни? Онъ дѣлалъ зло. Кто можетъ это зло исправить и загладить? За время своей жизненной карьеры онъ составилъ себѣ громаднѣйшее состояніе (между прочимъ, ему принадлежитъ этотъ самый домъ, гдѣ мы находимся)—и эта карьера навсегда оставила свой слѣдъ въ судьбѣ многихъ людей. Я отмстилъ, но не могу сдѣлать бывшее не бывшимъ; братъ Джеральдина не воскреснетъ, и тысяча другихъ, кого этотъ человѣкъ развратилъ и обезчестилъ, останутся развращенными и обезчещенными. Жизнь человѣка — такой пустякъ, а между тѣмъ, какое широкое употребленіе можно изъ нея сдѣлать! Увы!—воскликнулъ принцъ. — Кажется, ничто въ жизни не приноситъ такого разочарованія, какъ достиженіе цѣли, какъ исполненіе задуманнаго.

— Совершился Божій судъ,—возразилъ докторъ.—Я такъ на это смотрю. Для меня, ваше высочество, этотъ урокъ особенно тяжелъ, и я со страхомъ жду своей очереди.

— Что я такое говорилъ сейчасъ?—воскликнулъ принцъ.—Я не дѣло говорилъ. Виновнаго я наказалъ, а около меня есть человѣкъ, который поможетъ мнѣ загладить сдѣланное зло. Да, докторъ Ноэль! У насъ съ вами впереди много дней для трудной и почетной работы, и если мы ее сдѣлаемъ, то вы съ избыткомъ искупите всѣ ваши прежніе грѣхи.

— А пока позвольте мнѣ пойти и похоронить моего стараго друга,—сказалъ докторъ.

Таковъ благополучный конецъ разсказа, — говоритъ мой ученый арабъ.—Разумѣется, принцъ не позабылъ ни одного изъ тѣхъ, кто ему помогъ въ этомъ большомъ дѣлѣ. Своимъ вліяніемъ и авторитетомъ онъ сильно двигалъ впередъ ихъ карьеру, а его благосклонная дружба вносила много очарованія въ ихъ частную жизнь. Если бы собрать и описать,—продолжаетъ мой арабъ,—всѣ случаи, въ которыхъ принцъ играетъ роль Провидѣнія, то написанными книгами наполнился бы весь земной шаръ. Но исторія съ «Бриллiантомъ Раджи» до такой степени интересна, что ее никакъ нельзя обойти и не описать. Слѣдуя шагъ за шагомъ за нашимъ восточнымъ авторомъ, мы теперь начнемъ новую серію разсказовъ, въ которой и передадимъ эту исторію.

БРИЛЛІАНТЪ РАДЖИ.

(The Rajah's Diamond).

Похожденія одной картонки.

До шестнадцатилѣтняго возраста м-ръ Гарри Гартлей получалъ обыкновенное джентльменское воспитаніе, то есть учился сначала въ частной школѣ, а потомъ въ одномъ изъ тѣхъ больших учебныхъ заведеній, которыми Англія справедливо славится. Но съ этого времени у него явилось необыкновенное отвращеніе къ ученію; изъ родителей у него была жива только мать, слабая и невѣжественная женщина; она позволила сыну бросить ученье и заняться исключительно самоусовершенствованіемъ въ области разныхъ свѣтскихъ пустяковъ. Два года спустя онъ остался сиротой и почти нищимъ. Для производительнаго труда онъ былъ совершенно непригоденъ какъ отъ природы такъ и по воспитанію. Онъ умѣлъ пѣть романсы и мило аккомпанировалъ себѣ самъ на фортепіано; красиво ѣздилъ верхомъ, хотя и боялся ѣздить; превосходно игралъ въ шахматы. Природа надѣлила его замѣчательно привлекательной, на рѣдкость красивой наружностью. Бѣлокурый, румяненькій, съ кроткими голубыми глазами и пріятной улыбкой, онъ производилъ впечатлѣніе томной, задумчивой нѣжности. Манеры его были тихія, вкрадчивыя. Но пороха онъ выдумать не могъ, въ этомъ нужно было отдать ему полную справедливость. Совсѣмъ не годился ни для войны, ни для мирнаго управленія государствомъ.

По счастливой случайности и отчасти черезъ протекцію онъ въ трудную минуту получилъ мѣсто личнаго секретаря у генералъ-майора сэра Томаса Ванделера, командора ордена Бани. Сэръ Томасъ былъ мужчина лѣтъ шестидесяти, съ громкимъ голосомъ, съ рѣзкими манерами, характеромъ крутой и власт-

ный. За какія-то услуги, о которыхъ ходили темные слухи, передававшіеся на ухо и неоднократно опровергавшіеся, раджа кашгарскій пожаловалъ этому офицеру шестой изъ извѣстнѣйшихъ на свѣтѣ алмазовъ. Этотъ подарокъ превратилъ генерала Ванделера изъ бѣднаго человѣка въ богача, изъ безвѣстнаго, непопулярнаго солдата въ одного изъ львовъ лондонскаго общества. Обладатель бриліанта раджи былъ допущенъ въ самые исключительные кружки. И нашлась молодая, красивая дѣвушка изъ знатной семьи, которая согласилась сдѣлаться носительницей этого бриліанта цѣною супружества съ сэромъ Томасомъ Ванделеромъ. Леди Ванделеръ была не только сама по себѣ бриліантомъ чистѣйшей воды, но и умѣла показать себя свѣту въ самой великолѣпной оправѣ. Многія авторитетныя лица признавали ее одной изъ трехъ или четырехъ женщинъ, считавшихся въ Англіи первыми франтихами.

Секретарскія обязанности Гарри Гартлея были не особенно обременительны, но у него было природное отвращеніе ко всякому продолжительному труду. Ему не нравилось возиться съ чернилами, пачкать себѣ ими пальцы, а прелести леди Ванделеръ и ея туалеты побуждали его черезчуръ часто перекочевывать изъ библіотеки въ будуаръ. Онъ умѣлъ обходиться съ женщинами, любилъ и умѣлъ поговорить съ ними о модахъ и дѣлалъ это съ увлеченіемъ. Съ нимъ можно было посовѣтоваться о цвѣтѣ ленты и дать ему порученіе къ модисткѣ. Въ самое короткое время дѣло свелось къ тому, что корреспонденція сэра Томаса постоянно запаздывала, а у миледи явилась вторая горничная.

Кончилось тѣмъ, что генералъ, будучи и на службѣ самымъ нетерпѣливымъ и взыскательнымъ изъ начальниковъ, въ бѣшенствѣ вскочилъ однажды со стула и объявилъ своему секретарю, что больше не нуждается въ его услугахъ. Свои слова онъ сопроводилъ жестомъ, весьма мало употребительнымъ въ джентльменской средѣ. На бѣду дверь была отворена, такъ что м-ръ Гартлей вылетѣлъ изъ нея стремглавъ и растянулся.

Онъ всталъ, слегка ушибленный и глубоко огорченный. Жилось ему въ генеральскомъ домѣ очень хорошо. Все-таки онъ тамъ, хотя и на сомнительной ногѣ, вращался въ лучшемъ обществѣ; работалъ мало, питался прекрасно и имѣлъ возможность замирать отъ восторга въ присутствіи леди Ванделеръ,

которую въ глубинѣ сердца называлъ гораздо болѣе нѣжнымъ именемъ.

Получивъ такое грубо-солдатское оскорбленіе, онъ сейчасъ же побѣжалъ въ будуаръ и пожаловался на свое горе.

— Я вижу, любезный Гарри, — сказала леди Вандилеръ, звавшая его всегда просто по имени, какъ мальчика или какъ домочадца,—что вы не исполняли того, что говорилъ вамъ генералъ. Я тоже никогда не дѣлаю по его, какъ вы, вѣроятно, сами знаете. Но тутъ разница. Жена можетъ загладить цѣлый рядъ своихъ провинностей, ловко угодивши мужу въ какомъ-нибудь одномъ случаѣ. Но личный секретарь не жена. Мнѣ очень грустно разставаться съ вами, но вѣдь вы же не можете оставаться въ домѣ, гдѣ вамъ нанесено такое оскорбленіе. Желаю вамъ всего лучшаго и обѣщаю вамъ, что генералъ у меня жестоко поплатится за свое поведеніе.

У Гарри вытянулось лицо, на глазахъ выступили слезы, и онъ взглянулъ на леди Вандилеръ съ нѣжнымъ упрекомъ.

— Миледи,—сказалъ онъ, — что такое оскорбленіе? Его всегда можно забыть и простить, но разставаться съ друзьями, но разрывать узы сердечныхъ отношеній...

Онъ не могъ продолжать. Его душило волненіе. Онъ заплакалъ.

Леди Вандилеръ поглядѣла на него съ любопытствомъ.

— Дурачокъ воображаетъ себя влюбленнымъ въ меня, — подумала она.—Почему бы ему не перейти отъ генерала на службу ко мнѣ? Онъ такой добрый, услужливый, знаетъ толкъ въ дамскихъ нарядахъ. Кромѣ того, его слѣдуетъ вознаградить за полученную обиду. Его нельзя не пожалѣть, онъ такой хорошенькій.

Въ этотъ же вечеръ она поговорила съ генераломъ, который уже и самъ отчасти стыдился своей вспыльчивости, и Гарри былъ переведенъ на женскую половину, гдѣ онъ почувствовалъ себя совсѣмъ какъ въ раю. Онъ очень гордился своей службой у такой красавицы и смотрѣлъ на порученія леди Вандилеръ, какъ на знаки особаго къ нему расположенія. Передъ другими мужчинами, насмѣхавшимися надъ нимъ и презиравшими его, онъ, какъ будто на зло, особенно любилъ появляться въ роли дамской горничной мужского пола или модистки въ брюкахъ. Съ нравственной точки зрѣнія онъ свою жизнь совершенно не

былъ въ состоянiи обсудить. Онъ зналъ только одно, что всѣ мужчины злы, что злость составляетъ основную черту ихъ характера, и находилъ, что проводить цѣлые дни съ изящной, милой женщиной, толкуя съ ней объ отдѣлкахъ и прошивкахъ, все равно, что жить на волшебномъ островѣ, защищенномъ отъ житейскихъ бурь.

Въ одно прекрасное утро онъ вошелъ въ гостиную и принялся разбирать ноты на крышкѣ фортепiано. Леди Ванделеръ на другомъ концѣ комнаты оживленно бесѣдовала со своимъ братомъ Чарли Пендрагономъ, старообразнымъ молодымъ человѣкомъ, сильно истощеннымъ невоздержною жизнью и на одну ногу хромымъ. Личный секретарь, на котораго собесѣдники даже и не взглянули, невольно подслушалъ часть разговора.

— Сегодня или никогда—говорила леди. — Разъ навсегда это должно быть сдѣлано сегодня.

— Сегодня, такъ сегодня, если это необходимо,—вздохнулъ ея братъ.—Но только, Клэра, это ложный, гибельный шагъ, ты это знай, и намъ съ тобой придется потомъ горько каяться.

Леди Ванделеръ бросила на брата твердый и какой-то странный, загадочный взглядъ.

— Ты забываешь, что вѣдь онъ въ концѣ концовъ долженъ же умереть когда-нибудь,—сказала она.

— Честное слово, Клэра,—сказалъ Пендрагонъ,—ты самая безсердечная мошенница въ Англiи.

— Вы, мужчины, созданы очень грубо,—отвѣчала она,—и совсѣмъ не понимаете оттѣнковъ. Вы сами и жадны, и хищны, и насильники, и безстыдники, и не заботитесь о приличiяхъ, а малѣйшее проявленiе чего-нибудь подобнаго въ женщинѣ, даже вызванное необходимостью, крайностью, вызванное заботой о будущемъ, васъ уже шокируетъ, возмущаетъ. Не выношу я ничего подобнаго! Вы не желаете, чтобы мы были умны. Вамъ непремѣнно хочется, чтобы мы были глупы, чтобы вы могли сообща презирать насъ за глупость, которой вы отъ насъ ожидаете.

— Ты совершенно права,—сказалъ ея братъ.—Ты всегда была догадливѣе меня. Между прочимъ, ты знаешь мой девизъ: прежде всего—семья.

— Да, Чарли, — отвѣчала она, вкладывая въ его руку свою,—я знаю твой девизъ лучше тебя. Ты сказалъ только пер-

вую его половину, а вторая будетъ такъ: «и прежде семьи — Клэра». Развѣ не правда? Вѣдь это вѣрно, что ты превосходный братъ, и я люблю тебя всѣмъ сердцемъ.

М-ръ Пендрагонъ всталъ, слегка сконфуженный этими семейными нѣжностями.

— Я бы не желалъ, чтобы меня видѣли,—сказалъ онъ.— Мнѣ пора идти. Да и за «Ручнымъ Котомъ» нужно присмотрѣть.

— Иди, иди,—отвѣчала она.—Онъ очень гадкій человѣкъ и можетъ все дѣло погубить.

Она ласково послала ему воздушный поцѣлуй кончикомъ пальцевъ, и братъ ушелъ изъ будуара по задней лѣстницѣ.

— Гарри,—обратилась леди Ванделеръ къ своему секретарю, какъ только они остались одни,—у меня на сегодняшнее утро есть для васъ порученіе. Но только вы непремѣнно возьмите кэбъ; я не хочу, чтобы мой секретарь загорѣлъ, и чтобы у него выступили веснушки.

Послѣднія слова она произнесла съ большимъ чувствомъ и при этомъ взглянула на своего секретаря почти съ материнской гордостью, отчего тотъ пришелъ въ восторгъ и сказалъ, что онъ радъ всякому случаю послужить ей и показать свое усердіе.

— Только это одинъ изъ нашихъ величайшихъ секретовъ,— сказала она лукаво,—и про него кромѣ меня и моего секретаря никто не долженъ знать. Сэръ Томасъ, если узнаетъ, подниметъ цѣлую бурю, а если бы вы только знали, какъ мнѣ и безъ того уже надоѣли его скандалы! Ахъ, Гарри, Гарри! Не можете ли вы мнѣ объяснить, отчего вы, мужчины, всѣ такіе грубые и несправедливые? Впрочемъ, вы, я знаю, не такой. Вы единственный изъ мужчинъ, свободный отъ этихъ ужасныхъ недостатковъ. Вы такой добрый, Гарри, такой милый. Вы можете быть другомъ женщины. Знаете, Гарри, при сравненіи съ вами всѣ прочіе мужчины кажутся еще безобразнѣе.

— Вамъ это кажется потому, что вы очень добры ко мнѣ,— сказалъ Гарри.—Вы ко мнѣ относитесь, какъ...

— Какъ мать,—перебила леди Ванделеръ. — Я стараюсь быть вашей матерью, но только я, пожалуй, для этого слишкомъ молода,—прибавила она съ улыбкой.—Боюсь, что такъ... Поэтому скажемъ лучше: какъ другъ.

Она помолчала ровно столько времени, чтобы дать этимъ

словамъ произвести свой эффектъ на Гарри, но чтобы самъ онъ не успѣлъ ничего отвѣтить.

— Но мы все говоримъ съ вами не то, все уклоняемся отъ дѣла,—сказала она.—Въ дубовомъ гардеробѣ, налѣво, подъ розовымъ платьемъ съ кружевами, которое я надѣвала въ пятницу, вы найдете картонку и сейчасъ же отнесете ее вотъ по этому адресу.—Она подала ему клочекъ бумаги.—Но только ни подъ какимъ видомъ не выпускайте этой картонки изъ рукъ, не получивши напередъ отъ того лица письменнаго удостовѣренія, собственноручно мной написаннаго и подписаннаго. Вы поняли? Повторите! Пожалуйста, повторите! Все это до крайности важно, и я прошу васъ быть особенно внимательнымъ.

Гарри успокоилъ ее, повторивши слово въ слово всю инструкцію, и уже собирался уходить, какъ вдругъ въ комнату, весь багровый отъ ярости, ворвался генералъ, держа въ рукѣ длинный счетъ отъ портнихи.

— Сударыня, не угодно ли вамъ полюбоваться?—прокричалъ онъ.—Неугодно ли вамъ будетъ взглянуть на этотъ документъ? Я очень хорошо знаю, что вы вышли за меня замужъ только для денегъ, и я надѣюсь, что могу въ этомъ отношеніи сдѣлать для своей жены значительно больше, чѣмъ всякій другой военнослужащій моего чина. Но, вотъ какъ Богъ святъ, я такому безсовѣстному мотовству потакать больше не могу и долженъ положить ему конецъ.

— М-ръ Гартлей, я полагаю, вы достаточно уяснили себѣ мое порученіе,—сказала леди Вандѳлеръ.—Не потрудитесь ли вы приступить къ его исполненію?

— Стопъ!—сказалъ генералъ Гартлею.—Одно слово, прежде, чѣмъ вы уйдете.—Обращаясь опять къ леди Вандѳлеръ, онъ спросилъ:—Какое это порученіе? Въ чемъ дѣло? Я этому господину довѣряю отнюдь не больше, чѣмъ вамъ, не въ обиду будь сказано вамъ обоимъ. Если бы въ немъ была хоть одна искорка чести, онъ бы посовѣстился оставаться въ этомъ домѣ. И что такое онъ здѣсь дѣлаетъ за свое жалованье—полнѣйшая загадка для всѣхъ. Что за порученіе вы ему дали, сударыня? Куда это вы его посылаете и почему такъ торопите?

— Я полагаю, что вы желаете поговорить со мной наединѣ,—возразила леди.

— Вы говорили о какомъ-то порученіи,—настаивалъ гене-

ралъ.—Лучше не пытайтесь меня обманывать: я не въ такомъ теперь настроеніи, чтобы это стерпѣть. Вы именно говорили о порученіи.

— Если вы непремѣнно хотите, чтобы служащіе у насъ были свидѣтелями нашихъ унизительныхъ раздоровъ, то я ужъ лучше приглашу м-ра Гартлея сѣсть,—возразила леди Вандел ръ.—Нѣтъ? Не нужно? Въ такомъ случаѣ вы можете идти, м-ръ Гартлей.—Я бы вамъ совѣтовала хорошенько запомнить то, что вы здѣсь слышали, это можетъ вамъ пригодиться.

Гарри немедленно ушелъ изъ гостиной. Удаляясь, онъ слышалъ, какъ голосъ генерала поднялся до крика, и съ какимъ ледянымъ спокойствіемъ возражала ему тихимъ и ровнымъ голосомъ генеральша. Какъ искренно восхищался молодой человѣкъ этой женщиной! Какъ ловко сумѣла она увильнуть отъ отвѣта на щекотливый вопросъ! Съ какой самоувѣренной дерзостью повторила она свою секретную инструкцію, находясь въ полномъ смыслѣ слова подъ непріятельскими пушками! И зато, съ другой стороны, какъ онъ ненавидѣлъ ея мужа!

Гарри Гартлей былъ довольно хорошо знакомъ съ положеніемъ финансовой части въ домѣ. Секретныя порученія, которыя ему давала леди Вандел ръ, относились по большей части къ счетамъ портнихъ и модныхъ магазиновъ. Въ этомъ заключался домашній «скелетъ въ шкапу». Бездонное мотовство, безшабашная расточительность миледи уже поглотили ея собственное состояніе и грозили со дня на день поглотить состояніе и ея мужа. Разъ или два на одномъ году огласка и разореніе бывали уже на носу, и Гарри бѣгалъ по всевозможнымъ поставщикамъ и поставщицамъ, разсказывая вздорныя небылицы и уплачивая мелкія суммы въ погашеніе большихъ счетовъ, чтобы получить отсрочку. Отсрочку обыкновенно давали, и миледи со своимъ секретаремъ получали возможность перевести духъ. Дѣло въ томъ, что и самъ генералъ любилъ франтовство, любилъ хорошо одѣваться и тратилъ почти все свое казенное жалованье на портныхъ.

Онъ нашелъ картонку тамъ, гдѣ ему было указано, тщательно одѣлся и вышелъ изъ дома. Солнце невыносимо пекло. Итти, куда его послали, было далеко, и тутъ онъ съ досадой вспомнилъ, что генеральскій набѣгъ помѣшалъ генеральшѣ дать своему секретарю денегъ на извозчика. Ему предстояло, та-

кимъ образомъ, терпѣть мученіе отъ жары и духоты, да и само по себѣ—маршировать чуть не черезъ весь Лондонъ съ картонкой въ рукахъ было просто невыносимо для молодого человѣка съ его наклонностями. Онъ остановился и сталъ думать. Ванделеры жили на Итонской площади, а ему нужно было идти на Ноттингъ-Гилль. Можно было пойти паркомъ, выбирая самыя глухія аллеи. И онъ долженъ былъ благодарить свою счастливую звѣзду, что былъ еще сравнительно ранній часъ, и что публики было вездѣ не особенно много.

Торопясь отдѣлаться отъ своей кошмарной картонки, онъ шелъ быстрѣе, чѣмъ ходилъ обыкновенно, и какъ разъ проходилъ уже черезъ Кенсингтонскій садъ, выбирая глухія мѣста, какъ неожиданно столкнулся носомъ къ носу съ генераломъ.

— Извините, сэръ Томасъ,—сказалъ онъ, вѣжливо посторонившись, потому что тотъ остановился какъ разъ на дорогѣ.

— Куда это вы идете, сэръ?—спросилъ генералъ.

— Такъ, вышелъ немного прогуляться по саду,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Генералъ хлопнулъ своей тросточкой по картонкѣ

— А это у васъ что?—произнесъ онъ.—Вы лжете, сэръ, и сами отлично знаете, что лжете.

— Сэръ Томасъ, я никому не позволяю на себя кричать,—отвѣчалъ Гарри.

— Вы своего положенія не понимаете, — сказалъ генералъ.—Вы мой служащій и при томъ такой, противъ котораго я имѣю самыя серьезныя подозрѣнія. Почемъ я знаю, можетъ быть у васъ тутъ въ картонкѣ чайныя ложки?

— Тутъ просто шляпа одного моего пріятеля, — сказалъ Гарри.

— Шляпа пріятеля? Прекрасно, — возразилъ генералъ Ванделеръ.—Вотъ вы мнѣ ее и покажите. Я спеціально интересуюсь шляпами,—прибавилъ онъ угрюмо,—и человѣкъ я очень упрямый, вы это сами знаете.

— Извините, сэръ Томасъ, — продолжалъ отнѣкиваться Гарри,—мнѣ очень грустно, но это дѣло совершенно частное.

Генералъ грубо схватилъ его одной рукой за плечо, а другою поднялъ надъ его головой свою палку. Гарри счелъ уже себя погибшимъ, но въ этотъ самый моментъ небо вдругъ послало ему неожиданнаго защитника въ лицѣ Чарли Пендра-

тона, выступившаго вдругъ, откуда ни возьмись, впередъ изъ-за деревьевъ.

— Ну, ну, генералъ, удержите свою руку!—сказалъ онъ.— Это и невѣжливо, и неблагородно.

— А! Мистеръ Пендрагонъ!—воскликнулъ генералъ, оборачиваясь на новаго противника.—Неужели вы полагаете, м-ръ Пендрагонъ, что я позволю такому обезславленному банкроту и развратнику, какъ вы, гоняться за мной и становиться у меня на дорогѣ? Если я имѣлъ несчастье жениться на вашей сестрѣ, то это обстоятельство еще не даетъ вамъ права такъ поступать со мной. Напротивъ, мое близкое знакомство съ леди Вандлеръ окончательно отбило у меня всякій аппетитъ къ прочимъ членамъ ея семьи.

— Неужели вы воображаете, генералъ Вандлеръ,—отрѣзалъ Чарли,—что если моя сестра имѣла несчастье выйти за васъ замужъ, то она утратила черезъ это всѣ права и привилегіи благородной дамы? Я готовъ признать, что она очень унизила себя этимъ бракомъ, но для меня она все-таки—рожденная Пендрагонъ. Я считаю своей обязанностью защищать ее отъ неджентльменскаго оскорбительнаго обращенія, и будь вы хоть десять разъ ея мужемъ, я не потерплю, чтобы ея свободу въ чемъ-нибудь ограничивали и путемъ насилія задерживали ея личныхъ посланцевъ.

— Какъ же такъ, м-ръ Гартлей?—спросилъ генералъ. — Вотъ и мистеръ Пендрагонъ, повидимому, одного со мной мнѣнія. Онъ тоже подозрѣваетъ, что съ этой картонкой послала васъ леди Вандлеръ, а вы говорите, что тамъ у васъ шляпа вашего пріятеля.

Чарли увидалъ, что сдѣлалъ промахъ, и поспѣшилъ его загладить.

— Какъ, сэръ?—крикнулъ онъ.—Вы говорите, что я что-то подозрѣваю? Я ничего не подозрѣваю. Я просто не могу видѣть, когда съ подчиненными обращаются такъ грубо, потому и вступился.

Говоря это, онъ дѣлалъ Гарри Гартлею знаки, чтобы тотъ уходилъ, но тотъ ничего не понялъ—не то отъ природной глупости, не то вслѣдствіе окончательной растерянности.

— Какъ мнѣ понять ваше поведеніе, сэръ? — спросилъ Ванделеръ.

— Какъ вамъ угодно, сэръ,—отвѣчалъ Пендрагонъ.

Генералъ еще разъ поднялъ палку и замахнулся надъ головой Чарли, но тотъ, несмотря на свою хромую ногу, отмахнулся отъ удара зонтикомъ, бросился впередъ и схватился со своимъ грознымъ противникомъ.

— Бѣгите, Гарри, убѣгайте!—кричалъ онъ. — Бѣгите же, олухъ вы этакій!

Гарри съ секунду постоялъ, какъ окаменѣлый, глядя, какъ схватились два противника, потомъ повернулся и пустился наутекъ. Когда черезъ нѣсколько времени онъ оглянулся черезъ плечо, то увидалъ, что генералъ при этомъ барахтался и старался подняться. Въ садъ отовсюду бѣжалъ народъ поглядѣть на драку. Секретарь понесся прочь, какъ на крыльяхъ, и пошелъ потише только тогда, когда добѣжалъ до Бэйсуотеръ-Рода и свернулъ въ первую попавшуюся изъ боковыхъ улицъ, выбравъ, которая побезлюднѣе.

Смотрѣть на грубую драку двухъ знакомыхъ джентльменовъ было для Гарри въ высшей степени непріятно. Это его шокировало. Ему хотѣлось даже забыть, что онъ это видѣлъ, и кромѣ того хотѣлось поскорѣе уйти какъ можно дальше отъ генерала Ванделера. Второпяхъ онъ совсѣмъ забылъ, въ которую сторону ему нужно итти, и бѣжалъ просто впередъ, очертя голову и весь дрожа отъ страха. Когда онъ вспомнилъ, что леди Ванделеръ— жена одного изъ гладіаторовъ и сестра другого, ему сдѣлалось жаль бѣдную женщину, жизнь которой такъ неудачно сложилась. Теперь и собственная его жизнь въ генеральскомъ домѣ, подъ вліяніемъ этихъ событій, показалась ему далеко не такой ужъ сладкой.

Онъ прошелъ еще нѣкоторое разстояніе, осаждаемый всѣми этими мыслями, и тутъ случайно столкнулся съ однимъ прохожимъ. Отъ столкновенія онъ почувствовалъ, что у него подъ мышкой картонка, и только тутъ вспомнилъ о порученіи.

— Боже мой! Гдѣ у меня голова! — вскричалъ онъ.—Куда я это зашелъ?

Онъ досталъ полученный отъ леди Ванделеръ конвертъ и взглянулъ на адресъ. Тамъ было обозначено только мѣсто и домъ, а имени адресата не было. Гарри просто долженъ былъ спросить

«джентльмена, который ждетъ посылки отъ леди Ванделеръ», и если его не будетъ дома, то подождать. Джентльменъ этотъ, пояснялось далѣе, долженъ будетъ представить собственноручную расписку миледи. Все это было таинственно, загадочно. Почему ничьей фамиліи не названо? По какому случаю такая формальность, что даже расписка требуется? Соображая все и сопоставляя между собой всѣ подробности, Гарри пришелъ къ выводу, что его впутали въ какое-то опасное, темное дѣло. Былъ моментъ, что онъ усомнился даже въ самой леди Ванделеръ, но потомъ разбранилъ самъ себя за эти сомнѣнія, успокоился и даже немного ободрился.

Теперь ему хотѣлось только одного—поскорѣе избавиться отъ картонки. Здѣсь его личный интересъ вполнѣ совпадалъ съ его обязанностью, а страхъ съ великодушнымъ желаніемъ услужить женщинѣ.

Онъ подошелъ къ первому попавшемуся полисмену и спросилъ дорогу. Оказалось, что онъ находится почти уже у цѣли своей ходьбы, и черезъ нѣсколько минутъ онъ дошелъ до небольшого, только что выкрашеннаго свѣжей краской домика въ одномъ изъ переулковъ. Молотокъ для стучанья и ручка звонка блестѣли, ярко вычищенные; на подоконникахъ многихъ оконъ стояли цвѣты въ горшкахъ; на окнахъ висѣли занавѣски изъ довольно дорогой матеріи. На всемъ жилищѣ лежалъ отпечатокъ покоя и нѣкоторой секретности. Гарри не особенно еще собрался съ духомъ. Онъ постучался тише обыкновеннаго и старательнѣе, чѣмъ всегда, отряхнулъ пыль со своей обуви.

Сейчасъ же ему отворила дверь прехорошенькая горничная дѣвушка и взглянула на красиваго секретаря очень ласковымъ взглядомъ.

— Я съ посылкой отъ леди Ванделеръ,—сказалъ Гарри.

— Я знаю,—кивнула дѣвушка головой. — Только самого джентльмена нѣтъ дома. Быть можетъ, вы оставите посылку мнѣ?

— Не могу,—отвѣтилъ Гарри. — Мнѣ приказано отдать ее только подъ извѣстнымъ условіемъ, и я боюсь, что мнѣ придется попросить у васъ разрѣшенія здѣсь подождать.

— Хорошо,—сказала она.—Мнѣ кажется, что я могу вамъ это разрѣшить. Я здѣсь хоть и одна, но не изъ робкихъ, да и вы не похожи на человѣка, способнаго загрызть женщину. Но

только вы не спрашивайте у меня, какъ фамилія моему джентльмену, потому что я вамъ все равно не скажу.

— Какъ все это странно!—воскликнулъ Гарри.—Впрочемъ, я съ нѣкотораго времени живу среди всевозможныхъ странностей и сюрпризовъ. Однако, мнѣ кажется, что одинъ вопросъ я могу вамъ задать, не дѣлая нескромности: вашъ хозяинъ—владѣлецъ этого дома?

— Нѣтъ, только жилецъ и переѣхалъ всего съ недѣлю. Отплачиваю вамъ вопросомъ за вопросъ: вы знакомы съ леди Ванделеръ?

— Я ея личный секретарь, — не безъ гордости отвѣтилъ Гарри.

— Она красива или нѣтъ?

— Она въ полномъ смыслѣ слова красавица; при этомъ необыкновенно мила и добра.

— Вы сами на-видъ такой добрый и милый,—сказала она,—и я пари держу, что вы стоите дороже цѣлой дюжины такихъ, какъ леди Ванделеръ.

Гарри былъ прямо скандализированъ.

— Я!—вскричалъ онъ.—Да вѣдь я всего только секретарь!

— И вы это говорите мнѣ, когда я сама всего только горничная?—замѣтила дѣвушка. Замѣтивъ, что онъ сконфузился, она прибавила:—Я знаю, что вы не обращаете вниманія на званіе и сословіе. Я тоже не обращаю, и о вашей леди Ванделеръ я совсѣмъ невысокаго мнѣнія. И хороша же она, ваша хозяйка!—воскликнула она.—Ну, можно ли было послать такого красиваго джентльмена пѣшкомъ, съ картонкой и среди бѣлаго дня!

Во время этого разговора она стояла въ дверяхъ на крыльцѣ, а онъ на тротуарѣ. Шляпу онъ снялъ отъ жары, а подъ мышкой держалъ картонку. Конфузясь отъ ея недвусмысленныхъ комплиментовъ, направленныхъ прямо по его адресу, онъ смущенно оглядывался по сторонамъ. Вдругъ на другомъ концѣ переулка онъ, къ своему великому неудовольствію, встрѣтился взглядомъ съ глазами самого генерала Ванделера. Генералъ, чрезвычайно возбужденный отъ зноя, ходьбы и гнѣва, сперва погнался по улицамъ за своимъ шуриномъ, но потомъ, увидавъ мелькомъ бѣглаго секретаря, перемѣнилъ объектъ своей погони. Его гнѣвъ потекъ другимъ каналомъ, и онъ съ крикомъ и угрожающими

— Я съ посылкою отъ леди Ванделеръ...

жестами вбѣжалъ въ переулокъ. Гарри однимъ прыжкомъ вбѣжалъ въ домъ, втолкнувши впереди себя горничную, и дверь захлопнулась передъ самымъ носомъ генерала.

— Нельзя ли запереть дверь еще на засовъ?—спросилъ Гарри, когда па весь домъ раздался страшный стукъ, поднятый генераломъ.

— Что такое? Кто васъ напугалъ?—спросила горничная.—Неужели этотъ старикъ?

— Если онъ до меня доберется, я пропалъ,—прошепталъ Гарри.—Онъ весь день съ утра за мной гоняется съ палкой, внутри которой шпага. Онъ военный, онъ офицеръ индійской арміи.

— Нечего сказать, хорошо вы всѣ себя держите!—воскликнула горничная.—А могу я васъ спросить, кто онъ такой?

— Генералъ Вандслеръ, мой хозяинъ,—отвѣчалъ Гарри.—Это онъ изъ-за картонки.

— Ну, что, развѣ я неправду сказала?—съ торжествомъ воскликнула дѣвушка.—Я вамъ сказала, что ваша леди Вандслеръ ничего не стоитъ. И если бы у васъ были глаза во лбу, вы бы сами видѣли, что и къ вамъ она относится вовсе нехорошо и даже прескверно. Неблагодарная она развратница, больше ничего! Я готова поручиться, что это такъ, хотя я не знаю ее.

Генералъ усталъ колотить молоткомъ въ доску и, въ досадѣ, что ему не отворяютъ, принялся яростно ломиться въ самую дверь.

— Хорошо, что я одна въ домѣ,—сказала горничная.—Генералъ можетъ стучаться сколько ему угодно, пока самому не надоѣстъ, я ему не отопру. Идите за мной.

Она провела Гарри въ кухню, посадила его на стулъ, а сама встала около него въ любовной позѣ, положивъ ему руку на плечо. Стукотня генерала все усиливалась, и каждый ударъ въ дверь болѣзненно отзывался въ сердцѣ секретаря его супруги.

— Васъ какъ зовутъ?—спросила дѣвушка.

— Гарри Гартлей,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— А меня—Пруденсъ. Нравится вамъ такое имя?

— Очень,—отвѣчалъ Гарри.—Но вы послушайте, какъ генералъ молотитъ по двери! Если онъ ее выломаетъ, это для меня смерть!

— Не безпокойтесь, вашъ генералъ только себѣ всѣ руки

отобьетъ, а двери ничего не сдѣлается. Неужели вы думаете, что я взяла бы васъ сюда, если бы не была увѣрена, что мнѣ удастся васъ спасти? О, я умѣю быть вѣрнымъ другомъ тому, кто мнѣ понравится. И у насъ есть задняя дверь въ другой переулокъ.

При этомъ извѣстіи онъ сейчасъ же вскочилъ на ноги, но она удержала его и прибавила:

— Только я вамъ не покажу, гдѣ она, пока вы меня не поцѣлуете. Хотите меня поцѣловать, Гарри?

— Очень хочу,—воскликнулъ онъ, вспомнивъ, что слѣдуетъ быть любезнымъ,—я съ удовольствіемъ васъ поцѣлую и не только за заднюю дверь, а такъ, вообще, потому что вы хорошенькая и добренькая.

И онъ далъ ей два или три сердечныхъ поцѣлуя, на которые дѣвушка отвѣтила полностью.

Послѣ того Пруденсъ подвела его къ заднимъ воротамъ и взялась рукой за запоръ.

— Вы придете со мной повидаться?—спросила она.

— Непремѣнно приду,—сказалъ Гарри. — Вѣдь я обязанъ вамъ жизнью.

— Бѣгите же какъ можно скорѣе,—прибавила она,—потому что я сейчасъ впущу генерала.

Гарри не нуждался въ этомъ напоминаніи. Страхъ подгонялъ его и такъ уже достаточно хорошо. Въ нѣсколько шаговъ онъ разсчитывалъ удрать отъ всякой опасности и вернуться цѣлымъ и невредимымъ къ леди Ванделеръ. Но этихъ немногихъ шаговъ онъ не успѣлъ сдѣлать, какъ услыхалъ, что его кто-то зоветъ по имени. Онъ обернулся и увидалъ Чарли Пендрагона, который махалъ ему обѣими руками, приглашая вернуться. Этотъ неожиданный новый инцидентъ подѣйствовалъ на Гарри такъ, что бѣдняга совсѣмъ растерялся и не придумалъ ничего лучше, какъ прибавить шагу и продолжать бѣгство. Ему бы слѣдовало вспомнить сцену въ Кенсингтонскомъ саду, когда генералъ былъ его врагомъ, а Чарли Пендрагонъ другомъ, но у него отъ страха и волненія совершенно помутился разсудокъ, онъ ровно ничего не соображалъ, а только мчался и мчался во весь духъ по переулку.

Чарли кричалъ и бранился вслѣдъ секретарю, видимо, будучи внѣ себя отъ гнѣва. Онъ тоже побѣжалъ, насколько могъ

при своей хромотѣ, по ничего не могъ сдѣлать. Секретарь бѣжалъ гораздо быстрѣе, и Чарли не могъ его догнать.

Надежды Гарри окрѣпли. Переулокъ былъ съ крутымъ подъемомъ и узкій, но совершенно пустынный; по одной его сторонѣ шла стѣна сада, черезъ которую свѣшивались вѣтви деревьевъ. Вдоль всей стѣны, насколько глазъ доставалъ, не видно было ни одного живого существа и ни одной отворенной двери. Очевидно, судьба устала преслѣдовать Гарри Гартлея и открывала ему широкое поле для спасенія.

Увы! Когда онъ пробѣгалъ мимо садовой калитки, она отворилась, и онъ увидалъ за нею на песчаной дорожкѣ молодца изъ мясной лавки съ лоткомъ въ рукахъ. Видѣлъ онъ его только мелькомъ и помчался дальше, но молодецъ его хорошо разсмотрѣлъ и крайне удивился, что джентльменъ бѣжитъ такъ во всѣ лопатки по улицѣ. Онъ вышелъ изъ калитки въ переулокъ и принялся кричать вслѣдъ бѣгущему разныя остроты, иронически подгоняя его.

Чарли Пендрагонъ, хотя и выбившійся изъ силъ, но не прекратившій погони, увидѣлъ это и придумалъ штуку.

— Держи вора!—крикнулъ онъ.

Молодецъ изъ мясной лавки подхватилъ крикъ и присоединился къ погонѣ.

Для затравленнаго секретаря настала самая горькая минута. Правда, страхъ придавалъ ему много силы и быстроты, такъ что онъ постоянно выигрывалъ разстояніе у своихъ преслѣдователей, но онъ чувствовалъ, что въ концѣ концовъ кто-нибудь попадется ему навстрѣчу въ узкомъ переулкѣ и, наслушавшись криковъ: «держи вора», загородитъ ему дорогу.

— Мнѣ необходимо куда-нибудь спрятаться, — подумалъ онъ,—и не позже нѣсколькихъ секундъ, иначе пропала моя головушка.

Только что эта мысль мелькнула въ его мозгу, какъ переулокъ неожиданно загнулся, и Гарри скрылся изъ глазъ своихъ преслѣдователей. Бываютъ обстоятельства, при которыхъ самый неэнергичный мужчина дѣлается вдругъ и смѣлымъ, и рѣшительнымъ, когда самый осторожный забываетъ о трусости и становится способнымъ на храбрый поступокъ. Такъ произошло теперь и съ Гарри. Онъ остановился, перебросилъ въ садъ черезъ заборъ картонку, съ невѣроятной ловкостью прыгнулъ

на заборъ, ухватился руками за его верхъ, перекинулся черезъ него всѣмъ тѣломъ и стремглавъ свалился въ садъ.

Черезъ минуту онъ опомнился и увидалъ себя на краю небольшого розоваго кустика, часть котораго онъ примялъ своимъ тѣломъ. Руки и колѣни онъ себѣ всѣ ободралъ до крови, потому что верхъ забора былъ усыпанъ битымъ стекломъ для предупрежденія именно подобныхъ перепрыгиваній; во всемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ боль, а въ головѣ непріятное круженіе и шумъ. За садомъ, содержавшимся въ отличномъ порядкѣ и наполненнымъ чуднымъ благоуханіемъ, онъ увидалъ передъ собой задній фасадъ дома. Домъ былъ довольно великъ, и въ немъ, очевидно, жили, но, въ противоположность саду, онъ былъ весь какой-то облупленный, неряшливый, вообще неприглядный. Ограда шла вокругъ всего сада непрерывно, окружая его со всѣхъ сторонъ.

Гарри машинально смотрѣлъ на окружающую обстановку, не будучи въ состояніи связно мыслить и сдѣлать какой-нибудь выводъ. Когда вслѣдъ затѣмъ послышались чьи-то шаги по песку, онъ хотя и повернулся въ ту сторону, но даже и не подумалъ о самозащитѣ или бѣгствѣ.

Подошелъ крупнаго роста, грубый и даже грязный субъектъ въ одеждѣ садовника съ лейкой въ лѣвой рукѣ. Другой, менѣе взволнованный человѣкъ на мѣстѣ Гарри невольно пришелъ бы въ тревогу при взглядѣ на громадную корпуленцію этого человѣка и на его черные сердитые глаза, но Гарри былъ до того потрясенъ и оглушенъ своимъ паденіемъ, что хотя и смотрѣлъ во всѣ глаза на садовника, но нисколько не смутился и спокойно, пассивно, безъ малѣйшаго сопротивленія далъ ему подойти, взять себя за плечи, встряхнуть и поставить на ноги.

Съ минуту они пристально смотрѣли другъ на друга: Гарри— словно ослѣпленный, а садовникъ—съ гнѣвомъ и съ жестокимъ издѣвательствомъ.

— Кто вы такой?—спросилъ, наконецъ, садовникъ.—Съ какой стати вы перепрыгнули черезъ мой заборъ и сломали мою «Славу Дижона»? Какъ ваша фамилія?—прибавилъ онъ, встряхивая Гарри.—И за какимъ дѣломъ вы сюда явились?

Гарри не могъ выговорить ни одного слова.

Какъ разъ въ эту минуту мимо пробѣгали Пендрагонъ и молодецъ изъ мясной.—Ихъ топотъ и крикъ громко раздавались

на весь узенькій переулокъ. Садовникъ получилъ свой отвѣтъ. Онъ поглядѣлъ Гарри прямо въ лицо съ понимающей улыбкой.

— Воръ!—сказалъ онъ.—Ей Богу, вамъ должны удаваться очень большія дѣла. Посмотрите, какой вы нарядный: настоящій джентльменъ. И неужели вамъ не совѣстно расхаживать въ такомъ нарядѣ и показываться на глаза честнымъ людямъ? Да говори же, собака, отвѣчай!—прибавилъ онъ съ крикомъ.—Вѣдь ты же навѣрное понимаешь по-англійски. Что жъ ты молчишь?

— Сэръ, увѣряю васъ, это только недоразумѣніе,—сказалъ Гарри.—И если вы сходите со мной на Итонскую площадь къ сэру Томасу Ванделеру, то все, повѣрьте, сейчасъ же объяснится. Я теперь вижу самъ, что человѣкъ совершенно порядочный и невинный можетъ иногда очутиться въ подозрительномъ положеніи.

— Никуда я съ вами, миленькій мой, не пойду дальше перваго полицейскаго поста на ближайшей улицѣ. Полицейскій надзиратель, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ проведетъ васъ на Итонскую площадь и останется пить чай у вашихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ, если только вы не предпочтете отправиться прямо къ самому министру. Сэръ Томасъ Ванделеръ! Скажите, пожалуйста! Ужъ не думаете ли вы, что я и джентльменовъ-то никогда не видалъ, кромѣ тѣхъ, которые по заборамъ лазаютъ? Я читаю въ васъ, какъ въ книгѣ, я вижу васъ насквозь и подъ вами въ землѣ на два аршина. Ваша сорочка стоитъ, можетъ быть, дороже моей праздничной шляпы, вашъ сюртукъ—видно, что не въ ветошномъ ряду купленъ, а ваши сапоги...

Садовникъ взглянулъ внизъ на землю и разомъ остановился на полусловѣ, не доканчивая своей оскорбительной рѣчи. На землѣ у своихъ ногъ онъ увидалъ что-то особенное. Когда онъ заговорилъ опять, его голосъ оказался страшно измѣнившимся.

— Боже мой! Что это такое?—сказалъ онъ.

Гарри посмотрѣлъ туда же, куда и онъ, и обомлѣлъ отъ изумленія и испуга. Падая съ ограды, онъ свалился прямо на картонку и продавилъ ее всю отъ края до края. Изъ картонки высыпалось цѣлое сокровище брилліантовъ, и вотъ они лежали, частью втоптанные въ землю, частью разсыпавшись по ней, сверкая и ослѣпляя своимъ блескомъ. Тутъ была и роскошная діадема, которою онъ такъ часто любовался на леди Ванделеръ, и кольца, и брошки, и серьги, и браслеты, и кромѣ того множе-

ство необдѣланныхъ бриллiантовъ, которые обсыпали собой розовый кустъ и блестѣли на немъ, подобно каплямъ утренней росы. У ногъ садовника и Гарри лежало на землѣ цѣлое княжеское состоянiе въ самой завидной, прочной и неизмѣнной формѣ, а между тѣмъ все это можно было забрать въ фартукъ и разомъ унести. Оно, кромѣ того, само по себѣ представляло безусловную красоту и отражало солнечный свѣтъ миллiонами радужныхъ сверканiй.

— Боже мой!—сказалъ Гарри.—Я погибъ!

Онъ разомъ вспомнилъ все случившееся за этотъ день и началъ понемногу соображать, въ какую кашу онъ, самъ того не зная, попалъ. Онъ оглянулся кругомъ, какъ бы ища помощи, но онъ былъ во всемъ саду одинъ, лицомъ къ лицу съ грознымъ садовникомъ и разбросанными бриллiантами. Прислушавшись, онъ услыхалъ только шелестъ листьевъ и ускоренное бiенiе собственнаго сердца. Немудрено, поэтому, что молодой человѣкъ окончательно упалъ духомъ и разбитымъ голосомъ повторилъ опять:

— Я погибъ!

Садовникъ виновато поглядѣлъ кругомъ во всѣ стороны, но изъ оконъ дома никто не выглядывалъ. Онъ свободно вздохнулъ.

— Ободритесь же, глупый вы человѣкъ!—сказалъ онъ.— Самое худшее уже случилось. Неужели вы скажете, что этого мало на двоихъ? Какое на двоихъ? Тутъ на двѣ тысячи человѣкъ хватитъ. Да отойдите отсюда прочь, а то васъ увидятъ, и ради приличiя расправьте свою шляпу и почистите хоть немного свой костюмъ. Вамъ и двухъ шаговъ нельзя пройти съ такой уморительной фигурой.

Гарри машинально послушался, а садовникъ, ползая на колѣняхъ, собралъ разсыпанныя драгоцѣнности и положилъ обратно въ картонку. Всю дюжую фигуру этого человѣка прохватывала дрожь отъ волненiя, вызваннаго однимъ прикосновенiемъ къ бриллiантамъ. Его лицо преобразилось, въ глазахъ горѣла жадность. Онъ находилъ сладострастное наслажденiе въ этой вознѣ съ блестящими камнями и старался продлить его, перебирая въ рукахъ каждый бриллiантъ. Но вотъ онъ уложилъ въ картонку всѣ драгоцѣнности и, прикрывая ее своей рубашкой, кивнулъ Гарри, приглашая его въ домъ.

Недалеко отъ дверей имъ встрѣтился молодой человѣкъ, по-

видимому, изъ духовнаго сословія, замѣчательно красивый, но съ выраженіемъ въ глазахъ какой-то смѣси слабости и рѣшительности. Одѣтъ онъ былъ по-пасторски, но очень нарядно и франтовато. Садовнику эта встрѣча не особенно понравилась, но онъ сдѣлалъ пріятное лицо и обратился къ клерджимену съ самымъ заискивающимъ видомъ и съ самой любезной улыбкой.

— Хорошій денекъ, м-ръ Ролльсъ,—сказалъ онъ.—Замѣчательно хорошій! А это одинъ мой знакомый, зашедшій взглянуть на мои розы. Я рѣшился пригласить его въ домъ, надѣясь, что противъ этого жильцы не будутъ имѣть ничего.

— За себя скажу—ровно ничего,—отвѣчалъ его преподобіе м-ръ Ролльсъ.—Да думаю, что и другіе ничего не скажутъ, даже вниманія не обратятъ на такіе пустяки. Садъ принадлежитъ вамъ, м-ръ Рэбернъ, а вѣдь вы же позволяете намъ въ немъ гулять, поэтому съ нашей стороны было бы полной неблагодарностью стѣснять васъ въ пріемѣ у себя вашихъ знакомыхъ. Къ тому же, какъ я припоминаю,—прибавилъ онъ, — съ этимъ джентльменомъ мнѣ приходилось встрѣчаться. М-ръ Гартлей, если не ошибаюсь? Я съ сожалѣніемъ замѣчаю, что вы гдѣ-то изволили

И онъ подалъ Гарри свою руку.

Какой-то чисто дѣвичій стыдъ и желаніе оттянуть насколько возможно дольше минуту необходимыхъ объясненій побудили Гарри отречься отъ самого себя и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить навернувшуюся помощь. Онъ предпочелъ отдать себя на полный произволъ садовника, котораго онъ совершенно не зналъ, только бы избѣжать любопытныхъ вопросовъ знакомаго.

— Боюсь, не ошиблись ли вы,—сказалъ онъ.—Моя фамилія Томлинсонъ, я другъ м-ра Рэберна.

— Неужели?—сказалъ м-ръ Ролльсъ.—А сходство поразительное.

М-ръ Рэбернъ все время былъ какъ на иголкахъ и поспѣшилъ положить конецъ этому разговору.

— Желаю вамъ пріятной прогулки, сэръ,—сказалъ онъ.

И онъ повелъ Гарри съ собой въ домъ, а въ домѣ провелъ въ комнату, выходившую окнами въ садъ. Первымъ долгомъ его было спустить шторы, потому что м-ръ Ролльсъ все стоялъ на прежнемъ мѣстѣ въ задумчивости и сомнѣніи. Затѣмъ онъ выложилъ все изъ картонки на столъ и, поглядывая съ хищною жад-

ностью на разложенное богатство, нѣсколько разъ похлопалъ себя руками по бедрамъ. Что касается Гарри, то видъ этого жаднаго лица только прибавилъ ему новое мученіе. До сихъ поръ его жизнь была чистая и невинная, хотя и пустая, а теперь онъ увидалъ себя замѣшаннымъ въ грязныя и преступныя отношенія. На совѣсти у него не было ни одного преступнаго дѣла, а тутъ онъ оказывался замѣшаннымъ въ грязную исторію и рисковалъ попасть подъ наказаніе. Онъ съ радостью отдалъ бы полжизни за то, чтобы выбраться изъ этой комнаты и избавиться отъ общества м-ра Рэберна.

Между тѣмъ м-ръ Рэбернъ раздѣлилъ драгоцѣнности на двѣ приблизительно равныя части, одну изъ нихъ придвинулъ къ себѣ и сказалъ:

— Все на свѣтѣ оплачивается, это уже такъ установлено. Вы должны знать, м-ръ Гартлей, если васъ дѣйствительно такъ зовутъ, что я человѣкъ сговорчивый и добродушный. Я бы эти камешки могъ всѣ взять себѣ, и посмотрѣлъ бы я, какъ бы вы посмѣли сказать хоть одно слово, но я не желаю стричь васъ совершенно догола. Вотъ здѣсь двѣ равныя кучки. Одну берите вы себѣ, а другую возьму я. Согласны вы на такой раздѣлъ, м-ръ Гартлей? Говорите же. Я не такой человѣкъ, чтобы сталъ спорить изъ-за одной какой-нибудь брошки.

— Сэръ, я совершенно не могу принять вашего предложенія,—отвѣчалъ Гарри.—Эти драгоцѣнности не мои, я не могу дѣлиться ими ни съ кѣмъ и ни въ какой пропорціи.

— Ваши онѣ или нѣтъ, можете вы ими дѣлиться или нѣтъ— это до меня не касается,—возразилъ Рэбернъ.—Я просто жалѣю васъ, иначе бы отвелъ васъ преспокойно въ полицію. Подумайте, какой позоръ. Какая тѣнь на вашихъ родителей! Потомъ—судъ и, можетъ быть, ссылка. Онъ взялъ Гарри за руку около кисти, гдѣ пульсъ.

— Я тутъ ничѣмъ не могу помочь,—плакался Гарри.—Но это не моя вина. Вы сами не хотите отправиться со мной на Итонскую площадь.

— Не хочу, это вѣрно,—отвѣчалъ садовникъ.—И я намѣренъ подѣлить съ вами эти вещицы.

Онъ съ силой нажалъ и вывернулъ руку несчастнаго юноши. Гарри не могъ удержаться отъ крика. На лбу у него выступилъ потъ. Боль и страхъ, можетъ быть, возбудили въ немъ со-

образительность. Онъ уяснилъ себѣ, что теперь ему ничего не остается, какъ уступить разбойнику, а потомъ можно будетъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и очистивши самого себя отъ подозрѣній, вернуться въ домъ и заставить его вернуть награбленное.

— Я принимаю,—сказалъ онъ.

— То-то, агнецъ вы этакій!—издѣвался садовникъ. — Я зналъ, что вы въ концѣ концовъ поймете свою выгоду. Картонку эту я сожгу въ печкѣ, потому что ее многіе видѣли и могутъ узнать, а свои вещи вы можете положить къ себѣ въ карманы.

Гарри повиновался, а Рэбернъ хищными глазами слѣдилъ за его дѣйствіями и повременамъ хваталъ то ту, то другую вещь изъ его доли и прикладывалъ къ своей кучкѣ.

Когда дѣло было сдѣлано, оба они направились къ выходной двери. Рэбернъ осторожно ее отворилъ и выглянулъ на улицу. На ней не видно было прохожихъ. Тогда онъ вдругъ схватилъ Гарри сзади за шею, пригнулъ его голову къ землѣ такъ, что онъ могъ видѣть только мостовую и ступени подъѣздовъ у домовъ, и протащилъ его по улицѣ минуты полторы. Гарри сосчиталъ три угла, когда, наконецъ, грубый озорникъ выпустилъ его и, давъ ему хорошаго пинка ногою, крикнулъ:

— Теперь убирайтесь!

Когда Гарри поднялся, наполовину оглушенный и съ окровавленнымъ носомъ, м-ръ Рэбернъ уже исчезъ. Отъ боли и горя бѣдный молодой человѣкъ залился слезами и стоялъ, рыдая, посреди мостовой.

Когда онъ немного успокоился, онъ принялся читать надписи съ названіями улицъ, на перекресткѣ которыхъ его бросилъ садовникъ. Онъ находился въ очень глухой части западнаго Лондона, среди дачъ и большихъ садовъ. Въ одномъ окнѣ онъ замѣтилъ нѣсколько лицъ, которыя были, несомнѣнно, свидѣтелями его злоключенія. Почти сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ изъ дома выбѣжала горничная и предложила ему стаканъ воды.

— Бѣдненькій!—сказала она.—Какъ съ вами гадко поступили! Ваши колѣни всѣ въ ссадинахъ, ваше платье изорвано въ клочки! Вы знаете, кто этотъ негодяй, который съ вами такъ поступилъ?

— Знаю, и онъ за это отвѣтитъ!—воскликнулъ Гарри, вы-

пивъ воды и немного освѣжившись.—Я сейчасъ побѣгу обратно къ нему въ домъ и...

— Вы лучше къ намъ въ домъ войдите и оправьтесь,—сказала горничная.—Вамъ нужно умыться и почиститься. Не бойтесь, барыня будетъ вамъ очень рада. Сейчасъ я подниму вашу шляпу... Боже мой!—вскрикнула она.—Вы по всей улицѣ бриллiанты разсыпали!

Дѣйствительно, добрая половина бриллiантовъ изъ той доли, которая уцѣлѣла отъ грабежа, совершеннаго Рэберномъ, высыпалась изъ кармановъ у Гарри при его паденiи и теперь сверкала на мостовой. Онъ благодарилъ судьбу, что у горничной оказалось такое острое зрѣнiе. «Могло случиться гораздо хуже»,—думалъ онъ,—«вотъ ужъ именно нѣтъ худа безъ добра». Онъ наклонился, чтобы подобрать бриллiанты, какъ вдругъ какой-то оборванецъ сдѣлалъ быстрый прыжокъ, повалилъ на землю Гарри и горничную, схватилъ съ мостовой двѣ горсти бриллiантовъ и съ изумительной быстротой пустился бѣжать по улицѣ.

Гарри погнался за негодяемъ, крича: «воръ! воръ!», но тотъ оказался очень проворнымъ и, должно быть, хорошо зналъ мѣстность, — потому что черезъ нѣсколько времени совершенно скрылся изъ глазъ.

Гарри въ полномъ унынiи вернулся къ мѣсту своего несчастья, гдѣ его встрѣтила горничная и добросовѣстно подала ему шляпу и оставшiеся бриллiанты, которые она подобрала съ мостовой. Гарри поблагодарилъ ее отъ всего сердца и, такъ какъ ему теперь было уже не до экономiи, побѣжалъ на ближайшую извозчичью биржу, гдѣ взялъ кэбъ и поѣхалъ на Итонскую площадь.

Въ домѣ, когда онъ прiѣхалъ, царило какое-то смущенiе. Можно было подумать, что случилась какая-нибудь катастрофа. Лакеи толпились на галлереѣ и при видѣ оборваннаго секретаря не могли, а можетъ быть даже и не старались, удержаться отъ смѣха. Онъ прошелъ мимо нихъ съ достоинствомъ, на какое только былъ способенъ, и направился прямо въ будуаръ. Когда онъ отворилъ туда дверь, его глазамъ представилось удивительное и даже грозное зрѣлище. Онъ увидалъ генерала, генеральшу и Чарли Пендрагона, составившихъ тѣсную группу и разсуждавшихъ о какомъ-то, повидимому, очень важномъ дѣлѣ. Гарри сразу догадался, что генералу сдѣлано было полное признанiе въ

неудавшемся покушеніи на его карманъ, и что теперь всѣ трое соединились вмѣстѣ въ виду общей опасности.

— Слава Богу!—воскликнула леди Ванделеръ. — Вотъ и онъ! Гдѣ картонка, Гарри? Картонку давайте!

Гарри стоялъ безмолвный и убитый.

— Говорите!—крикнула миледи.—Говорите, гдѣ картонка?

Гарри вынулъ изъ кармана горсть драгоцѣнностей. Онъ былъ весь бѣлый, какъ простыня.

— Тутъ все, что осталось,—сказалъ онъ. — Какъ передъ Богомъ говорю, что я ни въ чемъ не виноватъ, и если вы захотите немного подождать, то вы вернете почти все, хотя я боюсь, что нѣкоторая частичка пропала совсѣмъ.

— Увы!—воскликнула леди Ванделеръ. — Всѣ наши брилліанты пропали, а у меня девяносто тысячъ фунтовъ долга портнихамъ!

— Сударыня,—сказалъ генералъ,—если бы вы всѣ выгребныя ямы завалили своими обносками, если бы вы задолжали въ пять разъ бо̀льшую сумму, чѣмъ эта, но если бы при этомъ вы ограничились тѣмъ, что украли у меня діадему моей матери и ея кольцо, я бы все это могъ вамъ, въ концѣ концовъ, простить. Но вы, сударыня, украли у меня брилліантъ раджи, «глазъ свѣта», какъ прозвали его восточные поэты, или «гордость Кашгара!» Вы украли у меня брилліантъ раджи,—крикнулъ онъ, поднимая къ небу руки, — и послѣ этого, сударыня, все между нами кончено!

— Повѣрьте, генералъ, это самая пріятная вещь, какую только я отъ васъ когда-либо слышала, — возразила генеральша.—Я очень рада вашему разоренію, если оно меня освобождаетъ отъ васъ. Вы мнѣ часто говорили, что я вышла за васъ только изъ-за денегъ. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что я сама горько раскаиваюсь въ этой невыгодной сдѣлкѣ. Если бы вы опять сдѣлались женихомъ, и будь вы выше головы засыпаны брилліантами, то я бы все равно даже своей горничной отсовѣтовала выходить за васъ замужъ—до того быть вашей женой противно и скверно. Что касается васъ, м-ръ Гартлей,—продолжала она, обращаясь къ секретарю,—то вы въ достаточномъ блескѣ выказали въ этомъ домѣ свои превосходныя качества. Мы убѣдились, что вы лишены и мужества, и ума, и самоуваженія. Вамъ теперь остается только одно—немедленно убираться

отсюда и никогда больше не приходить. Причитающееся вамъ жалованье вы можете занести въ списокъ долговъ моего бывшаго супруга.

Едва успѣлъ Гарри выслушать эту рѣчь, какъ генералъ обратился къ нему съ другой, не менѣе оскорбительной рѣчью.

— А пока извольте отправляться со мной къ ближайшему полицейскому надзирателю,—сказалъ генералъ. — Вы можете обмануть простодушнаго солдата, но око закона сумѣетъ вывѣдать всѣ ваши секреты. Если мнѣ придется теперь, на старости лѣтъ, жить въ нищетѣ по вашей милости, благодаря вашимъ интригамъ съ моей благовѣрной, то и вамъ всѣ ваши пакости не сойдутъ съ рукъ безнаказанно. Если Богъ справедливъ, сэръ, то Онъ не откажетъ мнѣ въ огромномъ удовольствіи—посмотрѣть, какъ васъ засадятъ въ тюрьму, гдѣ вы будете до конца дней своихъ щипать паклю.

Генералъ потащилъ Гарри изъ комнаты, свелъ внизъ и повелъ по улицѣ въ ближайшій полицейскій участокъ.

На этомъ (говоритъ мой арабскій сочинитель) оканчивается печальная роль картонки. Но для несчастнаго секретаря это дѣло открыло новую и болѣе достойную жизнь. Полиція безъ труда убѣдилась въ его совершенной невиновности; по окончаніи слѣдствія одинъ изъ главныхъ начальниковъ сыскного отдѣленія даже похвалилъ его за честность и простодушіе. Многія важныя лица приняли участіе въ судьбѣ несчастнаго юноши и помогли ему устроиться, а вскорѣ онъ получилъ небольшое наслѣдство послѣ бездѣтной незамужней тетки, жившей въ Ворчестерскомъ графствѣ. Тогда онъ женился на Пруденсъ и уѣхалъ съ нею въ Бендиго, а по другимъ извѣстіямъ въ Тринкомали, очень довольный своей судьбой и съ самыми лучшими видами на будущее.

Разсказъ о молодомъ человѣкѣ духовнаго сана.

Его преподобіе м-ръ СаймонъРолльсъ весьма отличился въ моральныхъ наукахъ и оказалъ необыкновенные успѣхи въ богословіи. Его опытъ «Объ ученіи христіанскомъ и объ обязанностяхъ къ обществу» стяжалъ ему нѣкоторую извѣстность въ

Оксфордскомъ университетѣ, а въ духовныхъ и ученыхъ кругахъ было извѣстно, что молодой м-ръРолльсъ задумалъ обширный трудъ—какъ говорили, цѣлый фоліантъ—объ авторитетности Отцовъ Церкви. Несмотря на то, онъ двигался по службѣ неважно, былъ викаріемъ и все только дожидался самостоятельнаго прихода. Дожидаясь, онъ жилъ въ Лондонѣ, въ той его части, гдѣ все больше сады и очень тихо, а тишина была ему необходима для научныхъ занятій. Квартиру онъ снималъ у м-ра Рэберна, садовода въ Стокдовъ-Ленѣ.

Днемъ онъ имѣлъ привычку, проработавши часовъ семь или восемь надъ св. Амвросіемъ или Іоанномъ Златоустомъ, выходить на прогулку и предаваться размышленіямъ среди розъ. Это было у него самое продуктивное время дня. Но это уединеніе все же не всегда спасало его отъ столкновеній съ дѣйствительной жизнью. Такъ и теперь, когда онъ увидалъ секретаря генерала Ванделера, изорваннаго и разбившагося въ кровь, въ обществѣ м-ра Рэберна; когда оба они перемѣнились въ лицѣ, увидавши его; когда, къ довершенію всего, генеральскій секретарь отперся отъ собственной своей личности,—тогда м-ръРолльсъ забылъ обо всѣхъ святыхъ и обо всѣхъ отцахъ церкви и поддался самому обыкновенному любопытству.

— Я не могъ ошибиться,—думалъ онъ.—Это м-ръ Гартлей, никакого и сомнѣнія тутъ нѣтъ. Но какъ онъ попалъ въ такую передѣлку? Для чего онъ отрекся отъ своей фамиліи? И какое у него могло быть дѣло съ этимъ темнымъ мошенникомъ, моимъ хозяиномъ?

Размышляя объ этомъ, онъ обратилъ вдругъ вниманіе на новое странное обстоятельство. Въ низкомъ окошкѣ около двери показалось лицо мистера Рэберна, и случайно его глаза встрѣтились съ глазами м-ра Ролльса. Садоводъ какъ будто смутился и даже встревожился, и сейчасъ же поспѣшилъ спустить оконную штору.

— Все это, можетъ быть, и очень просто, но только я ровно ничего не понимаю,—думалъ м-ръ Ролльсъ.—Подозрительность. Скрытность. Недовѣрчивость. Боязнь, какъ бы другіе чего не замѣтили... Ручаюсь чѣмъ угодно, что эта парочка только что оборудовала какое-нибудь темненькое дѣльце.

Въ груди м-ра Ролльса проснулся сыщикъ—сыщикъ сидитъ, въ сущности, въ каждомъ изъ насъ—и потребовалъ для себя ра-

боты. Быстрыми, рѣзкими шагами, не похожими на его обычную походку, м-ръ Роллсъ пошелъ въ обходъ всего сада. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ упалъ Гарри, его глаза остановились прежде всего на сломанномъ розовомъ кустѣ и на примятомъ черноземѣ. Онъ взглянулъ наверхъ и увидалъ царапины на кирпичной стѣнѣ и лоскутокъ отъ брюкъ, оторванный битымъ стекломъ. Странный способъ входить въ садъ избралъ другъ м-ра Рэберна! Секретарь генерала Ванделера, чтобы полюбоваться розами, перелѣзаетъ черезъ заборъ! Молодой клерджименъ тихонько посвисталъ и наклонился изслѣдовать грунтъ. Онъ нашелъ то мѣсто, гдѣ лежалъ Гарри, отыскалъ слѣды плоскихъ ногъ м-ра Рэберна, когда тотъ подошелъ къ секретарю и поднималъ его за шиворотъ. Дальше ему удалось разглядѣть на грунту слѣды пальцевъ, что-то отыскивавшихъ и старательно собиравшихъ.

— Ей-Богу, дѣло становится въ высшей степени интереснымъ,—думалъ онъ.

Въ эту минуту онъ вдругъ увидалъ что-то такое, почти совсѣмъ зарытое въ землю. Онъ наклонился и быстро вытащилъ изъ земли изящный сафьянный футляръ съ золотымъ тисненіемъ. На него кто-то сильно наступилъ ногой, вдавилъ въ землю, и м-ръ Рэбернъ его не нашелъ. М-ръ Роллсъ открылъ футляръ и даже чуть-чуть не задохся отъ страшнаго удивленія: въ футлярѣ, въ углубленіи изъ зеленаго бархата, лежалъ бриліантъ чудовищной величины и чистѣйшей воды. Величиной бриліантъ былъ съ утиное яйцо, великолѣпно ограненъ и безъ единаго порока. Подъ лучами солнца онъ сверкалъ, точно электричество, и, казалось, горѣлъ на рукѣ милліонами внутреннихъ огней.

М-ръ Роллсъ мало зналъ толкъ въ драгоцѣнностяхъ, но бриліантъ раджи былъ такимъ чудомъ, которое говорило само за себя. Найди его наивный деревенскій житель, онъ бы тутъ же съ крикомъ побѣжалъ въ ближайшій коттеджъ. Дикарь сейчасъ же сдѣлалъ бы его фетишемъ и кланялся бы ему, какъ божеству. Красота камня ослѣпляла глаза юнаго клерджимена; мысль объ его неисчислимой цѣнѣ захватила его умъ. Онъ зналъ, что онъ держитъ въ рукѣ цѣнность, во много разъ превышающую стоимость архіепископской каѳедры; что на этотъ камень можно построить соборъ больше кельнскаго; что своему обладателю онъ можетъ дать полную, абсолютную свободу во всемъ.

И когда онъ перевернулъ бриллiантъ, изъ камня вырвались яркiе лучи, какъ бы пронзившiе насквозь его сердце.

Рѣшительныя дѣйствiя совершаются людьми нерѣдко въ одинъ мигъ и безъ сознательнаго обдумыванiя. Такъ случилось и съ м-ромъРолльсомъ. Онъ торопливо оглядѣлся кругомъ, но увидалъ, какъ передъ тѣмъ м-ръ Рэбернъ, только залитый солнцемъ садъ, высокiя вершины деревьевъ и домъ съ занавѣшенными окнами. Мигомъ закрылъ онъ футляръ, спряталъ въ карманъ и съ торопливостью преступника ушелъ въ свою рабочую комнату.

Его преподобiе Саймонъ Ролльсъ укралъ бриллiантъ раджи.

Вскорѣ же послѣ полудня въ домъ нагрянула полицiя съ Гарри Гартлеемъ. Перепуганный на смерть садоводъ тутъ же выдалъ все имъ украденное. Драгоцѣнности провѣрили и описали въ присутствiи секретаря. М-ръ Ролльсъ, чувствовавшiй себя въ отличномъ расположенiи духа, развязно показалъ, что зналъ, и выразилъ сожалѣнiе, что не можетъ больше ничѣмъ помочь сыскнымъ чиновникамъ въ этомъ дѣлѣ.

— Теперь, я полагаю, ваша обязанность почти кончена,— прибавилъ онъ.

— Напротивъ,—возразилъ человѣкъ изъ Скотландъ-Ярда,— много еще остается сдѣлать.

И онъ разсказалъ про второй грабежъ, жертвой котораго былъ все тотъ же несчастный Гарри. При этомъ сыщикъ описалъ молодому викарiю бриллiантъ раджи.

— Въ немъ, должно быть, цѣлое состоянiе,—замѣтилъ м-ръ Ролльсъ.

— Десять, двадцать состоянiй!—воскликнулъ чиновникъ.

— Чѣмъ онъ цѣннѣе, тѣмъ труднѣе будетъ его сбыть,—лукаво замѣтилъ Саймонъ.—У такой вещи своя особенная физiономiя, которую нѣтъ возможности измѣнить.

— О, конечно!—сказалъ чиновникъ сыска.—Но если воръ— человѣкъ догадливый, онъ разобьетъ бриллiантъ на три или четыре части и продастъ каждую отдѣльно. Это его все-таки достаточно обогатитъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ викарный пасторъ.—Вы не можете себѣ представить, какъ вы меня заинтересовали своимъ разговоромъ.

Чиновникъ замѣтилъ, что сыщикамъ, по своей профессiи,

приходится узнавать нерѣдко чрезвычайно удивительныя вещи, и простился.

М-ръ Ролльсъ вернулся къ себѣ въ комнату, но ничѣмъ не могъ хорошенько заняться. Матеріалы для его будущаго великаго произведенія не интересовали его нисколько; на свою библіотеку онъ посмотрѣлъ презрительнымъ взглядомъ. Онъ перебралъ томъ за томомъ нѣсколько Отцовъ Церкви, переглядѣлъ ихъ, но не нашелъ въ нихъ ничего для себя подходящаго.

— Эти старые джентльмены,—думалъ онъ, — несомнѣнно очень хорошіе писатели, но въ жизни они совершенные невѣжды. Такъ же вотъ и я—выучился на епископа, а совершенно не знаю, что мнѣ дѣлать съ украденнымъ бриллiантомъ. Подбираю намеки простого полицейскаго чиновника, а какъ ихъ примѣнить къ дѣлу—не знаю, несмотря на всѣ мои фоліанты. Это внушаетъ мнѣ очень невысокое мнѣніе объ университетскомъ образованіи.

Онъ оттолкнулъ отъ себя книги, надѣлъ шляпу и отправился въ тотъ клубъ, гдѣ былъ членомъ. Въ этомъ свѣтскомъ собраніи онъ разсчитывалъ встрѣтить кого-нибудь опытнаго въ практической жизни и могущаго дать хорошій совѣтъ. Въ читальнѣ сидѣло нѣсколько сельскихъ пасторовъ и одинъ архидіаконъ, кромѣ того три журналиста и писатель изъ области высшей метафизики; послѣдніе играли въ карты. За обѣдомъ этотъ обыденный составъ клубныхъ посѣтителей вполнѣ обнаружилъ свою обыкновенность и тусклость. «Ни одинъ изъ этихъ людей»,—думалъ Ролльсъ,—«не смыслитъ въ опасныхъ дѣлахъ больше меня самого, ни одинъ изъ нихъ не способенъ дать мнѣ дѣльное указаніе, какъ поступить въ данномъ случаѣ». Но вотъ въ курительной комнатѣ онъ увидалъ, наконецъ, какого-то чрезвычайно сановитаго джентльмена въ безукоризненномъ фракѣ. Джентльменъ курилъ сигару и читалъ «Двухнедѣльное Обозрѣніе». На его лицѣ лежало замѣчательное выраженіе полнѣйшаго спокойствія безъ малѣйшаго признака заботы или усталости; въ его наружности было что-то такое, что и внушало довѣріе, и невольно заставляло ему повиноваться. Чѣмъ больше молодой клерджименъ изучалъ его черты, тѣмъ больше убѣждался, что именно этотъ человѣкъ можетъ дать ему подходящій совѣтъ.

— Сэръ,—сказалъ онъ,—извините мою безцеремонность,— но, судя по вашей наружности, вы человѣкъ безусловно свѣтскій.

— Да, я имѣю большую претензію считать себя свѣтскимъ человѣкомъ,—отвѣчалъ незнакомецъ, кладя журналъ на столъ и взглядывая на м-ра Ролльса съ веселымъ удивленіемъ.

— А я, сэръ, отшельникъ-студентъ, живу среди чернильницъ и богословскихъ фоліантовъ,—продолжалъ викарный священникъ.—Одно недавно случившееся событіе обнаружило передо мной всю мою житейскую неопытность, и мнѣ захотѣлось поучиться жизни. Подъ словомъ жизнь я подразумѣваю не романы Теккерея, но преступленія и разныя тайны, возможныя въ нашемъ обществѣ, а наряду съ ними — правила мудраго поведенія въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Читатель я неутомимый. Можно выучиться этому по книгамъ?

— Вы меня поставили въ большое затрудненіе,—сказалъ незнакомецъ.—Признаюсь вамъ, я по части книгъ не особенно свѣдущъ. Читаю только, когда приходится ѣхать по желѣзной дорогѣ... Впрочемъ, позвольте: вы читали когда-нибудь Габоріо?

М-ръ Ролльсъ отвѣтилъ, что онъ даже и не слыхалъ объ этомъ авторѣ.

— У Габоріо вы можете найти нѣкоторыя свѣдѣнія,—объявилъ незнакомецъ.—Онъ очень назидателенъ и изобрѣтателенъ. Любимый авторъ князя Бисмарка. Тотъ его постоянно читаетъ. Такимъ образомъ, на худой конецъ, вы если и потратите время даромъ, то проведете его въ очень хорошемъ обществѣ.

— Сэръ, я вамъ очень благодаренъ за вашу любезность,—сказалъ викарій.

— Вы мнѣ уже заплатили за нее съ процентами,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Чѣмъ же это?—спросилъ Саймонъ.

— Новизной и оригинальностью вашей просьбы,—отвѣчалъ джентльменъ.

И съ учтивымъ жестомъ, которымъ какъ бы спрашивалъ позволенія, онъ снова принялся читать «Двухнедѣльное Обозрѣніе».

На обратномъ пути домой м-ръ Ролльсъ купилъ сочиненіе о драгоцѣнныхъ камняхъ и нѣсколько романовъ Габоріо. Габоріо онъ зачитался до глубокой ночи, и хотя тотъ подсказалъ ему нѣсколько новыхъ мыслей, но все же м-ръ Ролльсъ не нашелъ у него прямыхъ указаній, какъ поступать съ украденнымъ бриліантомъ. Кромѣ того, ему не понравилось, что всѣ указанія

разсыпаны среди романическихъ описаній и сценъ, а не собраны вмѣстѣ въ одно цѣлое въ видѣ катехизиса. Изъ этого онъ сдѣлалъ выводъ, что хотя авторъ и много думалъ обо всѣхъ этихъ вещахъ, но что онъ совершенно не знакомъ съ учебной методикой. Впрочемъ, отъ Лекока онъ пришелъ въ полный восторгъ.

— Это былъ безусловно великій человѣкъ,—размышлялъ м-ръ Роллысъ.—Онъ изучилъ свѣтъ, какъ свои пять пальцевъ. Нѣтъ ни одного дѣла, которое онъ не сумѣлъ бы довести до конца своими собственными руками вопреки всему и несмотря ни на что. Боже мой!—перебилъ онъ вдругъ самъ себя.—А это развѣ не урокъ? Развѣ мнѣ не слѣдуетъ самому научиться разрѣзывать брилліанты?

Ему казалось, будто онъ сразу вышелъ изъ всѣхъ затрудненій. Онъ вспомнилъ, что у него есть знакомый ювелиръ въ Эдинбургѣ, нѣкто Б. Маккеллокъ, который съ удовольствіемъ дастъ ему нѣсколько необходимыхъ уроковъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и лѣтъ черной работы онъ научится обращенію съ алмазами и сумѣетъ распорядиться, какъ нужно, съ брилліантомъ раджи. Послѣ этого онъ можетъ сколько угодно опять продолжать свои научныя занятія, превратившись въ богатаго ученаго, возбуждая къ себѣ во всѣхъ и зависть, и уваженіе. Всю ночь ему снились золотые сны, и онъ проснулся утромъ хорошо выспавшійся, освѣженный, бодрый и съ облегченнымъ сердцемъ.

Домъ м-ра Рэберна запечатала полиція, и это обстоятельство дало м-ру Роллысу предлогъ для отъѣзда. Онъ радостно уложилъ свой багажъ, отвезъ его на Кингсъ-Кросскій вокзалъ и сдалъ въ багажное отдѣленіе, а самъ поѣхалъ въ клубъ провести тамъ остатокъ дня и пообѣдать.

— Если вы здѣсь будете обѣдать сегодня, Роллысъ,—сказалъ ему одинъ знакомый,—то увидите двухъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ Англіи—принца Флоризеля богемскаго и стараго Джека Ванделера.

— О принцѣ я слышалъ,—отвѣчалъ м-ръ Роллысъ,—а съ генераломъ Ванделеромъ встрѣчался въ обществѣ.

— Генералъ Ванделеръ—оселъ,—возразилъ знакомый.—А это его братъ Джонъ, замѣчательный авантюристъ, знатокъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ и одинъ изъ самыхъ хитрыхъ дипломатовъ въ Европѣ. Слыхали вы когда-нибудь объ его дуэли съ гер-

когомъ Вальдерменомъ? Или объ его подвигахъ и жестокостяхъ, когда онъ былъ диктаторомъ въ Парагваѣ? Или объ его ловкости, какъ онъ разыскалъ драгоцѣнности сэра Сэмьюеля Леви? Или объ его заслугахъ во время индійскаго возстанія, которыми правительство пользовалось, не не рѣшилось ихъ открыто признать? Джекъ Ванделеръ наглотался вдоволь и славы, и безславія. Какъ вы о немъ не знаете? Бѣгите скорѣе, займите столъ поближе къ нимъ, и хорошенько слушайте. Вы услышите много удивительныхъ разсказовъ, или я сильно ошибаюсь.

— А какъ я ихъ узнаю?—спросилъ клерджименъ.

— Какъ узнаете? — воскликнулъ пріятель. — Да вѣдь принцъ Флоризель—элегантнѣйшій джентльменъ во всей Европѣ, единственный на свѣтѣ человѣкъ вполнѣ царственнаго вида, а Джекъ Ванделеръ—если вы можете себѣ представить Улисса въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ, съ шрамомъ отъ сабли на лицѣ, то вотъ вамъ и Джекъ Ванделеръ. Какъ ихъ узнать! Скажите, пожалуйста! Да въ день Дерби вы можете руками трогать и того, и другого.

Ролльсъ поспѣшилъ въ столовую. Вышло такъ, какъ ему сказалъ пріятель: того и другого сейчасъ же можно было узнать. Старый Джекъ Ванделеръ былъ замѣчательно сильнаго тѣлосложенія и, видимо, привыкъ къ самымъ труднымъ физическимъ упражненіямъ. Похожъ онъ былъ не на сухопутнаго военнаго, а скорѣе на моряка, только немного больше другихъ привыкшаго къ сѣдлу. Его орлиныя черты выражали смѣлость, надменность и хищность, а вся физіономія, вся наружность обличала въ немъ человѣка порывистаго, жестокаго и беззастѣнчиваго. Густые сѣдые волосы и шрамъ отъ сабельнаго удара, перерубившаго ему носъ, придавали что-то дикое его головѣ, одновременно замѣчательной и страшной.

Въ его товарищѣ, принцѣ богемскомъ, м-ръ Ролльсъ съ удивленіемъ узналъ того самаго джентльмена, который посовѣтовалъ ему читать Габоріо. Очевидно, принцъ Флоризель, рѣдко посѣщавшій клубъ, гдѣ онъ числился, какъ и во множествѣ другихъ клубовъ, почетнымъ членомъ, только ради Джека Ванделера и заходилъ туда въ прошлый вечеръ, когда къ нему обратился со своей просьбой Саймонъ.

Прочіе обѣдающіе скромно разсѣлись по угламъ комнаты, оставивъ двухъ знаменитыхъ гостей въ нѣкоторомъ уедине-

ніи, но молодой клерджименъ не былъ стѣсненъ избыткомъ благоговѣнія и смѣло подошелъ, чтобы сѣсть у сосѣдняго стола.

Разговоръ представлялъ, дѣйствительно, полную новизну для юнаго богослова. Бывшій парагвайскій диктаторъ разсказывалъ о разныхъ, бывшихъ съ нимъ, случаяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, а принцъ дѣлалъ свои примѣчанія, которыя оказывались еще интереснѣе самыхъ событій. Два сорта опытныхъ людей явилось передъ глазами юнаго пастора: одинъ все испыталъ лично на себѣ, самъ во всемъ лично участвовалъ съ опасностью для жизни и разсказывалъ обо всемъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ, тогда какъ другой зналъ и понималъ все отлично, а между тѣмъ самъ ничего такого не перенесъ. Манеры каждаго собесѣдника вполнѣ соотвѣтствовали роли каждаго въ разговорѣ. Диктаторъ грубо говорилъ и грубо жестикулировалъ, хлопалъ ладонью по столу, голосъ его былъ громокъ и рѣзокъ. Принцъ, напротивъ, казался образцомъ культурности, вѣжливости и спокойной сдержанности. Малѣйшій его жестъ, малѣйшее сказанное имъ слово дѣлали больше впечатлѣнія, чѣмъ всѣ выкрики и жесты его собесѣдника.

Наконецъ, разговоръ перешелъ на тему дня—о только что совершенномъ похищеніи брилліанта раджи.

— Лучше бы этому брилліанту лежать на днѣ морскомъ,— замѣтилъ принцъ Флоризель.

— Какъ членъ семьи Ванделеровъ, не могу согласиться съ вашимъ высочествомъ,—возразилъ бывшій диктаторъ.

— Я говорю съ точки зрѣнія интереса общественной безопасности, — продолжалъ принцъ; — такимъ цѣннымъ вещамъ мѣсто въ коллекціи какого-нибудь государя или въ какой-нибудь національной сокровищницѣ. Въ рукахъ частнаго лица подобная драгоцѣнность—только искушеніе для другихъ. Раджа кашгарскій, я знаю, государь очень умный. Лучшей мести европейцамъ, отъ которыхъ онъ видѣлъ столько дурного, нельзя было и придумать, какъ пустить среди нихъ въ обращеніе это яблоко раздора. Самый честный человѣкъ можетъ не устоять противъ подобнаго искушенія. Я самъ, при всѣхъ своихъ привиллегіяхъ, при всемъ своемъ исключительномъ положеніи, съ трудомъ могу смотрѣть на этотъ камень, и не искуситься. А вы, природный и неутомимый охотникъ за алмазами, развѣ вы не способны пожертвовать за рѣдкій алмазъ всѣмъ, что только у васъ

есть—семьей, карьерой, честью? Не для того, чтобы сдѣлаться богаче и уважаемѣе, а только для того, чтобы хотя годъ или два до смерти считать этотъ алмазъ своимъ?

— Это правда,—сказалъ Вандслеръ,—я гонялся за многими вещами: за мужчинами, за женщинами—и такъ до москитовъ включительно. Я нырялъ за кораллами, охотился на китовъ и тигровъ. Но хорошій алмазъ—это, я вамъ скажу, изъ всѣхъ добычъ, какія только существуютъ, самая великолѣпная. У него два качества—красота и цѣнность. Онъ самъ по себѣ вознаграждаетъ за труды и опасности охоты, за весь потраченный охотничій пылъ. Въ данный моментъ, ваше высочество, я гонюсь по слѣду. У меня вѣрная хватка и широкая опытность. Въ коллекціи моего брата я знаю хорошо каждый камешекъ, какъ пастухъ знаетъ овецъ своего стада. И пусть лучше я умру, если мнѣ не удастся разыскать всѣ его алмазы до послѣдняго.

— Сэръ Томасъ Вандслеръ будетъ вамъ обязанъ большою благодарностью,—замѣтилъ принцъ.

— Я не такъ ужъ въ этомъ увѣренъ,—возразилъ бывшій диктаторъ.—Наконецъ, не все ли равно, который изъ Вандслеровъ, Томасъ или Джекъ, Петръ или Павелъ—мы всѣ апостолы.

— Я не понялъ вашего замѣчанія,—сказалъ принцъ съ легкимъ отвращеніемъ.

Подошелъ клубный лакей и доложилъ м-ру Вандслеру, что за нимъ пріѣхалъ его кэбъ.

М-ръ Ролльсъ посмотрѣлъ на часы и увидалъ, что ему тоже пора двигаться. Это совпаденіе ему совсѣмъ не понравилось, потому что онъ не желалъ оставаться въ компаніи охотника за алмазами.

Усиленныя книжныя занятія нѣсколько надорвали нервы молодого клерджимена, поэтому онъ сдѣлалъ привычку ѣздить всегда съ большимъ комфортомъ. Онъ взялъ себѣ цѣлый диванъ въ спальномъ вагонѣ.

— Вамъ будетъ очень удобно и покойно,—сказалъ ему проводникъ.—Вы будете совершенно одни въ вашемъ купэ, да еще на другомъ концѣ вагона ѣдетъ одинъ пожилой джентльменъ.

Уже незадолго до отхода поѣзда—и билеты были уже провѣрены—м-ръ Ролльсъ увидалъ своего попутчика, входящимъ въ вагонъ. Нѣсколько человѣкъ носильщиковъ несли впереди его вещи. Пассажиръ оказался никто иной, какъ старый Джекъ

Вандлеръ, парагвайскій диктаторъ. Если съ кѣмъ-нибудь молодой викарій не желалъ встрѣчаться, такъ это именно съ нимъ.

Спальные вагоны «большой сѣверной линіи» дѣлятся на три отдѣленія или купэ—въ двухъ крайнихъ помѣщаются пассажиры, а въ среднемъ уборная и умывальники. Двери отдѣленій обыкновенно никогда не запираются, такъ что всѣ пассажиры находятся на виду другъ у друга.

Когда м-ръ Ролльсъ ознакомился съ устройствомъ вагона, онъ почувствовалъ себя совершенно беззащитнымъ. Если диктаторъ пожелаетъ сдѣлать ему ночной визитъ, ему ничего больше не останется, какъ принять этотъ визитъ. Оградить себя онъ ничѣмъ не можетъ; на него можно здѣсь напасть, какъ въ чистомъ полѣ. Такая обстановка привела его въ совершенное разстройство. Онъ вспомнилъ хвастливыя слова своего попутчика, сказанныя за обѣдомъ въ клубѣ, и его безнравственное замѣчаніе, вызвавшее неудовольствіе принца. Онъ вспомнилъ, что онъ гдѣ-то читалъ, будто у нѣкоторыхъ людей развито особенное чутье къ металламъ, такъ что они на разстояніи узнаютъ о присутствіи золота. Развѣ не можетъ существовать такого же чутья относительно бриллiантовъ? Развѣ не можетъ этимъ чутьемъ обладать бывшій парагвайскій диктаторъ, хвастливо называющій себя охотникомъ за алмазами? Отъ такого человѣка можно всего ожидать.

И бѣдный м-ръ Ролльсъ сталъ съ нетерпѣніемъ желать, чтобы поскорѣе приходило утро.

Возможными предосторожностями онъ не пренебрегъ, провѣрилъ надежно ли спрятанъ футляръ съ бриллiантами въ самомъ дальнемъ карманѣ верхняго платья, и набожно поручилъ себя Провидѣнію.

Поѣздъ, какъ всегда, шелъ ровнымъ и быстрымъ ходомъ. Проѣхали больше половины всего пути, когда сонъ началъ, наконецъ, брать верхъ надъ нервнымъ возбужденіемъ м-ра Ролльса. Сначала онъ упорно боролся съ сонливостью, но потомъ выбился изъ силъ, легъ на одинъ изъ дивановъ и передъ самымъ Іоркомъ крѣпко заснулъ. Послѣднею его мыслью была мысль о страшномъ сосѣдѣ.

Когда онъ проснулся, въ вагонѣ было темно, какъ въ печной трубѣ, только едва мерцалъ занавѣшенный фонарь. Гулъ колесъ и вагонная качка свидѣтельствовали, что поѣздъ несся попреж-

нему съ неизмѣнной быстротой. Ролльсъ въ ужасѣ принялъ сидячее положеніе, измученный страшными снами, а когда черезъ нѣсколько времени опять прилегъ, сонъ такъ и не вернулся къ нему, и онъ лежалъ безъ сна въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія, не спуская глазъ съ двери въ умывальную.

Въ это время, какъ онъ такъ лежалъ, случилось нѣчто довольно странное.

Выдвижная дверь изъ уборной немного раздвинулась, потомъ еще немного, и образовалось отверстіе дюймовъ въ двадцать. Въ уборной фонарь не былъ задернутъ занавѣской, и въ освѣщенномъ отверстіи двери м-ръ Ролльсъ увидалъ голову м-ра Ванделера въ глубокой задумчивости. Онъ чувствовалъ, что диктаторъ глядитъ на его лицо, и изъ чувства самосохраненія затаилъ дыханіе, призакрылъ глаза и сталъ смотрѣть на диктатора изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. Черезъ минуту голова скрылась, и дверь въ уборную задвинулась.

Диктаторъ, очевидно, приходилъ не затѣмъ, чтобы нападать, а только чтобы посмотрѣть. Его поведеніе было такого рода, что скорѣе онъ боялся за себя, чѣмъ самъ угрожалъ. М-ръ Ролльсъ опасался его, а тотъ, видимо, самъ опасался м-ра Ролльса. Приходилъ онъ, очевидно, только затѣмъ, чтобы взглянуть, спитъ или нѣтъ его попутчикъ, и, убѣдившись, что тотъ спитъ, удалился.

Клерджименъ вскочилъ на ноги. Чрезмѣрный страхъ уступилъ въ немъ мѣсто безумной смѣлости. Онъ сообразилъ, что грохотъ несущагося поѣзда заглушаетъ всѣ другіе звуки, и рѣшилъ сдѣлать сосѣду отвѣтный визитъ. Онъ вошелъ въ уборную и прислушался. Какъ онъ и ожидалъ, кромѣ гула вагонныхъ колесъ ничего не было слышно. Тогда онъ началъ осторожно отворять выдвижную дверь изъ уборной въ другое купэ, раздвинулъ ее дюймовъ на шесть и невольно вскрикнулъ отъ изумленія.

На Джонѣ Ванделерѣ была надѣта дорожная мѣховая шапочка съ наушниками, такъ что онъ не могъ ровно ничего слышать при грохотѣ курьерскаго поѣзда, а видѣть м-ра Ролльса онъ тоже не могъ, потому что былъ слишкомъ занятъ и сидѣлъ съ наклоненной головой. Онъ такъ и не поднялъ головы и продолжалъ свое довольно странное занятіе. Между ногами у него стояла шляпная картонка; въ одной рукѣ онъ держалъ рукавъ своего верхняго пальто, а въ другой огромный ножъ, которымъ

подпарывалъ подкладку рукава. М-ру Роллъсу приходилось читать, что нѣкоторые носятъ деньги въ поясахъ, но не случалось ни разу видѣть, какъ это дѣлается. А то, что представилось въ эту минуту его глазамъ, было еще страннѣе, потому что, какъ оказалось, Джонъ Ванделеръ носилъ у себя въ рукахъ за подкладкой брилліанты. Молодой человѣкъ видѣлъ, какъ онъ выкладываетъ изъ рукава въ картонку сверкающіе брилліанты одинъ за другимъ.

Онъ стоялъ пригвожденный къ мѣсту и слѣдилъ за странной работой своего попутчика. Брилліанты были по большей части мелкіе и ничего особеннаго собой не представляли. Но вотъ Джонъ Ванделеръ чѣмъ-то затруднился: видимо, онъ тащилъ изъ-за подкладки большую вещь. Вещь оказалась огромной брилліантовой діадемой, которую онъ нѣсколько секундъ осматривалъ, прежде чѣмъ положить вмѣстѣ съ другими въ картонку отъ шляпы. Эта діадема объяснила м-ру Роллъсу все. Онъ сейчасъ же, по описанію, узналъ въ ней вещь изъ числа украденныхъ у Гарри Гартлея оборванцемъ. Ошибиться было нельзя: ее именно такъ описывалъ ему сыскной чиновникъ. Рубиновыя звѣзды, въ серединѣ крупный изумрудъ; нѣсколько полумѣсяцевъ между ними; грушевидные подвѣски съ отдѣльнымъ камнемъ каждый, составлявшіе главную цѣнность діадемы леди Ванделеръ.

М-ръ Роллъсъ почувствовалъ огромное облегченіе. Диктаторъ оказывался замѣшаннымъ въ это дѣло не меньше, чѣмъ онъ. Въ порывѣ радости у викарія вырвался глубокій вздохъ, а такъ какъ въ груди у него давно уже было стѣсненіе, а въ горлѣ пересохло, то за вздохомъ послѣдовалъ кашель.

М-ръ Ванделеръ поднялъ глаза. Его лицо исказилось. Глаза широко раскрылись, нижняя челюсть отвисла отъ удивленія и отчасти отъ злости. Инстинктивно онъ набросилъ на картонку пальто. Съ полминуты оба смотрѣли молча другъ на друга, но этого промежутка было довольно для м-ра Роллъса. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые въ опасности умѣютъ быстро рѣшаться, и первый нарушилъ молчаніе.

— Прошу прощенія,—сказалъ онъ.

Диктаторъ слегка вздрогнулъ, и когда онъ заговорилъ, голосъ у него былъ хриплый.

— Что вамъ здѣсь нужно?—спросилъ онъ.

— У меня особенная любовь къ бриліантамъ,—отвѣчалъ м-ръ Ролльсъ съ полнѣйшимъ самообладаніемъ.—Двумъ знатокамъ слѣдуетъ быть знакомыми между собой. У меня есть тоже собственная вещичка, которая, быть можетъ, послужитъ мнѣ вмѣсто рекомендаціи.

Съ этими словами онъ преспокойно вынулъ изъ кармана футляръ, наскоро показалъ диктатору «брилліантъ раджи» и спряталъ опять.

— Это принадлежало вашему брату,—прибавилъ онъ.

Джонъ Вандлеръ продолжалъ на него глядѣть съ выраженіемъ тягостнаго изумленія, но ничего не сказалъ и не пошевелился.

— Я съ удовольствіемъ вижу,—продолжалъ молодой пасторъ,—что у насъ съ вами брилліанты изъ одной и той же коллекціи.

Диктаторъ былъ внѣ себя отъ неожиданности.

— Извините,—сказалъ онъ,—я теперь вижу, что становлюсь старъ. Къ подобнымъ случайностямъ я совсѣмъ не приготовленъ. Но скажите: вы, если я не ошибаюсь, лицо духовное?

— Да, я принадлежу къ духовному сословію,—отвѣтилъ м-ръ Ролльсъ.

— Извините меня,—продолжалъ Вандлеръ,—извините, молодой человѣкъ. Я вижу, вы не трусъ, но нужно сперва посмотрѣть, не безумецъ ли вы.—Онъ прислонился спиной къ дивану.—Познакомьте меня съ нѣкоторыми подробностями. Я долженъ ихъ знать. Скажите, напримѣръ, что васъ побудило дѣйствовать съ такимъ удивительнымъ безстыдствомъ?

— Побудило—совершенное незнаніе практической жизни,—отвѣчалъ клерджименъ.

— Буду очень радъ въ этомъ убѣдиться, — сказалъ Вандлеръ.

Тогда м-ръ Ролльсъ разсказалъ ему всю исторію своей связи съ брилліантомъ раджи, отъ той минуты, какъ онъ нашелъ брилліантъ въ саду Рэберна, и до своего отъѣзда изъ Лондона въ «летучемъ шотландцѣ» *). Къ этому онъ прибавилъ краткое описаніе своихъ думъ и чувствъ во время пути и закончилъ такими словами:

*) Такъ называютъ иногда экспрессъ между Лондономъ и Эдинбургомъ. *Прим. пер.*

— Что вамъ здѣсь нужно?..

— Когда я узналъ діадему, я понялъ, что мы съ вами находимся въ совершенно одинаковомъ положеніи передъ обществомъ, и это внушило мнѣ небезосновательную надежду, что мы съ вами можемъ вступить въ союзъ для того, чтобы сообща побороть разныя затрудненія. Для васъ реализировать этотъ бриллiантъ ничего почти не составитъ, при вашей великой опытности, а для меня это почти невозможно. Разбивать бриллiантъ на части будетъ, пожалуй, очень убыточно, да я и не сумѣю этого хорошенько сдѣлать. Лучше же я вамъ уплачу за ваше содѣйствіе какое хотите вознагражденіе... Виноватъ, можетъ быть, я не такъ говорю... Я совершенно не знаю, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ. У каждаго свои способности и своя практика. Я могу васъ хорошо окрестить, хорошо обвѣнчать, но въ такихъ дѣлахъ...

— Я вовсе не желаю вамъ льстить, — замѣтилъ Вандедеръ,—но, ей-богу же, у васъ замѣчательное природное расположеніе къ преступной жизни. У васъ въ этомъ отношеніи гораздо больше разныхъ совершенствъ, чѣмъ вы сами думаете. Много я встрѣчалъ мошенниковъ въ разныхъ частяхъ свѣта, но такого безстыжаго, неспособнаго краснѣть, не встрѣчалъ ни разу. Радуйтесь, м-ръ Роллься, вы напали на настоящую свою дорогу! Что касается помощи вамъ, то я къ вашимъ услугамъ. Распоряжайтесь мною, какъ хотите. Въ Эдинбургѣ у меня дѣла будетъ только на одинъ день, такъ—маленькое порученіе отъ брата. Какъ только я его сдѣлаю, я уѣду обратно въ Парижъ, гдѣ обыкновенно живу. Если угодно, поѣдемте туда вмѣстѣ, и не пройдетъ мѣсяца, какъ я обдѣлаю вамъ ваше маленькое дѣльце въ совершенствѣ.

(На этомъ мѣстѣ, вопреки всѣмъ правиламъ искусства, арабскій авторъ обрываетъ свой «Разсказъ о молодомъ человѣкѣ духовнаго сана». Я очень осуждаю такую манеру и очень жалѣю, что авторъ къ ней прибѣгъ, но ничего не могу сдѣлать: я долженъ придерживаться оригинала и, прежде чѣмъ доскажу до конца о приключеніяхъ м-ра Роллься, передамъ читателямъ «Повѣсть о домѣ съ зелеными ставнями»).

Повѣсть о домѣ съ зелеными ставнями.

Фрэнсисъ Скримджіэръ служилъ чиновникомъ шотландскаго банка въ Эдинбургѣ. Ему было двадцать пять лѣтъ. Жизнь онъ велъ спокойную, почтенную, тихо семейную. Мать его умерла, еще когда онъ былъ молодъ, но его отецъ, человѣкъ здравомыслящій и честный, далъ ему превосходное школьное образованіе и развилъ въ немъ привычку къ порядку и умѣренности. Фрэнсисъ служилъ усердно, отдавался своему дѣлу всей душой. Субботняя прогулка, обѣдъ дома въ семьѣ, ежегодно двухнедѣльная поѣздка въ шотландскія горы или на континентъ—таковы были его главнѣйшія развлеченія. Начальство любило и цѣнило его съ каждымъ днемъ все больше и больше; онъ получалъ уже двѣсти фунтовъ въ годъ жалованья и имѣлъ въ виду дослужиться напослѣдокъ до мѣста съ вдвое большимъ окладомъ. Мало было молодыхъ людей такихъ дѣльныхъ, веселыхъ, всѣмъ довольныхъ и трудолюбивыхъ, какъ Фрэнсисъ Скримджіэръ. Иногда по вечерамъ онъ игралъ на флейтѣ, чтобы сдѣлать удовольствіе отцу, котораго онъ очень уважалъ за его душевныя качества.

Однажды онъ получилъ письмо отъ извѣстной фирмы «Писцовъ королевской печати», въ которомъ эти «писцы» выражали желаніе повидаться съ нимъ и приглашали пожаловать для переговоровъ. На письмѣ была помѣтка: «Въ собственныя руки. Секретно» и было оно адресовано въ банкъ, а не на квартиру. Онъ поспѣшилъ отправиться въ помѣщеніе этой адвокатской конторы. Его принялъ главный членъ фирмы, мужчина съ очень строгими манерами, важно поздоровался съ нимъ и пригласилъ садиться. Въ отборныхъ, точныхъ выраженіяхъ стараго опытнаго дѣльца юристъ изложилъ Фрэнсису сущность дѣла. Лицо, не желающее открывать своего имени, но о которомъ адвокатъ имѣетъ всѣ причины быть самаго хорошаго мнѣнія, лицо притомъ довольно вліятельное, намѣревается предоставить Фрэнсису ежегодный доходъ въ пятьсотъ фунтовъ. Капитальная сумма будетъ находиться подъ надзоромъ адвокатской фирмы и двухъ попечителей, которые тоже не откроютъ своихъ фамилій. Разумѣется, это дѣлается подъ извѣстными условіями, но

адвокатъ полагаетъ, что эти условія не тяжелы и не унизительны. Послѣднія два слова адвокатъ повторилъ два раза съ выразительнымъ подчеркиваніемъ.

Фрэнсисъ пожелалъ узнать, что за условія.

— Условія неунизительныя и необременительныя, — сказалъ «писецъ королевской печати»,—какъ я уже говорилъ вамъ два раза и говорю въ третій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не скрою отъ васъ, что они довольно необычны. Къ вамъ они очень мало подходятъ, и я бы даже отказался брать на себя это дѣло, еслибы не громкая репутація моего довѣрителя и, смѣю прибавить, не моя симпатія къ вамъ, м-ръ Скримджіэръ, возбуждающая во мнѣ желаніе принести вамъ посильную пользу.

Фрэнсисъ попросилъ у адвоката дальнѣйшихъ объясненій.

— Вы не можете себѣ представить, какъ меня заинтересовали эти условія,—сказалъ онъ.

— Ихъ два,—отвѣчалъ юристъ,—всего только два, а между тѣмъ сумма, напоминаю вамъ, составляетъ пятьсотъ фунтовъ въ годъ и притомъ безъ вычетовъ,—я забылъ прибавить,—безъ вычетовъ. Доходъ чистый.

Въ знакъ особой торжественности адвокатъ высоко приподнялъ брови.

— Первое условіе замѣчательно по своей простотѣ,—сказалъ онъ.—Вы должны быть въ Парижѣ въ воскресенье 15-го числа днемъ. Тамъ вы въ кассѣ театра «Comédie Française» спросите себѣ купленный на ваше имя билетъ, который будетъ васъ тамъ дожидаться. Затѣмъ васъ только просятъ просидѣть втеченіе всего представленія на отведенномъ для васъ мѣстѣ. Вотъ и все условіе.

— Я бы предпочелъ, чтобы это было въ простой день, а не въ воскресенье,—сказалъ Фрэнсисъ.—Но такъ какъ это въ дорогѣ...

— И притомъ, любезный сэръ, въ Парижѣ,—съ предупредительностью подсказалъ адвокатъ.—Я самъ очень строго соблюдаю воскресные дни, но для такого дѣла и, вдобавокъ, въ Парижѣ я бы не сталъ ни минуты колебаться.

Оба засмѣялись очень весело.

— Другое условіе важнѣе,—продолжалъ адвокатъ. — Оно касается вашей женитьбы. Мой довѣритель, принимая самое живое участіе въ вашей судьбѣ, желаетъ, чтобы вы выбрали

себѣ жену исключительно по его указанію. Понимаете: исключительно и безусловно,—повторилъ адвокатъ.

— Пожалуйста, нельзя ли яснѣе,—попросилъ Фрэнсисъ.— Значитъ ли все это, что я долженъ буду на комъ-то жениться, на вдовѣ или на дѣвушкѣ, на брюнеткѣ или на блондинкѣ, по выбору той невидимой личности, о которой вы говорите?

— Я могу васъ увѣрить, что вашъ благодѣтель принялъ во вниманіе все—и возрастъ, и положеніе въ обществѣ,—отвѣчалъ адвокатъ.—Только вотъ насчетъ происхожденія я ничего не знаю: не имѣлъ возможности справиться. Но, если вы желаете. я это сдѣлаю при первомъ удобномъ случаѣ и дамъ вамъ знать.

— Вѣдь еще остается узнать, сэръ,—сказалъ Фрэнсисъ,— не обманъ ли какой-нибудь все это дѣло? Тутъ все необъяснимо, даже, можно сказать невѣроятно, и пока на это дѣло не прольется больше свѣта, я въ сдѣлку не вступлю, это я говорю вамъ прямо. Вы должны познакомить меня съ самой почвой дѣла, и если вы ее не знаете, или не угадываете, или не можете мнѣ сказать,—связаны обѣщаніемъ,—то я, простите меня, надѣваю въ такомъ случаѣ шляпу и ухожу обратно въ банкъ.

— Я не знаю, но превосходно догадываюсь,—отвѣчалъ адвокатъ.—Корень всему этому дѣлу, съ виду такому странному, вашъ отецъ и еще одна личность.

— Мой отецъ!—воскликнулъ съ крайнимъ пренебреженіемъ Фрэнсисъ. — Почтеннѣйшій сэръ, я знаю каждую мысль въ головѣ моего отца и каждую копѣйку въ его карманѣ.

— Вы меня не поняли,—сказалъ юристъ.—Я говорю не о м-рѣ Скримджіэрѣ старшемъ. Онъ вамъ совсѣмъ не отецъ. Когда онъ и его жена пріѣхали въ Эдинбургъ, вамъ было уже около года, между тѣмъ, какъ на ихъ попеченіи вы находились только три мѣсяца. Секретъ соблюдался очень старательно, но это фактъ. Вашъ отецъ неизвѣстенъ, и я вновь повторяю, что, по моимъ догадкамъ, переданныя мною вамъ предложенія исходятъ не иначе, какъ отъ него.

Невозможно себѣ представить изумленіе Фрэнсиса Скримджіэра при этомъ неожиданномъ сообщеніи. Онъ подѣлился своимъ смущеніемъ съ адвокатомъ.

— Сэръ,—сказалъ онъ,—послѣ такого короба новостей вы мнѣ должны дать нѣсколько часовъ на размышленіе. Я сегодня вечеромъ вамъ скажу свое окончательное рѣшеніе.

Адвокатъ похвалилъ его за осмотрительность, и Фрэнсисъ, выдумавши для банка какой-то предлогъ, отправился за городъ и долго гулялъ тамъ, со всѣхъ сторонъ обдумывая дѣло. Въ концѣ концовъ—вѣдь пятьсотъ фунтовъ въ годъ, а условія хотя и странныя, но вовсе не особенно страшныя. И потомъ онъ открылъ, что ему очень не нравится его фамилія—Скримджіэръ, хотя раньше онъ ничего такого не замѣчалъ. Наконецъ, эта его теперешняя жизнь съ крохотными, узкими, скучными интересами... Домой онъ уже возвращался съ какимъ-то новымъ ощущеніемъ силы и свободы, дѣлая самыя радостныя предположенія.

Онъ сказалъ адвокату только одно слово и тутъ же получилъ отъ него чекъ за двѣ четверти года, такъ какъ доходъ ему сосчитанъ былъ съ перваго января. Съ чекомъ въ карманѣ онъ пошелъ домой. Скотландъ-стритъ показался ему такимъ ничтожнымъ и грязнымъ, его обоняніе впервые запротестовало противъ запаха щей, а дома ему вдругъ что-то не понравились манеры его пріемнаго отца. На слѣдующій же день онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Въ этомъ городѣ, куда онъ пріѣхалъ задолго до назначеннаго срока, онъ остановился въ одной скромной гостиницѣ, посѣщавшейся англичанами и итальянцами, и сейчасъ же занялся французскимъ языкомъ, съ какою цѣлью пригласилъ къ себѣ учителя на два урока въ недѣлю и сталъ вступать въ разговоры съ фланерами въ Елисейскихъ поляхъ. Каждый вечеръ сталъ ходить въ театръ. Нашилъ себѣ костюмовъ по самой послѣдней модѣ. Брился и причесывался каждое утро въ сосѣдней парикмахерской. Словомъ, сдѣлался совсѣмъ парижаниномъ.

Наконецъ, въ субботу днемъ, онъ явился самолично въ кассу театра на улицѣ Ришелье. Только что онъ сказалъ свою фамилію, какъ ему подали билетъ въ конвертѣ съ его адресомъ.

— Сію минуту только его для васъ купили,—сказалъ кассиръ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Фрэнсисъ.—А каковъ былъ изъ себя тотъ, кто бралъ билетъ?

— О, его легко запомнить: старикъ, очень крѣпкій и красивый, весь сѣдой, на лицѣ рубецъ отъ сабли. Сразу можно его узнать среди тысячи людей.

— Благодарю васъ, сэръ,—сказалъ Фрэнсисъ.

— Онъ не могъ уйти далеко,—прибавилъ кассиръ,—если вы поскорѣе пойдете, то непремѣнно догоните его.

Фрэнсисъ не заставилъ повторять себѣ этотъ совѣтъ два раза и выбѣжалъ изъ театра прямо на середину улицы, озираясь во всѣ стороны. Много пересмотрѣлъ онъ сѣдыхъ людей и всѣмъ заглядывалъ въ лицо, но ни одного не оказывалось съ рубцомъ отъ сабли. Съ полчаса ходилъ онъ по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ, пока не убѣдился въ нелѣпости своихъ поисковъ. Тогда онъ прекратилъ ихъ и остановился, стараясь успокоить свое возбужденіе. Молодого человѣка глубоко волновало сознаніе, что около него гдѣ-то тутъ близко находится настоящій виновникъ его дней.

Случилось такъ, что ему пришлось идти по улицѣ Друо, а потомъ по улицѣ Мучениковъ. И случай въ данномъ дѣлѣ послужилъ ему на пользу лучше всякихъ предположеній въ мірѣ. На бульварѣ онъ увидалъ двухъ мужчинъ, которые сидѣли на скамейкѣ и вели между собой очень серьезную дѣловую бесѣду. Одинъ былъ молодой, смуглый и красивый; на немъ было обыкновенное свѣтское платье, но вся наружность изобличала въ немъ духовное лицо. Другой какъ разъ подходилъ подъ описаніе, сдѣланное театральнымъ кассиромъ. У Фрэнсиса сильно забилось сердце въ груди; онъ зналъ теперь, что скоро услышитъ голосъ своего отца. Сдѣлавъ большой обходъ, онъ подобрался къ бесѣдующимъ и беззвучно помѣстился сзади нихъ. Разговоръ, какъ и ожидалъ Фрэнсисъ, происходилъ на англійскомъ языкѣ.

— Ваши подозрѣнія начинаютъ мнѣ, Ролльсъ, надоѣдать,— говорилъ старикъ.—Я вамъ говорю, что я дѣлаю, что могу. Въ одну минуту милліоновъ не схватишь рукой. Развѣ я не поддерживаю васъ, совершенно посторонняго мнѣ человѣка, по своей доброй волѣ? Развѣ вы не пользуетесь широко моей щедростью?

— За счетъ будущихъ благъ, м-ръ Ванделеръ,—поправилъ его собесѣдникъ.—Вѣдь это все дается мнѣ въ долгъ и потомъ вычтется.

— Ну, въ долгъ, если это вамъ больше нравится. И не по доброй волѣ, а только изъ-за выгоды,—съ сердцемъ возразилъ Ванделеръ.—Я не стану спорить изъ-за словъ. Дѣло такъ ужъ дѣло, а съ вами дѣлать дѣло очень трудно при подобныхъ усло-

віяхъ. Что-нибудь одно — или вы довѣритесь мнѣ, или ужъ оставьте меня совсѣмъ и сыщите себѣ кого-нибудь другого. Но только покончимте, ради самого Господа, разъ навсегда съ этими вашими іеремiадами.

— Я начинаю узнавать людей,—отвѣчалъ младшій, — и вижу, что вы со мной фальшивите, поступаете нечестно. Другого выраженія не подберу. Вамъ хочется удержать алмазъ за собой, вы не рѣшитесь это отрицать, я знаю. Я понялъ причину вашихъ оттяжекъ и отсрочекъ; вамъ хочется выждать время; вы настоящій охотникъ за алмазами, это вѣрно, и рано или поздно, тѣмъ или другимъ способомъ, не мытьемъ такъ катаньемъ вы добьетесь своего. Но я говорю вамъ: довольно. Остановитесь. Не выводите меня изъ терпѣнія. Еще одинъ шагъ дальше—и я устрою вамъ сюрпризъ.

— Не угрожайте, пожалуйста: не страшно,—возразилъ Ванделеръ.—Палка-то вѣдь о двухъ концахъ. Мой братъ сейчасъ въ Парижѣ. Полиція поставлена на ноги. И если вы не перестанете надоѣдать мнѣ своимъ мяуканьемъ, то я самъ приготовлю нѣкоторый сюрпризъ для васъ, м-ръ Роллысъ. Но только это будетъ уже разъ навсегда. Вы поняли, или я долженъ повторить вамъ все опять на еврейскомъ языкѣ? На свѣтѣ всему бываетъ конецъ, пришелъ конецъ и моему терпѣнію. Такъ вотъ-съ—вторникъ, въ семь часовъ. Ни на одинъ день, ни на одинъ часъ позднѣе. Ни на малѣйшую долю секунды, хотя бы дѣло шло о спасеніи вашей жизни. Если же вы не желаете ждать, то убирайтесь вонъ, провалитесь хоть въ тартары, мнѣ все равно, и будьте здоровы!

Съ этими словами диктаторъ всталъ со скамейки и пошелъ по направленію къ Монмартру, съ самымъ свирѣпымъ видомъ, тряся головой и махая палкой, а его собесѣдникъ остался на мѣстѣ въ полномъ уныніи.

Фрэнсисъ былъ просто внѣ себя отъ ужаса и удивленія. Его чувства были оскорблены и возмущены до послѣдней степени. Съ какой надеждой, съ какой нѣжностью въ сердцѣ садился онъ на скамью—и къ какому пришелъ разочарованію и отвращенію! Старикъ м-ръ Скримджіэръ, думалось ему, гораздо добрѣе и благонадежнѣе этого опаснаго и жестокаго интригана. Однако онъ сохранилъ въ себѣ полное присутствіе духа и не упустилъ

ни одной минуты, а сейчасъ же погнался по горячему слѣду за диктаторомъ.

Старый джентльменъ шелъ быстрымъ шагомъ впередъ, подгоняемый яростью, и дошелъ до своего дома, ни разу не оглянувшись назадъ.

Его домъ находился на улицѣ Лепикъ, съ которой открывается видъ на весь Парижъ, и гдѣ такой чистый воздухъ отъ окрестныхъ холмовъ. Домъ былъ двухъэтажный съ зелеными оконными ставнями. Всѣ окна, выходившія на улицу, были плотно закрыты. Изъ-за высокой ограды сада видны были вершины деревьевъ, а самая ограда, кромѣ того, была еще прикрыта chevaux de frise. Диктаторъ остановился, досталъ изъ кармана ключъ, потомъ отперъ калитку и вошелъ во дворъ.

Фрэнсисъ оглядѣлся кругомъ. По сосѣдству съ домомъ было пустынно. Домъ стоялъ одиноко въ саду. Сначала ему показалось, что больше нечего и осматривать, но когда онъ во второй разъ поглядѣлъ кругомъ, то увидалъ рядомъ другой большой домъ, одно изъ верхнихъ оконъ котораго выходило какъ разъ въ тотъ же садъ. Онъ прошелъ мимо этого дома и увидѣлъ билетикъ съ объявленіемъ о сдачѣ помѣсячно комнаты безъ мебели. Онъ зашелъ, спросилъ и узналъ, что окно въ садъ диктатора принадлежитъ какъ разъ къ одной изъ отдающихся комнатъ. Фрэнсисъ тутъ же заплатилъ впередъ и поѣхалъ въ гостиницу за своимъ багажемъ.

Старый джентльменъ могъ быть и не быть его отцомъ; Фрэнсисъ могъ напасть, но могъ и не напасть на вѣрный слѣдъ; но въ одномъ онъ былъ убѣжденъ—что онъ добрался случайно до какой-то интереснѣйшей тайны, и эту тайну онъ задумалъ изслѣдовать до самаго дна.

Изъ окна комнаты, нанятой Фрэнсисомъ Скримджіэромъ, виденъ былъ, какъ на ладони, весь садъ при домѣ съ зелеными ставнями. Подъ самымъ окномъ росъ красивый, развѣсистый каштанъ, а подъ нимъ въ тѣни стояли два простыхъ деревянныхъ стола, за которыми въ лѣтнюю жару, вѣроятно, тутъ обѣдали. Вездѣ въ саду была густая трава, но между столами и домомъ шла усыпанная пескомъ дорожка отъ веранды къ садовой калиткѣ. Осматривая мѣстность черезъ промежутокъ между створками венеціанскаго ставня, котораго онъ, изъ осторожности, не открылъ совсѣмъ, чтобы не обратить на себя внима-

нія, Фрэнсисъ ничего особеннаго не замѣтилъ относительно образа жизни обитателей дома, кромѣ очевидной любви къ таинственности и уединенію. Садъ былъ похожъ на монастырскій, а домъ напоминалъ тюрьму. Зеленыя ставни были вездѣ закрыты, дверь на веранду затворена. Въ саду, насколько можно было замѣтить при вечернемъ солнцѣ, не было никого. Только маленькая струйка дыма, выходившая изъ трубы, указывала на то, что въ домѣ живутъ люди.

Не любя оставаться въ праздности и желая придать извѣстный колоритъ своему образу жизни, Фрэнсисъ купилъ себѣ геометрію Эвклида на французскомъ языкѣ и занялся теперь ей, положивъ книгу на чемоданъ, а самъ усѣвшись на полу, такъ какъ въ комнатѣ не было ни стола, ни стула. Отъ времени до времени онъ вставалъ и взглядывалъ на домъ съ зелеными ставнями, но окна его были упорно закрыты, а садъ пустъ.

Только поздно вечеромъ онъ былъ нѣсколько вознагражденъ за свое неослабное вниманіе. Между девятью и десятью часами раздался громкій, пронзительный звонокъ, который вывелъ его изъ дремоты. Онъ подбѣжалъ къ своему наблюдательному посту и сперва услыхалъ громкое щелканье замковъ и задвижекъ, а потомъ увидалъ м-ра Ванделера съ фонаремъ въ рукахъ, въ черномъ бархатномъ халатѣ и такой же ермолкѣ. Обитатель дома съ зелеными ставнями сошелъ съ веранды и направился къ воротамъ. Опять загремѣли засовы и щеколды. Черезъ минуту Фрэнсисъ увидалъ, что диктаторъ провожаетъ въ домъ, при слабомъ, невѣрномъ свѣтѣ фонаря, какого-то субъекта самой непредставительной и даже подозрительной наружности.

Черезъ полчаса посѣтителя тѣмъ же порядкомъ выпроводили на улицу. Мистеръ Ванделеръ поставилъ фонарь на одинъ изъ деревянныхъ столовъ и подъ листвой каштана сталъ докуривать, о чемъ-то глубоко раздумывая, свою сигару. Фрэнсисъ слѣдилъ за нимъ сквозь просвѣтъ въ листвѣ и видѣлъ, какъ онъ затягивается, какъ отряхиваетъ пепелъ. Сигара была почти уже докурена, какъ изъ дома послышался голосъ молодой дѣвушки, которая сообщила старику который часъ.

— Сію минуту!—отозвался Джонъ Ванделеръ.

Онъ бросилъ окурокъ сигары, взялъ фонарь и скрылся въ темнотѣ на верандѣ. Дверь заперли, и домъ погрузился опять въ полную темноту. Какъ ни напрягалъ свое зрѣніе Фрэнсисъ, онъ

не могъ разглядѣть за ставнями ни малѣйшей полоски свѣта и сдѣлалъ изъ этого правильный выводъ, что спальни находятся на другой сторонѣ дома.

Ночь онъ проспалъ безъ всякихъ удобствъ на полу и на другой день проснулся рано. Ставни дома оказались отворенными, сторы были подняты, комнаты провѣтривались утреннимъ воздухомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, м-ръ Ванделеръ собственноручно спустилъ опять шторы и закрылъ ставни.

Фрэнсисъ смотрѣлъ и изумлялся, къ чему такая предосторожность. Въ это время изъ дома вышла молодая дѣвушка и заглянула въ садъ. Она пробыла внѣ дома не больше двухъ минутъ, но Фрэнсисъ успѣлъ замѣтить, что она прехорошенькая и замѣчательно мила и привлекательна. Она произвела на него сама по себѣ сильное впечатлѣніе, помимо того, что въ немъ любопытство было въ высшей степени возбуждено. Непріятныя манеры и двусмысленный образъ жизни его отца сразу потеряли для него половину значенія, и отошли на задній планъ. Онъ почувствовалъ къ своей новой семьѣ горячее влеченіе. И кто бы ни была эта молодая дѣвушка, онъ рѣшилъ, что она— переодѣтый ангелъ. Вслѣдствіе этого онъ вдругъ пришелъ въ ужасъ при мысли, что, въ сущности, онъ узналъ очень мало, что онъ, быть можетъ, просто ошибается и, выслѣдивши м-ра Ванделера, выслѣдилъ совсѣмъ не того, кого было нужно.

Онъ разспросилъ своего швейцара, но тотъ могъ ему сообщить очень немного. Но и то, что сообщилъ швейцаръ, было по существу таинственно и загадочно. Сосѣдъ былъ очень, очень богатый англійскій джентльменъ съ самыми странными вкусами и привычками. У него были собраны большія коллекціи, и держалъ онъ ихъ у себя въ домѣ, въ которомъ ради нихъ устроилъ стальныя ставни, усовершенствованные хитрые запоры, а садовую ограду снабдилъ острыми кольями. Жилъ онъ уединенно, хотя принималъ иногда посѣтителей весьма страннаго вида. Съ ними у него были, должно быть, какія-нибудь дѣла. Но въ домѣ, кромѣ его самого, жили только mademoiselle и старуха-служанка.

— Mademoiselle—это его дочь?—спросилъ Фрэнсисъ.

— Дочь,—отвѣчалъ швейцаръ, — родная дочь. Удивительно, какъ она трудится. При всемъ ихъ богатствѣ, она сама

ходитъ на рынокъ, и каждый день ее можно встрѣтить съ корзинкой въ рукѣ.

— А какія же у старика коллекціи?—спросилъ Фрэнсисъ.

— Говорятъ, будто онѣ несмѣтной стоимости. Но больше я ничего не могу сказать, потому что не знаю. Но до пріѣзда г-на де-Ванделера никто здѣсь во всемъ кварталѣ не привозилъ съ собой столько вещей.

— Изъ чего же состоятъ эти его коллекціи?—продолжалъ допытываться Фрэнсисъ.—Что же у него тамъ—картины, или шелковыя матеріи, или статуи, или драгоцѣнные камни, или что?

— Право же, сударь, я не знаю,—пожалъ плечами швейцаръ.—Можетъ быть, тамъ у него одна морковь—развѣ я видѣлъ? Вы сами, я думаю, замѣтили: домъ охраняется, точно крѣпость.

Разочарованный Фрэнсисъ пошелъ къ себѣ въ комнату. Швейцаръ окликнулъ его снизу лѣстницы.

— Я вспомнилъ вотъ что, сударь,—сказалъ онъ.—Г. де-Ванделеръ побывалъ во всѣхъ частяхъ свѣта, и я слышалъ одинъ разъ отъ старухи, что онъ привезъ съ собой уйму бриліантовъ. Если это правда, то за этими ставнями много интереснаго.

Въ воскресенье Фрэнсисъ спозаранку забрался въ театръ и сѣлъ на свое мѣсто. Оно оказалось вторымъ или третьимъ номеромъ съ лѣвой стороны, какъ разъ напротивъ одной изъ нижнихъ ложъ. Мѣсто для него было выбрано, точно нарочно, такое, чтобы за нимъ самимъ можно было наблюдать изъ ложи, а отъ его наблюденій можно бы было спрятаться въ глубину ея. Фрэнсисъ чувствовалъ, что эта ложа тѣсно связана съ драмой, въ которой онъ играетъ безсознательную роль. Онъ далъ себѣ слово не спускать съ этой ложи глазъ во время представленія, и когда начался первый актъ, не столько смотрѣлъ на сцену, сколько косился на ложу; но она все время была пуста.

Почти уже въ концѣ второго акта дверь ложи отворилась, въ нее вошли мужчина и дама и сѣли въ самомъ дальнемъ и темномъ углу. Фрэнсисъ едва могъ справиться со своимъ волненіемъ. Вошедшіе были—м-ръ Ванделеръ и его дочь. Кровь быстрѣе побѣжала по его жиламъ, закружилась голова, зашумѣло въ ушахъ. Онъ боялся взглянуть, чтобы не вызвать подозрѣній; афиша, которую онъ держалъ передъ собой и перечиталъ нѣ-

сколько разъ отъ начала до конца, представилась его глазамъ не бѣлой, а красной, а когда онъ глядѣлъ на сцену, то слова и жесты актеровъ и актрисъ казались ему неумѣстными и нелѣпыми.

Нѣсколько разъ онъ, однако, рѣшился украдкой взглянуть на интересовавшую его ложу, и одинъ разъ ему даже показалось, что онъ встрѣтился глазами съ молодой дѣвушкой. По его тѣлу пробѣжала дрожь, въ глазахъ замелькали всѣ цвѣта радуги. Чего бы онъ не далъ за то, чтобы услышать, что говорили между собой Ванделеры! Какъ ему хотѣлось навести на ихъ ложу бинокль и хорошенько посмотрѣть на ихъ позы и на выраженіе ихъ лицъ! Но у него на это не доставало мужества. Онъ зналъ, что въ ложѣ Ванделеровъ рѣшается судьба его жизни, а самъ не только не могъ вмѣшаться, но даже и слѣдить за бесѣдой и долженъ былъ, въ безсильной тревогѣ, пассивно ожидать результата, сидя тамъ, гдѣ его посадили.

Но вотъ дѣйствіе кончилось. Занавѣсъ упалъ, и публика стала выходить, пользуясь антрактомъ. Нисколько не будетъ странно, если выйдетъ изъ залы и онъ вмѣстѣ съ другими, и ничего не будетъ удивительнаго въ томъ, что онъ пройдетъ мимо самой ложи, потому что другой дороги нѣтъ. Призвавъ на помощь все свое мужество и низко опустивъ глаза, Фрэнсисъ направился къ ложѣ. Онъ шелъ очень медленно, потому что впереди двигался еле-еле какой-то пожилой джентльменъ, страдавшій одышкой. Что ему сдѣлать, когда онъ будетъ проходить мимо ложи? Назвать Ванделеровъ по фамиліи? Вынуть изъ своей петлицы цвѣтокъ и бросить въ ложу? Или просто устремить долгій и томный взглядъ на молодую дѣвушку, которая ему или сестра, или невѣста? Размышляя обо всемъ этомъ, онъ между прочимъ вдругъ вспомнилъ свою прежнюю спокойную жизнь и службу въ банкѣ—и ему сдѣлалось невольно жалко своего тихаго прошлаго.

Къ этому времени онъ дошелъ, наконецъ, до самой ложи, такъ и не придумавши, что ему сдѣлать. Онъ повернулъ голову, поднялъ глаза—и не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ разочарованія. Ложа была пуста. Пока онъ медленно проходилъ къ ней, м-ръ Ванделеръ и его дочь потихоньку скрылись.

Кто-то сзади учтиво напомнилъ ему, что онъ самъ стоитъ на мѣстѣ и другимъ не даетъ пройти, загораживая проходъ. Тогда онъ машинально пошелъ впередъ и безъ сопротивленія

позволилъ толпѣ увлечь себя совсѣмъ вонъ изъ театра. На улицѣ, гдѣ давка сейчасъ же прекратилась, онъ остановился и очень скоро опомнился на прохладномъ ночномъ воздухѣ. Онъ съ удивленіемъ почувствовалъ, что у него жестоко болитъ голова, и что онъ не помнитъ ни одного слова изъ только что видѣнныхъ имъ двухъ актовъ. Возбужденіе прошло и смѣнилось непреодолимымъ желаніемъ поскорѣе лечь спать. Онъ позвалъ фіакра и поѣхалъ домой въ состояніи крайняго изнуренія и съ чувствомъ глубокаго отвращенія къ жизни.

На слѣдующее утро онъ сталъ подстерегать, когда миссъ Ванделеръ пойдетъ на рынокъ, и ровно въ восемь часовъ увидалъ ее, идущую по переулку. Одѣта она была просто, почти бѣдно, но въ томъ, какъ она несла голову, во всѣхъ движеніяхъ ея гибкаго, породистаго тѣла было что-то благородно-аристократическое. Даже ея корзина, которую она держала какъ-то особенно ловко и красиво, казалось не простой хозяйственной вещью, а украшеніемъ. Фрэнсису казалось, что она всюду на своемъ пути должна вносить солнечный свѣтъ и разгонять мракъ. Онъ выбѣжалъ на подъѣздъ и, когда она проходила мимо, окликнулъ ее сзади по имени:

— Миссъ Ванделеръ!

Она обернулась и, какъ только увидала его и узнала, сейчасъ же смертельно поблѣднѣла.

— Простите меня,—сказалъ онъ ей.—Видитъ Богъ, я не хотѣлъ васъ пугать, да во мнѣ и нѣтъ для васъ ровно ничего страшнаго. Повѣрьте, я дѣйствую скорѣе по необходимости, чѣмъ по доброй волѣ. У насъ съ вами столько общаго, а между тѣмъ я, къ сожалѣнію, нахожусь въ потемкахъ. Мнѣ бы многое слѣдовало сдѣлать, но у меня связаны руки. Я даже не знаю, что я долженъ чувствовать, не знаю, кто мои друзья и кто мои враги.

Она съ трудомъ проговорила—голосъ долго ея не слушался:

— Я не знаю, кто вы такой.

— Знаете, миссъ Ванделеръ,—возразилъ онъ. — Простите мою настойчивость, но я убѣжденъ, что вы лучше меня знаете все. А вотъ именно мнѣ прежде всего и хотѣлось бы узнать, кто я. Скажите мнѣ все, что вы объ этомъ знаете,—умолялъ онъ.— Скажите мнѣ, кто я и кто вы и почему моя и ваша судьба оказались въ какой-то связи. Окажите мнѣ маленькую помощь въ

жизни, миссъ Ванделеръ: скажите одно или два словечка мнѣ для руководства, скажите мнѣ хоть только фамилію моего отца— и я вамъ останусь благодаренъ на всю жизнь.

— Не буду пытаться васъ обмануть,—отвѣчала она,—я знаю, кто вы, но только я не имѣю права говорить.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что вы не сердитесь на меня за мою смѣлость, и я запасусь терпѣніемъ и буду ждать,—сказалъ онъ. Если мнѣ не слѣдуетъ это знать — что жъ, обойдусь и безъ этого. Это жестоко, но я могу это перенести. Только не увеличивайте моего горя, не заставляйте меня думать, что я своимъ поступкомъ сдѣлалъ изъ васъ себѣ врага.

— Вы поступили вполнѣ естественно,—сказала она,—и мнѣ на васъ не за что сердиться. Прощайте.

— Какъ «прощайте»? Неужели совсѣмъ?

— Этого я не знаю сама,—отвѣчала она.—Во всякомъ случаѣ на сегодня прощайте.

Съ этими словами она удалилась.

Фрэнсисъ вернулся къ себѣ въ комнату съ совершенно перепутанными мыслями. Работа надъ Эвклидомъ подвигалась у него очень туго, онъ гораздо больше времени проводилъ у окна, чѣмъ у своего самодѣльнаго письменнаго стола. Но около дома съ зелеными ставнями до самаго полудня не случилось ничего интереснаго, если не считать возвращенія миссъ Ванделеръ съ рынка и встрѣчи ея съ отцомъ, который сидѣлъ на верандѣ и курилъ трихинопольскую сигару. Время было завтракать. Молодой человѣкъ сбѣгалъ въ ближайшій ресторанъ, наскоро утолилъ голодъ и торопливо вернулся къ дому на улицѣ Лепикъ. Мимо сада верховой лакей проваживалъ осѣдланнаго коня. Швейцаръ дома, гдѣ жилъ Фрэнсисъ, стоялъ въ подъѣздѣ, курилъ трубку и любовался ливреей и лошадьми.

— Взгляните,—сказалъ онъ молодому человѣку,—какія прелестныя лошади! Какой элегантный костюмъ на лакеѣ! Это верховой выѣздъ брата г-на де-Ванделера, который пріѣхалъ къ нему съ визитомъ. Этотъ братъ—большой человѣкъ, генералъ у васъ на родинѣ. Вы, вѣроятно, знаете его по наслышкѣ.

— Откровенно вамъ скажу: я никогда и не слыхалъ до сихъ поръ о генералѣ Ванделерѣ, — отвѣчалъ Фрэнсисъ. — У

насъ въ Англіи генераловъ очень много, а я служилъ всегда по гражданской части.

— У него недавно украли огромный индійскій бриллiантъ,— продолжалъ швейцаръ.—Ужъ объ этомъ-то вы въ газетахъ навѣрное читали.

Отдѣлавшись кое-какъ отъ словоохотливаго швейцара, Фрэнсисъ прибѣжалъ къ себѣ наверхъ и сейчасъ же бросился къ окну. Какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ приходился просвѣтъ въ листвѣ каштана, сидѣли два джентльмена и бесѣдовали, покуривая сигары.

Генералъ, краснолицый мужчина съ военной выправкой, имѣлъ со своимъ братомъ замѣтное фамильное сходство; черты лица были похожи, было что-то общее во властныхъ, непринужденныхъ манерахъ; но генералъ былъ старше, меньше, какъ-то зауряднѣе съ виду; сходство его съ братомъ было довольно карикатурное, и рядомъ съ диктаторомъ онъ казался блѣднымъ и ничтожнымъ.

Говорили они такъ тихо, сидя у стола, что Фрэнсисъ могъ разслушать всего только одно или два слова, но по этимъ словамъ онъ все-таки догадался, что рѣчь идетъ о немъ и объ его карьерѣ. Нѣсколько разъ до него донеслась фамилія «Скримджіэръ», и одинъ разъ онъ разслышалъ слово «Фрэнсисъ».

Подъ конецъ генералъ, повидимому, въ сердцахъ, что-то раскричался и закончилъ свою крикливую фразу словами:

— Фрэнсисъ Ванделеръ! Я вамъ говорю—Фрэнсисъ Ванделеръ!

На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе.

Диктаторъ всѣмъ корпусомъ сдѣлалъ движеніе—полупрезрительное, полуутвердительное, но самаго его отвѣта молодой человѣкъ не разслышалъ.

Онъ, что ли, былъ этотъ Фрэнсисъ Ванделеръ, о которомъ шла рѣчь? О томъ ли спорили братья, подъ какой фамиліей ему вѣнчаться? Или все дѣло это было—пуфъ, мечта, самообольщеніе?

Послѣ второй паузы въ этомъ неслышномъ разговорѣ, между двумя братьями подъ каштаномъ, повидимому, опять возникъ споръ, потому что генералъ снова возвысилъ голосъ и загремѣлъ на весь садъ:

— Моя жена! Я съ ней раздѣлался окончательно. Не упоминай мнѣ о ней! Меня тошнитъ отъ одного ея имени!

Онъ громко выбранился и ударилъ по столу кулакомъ.

Диктаторъ сталъ дружески успокаивать его, и черезъ нѣсколько времени пошелъ провожать его къ воротамъ. Братья довольно дружелюбно пожали другъ другу руки, но когда ворота закрылись за гостемъ, Джонъ Ванделеръ расхохотался непріятнымъ злымъ смѣхомъ, который показался Фрэнсису Скримджіэру даже сатанинскимъ.

Такъ прошелъ этотъ день. Фрэнсисъ больше ничего новаго не узналъ, но онъ вспомнилъ, что завтра вторникъ, и рѣшилъ, что ему навѣрное удастся открыть еще что-нибудь. Все могло быть и хорошо, и дурно. Во всякомъ случаѣ онъ разсчитывалъ собрать любопытныя свѣдѣнія и даже, можетъ быть, при удачѣ, проникнуть въ самую сердцевину тайны, окружавшей его отца и его семью.

Къ обѣденному часу въ саду при домѣ съ зелеными ставнями сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія. Тотъ столъ, который отчасти былъ виденъ Фрэнсису сквозь листья каштана, очевидно, служилъ вмѣсто буфета или стола для закусокъ: на него ставились перемѣны блюдъ, салаты, разныя приправы, а за другимъ столомъ, котораго не было видно совсѣмъ, усѣлись обѣдающіе. Фрэнсисъ сквозь листья каштана видѣлъ, какъ ему показалось, блескъ бѣлой скатерти и серебряной посуды.

Минута въ минуту явился м-ръ Ролльсъ. Онъ держалъ себя на сторожѣ, говорилъ тихо и очень мало. Наоборотъ, диктаторъ, казалось, было особенно въ ударѣ и часто смѣялся; его смѣхъ раздавался въ саду очень молодо и пріятно для слуха. По интонаціямъ его голоса можно было догадаться, что онъ разсказываетъ что-нибудь очень смѣшное и веселое, потому что онъ подражалъ акценту всевозможныхъ народовъ. Не успѣли оба, то есть онъ и молодой пасторъ, допить свой вермутъ, какъ уже между ними исчезло всякое чувство недовѣрія, и они повели дружескую бесѣду, точно два старыхъ школьныхъ товарища.

Наконецъ появилась и миссъ Ванделеръ, неся миску съ супомъ. М-ръ Ролльсъ подбѣжалъ взять у нея миску, но она со смѣхомъ отказалась отъ его услугъ. Всѣ трое принялись между собой весело разговаривать и шутить.

Словъ Фрэнсисъ не слыхалъ, слышалъ только все время

гулъ голосовъ и стукъ ножей и вилокъ; ему даже сдѣлалось завидно на этотъ веселый семейный обѣдъ и на комфортабельную сервировку. Перемѣнилось нѣсколько блюдъ, потомъ появился тонкій дессертъ и бутылка стараго вина, которую собственноручно раскупорилъ диктаторъ. Когда стало темнѣть, на столъ поставили лампу, а на буфетный столъ двѣ свѣчки. Вечеръ былъ тихій, теплый, безъ малѣйшаго вѣтерка. Свѣтъ, кромѣ того, шелъ отъ двери и оконъ веранды, такъ что садъ былъ отлично освѣщенъ, и листья деревьевъ блестѣли въ темнотѣ.

Миссъ Ванделеръ ушла въ домъ и вскорѣ вернулась съ кофейнымъ приборомъ на подносѣ и поставила его на буфетный столъ. Отецъ ея сейчасъ же поднялся съ мѣста и Фрэнсисъ разслышалъ, какъ онъ сказалъ:

— Кофе—это по моей части.

М-ръ Ванделеръ подошелъ къ буфетному столу и всталъ такъ, что свѣчи его освѣщали.

Разговаривая черезъ плечо, м-ръ Ванделеръ налилъ двѣ чашки чернаго напитка и въ тотъ же мигъ, съ ловкостью фокусника, быстро вылилъ въ чашку поменьше содержимое изъ какого-то крошечнаго пузырька. Сдѣлано все это было до того проворно, что Фрэнсисъ, смотрѣвшій прямо на него, едва успѣлъ замѣтить продѣлку, какъ ужъ она была кончена. Вслѣдъ затѣмъ м-ръ Ванделеръ, продолжая смѣяться, вернулся къ обѣденному столу, держа въ каждой рукѣ по чашкѣ.

— Не успѣете вы это выпить, какъ уже къ вамъ явится вашъ пресловутый еврей,—сказалъ онъ.

Невозможно описать смущеніе и горе Фрэнсиса Скримджіэра. Онъ видѣлъ, что у него на глазахъ совершается грязное, темное дѣло, а онъ не можетъ ему помѣшать и не знаетъ даже какъ. Можетъ быть, все это только шутка, и его вмѣшательство было бы совсѣмъ неумѣстно? А если это и серьезно, то преступникъ, можетъ быть, его отецъ, и тогда развѣ не будетъ онъ потомъ всю жизнь сокрушаться, что погубилъ своего отца? Въ первый разъ за все время онъ обратилъ вниманіе на свое собственное положеніе въ качествѣ шпіона. Быть пассивнымъ зрителемъ такого дѣла и чувствовать въ груди бурю самыхъ противоположныхъ чувствъ причиняло ему острую муку. Онъ схватился за раму окна, сердце его билось неправильно и тяжело, потъ проступилъ по всему его тѣлу.

Прошло нѣсколько минутъ.

Казалось, что бесѣда затихаетъ, становится все болѣе и болѣе вялой, но особенно страшнаго до сихъ поръ ничего не произошло.

Вдругъ послышался звонъ разбитой посуды и глухой, мягкій стукъ, какъ будто кто упалъ головой на столъ. Вслѣдъ затѣмъ на весь садъ раздался пронзительный крикъ.

— Что вы сдѣлали?—вскрикнула миссъ Ванделеръ.—Онъ умеръ.

Диктаторъ отвѣчалъ такимъ сильнымъ, свистящимъ шопотомъ, что Фрэнсисъ, стоя у своего окна, разслышалъ каждое слово.

— Молчи! Онъ живъ и здоровъ, какъ и я. Бери его за ноги, а я понесу его за плечи.

Фрэнсисъ услышалъ, какъ миссъ Ванделеръ расплакалась и разрыдалась.

— Миссъ Ванделеръ, вы слышали, что я сказалъ?—продолжалъ диктаторъ тѣмъ же свистящимъ шопотомъ.—Или вы желаете со мной ссоры? Предоставляю вамъ выбирать.

Послѣдовала новая пауза, потомъ опять сталъ говорить диктаторъ.

— Бери его за ноги, его нужно отнести въ домъ. Будь я немного помоложе, я бы одинъ все сдѣлалъ. Но годы и перенесенные труды и опасности сдѣлали надо мной свое дѣло, руки мои ослабѣли, и мнѣ теперь нужна твоя помощь.

— Но вѣдь это—преступленіе,—сказала молодая дѣвушка.

— Я твой отецъ,—сказалъ м-ръ Ванделеръ.

Повидимому, это напоминаніе оказало дѣйствіе. Послышалась на пескѣ шумная возня; уронили стулъ; потомъ Фрэнсисъ увидалъ, что отецъ и дочь идутъ по дорожкѣ къ дому и несутъ на веранду за ноги и за руки бездыханное тѣло м-ра Роллься. Молодой клерджименъ былъ неподвиженъ и блѣденъ, и его голова при каждомъ шагѣ несущихъ качалась изъ стороны въ сторону.

Живой онъ былъ или мертвый? Несмотря на заявленіе диктатора, Фрэнсисъ склоненъ былъ скорѣе думать послѣднее. Совершено было тяжкое преступленіе. Дому съ зелеными ставнями грозила бѣда. Къ своему удивленію Фрэнсисъ нашелъ, что въ

немъ чувство ужаса передъ преступленіемъ поглотилось другимъ чувствомъ—печалью и страхомъ за молодую дѣвушку и за старика, который, какъ онъ думалъ, подвергался большой опасности. Приливъ великодушія наполнилъ его сердце: онъ рѣшилъ выступить на защиту своего отца противъ всего свѣта, вопреки судьбѣ, вопреки правосудію. Растворивъ окно, онъ закрылъ глаза и съ распростертыми руками выбросился прямо на листву каштана.

Вѣтка за вѣткой выскользали у него изъ рукъ или ломались подъ его тяжестью. Наконецъ, ему удалось ухватить руками большой крѣпкій сукъ и повиснуть на немъ на одну секунду, но онъ сейчасъ же съ него сорвался и тяжело упалъ на столъ. Изъ дома послышался тревожный крикъ—значитъ, его увидѣли. Онъ вскочилъ на ноги и черезъ три прыжка стоялъ уже передъ дверьми веранды.

Въ небольшой комнатѣ, устланной рогожнымъ ковромъ и заставленной кругомъ стеклянными шкапами, наполненными рѣдкими вещами, стоялъ м-ръ Ванделеръ, наклонившись надъ тѣломъ м-ра Роллься. Когда Фрэнсисъ входилъ, онъ выпрямился и что-то быстро сдѣлалъ рукой. Молодой человѣкъ не разглядѣлъ хорошенько, что именно; но ему показалось, будто диктаторъ что-то такое вынулъ изъ-за пазухи у пастора, мелькомъ взглянулъ и сейчасъ же передалъ дочери. Все это произошло въ одинъ мигъ, пока Фрэнсисъ стоялъ на порогѣ. Въ слѣдующій мигъ онъ былъ на колѣняхъ передъ м-ромъ Ванделеромъ.

— Отецъ!—воскликнулъ онъ. — Позвольте мнѣ вамъ помочь. Я знаю, чето вамъ хочется, и не задаю никакихъ вопросовъ. Я вамъ отдамъ всю свою жизнь, только отнеситесь ко мнѣ, какъ къ сыну. Вы найдете во мнѣ полную сыновнюю преданность.

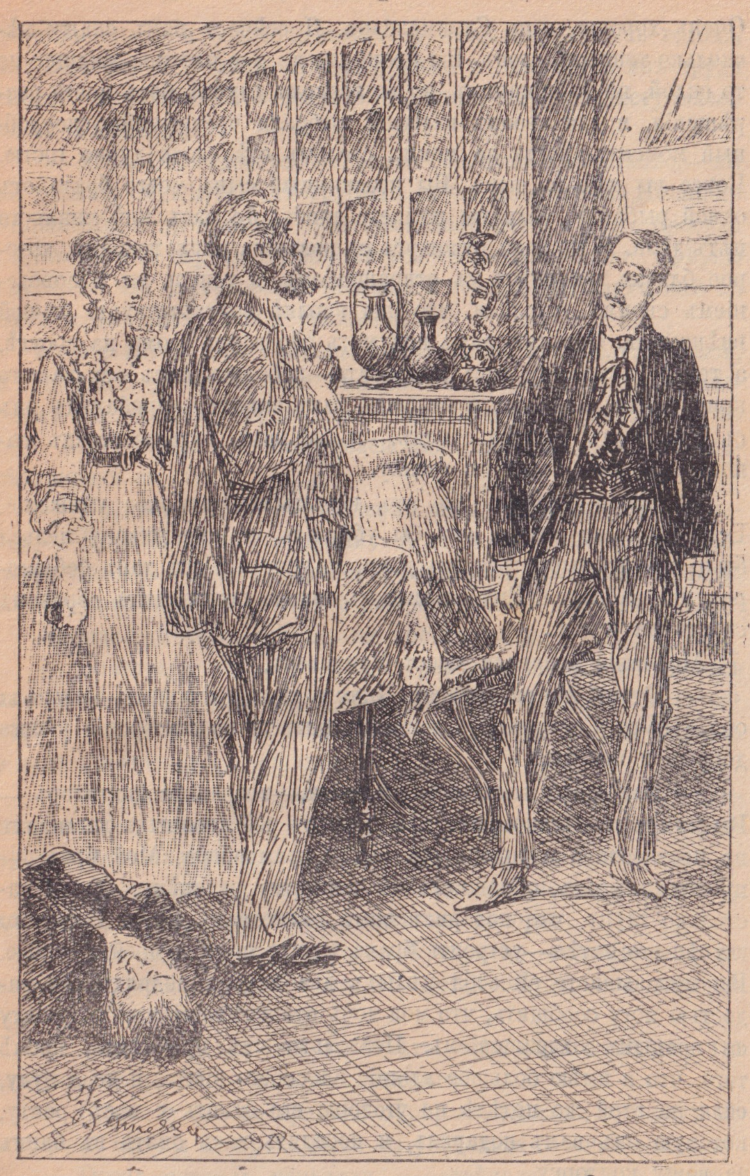
Первымъ отвѣтомъ диктатора былъ самый невозможный взрывъ ругательствъ.

— Сынъ и отецъ?—крикнулъ онъ.—Отецъ и сынъ? Это мы-то съ вами? Что за нелѣпая исторія? Какъ вы попали ко мнѣ въ садъ? Что вамъ здѣсь нужно? И кто вы такой?

Удивленный и сконфуженный Фрэнсисъ поднялся на ноги и молча стоялъ передъ нимъ.

У м-ра Ванделера явилась догадка. Онъ громко расхохотался.

— Ахъ, я понялъ!—воскликнулъ онъ.—Это Скримджіэръ.

— Что вамъ здѣсь нужно, и кто вы такой?..

Очень хорошо, м-ръ Скримджіэръ. Я сейчасъ вамъ скажу нѣсколько теплыхъ словъ. Вы проникли въ мое частное жилище не то силой, не то обманомъ, но во всякомъ случаѣ безъ моего разрѣшенія, и для своихъ изліяній выбрали чрезвычайно неудобный моментъ, когда за моимъ столомъ сдѣлалось дурно гостю. Вовсе вы мнѣ не сынъ. Вы незаконный сынъ моего брата отъ одной рыбачки, если вы желаете знать. До васъ мнѣ никакого нѣтъ дѣла. Я къ вамъ отношусь съ полнымъ равнодушіемъ, которое близко граничитъ съ отвращеніемъ, а теперь вы и поведеніемъ своимъ доказали, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ вашей внѣшности. Совѣтую вамъ подумать обо всемъ этомъ на досугѣ, а теперь позвольте васъ попросить—избавить насъ отъ вашего присутствія. Если бы я не былъ такъ занятъ,—прибавилъ онъ съ ужаснымъ ругательствомъ,—я бы вамъ задалъ передъ вашимъ уходомъ хорошую трепку.

Фрэнсисъ слушалъ все это, испытывая глубокое униженіе. Если бы было можно, онъ бы убѣжалъ, но ему никакъ нельзя было самому выбраться изъ дома, въ который онъ такъ неблагоразумно забрался. Ему оставалось только глупѣйшимъ образомъ стоять на мѣстѣ.

Молчаніе прервала миссъ Ванделеръ.

— Отецъ, вы раздражены, оттого такъ и говорите,—сказала она.—М-ръ Скримджіэръ могъ ошибиться, но намѣренія у него добрыя и честныя.

— Благодарю васъ за ваши слова,—возразилъ диктаторъ.— Вы ими кстати напомнили мнѣ о моихъ собственныхъ взглядахъ на честность и порядочность м-ра Скримджіэра. Мой братъ,— продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку,—былъ настолько глупъ, что подарилъ вамъ ежегодную ренту. Еще того глупѣе его затѣя—устроить бракъ между вами и моей дочерью. Вы показываете ей себя цѣлыхъ два вечера подрядъ; съ радостью могу сообщить, что моя дочь относится къ этому проекту съ полнымъ отвращеніемъ. Позвольте мнѣ прибавить, кромѣ того, что я имѣю большое вліяніе на своего брата, и не я буду, если на этой же недѣлѣ не уговорю его отнять у васъ ренту, которую онъ вамъ подарилъ, и посадить васъ опять въ банкъ за вашу конторку.

Тонъ старика и его голосъ были еще оскорбительнѣе самыхъ его словъ. Фрэнсисъ почувствовалъ себя жестоко, невыносимо

оскорбленнымъ и обезчещеннымъ; у него закружилась голова, онъ закрылъ себѣ лицо обѣими руками и выпустилъ изъ груди тяжкій, мучительный вздохъ. Тутъ опять за него заступилась миссъ Ванделеръ.

— М-ръ Скримджіэръ,—сказала она ясно и отчетливо,—вы не должны смущаться отъ грубыхъ словъ моего отца. Никакого отвращенія я къ вамъ не чувствую. Наоборотъ, я даже просила доставить мнѣ случай познакомиться съ вами поближе. Увѣряю васъ—то, что случилось въ нынѣшній вечеръ, внушаетъ мнѣ къ вамъ только сочувствіе и уваженіе.

Въ это время м-ръ Роллсъ конвульсивно пошевелилъ рукой, и Фрэнсисъ убѣдился, что викарія только опоили наркотическимъ снадобьемъ, отъ котораго онъ начинаетъ приходить въ себя. М-ръ Ванделеръ наклонился надъ нимъ и съ минуту разсматривалъ его лицо.

— Ну, вотъ что!—воскликнулъ онъ, приподнимая его голову.—Пора кончать эту музыку. А такъ какъ вамъ очень нравится поведеніе этого незаконнорожденнаго, миссъ Ванделеръ, то потрудитесь взять свѣчку и выпроводить его отсюда.

Молодая дѣвушка сейчасъ же послушалась.

— Благодарю васъ,—сказалъ Фрэнсисъ, когда они вдвоемъ вышли въ садъ.—Благодарю васъ отъ всей души. Это былъ самый тяжелый вечеръ въ моей жизни, но черезъ васъ я сохраню о немъ пріятное воспоминаніе.

— Я сказала, что чувствовала,—отвѣчала она,—и что считала справедливымъ по отношенію къ вамъ. Мнѣ было черезчуръ тяжело видѣть, что къ вамъ такъ нехорошо отнеслись.

Они дошли до воротъ. Миссъ Ванделеръ поставила свѣчку на землю, а сама принялась отодвигать запоры.

— Еще одно слово,—сказалъ Фрэнсисъ,—скажите мнѣ въ послѣдній разъ: увидимся ли мы когда-нибудь, или никогда больше не увидимся?

— Увы!—сказала она въ отвѣтъ.—Вы вѣдь слышали, что говоритъ отецъ. Могу ли я не слушаться?

— Скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, что вы сами съ этимъ не согласны, что вы не прочь были бы увидаться со мной опять.

— Отецъ сказалъ неправду, — отвѣчала она,—я считаю васъ хорошимъ, честнымъ человѣкомъ.

— Такъ дайте мнѣ что-нибудь на память,—сказалъ онъ.

Она съ минуту молчала, положивъ руку на ключъ, который уже вложила въ замокъ. Всѣ засовы были отодвинуты, оставалось только повернуть ключъ въ замкѣ.

— Если я это сдѣлаю,—сказала она,—обѣщаете ли вы мнѣ исполнить въ точности все, что я вамъ скажу?

— Какъ вы можете спрашивать?—отвѣчалъ Фрэнсисъ.— Да я по одному вашему слову сдѣлаю съ радостью все, что угодно.

Она повернула ключъ и отворила дверь.

— Такъ и быть,—сказала она.—Вы сами не знаете, чего просите, но—такъ ужъ и быть. Что бы вы ни услыхали,—продолжала она,—что бы такое ни произошло, не возвращайтесь ни въ какомъ случаѣ въ этотъ домъ. Насколько хватитъ у васъ силъ поспѣшите возвратиться въ освѣщенные и населенные кварталы города. Но и тамъ будьте осторожны. Вы подвергаетесь большой опасности, хотя и не знаете этого. Обѣщайте мнѣ также, что вы не взглянете на то, что я вамъ отдамъ сейчасъ, до тѣхъ поръ, пока вы не дойдете до совершенно безопаснаго мѣста.

— Обѣщаю,—сказалъ Фрэнсисъ.

Она вложила въ руку молодого человѣка что-то обернутое въ носовой платокъ, потомъ съ силой, которую въ ней трудно было предположить, вытолкнула его изъ воротъ на улицу.

— Бѣгите!—крикнула она ему.

Онъ услыхалъ за собой стукъ закрывшихся воротъ и задвигаемыхъ засововъ.

— Я обѣщалъ, надо исполнить!—сказалъ онъ.

И онъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ по переулку, который велъ на улицу Равиньянъ.

Онъ отошелъ не болѣе полусотни шаговъ отъ дома съ зелеными ставнями, какъ среди ночной тишины раздался адски-ужасный крикъ. Онъ невольно остановился. Другой прохожій послѣдовалъ его примѣру. Изъ оконъ сосѣднихъ домовъ стала выглядывать публика. Пожаръ надѣлалъ бы, кажется, не больше переполоха въ этомъ пустынномъ кварталѣ. А, между тѣмъ, кричалъ какъ будто одинъ человѣкъ. Но онъ ревѣлъ въ злобѣ и бѣшенствѣ, точно львица, у которой украли дѣтенышей, и Фрэнсисъ съ изумленіемъ и тревогой услыхалъ свое имя, выкрикиваемое среди англійской брани, разносившейся по воздуху.

Первымъ его движеніемъ было вернуться къ дому, но вслѣдъ

затѣмъ онъ вспомнилъ наставленіе миссъ Ванделеръ и побѣжалъ еще быстрѣе. Вдругъ мимо него, словно ядро, выпущенное изъ пушки, пронесся безъ шляпы, съ распущенными сѣдыми волосами, крича во все горло, самъ диктаторъ и помчался дальше по улицѣ.

— Чего ему нужно отъ меня?—думалъ про себя Фрэнсисъ.— И чѣмъ онъ такъ возмущенъ? Не могу себѣ представить. Но во всякомъ случаѣ это для меня сейчасъ совсѣмъ неподходящая компанія, и я лучше послѣдую наставленію миссъ Ванделеръ.

Онъ повернулся, чтобы пойти спуститься внизъ по улицѣ Лепикъ, предполагая, что старикъ побѣжитъ по другой сторонѣ и въ другомъ направленіи. Но планъ оказался плохо задуманнымъ. По существу дѣла, ему бы слѣдовало забѣжать въ ближайшій ресторанъ и тамъ выждать, чтобы улегся первый пылъ преслѣдованія. Но помимо полнаго неумѣнія вести «малую войну», Фрэнсисъ вдобавокъ считалъ себя совершенно неповиннымъ въ чемъ-либо дурномъ и убѣгалъ только потому, что не желалъ имѣть опять непріятное свиданіе. Ему и въ голову не приходило, что миссъ Ванделеръ сказала ему не все и кое о чемъ умолчала. Онъ совершенно не понималъ, изъ-за чего старикъ продолжаетъ бѣситься, и долженъ былъ признать, слушая его ругательства, что бранится онъ положительно мастерски.

Тутъ онъ вспомнилъ, что съ него свалилась шляпа, когда онъ падалъ на каштанъ. Онъ зашелъ въ первый попавшійся магазинъ, купилъ себѣ дешевенькую широкополую шляпу и привелъ немного въ порядокъ свой туалетъ. Подарокъ, завернутый въ платокъ, онъ запряталъ поглубже въ карманъ брюкъ.

Только что онъ вышелъ изъ магазина, какъ почувствовалъ на своей шеѣ чью-то руку, увидѣлъ передъ собой чье-то свирѣпое лицо и услыхалъ невѣроятную брань. Диктаторъ, не найдя слѣдовъ бѣглеца, повернулся, побѣжалъ другой дорогой и вотъ изловилъ его. Фрэнсисъ былъ дюжій парень, но онъ не могъ равняться силой и ловкостью со своимъ противникомъ. Послѣ недолгой борьбы онъ вынужденъ былъ сдаться.

— Что вамъ отъ меня нужно?—сказалъ онъ.

— Мы объ этомъ дома поговоримъ,—злобно отвѣтилъ диктаторъ.

Онъ потащилъ молодого человѣка вверхъ по холму, по направленію къ дому съ зелеными ставнями.

Но Фрэнсисъ, хотя и прекратилъ борьбу, все-таки не помирился со своей участью и ждалъ только случая, чтобы вернуть себѣ вновь свободу. Вдругъ онъ рванулся изъ всѣхъ силъ и, оставивъ въ рукахъ м-ра Ванделера воротникъ своего сюртука, съ чрезвычайной быстротой пустился бѣжать по направленію къ бульварамъ.

Шансы перемѣнились. Диктаторъ былъ сильнѣе, зато Фрэнсисъ, цвѣтущій юноша, былъ быстрѣе на ноги и скоро совершенно скрылся отъ него въ толпѣ. Немного передохнувши, онъ снова побѣжалъ впередъ и вышелъ на Place de l'Opéra, освѣщенную, какъ днемъ, электрическими фонарями.

— Здѣсь ужъ я въ полной безопасности, съ этимъ сама миссъ Ванделеръ была бы согласна,—подумалъ онъ.

Онъ повернулъ направо вдоль бульваровъ и вошелъ въ американскій ресторанъ, гдѣ спросилъ себѣ пива. Для обычныхъ посѣтителей было, для однихъ слишкомъ поздно, для другихъ слишкомъ рано, поэтому публики въ ресторанѣ было немного. Всего двое или трое мужчинъ сидѣло за отдѣльными столиками въ залѣ, и занятый своими мыслями Фрэнсисъ даже и не замѣтилъ ихъ.

Онъ досталъ изъ кармана свертокъ. Завернутая вещь оказалась сафьяновымъ футляромъ съ золотымъ тисненіемъ. Фрэнсисъ нажалъ пружинку. Футляръ открылся, и въ испуганные глаза юноши прямо сверкнулъ брилліантъ чудовищной величины и необыкновеннаго яркаго блеска. Неожиданность была такъ велика, появленіе брилліанта до такой степени необъяснимо, а цѣнность его такъ огромна, что Фрэнсисъ какъ былъ, такъ и остался сидѣть съ открытымъ футляромъ въ рукѣ, смотря на него тупо и безсознательно, точно человѣкъ, пораженный внезапнымъ помѣшательствомъ.

На его плечо легла легко, но твердо чья-то рука, и спокойный голосъ, въ которомъ звучали властныя ноты, проговорилъ ему на-ухо:

— Закройте футляръ и приведите въ порядокъ свое лицо.

Онъ поднялъ глаза и увидалъ еще нестараго мужчину съ спокойной великосвѣтской осанкой, одѣтаго съ роскошной простотой. Этотъ мужчина всталъ изъ-за сосѣдняго столика и пересѣлъ къ Фрэнсису, захвативъ свой стаканъ.

— Закройте футляръ,—повторилъ незнакомецъ,—и спрячьте

его обратно въ свой карманъ, гдѣ онъ, какъ мнѣ думается, до этого дня еще никогда не былъ. Сбросьте съ себя этотъ изумленный видъ и держите себя такъ, какъ будто мы съ вами старые знакомые и встрѣтились здѣсь случайно. Такъ. Ну, чокнитесь со мной стаканомъ. Вотъ это гораздо лучше. Кажется, сэръ, вы любитель?

Послѣдпія слова незнакомецъ произнесъ съ улыбкой особеннаго значенія, откинулся на спинку стула и глубоко затянулся табакомъ.

— Скажите, ради Бога, кто вы такой, и что значатъ эти намеки?—сказалъ Фрэнсисъ.—Мнѣ почему-то кажется, что вы можете мнѣ дать добрый совѣтъ. Дѣло въ томъ, что сегодня вечеромъ я попалъ въ самыя запутанныя приключенія, и всѣ тѣ люди, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло, держали себя до такой степени странно, что я спрашивалъ себя: ужъ не попалъ ли я на другую планету? Ваше лицо внушаетъ мнѣ довѣріе; вы мнѣ кажетесь добрымъ, умнымъ и искреннимъ человѣкомъ: скажите мнѣ, ради Бога, почему вы обратились ко мнѣ такимъ страннымъ, необычнымъ путемъ?

— Все въ свое время, — отвѣчалъ незнакомецъ. — Но моя очередь первая спрашивать, и потому вы должны мнѣ сначала сказать, какими судьбами къ вамъ попалъ «брильянтъ раджи».

— Брильянтъ раджи?—повторилъ, какъ эхо, Фрэнсисъ.

— Не надо говорить такъ громко... Да, разумѣется, у васъ въ карманѣ «брильянтъ раджи». Я много разъ видѣлъ его и бралъ въ руки въ коллекціи сэра Томаса Ванделера.

— Сэра Томаса Ванделера! Генерала! Моего отца!—воскликнулъ Фрэнсисъ.

— Вашего отца?—повторилъ незнакомецъ.—Я не зналъ, что у генерала есть дѣти.

— Сэръ, я внѣбрачный,—сказалъ Фрэнсисъ и покраснѣлъ.

Незнакомецъ поклонился съ серьезнымъ видомъ. Поклонъ былъ почтительный; кланяющійся хотѣлъ показать, что онъ понимаетъ все и признаетъ собесѣдника своимъ равнымъ. Фрэнсисъ, самъ не зная отчего и почему, успокоился и утѣшился. Общество незнакомца приносило ему замѣтную пользу и удовольствіе. Онъ проникался къ незнакомцу все больше и больше уваженіемъ и кончилъ тѣмъ, что снялъ и положилъ свою широкополую шляпу, какъ бы чувствуя себя въ присутствіи начальства.

— Я замѣчаю,—сказалъ незнакомецъ,—что ваши приключенія были не особенно мирнаго характера. У васъ оторванъ воротникъ, исцарапано лицо и раненъ високъ. Быть можетъ, вы извините мое любопытство, если я васъ спрошу, какъ это вамъ удалось залучить въ свой карманъ краденую вещь такой громадной цѣны?

— Я долженъ внести поправку въ ваши слова,—возразилъ Фрэнсисъ.—У меня нѣтъ никакой краденой вещи. Если вы намекаете на брильянтъ, то мнѣ его дала часъ тому назадъ миссъ Ванделеръ на улицѣ Лепикъ.

— Миссъ Ванделеръ на улицѣ Лепикъ!—повторилъ собесѣдникъ.—Вы заинтересовали меня больше, чѣмъ сами думаете. Продолжайте, пожалуйста.

— Боже мой!—воскликнулъ Фрэнсисъ.

Память его сдѣлала внезапный скачекъ. Ему живо представился м-ръ Ванделеръ, вынимающій изъ кармана одурманеннаго гостя какую-то вещь. Теперь онъ былъ твердо убѣжденъ, что это и былъ сафьянный футляръ.

— Вы что-нибудь вспомнили или сообразили?—спросилъ незнакомецъ.

— Слушайте, — сказалъ Фрэнсисъ. — Я не знаю, кто вы такой, но мнѣ кажется, что вамъ можно довѣриться и даже получить отъ васъ помощь. Я ничего не понимаю изъ происшедшаго. Вы должны мнѣ дать совѣтъ и оказать поддержку и, такъ какъ вы сами просите, то я вамъ разскажу все.

И онъ вкратцѣ разсказалъ все, что съ нимъ было, начиная съ того дня, какъ его пригласили изъ банка въ адвокатскую контору.

— Вашъ разсказъ просто необыкновененъ,—сказалъ незнакомецъ, когда молодой человѣкъ кончилъ разсказывать, — и ваше положеніе очень затруднительно и опасно. Многіе на моемъ мѣстѣ стали бы совѣтовать вамъ отыскать вашего отца и отдать ему брилліантъ, но у меня другое въ виду. Человѣкъ! — позвалъ онъ.

Подбѣжалъ оффиціантъ.

— Позовите мнѣ на минутку распорядителя, — сказалъ онъ.—Мнѣ нужно сказать ему два слова.

Оффиціантъ сходилъ за распорядителемъ, который подошелъ и поклонился съ заискивающей почтительностью.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ.

— Будьте добры, — отвѣчалъ незнакомецъ, указывая на Фрэнсиса,—скажите этому господину, кто я такой.

— Вы имѣете честь, сударь,—сказалъ распорядитель, обращаясь къ молодому человѣку,—сидѣть за однимъ столомъ съ его высочествомъ принцемъ Флоризелемъ богемскимъ.

Фрэнсисъ поспѣшно всталъ и сдѣлалъ принцу глубокій поклонъ. Принцъ попросилъ его сѣсть на свое мѣсто.

— Благодарю васъ, — отнесся Флоризель къ распорядителю.—Мнѣ очень жаль, что я васъ побезпокоилъ изъ-за такихъ пустяковъ. Можете итти!

И онъ отпустилъ распорядителя движеніемъ руки.

— А теперь,—сказалъ принцъ Фрэнсису,—дайте мнѣ сюда брильянтъ.

Ни слова не говоря, юноша передалъ ему футляръ.

— Вы хорошо сдѣлали,—сказалъ Флоризель,—ваше чувство указало вамъ вѣрный выходъ, и вы потомъ всю жизнь будете благодарить Бога за злоключенія нынѣшней ночи. Человѣкъ можетъ попадать во всевозможные переплеты, м-ръ Скримджіэръ, но если у него честное сердце и свѣтлый умъ, то онъ изъ всякаго затрудненія найдетъ почетный выходъ. Успокойтесь вполнѣ. Ваше дѣло въ моихъ рукахъ, а я достаточно силенъ для того, чтобы съ Божіей помощью привести его къ благополучному концу. Пройдемтесь со мной, пожалуйста, до моего экипажа.

Принцъ всталъ и, оставивъ оффиціанту золотую монету, повелъ молодого человѣка изъ ресторана на бульваръ, гдѣ принца дожидалось скромное купэ съ двумя слугами не въ ливреяхъ.

— Эта карета въ вашемъ распоряженіи,—сказалъ онъ.— Соберите свой багажъ, какъ можно скорѣе, и мои слуги отвезутъ васъ на дачу въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ вы будете жить въ полной безопасности и съ нѣкоторымъ комфортомъ до того времени, пока устроится ваше дѣло. Вы найдете тамъ пріятный садъ, библіотеку хорошихъ книгъ, повара, винный погребъ и запасъ порядочныхъ сигаръ, которыя я рекомендую вашему вниманію. Жеромъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ одному изъ слугъ,—вы слышали, что я сказалъ? Поручаю м-ра Скримджіэра вашимъ заботамъ. Вы, я это знаю, сумѣете хорошо позаботиться о моемъ другѣ.

Фрэнсисъ сталъ горячо, но довольно безсвязно благодарить.

— Вы успѣете меня поблагодарить тогда, когда будете узаконены своимъ отцомъ и женитесь на миссъ Ванделеръ,—сказалъ принцъ.

Съ этими словами принцъ повернулся и пошелъ по направленію къ Монмартру. Онъ крикнулъ перваго проѣзжавшаго извозчика, далъ адресъ и черезъ четверть часа звонился уже у воротъ м-ра Ванделера, отпустивъ извозчика, немного не доѣзжая до дома.

Диктаторъ съ величайшими предосторожностями отперъ ворота самъ.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Извините за поздній визитъ, м-ръ Ванделеръ,—отвѣчалъ принцъ.

— Вы, ваше высочество, всегда у насъ желанный гость,—сказалъ м-ръ Ванделеръ, отступая и давая дорогу.

Принцъ вошелъ въ открытую половинку воротъ и, не дожидаясь хозяина, направился прямо въ домъ и отворилъ дверь въ гостиную. Тамъ сидѣли двое: миссъ Ванделеръ, у которой были заплаканы глаза и которая повременамъ всхлипывала, и молодой человѣкъ, въ которомъ принцъ сейчасъ же узналъ клерджимена, мѣсяцъ тому назадъ въ курильной комнатѣ клуба спрашивавшаго у него совѣта, что ему читать.

— Добрый вечеръ, миссъ Ванделеръ — сказалъ Флоризель.—У васъ очень утомленный видъ. Мистеръ Ролльсъ, если не ошибаюсь? Я надѣюсь, что чтеніе романовъ Габоріо принесло вамъ пользу, м-ръ Ролльсъ?

Но молодому человѣку было не до разговоровъ: онъ находился въ большомъ огорченіи. Поэтому онъ только чопорно поклонился, продолжая кусать себѣ губы.

— Какой добрый вѣтеръ занесъ васъ къ намъ, ваше высочество?—сказалъ вошедшій слѣдомъ за гостемъ м-ръ Ванделеръ.—Чему я долженъ приписать такую неожиданную честь?

— Я пріѣхалъ по дѣлу,—отвѣчалъ принцъ.—У меня есть дѣло къ вамъ, а когда мы его кончимъ, я попрошу м-ра Ролльса пройтись со мной погулять. М-ръ Ролльсъ, — прибавилъ онъ строго,—позвольте вамъ напомнить, что я еще не садился.

Клерджименъ вскочилъ со стула и извинился. Принцъ сѣлъ въ кресло у стола, вручилъ свою шляпу м-ру Ванделеру, а палку

м-ру Роллъсу и, заставивши ихъ такимъ образомъ стоять и служить ему, сказалъ слѣдующее:

— Я сказалъ, что пріѣхалъ сюда по дѣлу. Если бы я пріѣхалъ для удовольствія, то мнѣ бы очень не понравился пріемъ, который мнѣ здѣсь сдѣлали, и самое общество, въ которомъ я нахожусь. Вы, сэръ,—отнесся онъ къ Роллъсу,—сдѣлали невѣжливость лицу высокаго сана, а вы, Ванделеръ, хотя и встрѣтили меня съ улыбающимся лицомъ, но вы сами знаете, что у васъ руки запачканы нечистымъ поступкомъ. Я не желаю, чтобы меня перебивали,—вставилъ онъ повелительно.—Я явился сюда говорить, а не слушать. Предлагаю вамъ выслушать меня почтительно и то, что я скажу, исполнить въ точности. Ваша дочь въ ближайшій отсюда удобный день должна быть обвѣнчана въ посольской церкви съ моимъ другомъ м-ромъ Скримджіэромъ, пріемнымъ сыномъ вашего брата. Вы будете любезны дать за ней не менѣе десяти тысячъ фунтовъ приданаго. А для васъ я придумалъ очень важное порученіе въ Сіамъ, и вы получите письменную инструкцію. Прошу, сэръ, отвѣтить мнѣ въ двухъ словахъ: принимаете ли вы эти условія или нѣтъ?

— Простите, ваше высочество,—сказалъ м-ръ Ванделеръ,—но позвольте мнѣ почтительнѣйше задать вамъ два вопроса.

— Позволяю,—сказалъ принцъ.

— Вы сейчасъ изволили сказать, что м-ръ Скримджіэръ вашъ другъ,—продолжалъ диктаторъ.—Повѣрьте, ваше высочество, если бы я зналъ, что онъ имѣетъ честь быть вашимъ другомъ, я бы отнесся къ нему совершенно иначе.

— Вы поставили вопросъ очень ловко,—отвѣчалъ принцъ,—но только это вамъ нисколько не поможетъ. Я вамъ предъявилъ свои требованія. Если бы даже я этого джэнтльмена до сегодняшняго вечера ни разу не видѣлъ, отъ этого дѣло не мѣняется.

— Ваше высочество, вы угадали мою мысль съ обычной вашей тонкостью,—отвѣчалъ Ванделеръ.—Теперь еще одно: я, къ несчастью, направилъ полицію по слѣдамъ м-ра Скримджіэра, обвиняя его въ кражѣ. Долженъ ли я это обвиненіе взять обратно или могу его поддерживать?

— Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно самимъ,—сказалъ Флоризель.—Здѣсь вопросъ вашей личной совѣсти и мѣстныхъ законовъ. Дайте мнѣ мою шляпу, а вы, м-ръ Роллъсъ, отдайте мнѣ мою палку и ступайте за мной. Добраго вечера, миссъ Ванде-

леръ. Я принимаю,—отнесся онъ къ м-ру Ванделеру,—ваше молчаніе за безусловное согласіе.

— Дѣлать нечего, я покоряюсь, — отвѣчалъ старикъ, — но только предупреждаю васъ откровенно, ваше высочество, что дѣло не обойдется безъ борьбы.

— Вы старикъ,—сказалъ онъ,—а преклонные годы неблагопріятны для зла. Не дѣлайте мнѣ вызова, а то я могу оказаться жестокосерднѣе, чѣмъ вы воображаете. Въ первый разъ еще случается, что я враждебно становлюсь вамъ поперекъ дороги. Позаботьтесь о томъ, чтобы этотъ первый разъ былъ и послѣднимъ.

Съ этими словами, заставляя викарія идти за собой, Флоризель вышелъ изъ дома и направился черезъ садъ къ воротамъ. Диктаторъ шелъ за нимъ со свѣчкой и свѣтилъ, а у воротъ отдалъ ему свѣчку и самъ сталъ отпирать всѣ свои хитрые запоры и засовы.

Въ воротахъ принцъ обратился къ нему въ послѣдній разъ.

— Вашей дочери здѣсь нѣтъ, — сказалъ онъ, — позвольте вамъ сказать, что я отлично понялъ ваши угрозы. Но вамъ стоитъ только поднять руку и вы навлечете на себя внезапную и непоправимую гибель.

Диктаторъ не далъ никакого отвѣта, но когда принцъ повернулся къ нему спиной и пошелъ, взбѣшенный старикъ сдѣлалъ вслѣдъ ему угрожающій жестъ и сейчасъ же, тихонько завернувъ за уголъ, пустился со всѣхъ ногъ бѣжать до первой извозчичьей биржи.

(Здѣсь,—говоритъ мой арабъ,—нить разсказа окончательно отходитъ отъ «Дома съ зелеными ставнями». Еще одно приключеніе,—прибавляетъ онъ,— и съ «Брильянтомъ раджи» будетъ покончено. Это послѣднее звено въ цѣпи событій извѣстно среди жителей Багдада подъ названіемъ «Принцъ Флоризель и сыщикъ»)...

Принцъ Флоризель и сыщикъ.

Принцъ Флоризель дошелъ съ м-ромъРолльсомъ до небольшой гостиницы, въ которой тотъ проживалъ. Они дорогой много разговаривали, и клерджименъ не разъ принимался плакать, растроганный ласково-суровыми упреками Флоризеля.

— Я загубилъ свою жизнь,—сказалъ онъ въ заключеніе.—

Помогите мнѣ. Скажите, что мнѣ дѣлать? Увы! У меня нѣтъ нужныхъ качествъ для священника и необходимой ловкости для жулика.

— Вотъ теперь вы смирились,—сказалъ онъ,—и я больше вамъ ничего не буду говорить. Кающійся не съ принцемъ долженъ бесѣдовать, а съ Богомъ. Но если вы хотите отъ меня совѣта, то поѣзжайте въ Австралію колонистомъ, займитесь ручнымъ трудомъ на открытомъ воздухѣ и позабудьте, что вы были священникомъ и видѣли своими глазами проклятый камень.

— И вѣрно, что проклятый,—согласился м-ръ Ролльсъ.—Гдѣ онъ теперь? Какую еще новую смуту готовитъ онъ людямъ?

— Отъ него зла больше не произойдетъ,—сказалъ принцъ.—Онъ у меня въ карманѣ.—Вотъ вамъ доказательство, что я уже вѣрю вашему раскаянію, хотя оно явилось еще такъ недавно.

— Позвольте мнѣ дотронуться до вашей руки,—попросилъ м-ръ Ролльсъ.

— Рано еще,—отвѣтилъ принцъ.—Потомъ.

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, многое объяснилъ РоллЬсу. Спустя нѣсколько минутъ принцъ обернулся и увидалъ, что викарій стоитъ на подъѣздѣ и смотритъ ему вслѣдъ, призывая благословеніе неба на человѣка, умѣющаго давать такіе хорошіе совѣты.

Нѣсколько часовъ принцъ пробродилъ одинъ по самымъ глухимъ улицамъ. Онъ былъ смущенъ и сбился съ толка. Что ему дѣлать съ камнемъ? Возвратить ли владѣльцу, котораго онъ считалъ недостойнымъ владѣть такимъ сокровищемъ, или прибѣгнуть къ радикальной мѣрѣ и разъ навсегда изъять его изъ обращенія среди людей? Задача была трудная, не допускавшая необдуманнаго рѣшенія. Къ нему въ руки алмазъ попалъ, въ полномъ смыслѣ слова, сверхъестественнымъ путемъ. Чѣмъ чаще принцъ на него смотрѣлъ, раскрывая футляръ при свѣтѣ уличныхъ фонарей, тѣмъ больше казался ему этотъ ослѣпительно сверкающій камень источникомъ всякаго зла и всякихъ бѣдствій для міра.

— Помоги мнѣ, Господи!—думалъ онъ.—Если я буду часто на него смотрѣть, я самъ, пожалуй, поддамся алчному чувству.

Такъ, ничего не рѣшивъ, онъ направился къ небольшому, но изящному особняку на берегу рѣки. Этотъ отель уже нѣсколько столѣтій былъ собственностью его королевской фамиліи.

Надъ входомъ красовался богемскій гербъ, высокія трубы были украшены тѣмъ же гербомъ; зеленый дворъ былъ засаженъ дорогими цвѣтами, а на шпицѣ дома цѣлыми днями сидѣлъ единственный въ Парижѣ аистъ, собиравшій передъ особнякомъ любопытную толпу. Взадъ и впередъ ходили величественные лакеи, а въ ворота отъ времени до времени въѣзжалъ чей-нибудь экипажъ и подкатывалъ къ подъѣзду. По многимъ причинамъ эта резиденція была особенно мила сердцу принца Флоризеля. Въ ней онъ чувствовалъ себя совершенно по-домашнему, что такъ рѣдко выпадаетъ на долю великихъ міра сего. Въ этотъ вечеръ онъ почувствовалъ особенное облегченіе, когда увидѣлъ высокую крышу и умѣренно освѣщенныя окна.

Когда онъ подходилъ къ боковому подъѣзду, которымъ всегда пользовался, когда былъ одинъ, изъ тѣни вдругъ выступил какой-то человѣкъ и вѣжливо всталъ передъ принцемъ.

— Имѣю честь говорить съ его высочествомъ принцемъ Флоризелемъ богемскимъ?—сказалъ этотъ человѣкъ.

— Да, таковъ мой титулъ, — отвѣчалъ принцъ. — А вамъ что же угодно отъ меня?

— Я агентъ сыскной полиціи,—отвѣчалъ незнакомецъ,— мнѣ поручено вручить вашему высочеству вотъ эту повѣстку отъ г. префекта.

Принцъ взялъ повѣстку и прочиталъ ее при свѣтѣ уличнаго фонаря. Съ большими извиненіями, но настоятельно принца просили немедленно пожаловать въ префектуру.

— Короче сказать, меня арестуютъ,—сказалъ принцъ.

— Могу васъ увѣрить, ваше высочество, — отвѣчалъ агентъ,—что г. префектъ безконечно далекъ отъ подобнаго намѣренія. Никакого постановленія не сдѣлано. Тутъ простая формальность, которую, однако, ваше высочество, должны исполнить изъ уваженія къ законамъ страны.

— А если я откажусь съ вами отправиться въ префектуру?—спросилъ принцъ.

— Не скрою отъ вашего высочества, что мнѣ даны самыя широкія полномочія,—съ поклономъ отвѣтилъ сыщикъ.

— Честное слово, господа, ваше нахальство превосходитъ всякое вѣроятіе! — воскликнулъ принцъ. — Васъ, подчиненнаго агента, я прощаю, но вашему начальству придется понести отвѣтственность за свои неправильныя дѣйствія. То, что оно дѣ-

Принцъ взялъ повѣстку и прочиталъ ее...

лаетъ, неконституціонно и неполитично. И чѣмъ это вызвано? Какой причиной? Обращаю ваше вниманіе, что я не отказался и не согласился, и что многое будетъ зависѣть отъ вашего быстраго и умнаго отвѣта. Напоминаю вамъ, агентъ, что это очень важное дѣло.

— Ваше высочество,—смиренно отвѣчалъ сыщикъ,—генералъ Ванделеръ и его братъ взяли на себя смѣлость обвинить васъ въ кражѣ. Они утверждаютъ, что знаменитый брильянтъ находится у васъ. Префектъ вполнѣ удовольствуется вашимъ отрицательнымъ отвѣтомъ. Скажу даже больше: если вы удостоите меня, подчиненное лицо, своимъ разговоромъ и заявите мнѣ, что ничего по этому дѣлу не изволите знать, то я, съ вашего позволенія, сейчасъ же удаляюсь.

До послѣдней минуты Флоризель считалъ все дѣло пустяками, имѣющими значеніе только съ международной точки зрѣнія. Но упоминаніе о Ванделерахъ разомъ представило его глазамъ всю ужасную правду. Его не просто хотятъ арестовать, его обвиняютъ въ уголовномъ преступленіи. Тутъ не просто неріятный инцидентъ, тутъ опасность для его чести. Что ему сказать? Какъ поступить? Брильянтъ раджи безусловно проклятый камень, и онъ, принцъ, долженъ сдѣлаться послѣдней его жертвой.

Было ясно одно: онъ не можетъ дать сыщику требуемаго заявленія. Необходимо выиграть время.

Его нерѣшительность продолжалась не больше секунды.

— Быть по сему—сказалъ онъ.—Идемте въ префектуру.

Сыщикъ еще разъ поклонился и пошелъ на почтительномъ разстояніи сзади Флоризеля.

— Подойдите сюда,—сказалъ ему принцъ,—я расположенъ поговорить и, кромѣ того, если не ошибаюсь, гдѣ-то уже васъ встрѣчалъ. Ваше лицо мнѣ что-то знакомо.

— Я весьма польщенъ честью, ваше высочество, что вы меня изволили узнать,—отвѣчалъ чиновникъ.—Вѣдь тому уже восемь лѣтъ прошло, какъ вы меня видѣли.

— Запоминать лица — это особенность моей профессіи, а также и вашей,—возразилъ Флоризель.—Если присмотрѣться хорошенько, то вѣдь принцъ и сыщикъ служатъ, въ сущности, въ одномъ учрежденіи. Тотъ и другой борются съ преступленіями, только принцъ больше получаетъ жалованья, а ваша должность

болѣе опасна. Тотъ и другой одинаково достойны уваженія. И съ своей стороны, я бы предпочелъ быть хорошимъ и смѣлымъ сыщикомъ, чѣмъ слабымъ и ничтожнымъ государемъ.

Сыщикъ былъ ошеломленъ.

— Ваше высочество, вы платите добромъ за зло,—сказалъ онъ.—Въ отвѣтъ на заявленное на васъ подозрѣніе вы проявляете такую безконечную снисходительность.

— А почемъ вы знаете, быть можетъ, я стараюсь васъ подкупить.

— Сохрани Богъ отъ такого искушенія! — воскликнулъ сыщикъ.

— Хвалю за отвѣтъ,—сказалъ принцъ.—Это отвѣтъ человѣка честнаго и умнаго. Міръ великъ и наполненъ богатствомъ и красотой. Онъ заключаетъ въ себѣ безконечные рессурсы для подкупа. Иного деньгами не купишь и за милліоны, но зато онъ можетъ поддаться соблазну женской любви. У меня у самого бывали въ жизни такія искушенія, такіе непреодолимые соблазны, что я такъ же вотъ, какъ и вы, поручалъ себя въ эти минуты Божіему милосердію. И только благодаря этой привычкѣ—обращаться за помощью къ Богу—я хожу и сейчасъ по этому городу съ незапятнаннымъ сердцемъ.

— Я всегда слышалъ о васъ, какъ о честнѣйшей личности,— сказалъ сыщикъ,—но не зналъ, что вы, кромѣ того, еще человѣкъ такой мудрый и благочестивый. Вы говорите истинную правду и сказали ее такъ, что вамъ удалось глубоко затронуть мое сердце. Здѣшній міръ, дѣйствительно, полонъ всевозможныхъ искушеній и соблазновъ.

— Вотъ мы какъ разъ стоимъ съ вами на серединѣ моста,— сказалъ Флоризель. — Облокотитесь на перила и посмотрите. Какъ вода течетъ тамъ внизу, такъ и всевозможныя страсти и осложненія жизни уносятъ честность слабыхъ людей. Хотите, я разскажу вамъ одну исторію.

— Я къ услугамъ вашего высочества,—сказалъ сыщикъ.

По примѣру принца, онъ тоже облокотился на перила и приготовился слушать. Городъ уже спалъ. Еслибъ не безконечные фонари и не очертанія домовъ на фонѣ звѣзднаго неба, то можно было бы подумать, что находишься не въ городѣ, а въ деревнѣ.

— Былъ одинъ офицеръ, — такъ началъ свой разсказъ принцъ Флоризель,—человѣкъ храбрый, отличнаго поведенія,

собственными заслугами дошедшій до высокаго чина. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и могъ бы подняться еще выше. Въ несчастный для себя часъ этотъ офицеръ посѣтилъ коллекцію одного индійскаго князя. Тамъ онъ увидалъ алмазъ такой необыкновенной величины и красоты, что съ этой минуты сталъ только о немъ одномъ и думать. За блестящій кусочекъ кристалла онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ — честью, совѣстью, репутаціей, дружбой, любовью къ отечеству. Три года служилъ онъ этому полудикому владѣтельному князьку, точно Іаковъ Лавану. Онъ поддѣлывалъ границы, потакалъ разбойникамъ, убійцамъ, подвелъ подъ судъ и подъ смертный приговоръ своего товарища-офицера, не угодившаго раджѣ своимъ честнымъ свободолюбіемъ. Наконецъ, къ великому стыду и опасности для своей родины, онъ подвелъ подъ пораженіе и истребленіе цѣлый корпусъ своихъ же кровныхъ солдатъ, которыхъ погибло нѣсколько тысячъ. Въ результатѣ, онъ скопилъ себѣ огромное состояніе и вернулся домой съ желаннымъ брильянтомъ. Прошли года,—продолжалъ принцъ,—и вотъ брильянтъ случайно пропалъ. Достался онъ въ руки одному скромному, трудолюбивому юношѣ-студенту, кандидату въ пасторы, только что начавшему свою полезную и почетную карьеру. Тотчасъ же не замедлило проявиться дѣйствіе вредныхъ чаръ: заброшено святое призваніе, заброшена наука, забыто все; молодой человѣкъ убѣгаетъ съ брильянтомъ въ чужой край. Надобно вамъ сказать, что у офицера былъ братъ, хитрый, смѣлый и совершенно безсовѣстный человѣкъ, вывѣдавшій тайну у пастора. Что же онъ, какъ вы думаете, дѣлаетъ? Извѣщаетъ брата, даетъ знать полиціи? Нѣтъ. Дьявольскія чары опутываютъ и этого человѣка. Онъ хочетъ добыть камень для себя самого. Рискуя смертоубійствомъ, онъ даетъ молодому пастору усыпительнаго снадобья и захватываетъ добычу. Затѣмъ, по совершенной случайности, которая въ нравоучительномъ отношеніи не имѣетъ значенія, и потому я ее опускаю какъ лишнюю подробность; алмазъ изъ его рукъ переходитъ къ одному юношѣ, который при видѣ его приходитъ въ ужасъ и отдаетъ его на храненіе одному очень высокопоставленному человѣку съ безупречной репутаціей.

«Фамилія офицера—сэръ Томасъ Ванделеръ,—продолжалъ Флоризель.—Камень—такъ называемый «бриллiантъ раджи».—

И принцъ моментально открылъ руку. — Смотрите, вотъ онъ здѣсь, передъ вашими глазами.

Сыщикъ вскрикнулъ и отскочилъ назадъ.

— Вы вотъ тутъ раньше упомянули объ искушеніи,—сказалъ принцъ.—Представьте, мнѣ этотъ сверкающій самородокъ просто омерзителенъ, какъ какая-нибудь гадина, какъ трупный червякъ. Мнѣ противно держать его въ рукахъ: точно я дотрогиваюсь до невинной крови. Я смотрю на него и знаю, что онъ горитъ геенискимъ огнемъ. Я вамъ разсказалъ только развѣ сотую часть всей его исторіи. Что было въ прежніе вѣка, на какія преступленія, на какое вѣроломство пускались изъ-за него прежніе люди, я ужъ и не говорю: даже подумать страшно. Долгіе годы служилъ онъ вѣрой и правдой силамъ преисподней. Но довольно крови, довольно ненависти, довольно искалѣченныхъ существованій и разорванныхъ дружбъ! Этого больше не будетъ. Все на свѣтѣ имѣетъ конецъ—зло и добро, чума и прекрасная музыка. Такъ и этотъ алмазъ. Да проститъ мнѣ Богъ, если я поступаю не по правдѣ, но только власть роковаго камня должна кончиться въ эту же ночь.

Принцъ сдѣлалъ внезапное движеніе рукой, и алмазъ, описавъ яркую, свѣтлую дугу, съ плескомъ упалъ въ воду текущей рѣки.

— Аминь!—торжественно проговорилъ Флоризель.—Я убилъ блудницу!

— Помилуй Богъ!—воскликнулъ сыщикъ.—Что вы сдѣлали? Я теперь погибшій человѣкъ.

— Ну, положимъ, вашей погибели позавидуютъ многіе изъ весьма благополучныхъ жителей этого города, — съ улыбкой сказалъ принцъ.

— Ахъ, ваше высочество, послѣ всего, что было, вы меня еще хотите подкупить!—воскликнулъ сыщикъ.

— Это не подкупъ, да притомъ теперь ужъ дѣло кончено,— сказалъ Флоризель.—Ну, идемте теперь съ вами въ префектуру.

Спустя немного состоялась въ тихомъ семейномъ кругу свадьба Фрэнсиса Скримджіэра съ миссъ Ванделеръ, и принцъ былъ шаферомъ у жениха. Братья Ванделеры кое-что прослышали о судьбѣ брильянта, и вскорѣ праздная толпа получила

возможность позабавиться, глядя на водолазныя операціи у берега Сены. Но разсчетъ былъ сдѣланъ невѣрно, выбранъ былъ не тотъ рукавъ рѣки. Что касается принца, то онъ, если вѣрить арабскому писателю, потерпѣлъ жестокую кувыркъ-коллегію. Такъ какъ читатель будетъ, вѣроятно, допытываться подробностей, то я могу еще сказать, что въ Богеміи произошла революція, и Флоризель былъ свергнутъ съ престола. Ему были поставлены въ вину слишкомъ частыя поѣздки въ чужіе края, вслѣдствіе чего государственныя дѣла пришли въ полный упадокъ. Въ настоящее время его высочество держитъ на Рупертъ-Стритѣ табачный магазинъ, охотно посѣщаемый всѣми изгнанниками. Я тоже захожу иногда туда покурить и поболтать и вижу его тамъ. По моему, онъ смотритъ такой же важной особой, какъ и раньше, въ дни своего блеска и благополучія. За прилавкомъ онъ стоитъ настоящимъ олимпійцемъ, и хотя, вслѣдствіе сидячей жизни, у него замѣтно отрастаетъ подъ жилетомъ брюшко, все же онъ до сихъ поръ едва ли не самый красивый табачный торговецъ въ Лондонѣ.

КОНЕЦЪ.

ПАВИЛЬОНЪ НА ХОЛМѢ.

(The Pavilion on the Links).

I. Повѣствуетъ о томъ, какъ я кочуя попалъ въ Граденскій лѣсъ и увидѣлъ свѣтъ въ павильонѣ.

Я былъ чрезвычайно нелюдимъ съ самаго дѣтства. Помню, даже гордился тѣмъ, что держусь отъ всѣхъ въ сторонѣ и ни въ чьемъ обществѣ не нуждаюсь. Могу прибавить, что не имѣлъ ни друзей, ни знакомыхъ,—постоянныхъ, хорошихъ знакомыхъ. Впервые я позналъ, что такое дружба и любовь лишь тогда, когда встрѣтился съ тою, которая стала моей женой и матерью моихъ дѣтей.

За всю свою юность я только съ однимъ сверстникомъ находился въ сравнительно хорошихъ отношеніяхъ. Это былъ Р. Норсмауръ, съ которымъ мнѣ пришлось учиться вмѣстѣ. Тутъ же добавлю, что происходилъ онъ отъ шотландскаго дворянскаго рода,—а это давало ему право на титулъ эсквайра,—и обладалъ небольшимъ помѣстьемъ въ Граденъ-Истерѣ, въ сѣверной части побережья Нѣмецкаго моря.

Мало въ чемъ мы походили другъ на друга, и никогда не было между нами сильной, искренней дружбы, но все же насъ сблизило какое-то родство настроеній, которое сдѣлало наше общеніе не только возможнымъ, но даже не лишеннымъ удовольствія и нѣкоторыхъ удобствъ. Разумѣется, мы называли себя мизантропами, — чуть ли не объявляли себя ненавистниками всего рода людского,—на самомъ же дѣлѣ, какъ я потомъ понялъ, мы были только капризные, угрюмые, надутые юнцы.

Даже товарищами нельзя было насъ назвать: мы просто жили бокъ-о-бокъ, не мѣшая другъ другу:—какое-то «сосуществованіе» безъ противленія взаимной противообщественности.

Главною чертою характера Норсмаура являлась его неимовѣрная запальчивость. Она-то и препятствовала ему ладить съ кѣмъ-либо, кромѣ меня; мнѣ же, моимъ привычкамъ и поступкамъ, онъ не мѣшалъ, и я могъ спокойно выносить его присутствіе.

Кажется, мы звали другъ друга друзьями.

Когда Норсмауръ кончилъ курсъ и получилъ дипломъ, а я рѣшилъ выйти изъ университета безъ диплома, онъ пригласилъ меня на долгую побывку въ его Граденскомъ помѣстьи, и я тогда познакомился съ ареною моихъ позднѣйшихъ приключеній.

Граденское имѣніе расположено на пустынной и мрачной полосѣ морского побережья. Господскій домъ видомъ походилъ на огромный баракъ или старинную казарму. Стѣны казались наполовину разъѣденными и разваливающимися, такъ какъ онѣ были построены изъ мягкаго камня, легко разрушающагося отъ ѣдкаго приморскаго воздуха и рѣзкихъ его перемѣнъ. Внутри же было положительно сыро. Обоимъ намъ,—молодымъ джентльменамъ, привыкшимъ къ комфорту городской жизни,—показалось невозможнымъ тутъ жить, и мы тотчасъ принялись за поиски болѣе удобнаго помѣщенія.

Мы быстро нашли то, что намъ было нужно. Въ сѣверной части имѣнія, въ дикомъ ландшафтѣ старыхъ дюнъ, уже покрывшихся травою и деревьями, но еще смежныхъ съ холмами голаго, сыпучаго песка, оказался небольшой двухъэтажный павильонъ, но выстроенный недавно и уже въ новомъ стилѣ; онъ какъ разъ подошелъ къ нашимъ вкусамъ.

Въ этомъ одинокомъ домикѣ мы провели съ Норсмауромъ цѣлыхъ четыре зимнихъ, ненастныхъ мѣсяца, много читая, но мало разговаривая и встрѣчаясь другъ съ другомъ почти исключительно въ часы принятія пищи. Вѣроятно, я и больше бы здѣсь прожилъ, но въ одинъ мартовскій вечеръ мы совершенно неожиданно, въ первый разъ въ жизни, поссорились. Помню, въ пылу спора, Норсмауръ не въ мѣру повысилъ голосъ, а я, надо полагать, въ долгу не остался и уязвилъ его колкою фразою.

Вдругъ Норсмауръ вскочилъ со своего стула и бросился на меня съ такою стремительностью, что я еле успѣлъ стать въ

Павильонъ на холмѣ.

оборонительное положеніе. Пришлось,—говорю безъ преувеличенія,—буквально защищать свою жизнь. Мы были почти равной силы, и онъ нападалъ съ такою яростью, точно чортъ въ него вселился. Съ величайшимъ лишь трудомъ удалось его усмирить.

На слѣдующее утро мы встрѣтились такъ, какъ встрѣчались каждое утро, какъ ни въ чемъ не бывало, но я счелъ болѣе деликатнымъ, — да, признаться, и болѣе благоразумнымъ, — заявить ему, что уѣзжаю. Онъ меня не удерживалъ, и я въ тотъ же день уѣхалъ.

Девять лѣтъ спустя я снова очутился недалеко отъ Граденъ-Истера.

Я путешествовалъ тогда по Англіи въ одноконной телѣгѣ, съ походною палаткою и небольшою переносною печкою для моей незатѣйливой кухни. Самъ я цѣлый день шелъ пѣшкомъ около телѣги. Вечеромъ я распрягалъ лошадь и устраивалъ ночевку, по возможности, въ уединенномъ мѣстѣ—въ какой-нибудь ложбинкѣ между холмами или въ кустахъ, если только вблизи не было лѣса.

Кочуя такимъ образомъ, какъ цыганъ, я посѣтилъ самыя безлюдныя и дикія области Англіи и Шотландіи. Никто не безпокоилъ меня письмами, такъ какъ я попрежнему оставался безъ друзей и знакомыхъ, а теперь, даже безъ постоянной или хотя бы «главной квартиры», если не считать таковою контору моего довѣреннаго, отъ котораго я два раза въ годъ получалъ нужныя мнѣ деньги изъ моего годового дохода.

Этотъ образъ жизни я считалъ верхомъ блаженства и совершенно серьезно думалъ, что весь свой вѣкъ проживу въ вольныхъ кочевкахъ, пока не стукнетъ смертный часъ, и я свалюсь въ какую-нибудь придорожную канаву.

Больше всего меня занимало въ кочевкахъ, больше всего заботило, это — отыскать самые дикіе, совсѣмъ безлюдные закоулки, гдѣ бы я могъ поставить свою палатку на нѣсколько дней,—или пока мнѣ не вздумается тронуться дальше,—безъ опасенія какихъ-либо помѣхъ и, главное, безъ риска знакомствъ.

И вотъ однажды, находясь въ Шотландіи, на берегу Нѣмецкаго моря, я вдругъ вспомнилъ о павильонѣ Норсмаура, о дикихъ дюнахъ и голыхъ песчаныхъ холмахъ вокругъ. Вспомнилъ, что ближайшая отъ него проселочная дорога проходила мили за три, а первое отъ него поселеніе,—маленькая рыбацкая деревушка—миляхъ въ шести или семи. Вспомнилась пустынная песчаная полоса, тянувшаяся около десяти миль, вдоль моря, безлюдный, отлогій берегъ, къ которому даже большая лодка не можетъ подойти, вслѣдствіе ничтожной глубины воды. Врядъ

Кочуя какъ цыганъ, я посѣтилъ самыя дикія области Англіи...

ли во всемъ Соединенномъ королевствѣ найдется другое мѣсто, гдѣ можно было бы лучше скрыться отъ людей. Я рѣшилъ немедленно отправиться въ Граденъ-Истеръ и провести цѣлую недѣлю въ лѣсу, примыкающемъ тамъ къ дюнамъ. Послѣ продол-

жительнаго перехода я добрелъ до павильона въ ненастный сентябрьскій день, какъ разъ къ закату солнца.

Я уже говорилъ, что мѣстность около павильона состояла изъ раскиданныхъ въ перемежку песчаныхъ бугровъ и такъ называемыхъ линксовъ, т. е. тѣхъ же песчаныхъ бугровъ, но уже окрѣпшихъ и поросшихъ зеленью. Самъ павильонъ стоялъ на ровномъ мѣстѣ; немного позади начинался лѣсъ густою каймою бузинныхъ деревьевъ, точно повалившихся другъ на друга дѣйствіемъ постоянныхъ вѣтровъ; впереди, между фасадомъ павильона и моремъ, было только нѣсколько низкихъ песчаныхъ холмовъ. Къ сѣверу, на берегу выступала массивная каменная ограда, служившая плотиною отъ песка, вслѣдствіе чего береговая линія образовывала здѣсь песчаную косу между двумя бухточками. Во время прилива вся коса заливалась водою, кромѣ каменной ея оконечности, которая тогда выступала маленькимъ, но ясно обозначеннымъ островкомъ; при спадѣ же воды простирался на очень большое разстояніе подвижный, засасывающій песокъ. Это была Граденская «топь», пользовавшаяся самою плохою репутаціею во всемъ округѣ. Говорили, что пески, между островкомъ и пляжемъ, могутъ засосать человѣка въ четыре съ половиною минуты, но такое утвержденіе,—надо полагать,—врядъ ли было основано на точныхъ измѣреніяхъ. Тѣмъ не менѣе, топь оставалась топью.

Главными обитателями Граденъ-Истера были дикіе кролики и морскія чайки; послѣднія летали несмѣтными стаями и съ утра до вечера наполняли воздухъ гамомъ. Въ лѣтніе дни ландшафтъ, вѣроятно, не лишенъ красокъ и, быть можетъ, даже привѣтливости, но въ сумеркахъ ненастнаго сентябрьскаго дня, вѣтрянаго и холоднаго, при уныломъ гулѣ морского прибоя, онъ наводитъ мысли лишь на кораблекрушенія и гибель моряковъ. Какъ нарочно, при моемъ прибытіи такое впушеніе усиливалось зрѣлищемъ на горизонтѣ небольшого судна, тяжело лавировавшаго противъ вѣтра, а вблизи берега—заливался волнами полуразрушенный остовъ затонувшей и затянутой пескомъ рыбачьей баржи.

Павильонъ былъ итальянскаго стиля, въ два этажа; его построилъ предшествовавшій собственникъ имѣнія, дядя Норсмаура, очень щедрый, но безтолковый любитель искусства. Вокругъ павильона была раздѣлана ровная площадь для сада, г-

принялись только немногіе грубые цвѣты, теперь одичалые. Ставни во всѣхъ окнахъ были наглухо заколочены, и павильонъ вообще выглядывалъ не какъ домъ, недавно оставленный жильцами, а какъ ненужная постройка, въ которой никто еще не обиталъ. Норсмауръ, по крайней мѣрѣ, никогда не бывалъ въ своемъ имѣніи.

— Гдѣ онъ теперь?—подумалъ я, и въ головѣ мелькнулъ его образъ.—Валяется въ каютѣ своей яхты—надутый, сердитый? Или вдругъ снова появился въ лондонскомъ высшемъ свѣтѣ, и всѣ заговорили объ его сумасбродныхъ выходкахъ, а онъ опять внезапно исчезъ?

Я оглянулся кругомъ.

Мѣстность имѣла такой дикій видъ; трубы мертваго дома, при порывахъ вѣтра, завывали такъ сильно, такъ странно, что даже я,—добровольный скиталецъ и отшельникъ,—почувствовалъ что-то вродѣ страха и, схвативъ лошадь за уздцы, быстро повелъ телѣгу къ лѣсу, точно мнѣ нужно было бѣжать, отъ чего-то спасаться.

Граденскій лѣсъ былъ искусственнаго происхожденія; его когда-то насадили для защиты посѣвовъ отъ морского вѣтра и песка. По мѣрѣ удаленія отъ моря бузина смѣнялась другими низкорослыми деревьями и густымъ кустарникомъ. Растительность здѣсь выдерживала тяжелую борьбу за существованіе. Деревья по цѣлымъ суткамъ расшатывались жестокими зимними бурями, и вѣтры въ этой мѣстности вообще такъ сильны, что листва деревьевъ нерѣдко отлетаетъ еще весною. Внутри лѣса почва постепенно поднималась, образуя небольшой лѣсистый холмъ, который, вмѣстѣ съ островкомъ береговой косы, служилъ примѣтою для рыбаковъ. Когда холмъ открывался на сѣверъ отъ островка, надо было держать курсъ круто на востокъ, чтобы не наскочить на Граденскія отмели и камни.

Въ низменной части лѣса протекалъ ручей, и онъ засорялся до такой степени падающими листьями и имъ же наносимою тиною, что мѣстами распадался на маленькія озерки, болота и лужи.

Разумѣется, въ этомъ лѣсу никто не жилъ. Сохранились лишь развалины отъ двухъ небольшихъ домовъ. По разсказамъ Норсмаура, эти дома были построены монахами и въ давнія времена служили обителью для благочестивыхъ отшельниковъ.

Мнѣ, однако, удалось найти нѣчто вродѣ жилища — пещеру или, точнѣе, довольно большую выемку въ подъемѣ холма; тутъ же пробивался ключъ свѣжей и чистой воды. Тутъ я поставилъ свою палатку и развелъ костеръ для приготовленія ужина. Для лошади нашелся свѣжій кормъ недалеко отъ стоянки. Долженъ еще добавить, что выступы «пещеры» не только скрывали свѣтъ моего огня, но и защищали хорошо отъ вѣтра, который къ ночи сталъ еще холоднѣе и сильнѣе.

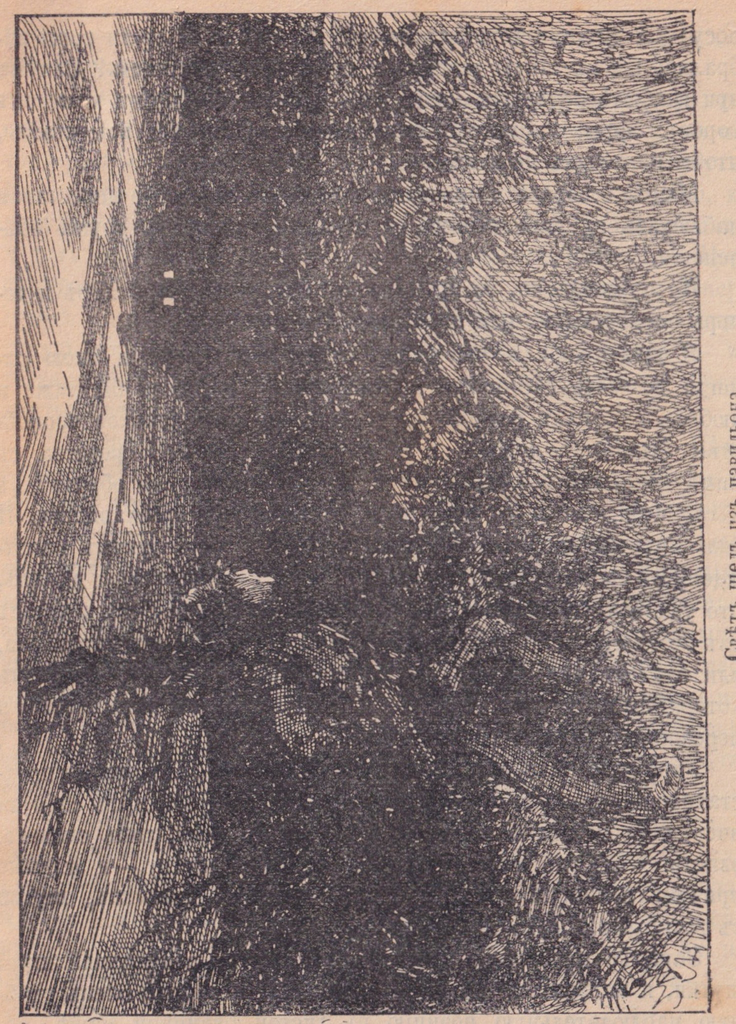
Кочевая жизнь давно меня закалила противъ невзгодъ и лишеній, пріучила къ умѣренности въ ѣдѣ и вообще во всемъ образѣ жизни. Я ничего не пилъ, кромѣ воды, и очень рѣдко ѣлъ кушанья изъ болѣе дорогого матеріала, чѣмъ овсяная мука: я пекъ лепешки изъ нея и запивалъ ихъ или жидкою овсянкою, или водою. Спалъ я совсѣмъ мало: всегда до свѣта я былъ уже на ногахъ, а вечеромъ бодрствовалъ очень долго при свѣтѣ звѣздъ и даже въ полной темнотѣ.

Поэтому, хотя я въ этотъ день, послѣ продолжительнаго перехода съ прежней стоянки, легъ рано,—около восьми вечера,— и сразу заснулъ, но уже въ одиннадцать я проснулся, совершенно бодрый, не чувствуя никакой усталости.

Я присѣлъ къ теплившемуся еще костру. Сквозь деревья виднѣлись несшіяся въ безпорядкѣ облака: они то сталкивались и сливались, то расходились и разрывались, принимая все новыя, фантастическія формы; со стороны моря доносились завыванія вѣтра и шумъ разбивавшихся волнъ. Скоро, однако, меня утомило бездѣйствіе, и я рѣшилъ прогуляться къ дюнѣ. Молодой мѣсяцъ, погруженный въ ночной туманъ, близился уже къ закату и еле освѣщалъ путь между деревьями; стало немного свѣтлѣе, лишь когда я изъ лѣсу вышелъ. Тутъ меня остановилъ вѣтеръ съ рѣзкимъ соленымъ запахомъ открытаго моря и частицами песка, бившими въ лицо. Я только собирался осмотрѣться кругомъ, какъ вѣтеръ задулъ съ такою силою, что я принужденъ былъ нагнуть голову, чтобы не потерять равновѣсіе. Порывъ прошелъ, я поднялъ голову и вдругъ замѣтилъ свѣтъ...

Свѣтъ шелъ изъ павильона. Это не былъ неподвижный свѣтъ. Онъ виднѣлся то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ,—я разобралъ, что въ различныхъ окнахъ, точно кто-нибудь переходилъ изъ одной комнаты въ другую, держа лампу или свѣчу въ рукахъ.

Я былъ пораженъ изумленіемъ: вѣдь, всего лишь нѣсколько

Свѣтъ шелъ изъ павильона...

часовъ передъ тѣмъ, я видѣлъ запертыя на-глухо ставни... Я видѣлъ, что павильонъ совершенно пустъ; теперь онъ оказывался обитаемымъ, и при томъ получалось такое впечатлѣніе, что въ немъ нѣсколько, даже много, людей.

Первое, что пришло мнѣ въ голову, это—не забралась ли въ павильонъ воровская шайка, и грабитъ все, что въ немъ есть цѣннаго. Вспомнилось, что у Норсмаура было много старинн

посуды и другихъ дорогихъ вещей. Но съ какой стати воры забрались бы въ такую далекую и пустынную мѣстность? Зачѣмъ при грабежѣ освѣщать окна? Это—совершенно не въ манерахъ воровъ: воры, напротивъ тщательно закрыли бы всѣ ставни, чтобы никто ихъ не замѣтилъ.

Мысль о ворахъ я призналъ несостоятельною. Не переставая наблюдать за павильономъ, я сталъ подыскивать другія объясненія.

Не пріѣхалъ ли, во время моего сна, самъ Норсмауръ и теперь осматриваетъ или провѣтриваетъ комнаты?

Я уже говорилъ, что между этимъ человѣкомъ и мною никогда не было настоящей привязанности, но, если бы даже я любилъ его, какъ родного брата, все же мое одинокое спокойствіе было мнѣ дороже, и я употребилъ бы всѣ средства съ нимъ не увидѣться. Поэтому я тотчасъ повернулъ обратно въ лѣсъ, чтобы меня не замѣтилъ кто-либо изъ пріѣхавшихъ. Я благополучно добрался до своей пещеры и съ великимъ наслажденіемъ снова присѣлъ къ костру. Я съ удовольствіемъ думалъ, что удалось избѣжать встрѣчи. Утромъ же можно будетъ удрать изъ этого мѣста, пока Норсмауръ не выйдетъ еще изъ павильона, или сдѣлать ему визитъ, но коротенькій и продолжительность котораго я буду самъ опредѣлять. Мнѣ сдѣлалось даже весело: я переживалъ радости одиночества.

Утромъ, однако, мое настроеніе измѣнилось. Положеніе представилось настолько забавнымъ, что я даже упрекнулъ себя за вчерашнія опасенія. Норсмауръ теперь въ моей, такъ сказать, власти. Съ нимъ можно устроить славную шутку,—и я даже придумалъ какую, хотя и зналъ, что онъ человѣкъ, шутки съ которымъ далеко не безопасны.

Заранѣе торжествуя несомнѣнный успѣхъ задуманной мною шутки, я направился къ выходу изъ лѣса и занялъ очень удобную наблюдательную позицію въ густой бузинной чащѣ, которою кончался лѣсъ, совсѣмъ близко отъ павильона. Видъ у меня былъ прямо на парадную дверь.

Здѣсь ставни слѣва были заперты; это мнѣ показалось нѣсколько страннымъ, и при свѣтѣ ранняго утра самъ павильонъ, съ его бѣлыми стѣнами и венеціанскими окнами казался чистенькимъ и обитаемымъ.

Я сталъ ждать выхода Норсмаура. Однако, часъ шелъ за

часомъ—ставни не отпирались, изъ двери никто не выходилъ: ни Норсмауръ, ни прислуга.

Я зналъ, что утромъ Норсмауръ любитъ валяться въ постели,—а прислугу, быть можетъ, онъ на ночь отпустилъ,—и потому рѣшилъ терпѣливо ждать, такъ какъ для успѣха моей шутки Норсмауръ долженъ былъ сперва самъ показаться. Однако, къ полудню терпѣніе мое совершенно изсякло. По правдѣ сказать, я далъ себѣ слово позавтракать въ павильонѣ вмѣстѣ съ Норсмауромъ и ушелъ изъ пещеры, даже не закусивши, и теперь голодъ не давалъ мнѣ покоя. Досадно было упустить благопріятную обстановку для моей веселой шутки, но «голодъ — не тетка»; надо было отказаться отъ всякихъ эффектовъ и просто явиться къ Норсмауру.

Я вышелъ изъ засады и направился къ павильону. Чѣмъ ближе я подходилъ, тѣмъ сильнѣе возрастало мое удивленіе и, отчасти, безпокойство. Павильонъ представлялся совершенно такимъ же, какъ наканунѣ, когда передъ вечеромъ я къ нему подошелъ впервые и былъ пораженъ его покинутымъ, мертвымъ видомъ. Съ пріѣздомъ жильцовъ должны были появиться и признаки жилья... Но нѣтъ—ставни снова казались заколоченными, изъ печной трубы не шло дыма, на парадной двери висѣлъ массивный замокъ... Слѣдовательно, Норсмауръ вошелъ ночью черезъ черный ходъ—таковъ былъ мой естественный логическій выводъ. Каково же было мое изумленіе, когда, обошедши домъ, я увидалъ и на задней двери висячій замокъ!

Я тотчасъ вернулся къ первой моей гипотезѣ о ворахъ и даже крѣпко выругалъ себя за свое пассивное отношеніе ночью: надо было поднять тревогу, надо было разогнать воровъ, надо и теперь что-нибудь сдѣлать. Я сталъ разсматривать всѣ окна нижняго этажа: всѣ ставни были аккуратно закрыты, ни на одномъ не оказалось слѣдовъ взлома; я попробовалъ замки—оба были цѣлы и заперты.

Какъ же могли воры,—если это были воры,—проникнуть въ павильонъ? Забывъ голодъ, я весь ушелъ въ рѣшеніе этой задачи. «Если не черезъ двери и не черезъ нижнія окна,—разсуждалъ я,—то черезъ второй этажъ или черезъ крышу»... Къ павильону почти примыкалъ амбарчикъ. Я вспомнилъ, что Норсмауръ въ немъ хранилъ свои фотографическія принадлежности

и проявлялъ снимки. На крышу амбарчика легко взобраться, а оттуда,—взломавъ окно кабинета Норсмаура или бывшей моей спальни,—проникнуть въ самый домъ.

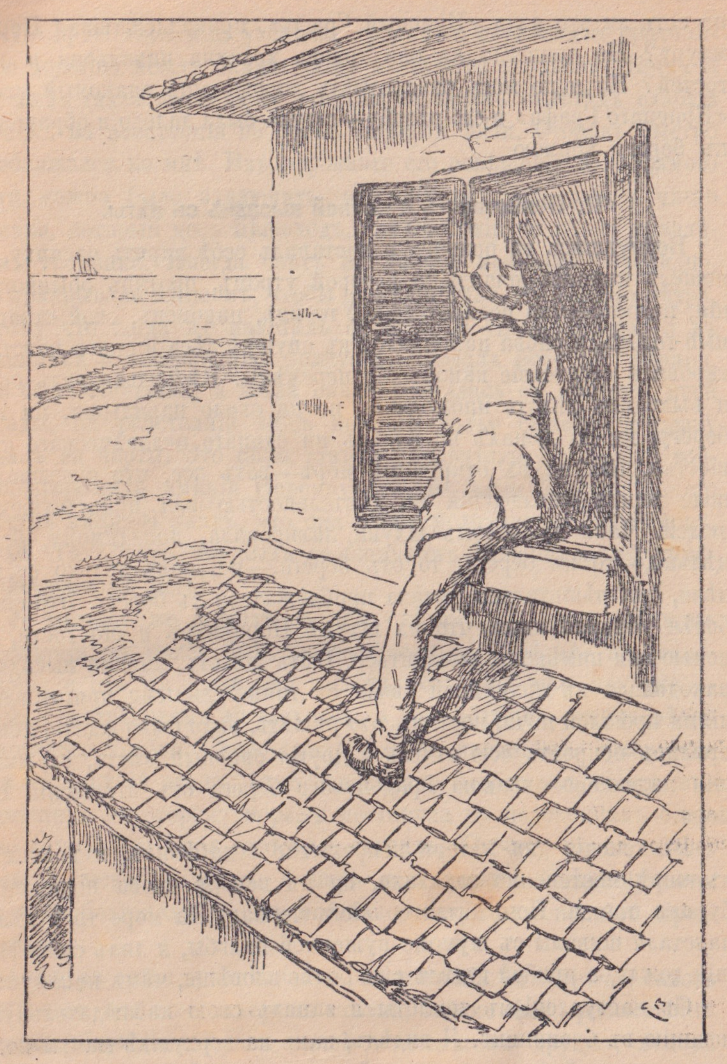
И я самъ послѣдовалъ этому предполагаемому примѣру. Очутившись на крышѣ амбара, я сталъ пробивать ставни: обѣ были извнутри заперты!..

Но я рѣшилъ настоять на своемъ. Я дернулъ съ силою одну изъ половинокъ ближайшей ставни—она подалась и отворилась, но я себѣ больно, до крови оцарапалъ руку. Помню, что приложилъ рану къ губамъ и съ полминуту лизалъ ее, точно укушенный песъ. Въ это же время я совсѣмъ машинально обернулся и поглядѣлъ на дюны и на дюнахъ ничего не замѣтилъ, а на морѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, по направленію къ сѣверо-востоку, замѣтилъ довольно большую шхуну или, быть можетъ, яхту. Затѣмъ я приподнялъ окно и влѣзъ въ комнату.

Не нахожу словъ, чтобы передать, какое охватило меня изумленіе и какъ оно наростало при послѣдовательномъ обходѣ внутреннихъ покоевъ. Нигдѣ ни малѣйшаго безпорядка. Напротивъ, всѣ комнаты оказались убранными совершенно чисто, съ безупречною аккуратностью; главное, недавно. Всѣ лампы, всѣ топки въ каминахъ и печахъ были только что заправлены—оставалось лишь зажечь. Умывальники въ спальняхъ были налиты свѣжею водою, и постели совершенно приготовлены—даже одѣяла отворочены. Но въ спальнѣ, — ихъ было заготовлено три, — еще больше меня поразила роскошь убранства, совершенно не привычная для Норсмаура. Обѣденный столъ также оказался богато накрытымъ на три прибора, а въ кладовой, на полкахъ, я нашелъ цѣлый рядъ заготовленныхъ посудинъ съ холоднымъ мясомъ, дичью, овощами.

Ясно было, что ожидались гости. Но какіе гости, почему гости? Норсмауръ чуждался всякаго общества, какъ и я... А затѣмъ, почему всѣ эти приготовленія сдѣланы ночью, скрытно отъ всѣхъ? И, наконецъ, почему ставни и двери снова заперты?

Я выбрался изъ павильона черезъ то же самое окно, не забывъ уничтожить всѣ слѣды своего посѣщенія, и направился въ свою пещеру, чувствуя себя, съ одной стороны, отрезвленнымъ отъ фантастическихъ мыслей о воровскихъ шайкахъ, но, съ другой,—страшно заинтересованнымъ, чуть ли не лично за-

Я приподнялъ окно и влѣзъ въ комнату...

дѣтымъ всѣмъ этимъ совершенно непонятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Когда я вернулся на море, я снова увидѣлъ шхуну и, повидимому, на прежнемъ мѣстѣ. Въ умѣ вдругъ блеснула мысль:

не есть ли это яхта «Красный Графъ», принадлежавшая Норсмауру? Не привезла ли она теперь хозяина павильона и его гостей? Но я не могъ разсмотрѣть хорошо мнѣ знакомый носъ «Краснаго Графа» и его рѣзьбу—шхуна была далеко и обращена къ берегу кормою.

II. Повѣствуетъ о ночной высадкѣ съ яхты.

Вернувшись въ пещеру, я поставилъ себѣ варить овсянку, и пошелъ напоить лошадь, о которой утромъ, противъ обыкновенія, недостаточно позаботился. Утоливъ, наконецъ, свой страшный голодъ, я снова направился къ опушкѣ лѣса и снова констатировалъ отсутствіе какой-либо перемѣны. Нѣсколько разъ еще я выходилъ дѣлать наблюденія, но ни около павильона, ни на берегу, ни на дюнахъ не видѣлъ ни единаго человѣческаго существа. Шхуна въ открытомъ морѣ—вотъ все, что связывало поле моихъ наблюденій съ дѣятельностью или присутствіемъ людей. Часъ за часомъ шхуна лавировала, повидимому, безцѣльно,—то къ берегу, то отъ берега,—но, какъ только стемнѣло, она рѣшительно начала приближаться къ берегу. Это еще болѣе убѣдило меня, что на шхунѣ Норсмауръ и его гости, и ночью они намѣрены высадиться. Быть можетъ, ночная высадка находилась въ причинной связи съ таинственными приготовленіями прошлой ночи, но чтобъ это рѣшить, надо было ждать, пока приливъ покроетъ всю отмель и другія опасныя мѣста, служившія надежною охраною Граденскаго берега отъ вторженій съ моря.

Въ теченіе дня вѣтеръ непрерывно ослабѣвалъ, и волненіе въ морѣ постепенно затихало, но къ вечеру снова поднялась бурная погода. Ночь была совсѣмъ черная. На море то и дѣло налетали шквалы съ шумомъ пушечной пальбы, и лилъ сильнѣйшій дождь, а прибой гудѣлъ еще болѣе зловѣще, чѣмъ наканунѣ.

Съ наступленіемъ темноты я занялъ свою наблюдательную позицію въ бузинникѣ. Я видѣлъ, какъ на верхушкѣ мачты поднялся сильный фонарь, который показалъ мнѣ, что шхуна еще больше приблизилась къ берегу, чѣмъ передъ сумерками. Я заключилъ, что фонарь даетъ сигналъ для сообщниковъ Норсмаура, скрывавшихся гдѣ-нибудь на берегу, и выступилъ изъ засады, чтобы лучше осмотрѣть пространство между павильономъ и моремъ.

По краю лѣса шла узенькая тропинка, служившая кратчайшею дорогою между павильономъ и главною усадьбою. Когда я обратилъ глаза въ сторону усадьбы, я вдругъ замѣтилъ слабый огонекъ на разстоянiи не болѣе четверти мили. Огонекъ быстро приближался ко мнѣ. Изъ неровнаго его освѣщенiя и непрямого пути можно было заключить, что онъ исходитъ изъ ручного фонаря, который несъ пѣшеходъ, слѣдовавшiй по всѣмъ извилинамъ тропинки. Иногда свѣтъ на минуту исчезалъ—очевидно, его прикрывали плащемъ, чтобы онъ не потухъ отъ порыва вѣтра, потому что тогда же налеталъ шквалъ. Я снова спрятался въ бузинникѣ и нетерпѣливо, волнуясь, ожидалъ носителя фонаря. Это была женщина, а когда она поровнялась съ мѣстомъ моей засады, на разстоянiи лишь немного болѣе сажени, я сразу узналъ ея черты. Это была старая управительница,—или, точнѣе, сторожиха имѣнiя Норсмаура,—она же и бывшая въ его дѣтствѣ няня. Я зналъ, что она очень молчалива и, вдобавокъ, глуха. Такъ вотъ кто былъ сообщникомъ Норсмаура въ этомъ таинственномъ дѣлѣ!

Я тотчасъ же пошелъ за нею слѣдомъ на очень близкомъ разстоянiи, не боясь быть ею замѣченнымъ; свѣтлѣе не становилось, и отъ того, что она можетъ услышать мою походку,—я былъ застрахованъ ея глухотою, а еще больше—ревомъ вѣтра и морского прибоя. Скоро она вошла въ павильонъ, сразу прошла въ верхнiй этажъ, отворила ставни одного изъ оконъ, выходившихъ въ сторону моря, и поставила на подоконникъ большую лампу. Это былъ отвѣтный сигналъ. Тотчасъ же на шхунѣ былъ спущенъ съ мачты фонарь и потушенъ. Слѣдовательно, все шло благополучно, по мнѣнiю участниковъ ночного предпрiятiя.

Старуха стала доканчивать приготовленiя къ встрѣчѣ: сквозь остальныя, все еще запертыя ставни, можно было разсмотрѣть огонекъ, блуждавшiй изъ одной комнаты въ другую; вскорѣ затѣмъ изъ одной изъ трубъ вылетѣли искры, затѣмъ изъ другой—всѣ печи, очевидно, были затоплены.

Я теперь совершенно былъ увѣренъ, что Норсмауръ со своими гостями тотчасъ высадится, какъ только приливъ дастъ возможность подплыть къ берегу, хотя бы на шлюпкѣ. Но буря была чрезвычайно опасна для лодки, и къ моему крайнему лю-

бопытству примѣшалась серьезная тревога за судьбу тѣхъ, которые рискнутъ высаживаться. Мой бывшій знакомый несомнѣнно былъ одинъ изъ сумасброднѣйшихъ людей въ Соединенномъ королевствѣ, но то сумасбродство, которому мнѣ, повидимому, суждено было стать свидѣтелемъ, грозило очень тревожною, даже совсѣмъ трагическою развязкою.

Движимый самыми разнообразными чувствами, я пошелъ къ бухточкѣ, служившей почти единственнымъ и, во всякомъ случаѣ, лучшимъ мѣстомъ для высадки, и здѣсь растянулся лицомъ къ землѣ въ небольшой выемкѣ песчанаго грунта. Отъ нея до дороги, ведущей съ берега къ павильону, оставалось не больше шести футовъ, что давало мнѣ возможность хорошо разсмотрѣть всѣхъ, которые будутъ проходить мимо, и немедленно привѣтствовать ихъ, если окажутся знакомыми.

За нѣкоторое время до одиннадцати, когда приливъ былъ еще совсѣмъ малъ, вдругъ близъ берега показался фонарный огонь. Устремивъ все вниманіе на море, я почти тотчасъ различилъ и другой огонь, еще далекій отъ берега. Онъ сильно и непрерывно колебался, то вздымаясь, очевидно, на волнѣ, то исчезая за бурнымъ валомъ. Вѣроятно, усиленіе бури и чрезвычайно опасное для шхуны положеніе около подвѣтреннаго берега побудили путешественниковъ сдѣлать попытку къ высадкѣ какъ можно скорѣе.

Высадка изъ первой лодки прошла, очевидно, благополучно, такъ какъ скоро на дорогѣ появились четыре матроса, которые съ трудомъ несли сундукъ, не особенно большой, но, повидимому, чрезвычайно тяжелый; пятый матросъ, съ фонаремъ въ рукѣ, шелъ впереди, освѣщая путь. Всѣ они прошли совсѣмъ рядомъ со мною и затѣмъ достигли павильона, гдѣ ихъ поджидала старая няня. Потомъ они отправились снова къ бухтѣ, и скоро въ третій разъ прошли около меня съ другимъ сундукомъ, который былъ больше перваго, но, очевидно, не такой тяжелый, какъ первый. Наконецъ, они еще разъ прошли въ павильонъ съ поклажею, которая сильнѣйшимъ образомъ затронула мое любопытство: одинъ матросъ несъ кожаное портманто, другіе—чемоданъ и разныя сумки, несомнѣнно принадлежавшія какой-нибудь дамѣ... У Норсмаура дама въ гостяхъ?! Значитъ, совершенно перемѣнились его взгляды на женское общество, на женщинъ вообще. Когда я съ нимъ жилъ вмѣстѣ, павильонъ былъ храмомъ

Это была старая сторожиха имѣнія...

мизогиніи. А теперь въ павильонѣ поселяется «ненавистный полъ»... Я не зналъ, что и подумать. Припомнилъ только, что, при дневномъ осмотрѣ павильона, я самъ съ удивленіемъ замѣтилъ въ убранствѣ комнатъ нѣкоторыя вещи, разсчитанныя на

дамскія привычки и женское кокетство. Теперь понятно стало ихъ назначеніе, и вообще ясно, въ чемъ дѣло: я могъ только обругать себя «дуракомъ» за то, что раньше самъ этого не сообразилъ.

Пока я такимъ образомъ разсуждалъ, ко мнѣ приблизился другой фонарь. Его несъ матросъ, не участвовавшій въ первой партіи носильщиковъ. Онъ велъ за собою двухъ лицъ, и это, несомнѣнно, были тѣ гости, которые ожидались въ павильонѣ. Я обратилъ все свое вниманіе, чтобы получше ихъ разсмотрѣть, когда они пройдутъ мимо.

Одинъ изъ нихъ былъ мужчина очень высокаго, даже необыкновенно высокаго, роста. Онъ кутался въ шотландскій плащъ съ поднятымъ на дорожную шапку капюшономъ; кромѣ того, капюшонъ былъ застегнутъ на всѣ нижнія пуговицы и потому совершенно скрывалъ черты его лица. Высокій человѣкъ передвигался очень медленно,—тяжелыми, неувѣренными шагами. Сбоку,—онъ не то держался за спутника, не то поддерживалъ его,—я не могъ этого разобрать,—шла высокая женщина, съ изящною и тонкою фигурою молодой дѣвушки. Лицо ея поразило меня своею блѣдностью и озабоченностью; послѣднее впечатлѣніе до такой степени покрывало всѣ остальныя, что, когда женщина скрылась, я не могъ сказать: безобразна ли она, какъ смертный грѣхъ, или такъ прекрасна, какъ потомъ я ее находилъ.

Передъ тѣмъ, какъ эти путники поровнялись со мною, дѣвушка сдѣлала высокому мужчинѣ какое-то замѣчаніе, которое я, изъ-за воя вѣтра, не могъ разслышать.

Я услышалъ лишь отвѣтъ мужчины. Это было слово «ой»—глубокій стонъ. Его голосъ меня совершенно поразилъ. Онъ, казалось, исходилъ изъ глубины груди, охваченной, стѣсненной величайшимъ ужасомъ. Никогда я не слыхалъ прежде такого выразительнаго восклицанія ужаса и страха. До сихъ поръ оно звучитъ въ моихъ ушахъ, когда ночью появляется у меня лихорадка, или когда въ памяти воскресаютъ событія того времени.

Тутъ мужчина обернулся къ спутницѣ, и я мелькомъ замѣтилъ большую рыжую бороду, носъ необычной формы,—точно онъ сломанъ былъ въ дѣтствѣ, и свѣтлые глаза, выражавшіе сильнѣйшую тревогу.

И эти спутники скоро достигли павильона. Когда сопровождавшіе ихъ матросы вернулись къ бухтѣ, вѣтеръ донесъ звуки

Четыре матроса съ трудомъ несли сундукъ...

грубаго голоса, командовавшаго отчаливать. Затѣмъ показался снова фонарь—третій.

Его несъ Норсмауръ. Онъ шелъ одинъ.

Удивительный это былъ человѣкъ! Часто мы съ женою его потомъ вспоминали, и, несмотря на нѣкоторыя различія въ оцѣнкѣ его особенностей и поступковъ,—такія второстепенныя различія зависѣли, быть можетъ, оттого, что жена судила о

нихъ съ женской точки зрѣнія, а я съ мужской,—мы неизмѣнно сходились въ общемъ удивленіи: какъ могъ одинъ и тотъ же человѣкъ одновременно представляться и такимъ прекраснымъ, и такимъ отталкивающимъ, какимъ являлся Норсмауръ? Съ одной стороны, это былъ совершеннѣйшій джентльменъ, лицо котораго дышало интеллигентностью, умомъ, благородною отвагою; съ другой, стоило только приглянуться къ этому лицу,—даже въ тѣ минуты, когда Норсмауръ былъ особенно любезенъ и привлекателенъ,—и вы въ его чертахъ ясно читали характеръ корсара или капитана корабля, везущаго рабовъ-негровъ на продажу. Во всю свою жизнь я не встрѣчалъ болѣе вспыльчиваго и, въ то же время, болѣе злопамятнаго и мстительнаго человѣка. Въ немъ соединились бурныя страсти южанина съ выдержанною злобою и смертельною ненавистью сѣверянина. На его лицѣ постоянно отражались эти двѣ основныя черты характера, придавая ему грозный видъ. По наружности это былъ высокій, крѣпкій, очень дѣятельный, сильный брюнетъ, съ несомнѣнно красивыми чертами лица, которое, однако,—какъ я уже сказалъ,—часто искажалось его грознымъ и злобнымъ выраженіемъ.

Въ ту минуту, какъ онъ проходилъ съ фонаремъ, онъ мнѣ показался болѣе блѣднымъ, чѣмъ обыкновенно; я отчетливо увидѣлъ его сильно нахмуренныя брови. Губы его что-то нервно шептали. Вдругъ онъ оглянулся кругомъ съ видомъ человѣка, озабоченнаго глубокими опасеніями. Мнѣ показалось, что взглядъ его тутъ же прояснился и выразилъ торжество, точно онъ увидѣлъ, что трудное дѣло успѣшно совершилось.

Отчасти изъ чувства деликатности,—долженъ признаться, что оно пробудилось у меня слишкомъ поздно,—отчасти, чтобы доставить себѣ удовольствіе поразить неожиданностью стараго знакомаго, я рѣшилъ тотчасъ обнаружить свое присутствіе.

Я внезапно вскочилъ на ноги и выступилъ впередъ:

— Норсмауръ!—воскликнулъ я.

Произошло что-то поразительно неожиданное. Я видѣлъ, какъ онъ мгновенно бросился на меня, какъ что-то блеснуло въ его рукѣ, и я почувствовалъ боль:—онъ ударилъ меня кинжаломъ по направленію къ сердцу. Но въ то же мгновеніе и я такъ сильно ударилъ его кулакомъ, что онъ сразу упалъ—показалось даже, что перекувырнулся.

Выручили-ли меня моя ловкость и проворство, или нѣкото-

Онъ мгновенно бросился на меня...

рая нерѣшительность съ его стороны, это ужъ я не знаю, но лезвее кинжала лишь скользнуло по моему плечу въ то время, какъ удары рукояткой и кулакомъ пришлись мнѣ прямо въ ротъ.

Я убѣжалъ, но недалеко. Я такъ часто прежде гулялъ по этой мѣстности и въ эти сутки нѣсколько разъ ее исходилъ, вин-

мательно наблюдая разные выступы и выемки въ песчаныхъ холмахъ, годные для засады, что легко скрылся, и, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста стычки, снова спрятался въ траву. Фонарь исчезъ. Очевидно, онъ выпалъ изъ рукъ Норсмаура и потухъ. Но каково было мое изумленіе, когда, обернувъ глаза къ павильону, я увидѣлъ, что, добѣжавъ до него, Норсмауръ однимъ прыжкомъ вскочилъ на крыльцо, бросился въ дверь, и тотчасъ затѣмъ послышался лязгъ поспѣшно задвигаемаго желѣзнаго болта!

Онъ меня не преслѣдовалъ. Онъ отъ меня убѣжалъ. Норсмауръ, котораго я зналъ, какъ самаго отчаянно-смѣлаго и непреклоннаго въ злобѣ изъ людей, бѣжалъ!

Я прямо не вѣрилъ своимъ чувствамъ. Не зналъ, что и думать. Однако, успокоившись, я разсудилъ, что во всей этой удивительной, прямо невѣроятной, исторіи, лишняя несообразность,—одною невѣроятностью больше или меньше,—не имѣетъ значенія. Дѣйствительно, почему павильонъ съ такою тайною приготовлялся къ пріѣзду Норсмаура и его гостей? Почему Норсмауръ произвелъ высадку ночью, при сильной бурѣ, при опаснѣйшемъ вѣтрѣ, когда засасывающіе пески почти не успѣли покрыться водою? Почему онъ хотѣлъ меня убить? Или онъ не узналъ моего голоса? И, главное, почему въ его рукѣ былъ наготовѣ кинжалъ? Самый выборъ такого, по меньшей мѣрѣ, несовременнаго въ цивилизованной Англіи оружія, какъ кинжалъ, является чрезвычайно страннымъ. Все дико, все несообразно.

Джентльменъ отправляется на собственной яхтѣ въ собственное имѣніе. Менѣе понятно, почему онъ высаживается, именно, ночью и при таинственныхъ приготовленіяхъ. И совсѣмъ уже необычно и непонятно, что тотъ же джентльменъ передъ входомъ въ собственный домъ вооружается на смертный бой. Чѣмъ больше я разсуждалъ, тѣмъ сильнѣе терялся. Я воспроизводилъ себѣ весь ходъ этой кошмарной исторіи, пересчитывалъ по пальцамъ всѣ ея послѣдовательныя стадіи: секретное приготовленіе павильона для гостей; высадка этихъ гостей при сильнѣйшемъ рискѣ для ихъ жизни и гибели яхты; несомнѣнный и, повидимому, совершенно безпричинный страхъ гостей,—или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ,—послѣ благополучной высадки; Норсмауръ съ заготовленнымъ холоднымъ оружіемъ; Норсмауръ, покушающійся на убійство человѣка, который прежде былъ ему

ближе всѣхъ; наконецъ,—и это чуть ли не самое странное,—Норсмауръ, убѣгающій отъ того, котораго онъ только что собирался убить, и баррикадирующійся за дверью павильона, какъ бѣглецъ, котораго преслѣдуютъ по пятамъ. Тутъ, по меньшей мѣрѣ, шесть отдѣльныхъ положеній, одно другого удивительнѣе; еще болѣе удивительно ихъ сочетаніе и послѣдовательная связь. Я снова началъ себя спрашивать, вѣрить ли своимъ чувствамъ,—не кошмаръ ли все это?

Не малое время я такъ стоялъ, точно застывъ отъ изумленія. Къ живой дѣйствительности меня возвратила боль—послѣдствіе боя съ Норсмауромъ. Я осторожно обошелъ песчаные холмы и по тропинкѣ, отходившей нѣсколько въ сторону, достигъ чащи лѣса. Однако, и тутъ не обошлось безъ новой загадки. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня съ своимъ ручнымъ фонаремъ снова прошла старая няня, направляясь изъ павильона къ себѣ домой. Это былъ седьмой загадочный пунктъ этой исторіи. Дѣйствительно, съ уходомъ няни, Норсмауръ и его гости оставались безъ прислуги—должны сами подавать себѣ ужинъ, мыться и прибирать безъ посторонней помощи, а старая женщина должна была вернуться въ свой старый баракъ. Очевидно, на все это должны были существовать весьма серьезныя причины, поглощающія такія большія неудобства.

Съ этими мыслями я вернулся къ своей пещерѣ. Для большей безопасности я разобралъ костеръ и тщательно потушилъ уголья. Затѣмъ я зажегъ фонарь и сталъ разсматривать свою рану на плечѣ. Пораненная часть оказалась незначительною; однако, изъ нея сочилась кровь, и потому я, какъ только могъ, при очень неудобномъ для меня положеніи раны, омылъ ее водою изъ ключа и перевязалъ чистою тряпкою. Въ то же время, не переставая думать о всѣхъ событіяхъ этихъ сутокъ, мысленно объявилъ войну Норсмауру и его тайнѣ. Я отъ природы не злой человѣкъ, и на «войну» меня скорѣе толкало любопытство, чѣмъ жажда мести. Однако, войну я твердо рѣшился вести. Тотчасъ досталъ свой револьверъ, методически его почистилъ и зарядилъ съ самою тщательною аккуратностью. Затѣмъ вспомнилъ о лошади—она могла порвать привязь или ржаніемъ выдать мой лагерь въ лѣсу. Я рѣшилъ удалить ее отъ сосѣдства съ павильономъ и задолго еще до разсвѣта увелъ ее по направленію къ рыбачьей деревнѣ.

III. Повѣствуетъ о томъ, какъ я познакомился съ моею женою.

Два дня я бродилъ около павильона, никѣмъ не замѣченный, подъ прикрытіемъ дюнъ. Мѣстность, какъ нельзя лучше, подходила къ тактикѣ выслѣживанія и засадъ. Это была цѣлая сѣть небольшихъ холмовъ и волнистыхъ возвышеній, перемежавшихся съ мелкими оврагами, надежно прикрывавшая всѣ мои вылазки и передвиженія. Однако, несмотря на всѣ выгоды моихъ позицій, мнѣ удалось совсѣмъ лишь немного разузнать о Норсмаурѣ и его гостяхъ.

Ежедневно старая няня доставляла въ павильонъ провизію, но исключительно во время глубокой темноты, и въ темнотѣ уходила.

Ежедневно, по одному разу, выходили на прогулку Норсмауръ и юная леди,—иногда вмѣстѣ, но чаще отдѣльно; прогулка длилась около часа и не больше двухъ, и при томъ на одномъ и томъ же участкѣ берега, около песчаной косы, рядомъ съ подвижными песками. Очевидно, мѣсто было выбрано, чтобы гуляющіе оставались никѣмъ не замѣченные, такъ какъ оно было закрыто со всѣхъ сторонъ, кромѣ моря; но, какъ читатель вспомнитъ, весь день море здѣсь было совсѣмъ недоступно на очень большое разстояніе, и только во время прилива могла бы приблизиться лодка. Я же все время видѣлъ гуляющихъ, такъ какъ здѣсь къ пляжу примыкалъ самый высокій и неровный песчаный холмъ, въ которомъ у меня много было прятокъ: лежа въ какомъ-нибудь углубленіи песка, я отлично могъ слѣдить за Норсмауромъ и его спутницею.

Высокій мужчина совсѣмъ не показывался, точно совершенно исчезъ. Онъ не только не показался ни разу на порогѣ павильона, но и въ окно ни разу не выглянулъ, не приблизился даже къ какому-либо окну, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы я могъ его увидѣть; остальныхъ же я видалъ около оконъ. Днемъ я не могъ слишкомъ приблизиться къ павильону, такъ какъ изъ верхняго этажа видны были верхушки и большая часть поверхности холмовъ; ночью же, когда я пробирался къ самому павильону, всѣ ставни были плотно прикрыты и заперты изнутри болтами, точно опасались вторженія или осады. Иногда мнѣ приходило на мысль, что высокій мужчина не встаетъ съ постели:—вспоминалась слабость его походки послѣ высадки;

иногда казалось, что въ павильонѣ больше его нѣтъ, и Норсмауръ остался одинъ съ молодою леди. Эта мысль была для меня непріятна.

Но была ли эта пара гуляющихъ—мужъ и жена, или нѣтъ? Отношенія между ними не казались ни близкими, ни дружественными. Къ этому выводу меня привелъ цѣлый рядъ наблюденій. Хотя я не могъ разслышать ни одного слова изъ фразъ, которыми они, повидимому, иногда обмѣнивались, и очень рѣдко удавалось хорошо разглядѣть ихъ черты и уловить въ нихъ опредѣленное выраженіе, но ясно было видно, что они держались другъ съ другомъ всегда холодно, даже какъ то принужденно, что внушало мысль о неблизкихъ и чуть-ли не враждебныхъ отношеніяхъ.

Молодая леди шла значительно скорѣе, когда была съ Норсмауромъ, чѣмъ тогда, когда одна гуляла. Ясно, что когда мужчина и женщина расположены другъ къ другу, они скорѣе будутъ замедлять свои шаги, чѣмъ ускорять ихъ. Кромѣ того, во время прогулокъ леди всегда держалась отъ Норсмаура чуть ли не на цѣлую сажень и вдобавокъ влачила по песку конецъ своего зонтика неизмѣнно по той сторонѣ, которая была между нею и Норсмауромъ, точно хотѣла оттородить себя отъ него барьеромъ.

Идя рядомъ, Норсмауръ все приближался къ юной леди, а та соотвѣтственно удалялась, такъ что ихъ путь по пляжу всегда шелъ точно по діагонали и,—при достаточномъ продолженіи,—непремѣнно привелъ бы засасывающему песку, но тутъ юная леди круто оборачивалась на каблукахъ и быстро направлялась назадъ, оставивъ Норсмаура между нею и моремъ.

Я слѣдилъ за этими маневрами съ положительнымъ удовольствіемъ и большимъ одобреніемъ, смѣялся и аплодировалъ про себя каждому повороту юной леди.

На третій день утромъ она вышла одна на прогулку. Съ большимъ изумленіемъ и съ большимъ еще огорченіемъ я замѣтилъ, что она въ слезахъ,—нѣсколько разъ усиливались ея слезы. Читателю ясно, что уже въ эту пору мое сердце было заинтересовано въ значительно большей степени, чѣмъ я предполагалъ. Походка ея казалась мнѣ крѣпкою, но вмѣстѣ съ тѣмъ легкою, воздушною, и голову при этомъ она держала съ невы-

разимою грацією; каждымъ ея шагомъ я уже тогда любовался: отъ всей ея изящной фигуры вѣяло мягкостью и благородствомъ.

Этотъ день выдался какой-то особенный—солнечный, свѣтлый, тихій. Воздухъ былъ бодрый, живительный, хотя при совершенно спокойномъ морѣ и полномъ отсутствіи вѣтра. Понятно, что юная леди, нарушивъ режимъ прежнихъ дней, захотѣла погулять еще разъ. Но теперь ее сопровождалъ Норсмауръ. Только что успѣли они выйти на пляжъ, какъ вдругъ Норсмауръ схватилъ ея руку и сталъ насильно ее удерживать. Она сдѣлала усиліе, чтобы вырвать руку; изъ груди ея вылетѣлъ крикъ. Я вскочилъ на ноги, совсѣмъ забывъ о странности моего положенія, но раньше, чѣмъ успѣлъ броситься впередъ, увидѣлъ, что Норсмауръ отъ нея уже отошелъ, снялъ шляпу и очень низко поклонился, точно просилъ у нея прощенія. Я тотчасъ же спустился на прежнее мѣсто. Норсмауръ и леди обмѣнялись нѣсколькими фразами, послѣ чего, отвѣсивъ новый поклонъ, Норсмауръ оставилъ берегъ и кратчайшею дорогою вернулся въ павильонъ. Это дало мнѣ случай хорошо его разглядѣть, такъ какъ онъ прошелъ очень близко отъ моей засады. Онъ былъ въ сильномъ волненіи,—поочередно краснѣлъ и блѣднѣлъ, лицо было нахмуренное, грозное; онъ злобно сбивалъ своею тростью верхушки травы. Не безъ торжества увидѣлъ я и работу собственнаго моего кулака на его физіономіи: большой шрамъ подъ правымъ глазомъ и соотвѣтственный разноцвѣтный «фонарь» вокругъ глазной орбиты.

Нѣкоторое время леди оставалась неподвижною, глядя то на островокъ, то на сіяющую поверхность воды. Затѣмъ, вздрогнувъ, она, съ видомъ человѣка, освободившагося отъ заботъ и сомнѣній и воодушевленнаго энергіею, направилась твердою и быстрою походкою прямо къ морю. Очевидно, она была чрезвычайно взволнована и совсѣмъ забыла, гдѣ находится. Я увидѣлъ, что она прямо идетъ къ самому опасному краю песчаной топи: еще нѣсколько шаговъ—и жизнь ея подверглась бы ужасной опасности.

Я не побѣжалъ, а прямо скатился съ моего холма, который здѣсь былъ очень крутъ, тотчасъ затѣмъ бросился за молодою леди и съ половины остававшагося между нами разстоянія громко крикнулъ ей остановиться.

Она такъ и сдѣлала и, обернувшись, направилась ко мнѣ

Я отлично могъ слѣдить за Порсмауромъ и его спутницею.

безъ всякаго страха: походка ея была гордая и рѣшительная, точно у королевы. Я былъ босой и одѣтъ, какъ простой матросъ, кромѣ дорогого египетскаго шарфа вокругъ моей куртки; вѣроятно она сперва приняла меня за рыбака, собирающаго креветки и

другую наживу для рыбы. Что же касается ея, то, когда она стала со мною лицомъ къ лицу и направила на меня свой властительный взглядъ, я проникся восхищенiемъ—я и не подозрѣвалъ, что она такъ хороша собою.

· Что это значитъ?—спросила она.

— Вы шли прямо къ самому опасному мѣсту Граденской топи...

— Вы не здѣшнiй житель?—спросила она снова.—Вы говорите, какъ образованный человѣкъ.

— Я думаю, что имѣю право на такое названiе, хотя хожу переодѣтый.

Но женскiй ея глазъ уже замѣтилъ мою египетскую опояску.

— О, васъ прежде всего выдаетъ вашъ шарфъ.

— Вы изволили употребить слово «выдаетъ»,—сказалъ я въ свою очередь,—могу ли просить васъ, чтобы вы меня не выдали? Я долженъ былъ выдать свое присутствiе въ вашихъ интересахъ, но если мистеръ Норсмауръ узнаетъ о моемъ пребыванiи здѣсь, могутъ произойти вещи болѣе, чѣмъ непрiятныя для меня.

— А знаете ли вы,—спросила она,—съ кѣмъ вы говорите?

— Не съ супругою, вѣдь, мистера Норсмаура?—спросилъ я вмѣсто отвѣта.

Она отрицательно покачала головою. И, продолжая глядѣть на меня въ упоръ, съ настойчивостью, которая начала меня смущать, она вдругъ заявила:

— У васъ честное лицо. Будьте честны сами, сэръ, и скажите мнѣ откровенно, что вамъ здѣсь нужно, и кого или чего вы боитесь? Не можете же вы думать, что я на васъ нападу—у васъ гораздо больше средствъ меня обидѣть. Вы не выглядываете недобрымъ человѣкомъ. Но что вы тутъ дѣлаете? Зачѣмъ вы,—джентльменъ,—очутились здѣсь и бродите, точно шпiонъ, въ этой пустынной, дикой мѣстности? Скажите мнѣ, кого вы здѣсь ищете, кого вы ненавидите, преслѣдуете?

— Ни къ кому я не питаю ненависти,—отвѣтилъ я,—никого не ищу и никого не боюсь, если встрѣчусь одинъ на одинъ. Меня зовутъ Кассилисъ—Франкъ Кассилисъ. Я веду жизнь бродяги по собственному желанiю и вкусу. Я одинъ изъ самыхъ старыхъ друзей Норсмаура, и три дня тому назадъ, когда я здѣсь, на этой дюнѣ подошелъ къ нему и поздоровался, онъ на

Я скатился съ холма и бросился за молодою леди...

меня бросился съ кинжаломъ, хотѣлъ убить, но только ранилъ въ плечо.

— Ахъ, это были вы!

— Почему онъ такъ со мною поступилъ,—продолжалъ я, не

обращая вниманія на восклицаніе собесѣдницы,—я не знаю; не могу догадаться и, очевидно, не могу знать. Я вообще не имѣлъ друзей, и не очень я склоненъ къ дружбѣ, но нѣтъ человѣка, который заставилъ бы меня уступить ему мѣсто, дѣйствуя на меня устрашеніемъ. Я пріѣхалъ въ Граденскій лѣсъ раньше, чѣмъ Норсмауръ въ свой павильонъ, и въ этомъ лѣсу до сихъ поръ обитаю. Если вы, сударыня, опасаетесь, что я могу повредить вамъ или вашимъ близкимъ, у васъ есть средство отъ меня избавиться. Скажите Норсмауру, что я почую въ пещерѣ около рѣчки,—кажется, это мѣсто зовутъ Гемлокъ,—и онъ можетъ сегодня же ночью заколоть меня своимъ кинжаломъ во время моего сна.

Снявъ передъ юною леди шляпу, взамѣнъ прощанія, я быстро затѣмъ вскарабкался между песчаными холмами. Не знаю почему, но я испытывалъ такое чувство, какъ будто меня кто-то совершенно несправедливо, глубоко обидѣлъ, и уподоблялъ себя не то мученику, не то герою; между тѣмъ, мнѣ самому нельзя было бы оправдаться, если бы у меня спросили причины моего пребыванія и поведенія въ этой мѣстности... Завелъ меня сюда случай, вмѣшало въ эту непонятную, таинственную исторію простое любопытство; правда, наростала уже совершенно уважительная причина оставаться здѣсь, но въ этотъ день я врядъ ли сумѣлъ бы объяснить ее самой леди.

Конечно, я весь вечеръ, всю ночь продумалъ объ юной леди, и хотя ея положеніе и поведеніе могли казаться весьма подозрительными, но я въ сердцѣ своемъ не нашелъ ни единаго повода сомнѣваться въ ея благородствѣ и честности. Я прозакладывалъ бы свою жизнь за то, что она свободна отъ какого-либо упрека, а когда выяснится тайна этой темной исторіи, ея личное въ ней участіе окажется необходимымъ и благороднымъ. Правда, что, какъ я ни насиловалъ свой умъ и воображеніе, я не могъ объяснить ея отношенія къ Норсмауру, но, если не разсудкомъ, то инстинктомъ, пришелъ къ твердой увѣренности въ ея безупречности. Съ этими заключеніями, съ милымъ образомъ предмета всѣхъ моихъ мыслей я, наконецъ, заснулъ.

На слѣдующій день, въ обычный часъ прогулки, она вышла одна, и какъ только зашла за холмъ, скрывшій ее отъ вида павильона, быстро приблизилась къ мѣсту, откуда я вышелъ наканунѣ, и стала осторожно кликать меня по имени. Я съ удивле-

ніемъ замѣтилъ, что она блѣдна, какъ смерть, и, повидимому, охвачена сильнѣйшимъ волненіемъ.

— Мистеръ Кассилисъ! Мистеръ Кассилисъ!—стала она все громче и громче звать.

Я выскочилъ изъ своей засады и быстро подбѣжалъ. Какъ только она меня увидѣла, лицо ея преобразилось.

— Охъ!—воскликнула она, точно съ груди ея скатилось тяжкое бремя.—Слава Богу, вы живы и невредимы.

И она еще прибавила:

— Я знала, что, если вы не уѣхали, то будете здѣсь!

Не странно ли это? На второй день знакомства у насъ были одинаковыя предчувствія: я надѣялся, что она снова придетъ на мѣсто нашей первой встрѣчи и будетъ искать меня; она же была увѣрена, что меня найдетъ. Такъ, очевидно, мудро и пріятно природа подготовляла наши сердца къ нашей близости на всю жизнь.

— Не оставайтесь больше здѣсь!—сказала она задушевнымъ, нѣжнымъ голосомъ. Обѣщайте мнѣ, что не будете больше спать въ Граденскомъ лѣсу. Вы не знаете, сколько я перестрадала: я всю ночь не могла закрыть глазъ, думая объ опасностяхъ, которыя вамъ угрожаютъ.

— О какихъ опасностяхъ?—повторилъ я.—Отъ кого? Отъ Норсмаура?

— Нѣтъ! Неужто вы думаете, что я могла ему сказать о васъ послѣ того, что вы вчера мнѣ сообщили?

— Не отъ Норсмаура?—повторилъ я.—Такъ отъ кого же? Почему? Не могу себѣ представить.

— Не разспрашивайте меня,—возразила она.—Я не имѣю права говорить вамъ все, что я знаю. Но, повѣрьте мнѣ, вамъ надо уѣхать отсюда. И, повѣрьте, надо уѣхать скорѣе, тотчасъ, если хотите жизнь свою сохранить.

Воззванія къ тревогѣ и благоразумію всегда имѣютъ плохой успѣхъ, если они обращаются къ молодымъ людямъ, воодушевленнымъ жаждою подвиговъ. Поэтому, спасительные совѣты юной леди возымѣли какъ разъ обратное дѣйствіе: я далъ себѣ честное слово не уѣзжать; а ея забота обо мнѣ, о моемъ спасеніи лишь укрѣпила меня въ этомъ рѣшеніи.

— Не считайте меня, сударыня, нескромнымъ и не думайте, что я хочу выпытать отъ васъ что-либо,—возразилъ я,—

но я не могу отдѣлаться отъ мысли, что, если пребываніе въ Граденѣ грозитъ мнѣ опасностью, то и для васъ оно не безъ риска.

Она отвѣтила лишь взглядомъ упрека.

— Для васъ и для вашего отца!—закончилъ я, но еле я произнесъ послѣднее слово, изъ ея груди вылетѣлъ судорожный крикъ:

— Отецъ! Какъ вы узнали про моего отца?

— Я видѣлъ васъ обоихъ вмѣстѣ, когда вы высаживались изъ лодки и шли къ павильону,—былъ мой отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ показался и ей, и мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ онъ выражалъ сущую правду.—Но,—продолжалъ я,—вы не должны меня опасаться. Я вижу, что у васъ есть причина хранить какой-то секретъ, но прошу васъ повѣрить, что вашъ секретъ у меня такъ же безопасенъ, какъ если бы вы похоронили его въ Граденской топи. Я почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и единственный мой товарищъ, это—мой конь. Вы видите, что можете разсчитывать на мое молчаніе. Откройте же мнѣ правду, моя дорогая юная лэди,—вы сами въ опасности?

— Мистеръ Норсмауръ сказалъ, что вы благородный человѣкъ,—произнесла она въ отвѣтъ,—и этому я вполнѣ вѣрю; видя васъ, я могу вамъ довѣриться. Вы не ошиблись: мы находимся въ большой, въ ужасной опасности, а вы, оставаясь здѣсь, также подвергаетесь этой опасности.

— Ахъ,—воскликнулъ я,—вы слышали обо мнѣ отъ Норсмаура? И онъ считаетъ меня порядочнымъ человѣкомъ?

— Я его спрашивала о васъ вчера вечеромъ,—былъ ея отвѣтъ.—Я сказала,—тутъ она немного поколебалась,— я сказала ему, что встрѣчала васъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и мы какъ-то говорили о немъ, т. е. о Норсмаурѣ. Это была неправда, но безъ этой маленькой лжи я не могла заговорить о васъ, не подавая повода къ подозрѣніямъ, не предавая васъ; вы же вчера поставили меня въ очень затруднительное положеніе, и я должна была выяснить, кто вы такой. Онъ очень хвалилъ васъ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ,—спросилъ я.—Опасность для васъ исходитъ отъ Норсмаура?

— Отъ Норсмаура?—воскликнула она.—О, напротивъ, онъ самъ изъ-за насъ подвергается той же опасности.

Она стала кликать меня по имени...

— И вы предлагаете мнѣ бѣжать отсюда!—сказалъ я тономъ упрека.—Невысокаго же вы обо мнѣ мнѣнія!

— Но съ какой стати вамъ оставаться?—возразила она.—Вѣдь, вы намъ не другъ.

Не знаю, какъ это случилось,—прежде это бывало со мною только въ дѣтствѣ,—но я такъ былъ огорченъ этимъ послѣднимъ

возраженіемъ, что почувствовалъ что-то вродѣ боли въ глазахъ, и изъ нихъ полились тихія слезы, я же продолжалъ смотрѣть ей прямо въ лицо.

— О, нѣтъ, нѣтъ, — воскликнула она измѣнившимся голосомъ.—Не принимайте такъ моихъ словъ: я не хотѣла васъ огорчить, обидѣть...

— Я самъ васъ обидѣлъ, простите!—и протянулъ руку съ мольбою въ глазахъ, которая, вѣроятно, ее тронула, потому что она тотчасъ же съ горячностью протянула свою.

Я удержалъ ея руку въ моей и посмотрѣлъ ей въ глаза. Это длилось лишь мгновеніе. Она выдернула свою руку и, забывъ, что собиралась убѣдить меня спастись изъ Градена, убѣжала и, не обернувшись, скрылась изъ виду. И тогда я почувствовалъ, что люблю ее, и у меня мелькнула радостная мысль, что она, она сама неравнодушна ко мнѣ!

Правда, она потомъ это отрицала, но съ улыбкою и безъ серьезныхъ возраженій. Что же меня касается, то я убѣжденъ, что мы не пожали бы другъ другу такъ горячо руки, если бы ея сердце не расположилось ко мнѣ сразу. Впрочемъ, во всемъ этомъ вопросѣ нѣтъ большихъ противорѣчій, такъ какъ, по собственному ея признанію, она уже на слѣдующій день знала, что меня любитъ.

Однако, этотъ слѣдующій день казался скорѣе дѣльнымъ. Она снова вышла одна на прогулку, такъ же, какъ и наканунѣ, звала она меня сойти съ холма и прежде всего пробовала убѣдить меня уѣхать изъ Градена и, когда встрѣтила мой рѣшительный отказъ, стала разспрашивать меня о подробностяхъ моего пріѣзда. Я ей разсказалъ, какой рядъ случайностей привелъ меня быть свидѣтелемъ высадки ея и Норсмаура, и почему я рѣшилъ остаться, отчасти вслѣдствіе интереса, который возбудилъ во мнѣ таинственный пріѣздъ Норсмаура и его гостей, отчасти вслѣдствіе покушенія Норсмаура на мою жизнь. Что касается первой причины, я, кажется, былъ не вполнѣ точенъ въ своихъ показаніяхъ, и она легко могла подумать,—да такъ и рѣшила,—что интересъ олицетворялся въ ней самой съ той самой минуты, когда я увидѣлъ ее на дюнѣ.

Я никогда не имѣлъ рѣшимости разубѣдить въ этомъ мою дорогую подругу жизни. Теперь, когда душа ея уже около Бога и знаетъ все, она знаетъ всю честность моихъ намѣреній и отно-

шеній къ ней и проститъ мнѣ эту маленькую, не полную откровенность во время ея жизни; себѣ же этимъ признаніемъ я облегчилъ душу.

Отсюда разговоръ перешелъ на многіе другіе предметы; я разсказалъ ей про свою отшельническую и бродячую жизнь. Она внимательно слушала, но сама очень мало говорила. Странно, мы говорили вполнѣ свободно и о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ, которые сами по себѣ, были совсѣмъ незначительны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы оба были взволнованы. Слишкомъ скоро настало время разставаться, и мы разстались, точно по молчаливому соглашенію, безъ пожатія рукъ:—оба чувствовали, что для насъ это пожатіе—не пустая церемонія.

На слѣдующее утро, т. е. въ четвертый день нашего знакомства, мы встрѣтились на томъ же мѣстѣ, но раньше обыкновеннаго. Она снова начала говорить объ опасности моего пребыванія; это я понялъ,—было для нея благовиднымъ предлогомъ къ свиданію,—а я въ отвѣтъ началъ рѣчь, многія части которой я тщательно обдумалъ ночью, о томъ, какъ я высоко цѣню ея благородное участіе ко мнѣ, какъ никто до сихъ поръ не интересовался узнать что-либо обо мнѣ, о моей жизни, да и я совсѣмъ не расположенъ былъ съ кѣмъ-либо говорить объ этомъ до вчерашняго дня. Вдругъ она меня прервала и бурнымъ голосомъ сказала:

— И, однако, если бы вы знали, кто я, вы не стали бы такъ много говорить со мною!

Я отвѣтилъ, что такое предположеніе—чистое безуміе, что, несмотря на краткость знакомства, я считаю ее своимъ дорогимъ другомъ, но мои возраженія лишь усилили ея волненіе.

— Мой отецъ принужденъ скрываться!—воскликнула она съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Моя дорогая!—сказалъ я, забывъ въ первый разъ добавить «юная леди».—Что мнѣ до этого за дѣло? Хоть бы онъ двадцать разъ скрывался, развѣ это, хоть на каплю, измѣнитъ мое отношеніе къ вамъ?

— Ахъ, но причина этого! Эта причина,—здѣсь голосъ ея пресѣкся на мгновеніе,—позоръ для насъ!

IV. Повѣтствуетъ о томъ, какимъ поразительнымъ образомъ я узналъ, что не одинокъ въ Граденскомъ лѣсу.

Прерывающимся голосомъ, сквозь слезы, моя будущая жена повѣдала мнѣ тайну.

Имя ея было—Клара Хедльстонъ. Это было красивое имя, но, конечно, не такое прекрасное, какъ Клара Кассилисъ, которое она носила остальную, и, смѣю думать, лучшую часть ея жизни.

Отецъ ея, Бернардъ Хедльстонъ, имѣлъ частную банкирскую контору съ очень широкимъ кругомъ операцій; за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ его постигла неудача, и для поправленія своихъ дѣлъ онъ пустился на сомнительныя и незаконныя аферы; однако, его дѣла еще больше запутались, и онъ долженъ былъ потерять и состояніе, и честное прежде коммерческое имя.

Норсмауръ давно уже ухаживалъ за дочерью съ большой настойчивостью, хотя и безъ малѣйшаго поощренія съ ея стороны. Банкиръ хотѣлъ «учесть» и это обстоятельство. Онъ, собственно, не боялся ни разоренія, ни позора, ни банкротства, ни даже судебнаго приговора, — онъ и въ тюрьму пошелъ бы съ легкимъ сердцемъ, но на совѣсти его оставалась еще какая-то страшная тайна, не дававшая ему покоя ни днемъ, ни во время сна. Хедльстонъ былъ убѣжденъ, что кто-то долженъ его внезапно, тайно убить, и вотъ онъ обратился къ Норсмауру съ мольбою о спасеніи его отъ неминуемаго покушенія на его жизнь. Ему необходимо было скрыться навсегда. Норсмауръ согласился отвезти его на одинъ изъ южныхъ острововъ Великаго океана на своей яхтѣ «Красный Графъ». Яхта приняла Хедльстона на пустынномъ берегу Уэльса и временно ихъ отвезла въ Граденское помѣстье Норсмаура, но на самое лишь короткое время, пока «Красный Графъ» не подготовится къ дальнему плаванію въ южное полушаріе.

Клара не сомнѣвалась, что платою за проѣздъ была ея рука. Норсмауръ былъ весьма корректенъ съ нею, и все же его рѣчь и манеры становились болѣе смѣлыми и фамильярными.

Нечего говорить, что я слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ и старался узнать, въ чемъ же добавочная, такъ сказать, тайна самого Бернарда Хедльстона. Но Клара сама этого не

Я слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ...

знала и не подозрѣвала, въ какомъ направленіи, откуда можетъ разразиться ударъ, ожидаемый отцомъ. Тревога Хедльстопа была, безъ сомнѣнія, не притворная: она его угнетала даже физически и настолько его терзала, что онъ уже нѣсколько разъ самъ хотѣлъ отдаться въ руки правосудія, и если этого не сдѣлалъ, то

вслѣдствіе увѣренности, что даже строгій режимъ англійскихъ тюремъ не укроетъ его отъ преслѣдователей.

Клара сама билась надъ вопросомъ, кому надо было преслѣдовать отца? Ей казалось, что нѣкоторыя косвенныя указанія она нашла. Клара знала, что въ послѣдніе годы у Хедльстона было много дѣлъ въ Италіи, а также съ итальянцами, проживавшими въ Лондонѣ. Съ другой стороны, Хедльстономъ овладѣлъ страшный испугъ, когда онъ увидѣлъ на палубѣ «Краснаго Графа» одного итальянца. Онъ тогда очень сильно и не разъ упрекалъ Норсмаура, что тотъ погубилъ весь планъ его спасенія. Напрасно Норсмауръ увѣрялъ, что этотъ итальянецъ Беппо давно у него на службѣ, честный и хорошій человѣкъ, за котораго онъ готовъ поручиться головою, Хедльстонъ повторялъ, что его гибель—вопросъ лишь нѣсколькихъ дней и причиною тому будетъ Беппо.

Стараясь успокоить Клару, я сказалъ, что изъ этихъ данныхъ можно вывести лишь то заключеніе, что у отца ея началось душевное разстройство—манія преслѣдованія. Онъ, вѣроятно, понесъ большія денежныя потери въ Италіи, и потому даже видъ итальянца ему ненавистенъ; понятно, что и въ его галлюцинаціяхъ главную роль должны были играть мужчины этой національности.

— Хорошаго доктора и успокоительныя лекарства,—вотъ что надо найти для вашего отца,—рѣшилъ я въ заключеніе.

— Нѣтъ. Тутъ что-то другое,—возразила Клара.—Какъ вы объясните, что Норсмауръ, который не имѣлъ никакихъ денежныхъ потерь, раздѣляетъ теперь тревогу и страхъ отца?

Я не могъ удержаться отъ смѣха надъ тѣмъ, что показалось мнѣ признакомъ ея чистосердечной простоты или недогадливости.

— Дорогая миссъ,—воскликнулъ я,—вы сами только что сказали, какая Норсмауру обѣщана награда. Помните: все для влюбленнаго законно. Норсмауръ раздуваетъ тревогу вашего отца не потому, чтобы онъ страшился какого-либо итальянца, а потому, что онъ страстно увлеченъ прекрасною англичанкою, и для него полезно, чтобы отцу ея казалось, что Норсмауръ спасаетъ всѣхъ отъ великой смертельной опасности.

— Но какъ же тогда вы объясните поспѣшность и опасность нашего бѣгства? Зачѣмъ было высаживаться сюда ночью? И Норсмауръ, и мы знали, что рискуемъ не только гибелью яхты,

но и нашими жизнями. Какъ, наконецъ, вы объясните то, что, замѣтивъ незнакомаго человѣка, Норсмауръ сразу бросился на него, чтобы убить кинжаломъ?

Я долженъ былъ согласиться, что мои объясненія недостаточны.

Мы еще долго бесѣдовали и рѣшили, что сегодня же я отправлюсь въ Граденъ-Уэстеръ, чтобы въ этомъ ближайшемъ рыбачьемъ поселкѣ прочесть газеты послѣдняго времени и лично убѣдиться, нѣтъ ли дѣйствительныхъ поводовъ къ напряженной тревогѣ Хедльстона и Норсмаура; результатъ своихъ изысканій я обѣщалъ сообщить Кларѣ на слѣдующее утро, въ томъ же мѣстѣ и въ тотъ же часъ. Теперь Клара уже не заговаривала о необходимости моего отъѣзда изъ Градена и не таила, что мое присутствіе ей пріятно и поддерживаетъ ее; я же ни за что не уѣхалъ бы, если бы даже Клара на колѣняхъ умоляла объ этомъ.

Простившись съ Кларою, я тотчасъ отправился и уже къ десяти часамъ былъ въ поселкѣ, хотя разстояніе до него считается больше семи миль; правда, я въ то время былъ еще отличный ходокъ, и дорога выпала пріятная по свѣжей травкѣ и въ отличную погоду.

Граденъ-Уэстеръ одинъ изъ самыхъ плохихъ поселковъ на этомъ берегу. Онъ стоялъ при небольшой скалистой бухтѣ, въ которой не мало погибло лодокъ, вернувшихся благополучно съ рыбной ловли. Была маленькая церковь, но она стояла въ оврагѣ; насчитывалось не больше 50—60 домовъ, расположенныхъ въ двѣ улицы: одна шла параллельно берегу, другая примыкала къ первой подъ прямымъ угломъ; на перекресткѣ виднѣлась темная и бѣдная таверна; это была главная гостиница мѣстечка.

Передъ уходомъ я переодѣлся въ костюмъ, болѣе подходящій къ моему званію, и прежде всего направился къ священнику, жившему въ маленькомъ домѣ, рядомъ съ кладбищемъ, такъ какъ у него надѣялся достать газеты.

Хотя мы не видѣлись со времени моего перваго пребыванія въ помѣстьи Норсмаура, т. е. цѣлыхъ девять лѣтъ, онъ сразу меня узналъ и съ удовольствіемъ исполнилъ мою просьбу, давъ цѣлую кипу газетъ. Я ему сказалъ, что путешествую по пустынному сѣверо-восточному берегу Шотландіи и почти мѣсяцъ не читалъ никакихъ новостей. Съ этою кипой газетъ,—чуть ли не за цѣлый мѣсяцъ,—я отправился въ таверну и въ ожиданіи за-

казаннаго завтрака сталъ отыскивать всѣ статьи и замѣтки подъ заголовками: «Хедльстоновское банкротство» и т. п.

Повидимому, это было очень скандальное, вопіющее дѣло. Тысячи кліентовъ Хедльстона обратились въ бѣдняковъ; одинъ изъ нихъ, при извѣстіи о прекращеніи платежей, лишился разсудка. Но, странная вещь! читая эти подробности, я скорѣе симпатизировалъ Хедльстону, чѣмъ его несчастнымъ жертвамъ— до такой степени были сильны чары любви къ Кларѣ. Разумѣется, была объявлена плата за поимку Хедльстона, и какъ вслѣдствіе явнаго злостнаго характера несостоятельности, такъ и въ виду размѣровъ общественнаго негодованія эта плата была очень высока—цѣлыхъ 750 фунтовъ стерлинговъ. Далѣе печатались разные слухи о томъ, гдѣ скрывается злостный банкротъ. Въ одномъ номерѣ сообщалось, что онъ скрылся въ Италію; на другой день констатировалось «изъ надежныхъ источниковъ», что онъ кочуетъ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, впрочемъ, въ этотъ же день упоминалось, что его видѣли на Уэльскомъ берегу, а въ слѣдующемъ номерѣ той же газеты была помѣщена телеграмма изъ Кубы объ его пріѣздѣ... въ Юкатанъ. Но ни въ одномъ сообщеніи не упоминалось ни объ Италіи, ни объ итальянцахъ, ни о какой-либо тайнѣ.

Однако, въ самомъ послѣднемъ номерѣ газеты была одна замѣтка, указывавшая, что дѣло Хедльстона не вполнѣ еще выяснено. Должностныя лица, провѣрявшія денежныя книги, напали на слѣдъ очень большихъ суммъ, не выведенныхъ въ окончательныхъ балансахъ. Суммы эти были занесены въ книги Хедльстона за шесть лѣтъ до его несостоятельности, но нельзя было найти указаній, откуда такія суммы появились и куда онѣ исчезли; онѣ значились подъ какимъ-то именемъ безъ фамиліи и затѣмъ подъ таинственными иниціалами «X. X.».

Народная молва связывала эти иниціалы съ одною выдающеюся особою королевскаго рода. «Предполагаютъ, что этотъ трусливый бѣсноватый,—таковъ, помнится, былъ газетный эпитетъ по адресу Хедльстона,—скрылся съ значительною частью этого таинственнаго фонда».

Я терзалъ себѣ мозгъ, стараясь найти связь между газетными сообщеніями и тревогою Хедльстона, какъ вдругъ услышалъ слова, съ явно иностраннымъ акцентомъ, одного посѣтителя таверны, спрашивавшаго себѣ хлѣба и сыра.

— Siete italiano?—обратился я къ нему...

Я поднялъ глаза. Около буфета стоялъ мужчина, несомнѣнно, итальянскаго типа.

— Siete italiano?—обратился я къ нему *).

*) Вы итальянецъ?

— Si, signor,—отвѣтилъ онъ *).

Я выразилъ удивленіе, что вижу итальянца на столь отдаленномъ сѣверѣ Европы. На это онъ пожалъ плечами, возразилъ, что рабочему приходится повсюду искать себѣ работу, и тутъ же вышелъ.

«Какую работу можно итальянцу найти въ Граденъ-Уэстерѣ?» — подумалъ я. — «Рѣшительно нельзя себѣ представить!».

Эта встрѣча подѣйствовала весьма удручающимъ образомъ на мой мозгъ, и я тотчасъ спросилъ хозяина таверны, видѣлъ ли онъ когда-нибудь итальянца въ своемъ селѣ? Онъ сказалъ, что разъ только видѣлъ иностранцевъ, но то были норвежцы, потерпѣвшіе крушеніе близъ Градена.

— А видѣли вы итальянца?—сказалъ я.—Вотъ такихъ, какъ этотъ человѣкъ, которому вы отпустили сыра и хлѣба.

— Такого!—воскликнулъ онъ.—Какъ этотъ черномазый съ бѣлыми руками? Это развѣ итальянецъ? Ну, такъ я вамъ скажу: это первый итальянецъ, котораго я вижу, и, смѣю сказать, послѣдній, котораго я видѣлъ.

Услышавъ этотъ рѣшительный отвѣтъ, я взглянулъ на улицу и саженяхъ въ двадцати замѣтилъ группу изъ трехъ лицъ, бесѣдовавшихъ чрезвычайно оживленно. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ человѣкъ, котораго я только что видѣлъ у буфета таверны; по красивымъ блѣднымъ лицамъ и мягкимъ шляпамъ остальныхъ собесѣдниковъ видно было, что и они итальянцы. Вокругъ нихъ собрались уличные мальчишки, оживленно передразнивая ихъ непонятные слова и жесты.

Это тріо южныхъ типовъ представляло поразительный контрастъ съ грязною черною улицею захудалаго поселка и съ темно-сѣрымъ небомъ пустыннаго сѣвернаго побережья. Мое прежнее недовѣріе къ словамъ Клары получило ударъ, отъ котораго ему не пришлось оправиться, но я долженъ былъ сознаться, что тогда же самъ подпалъ подъ вліяніе «итальянскаго террора».

Было уже недалеко отъ вечера, когда, дочитавъ нужныя мнѣ газеты и возвративъ ихъ священнику, я благополучно тронулся по дюнамъ въ обратный путь. Никогда не забуду этого вечера и

*) Да, сударь.

Вокругъ нихъ собрались уличные мальчишки...

этой ночи! Погода рѣзко измѣнилась; подулъ сильный и холодный вѣтеръ, гудѣвшій даже въ короткой травѣ, по которой я шелъ; надъ моремъ поднялись густыя тучи, точно цѣпь высо-

кихъ, темныхъ горъ; скоро полилъ дождь, какъ изъ ведра, перемежаясь съ бурными порывами вѣтра. Трудно было вообразить болѣе скверную погоду, и,—отчасти подъ ея вліяніемъ, но главнымъ образомъ послѣ всего того, что я прочелъ, видѣлъ и слышалъ,—мои нервы совсѣмъ расшатались, и мысли были также мрачны, какъ окружающая непогода.

Изъ верхнихъ оконъ павильона можно было видѣть дюны по направленію къ Граденъ-Уэстеру на очень большое разстояніе. Чтобы остаться незамѣченнымъ, я не пошелъ кратчайшею дорогою, а сталъ держаться больше берега, чтобы, дойдя до песчаныхъ холмовъ близъ павильона, завернуть по оврагамъ къ своему лѣсу. Солнце уже совсѣмъ близилось къ закату, приливъ только что начинался и не покрылъ еще опасныхъ песковъ. Удрученный своими новыми мыслями, я мало обращалъ вниманія на дорогу, но вдругъ меня поразилъ видъ слѣдовъ человѣческой ноги на пескѣ. Слѣды шли по одинаковому направленію съ моимъ путемъ, только еще ближе къ береговой линіи. Я сразу убѣдился,—и по размѣрамъ совершенно свѣжихъ отпечатковъ на пескѣ, и по общему отъ нихъ впечатлѣнію,—что эти слѣды не принадлежатъ никому изъ жившихъ въ павильонѣ, а изъ того, что слѣды шли слишкомъ прямо и совершенно близко подходили къ опаснѣйшимъ пескамъ,—я вывелъ заключеніе, что они принадлежатъ чужеземцу, не знающему вообще мѣстности и, очевидно, даже не слыхавшему о страшной репутаціи Граденской топи.

Шагъ за шагомъ я выслѣдилъ путь этого чужеземца на протяженіи приблизительно четверти мили. На юго-западной границѣ топи слѣды сразу исчезли. Очевидно, что тотъ,—кто бы онъ ни былъ,—несчастный вступилъ въ топь и былъ ею засосанъ. Пара чаекъ, бывшихъ, быть можетъ, свидѣтелями его гибели, кружились надъ этою новою могилою, испуская свой обычный печальный пискъ. Въ эту минуту солнце, разорвавъ послѣднимъ усиліемъ завѣсу облаковъ, озарило темнымъ пурпуромъ темную гладь морскихъ песковъ. Нѣсколько времени я неподвижно простоялъ, вглядываясь въ это мѣсто гибели, стараясь угадать, сколько длилась трагедія, кричалъ ли несчастный, могли ли его крики быть услышаны въ павильонѣ... Я чувствовалъ, что духъ мой совершенно потрясенъ, путаются мысли, теряется бодрость, надъ всѣмъ возстаетъ зловѣщій призракъ

Я съ жадностью набросился на эту шляпу...

смерти. Однако, я взялъ себя въ руки и собирался удалиться, какъ вдругъ чайка, смѣлѣе остальныхъ, бросилась,—точно шлепнулась,—къ краю берега, снова взлетѣла высоко и затѣмъ начала летать надъ самымъ пескомъ. Слѣдя за ея полетомъ, я увидѣлъ мягкую, черную поярковую шляпу, слегка конической

формы—той же, какъ у итальянцевъ, которые собрались въ Граденъ-Уэстерѣ.

Помнится,—хотя я не вполнѣ увѣренъ,—что я не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть. Вѣтеръ гналъ шляпу къ берегу, и я подошелъ къ самому краю топи, чтобы ее поймать. Тутъ снова полетѣла чайка, схватила, было, шляпу, но порывъ вѣтра вырвалъ ее изъ клюва и отбросилъ на нѣсколько саженъ дальше—уже на твердомъ берегу. Понятно, съ какою жадностью я набросился на эту шляпу. Видно, что она успѣла уже достаточно послужить своему владѣльцу и была болѣе груба или болѣе засалена, чѣмъ тѣ, которыя я днемъ видѣлъ на улицѣ. На красной подкладкѣ была напечатана фирма продавца,—имя его я забылъ,—и городъ Venedig. Какъ извѣстно, это имя, которое дали австрійцы прекрасной Венеціи и всей ея области, когда она находилась подъ ихъ владычествомъ.

Я былъ совершенно пораженъ. Мнѣ даже показалось, что передо мною стоятъ живые итальянцы. Въ первый разъ въ жизни и, смѣю увѣрить, въ послѣдній я былъ охваченъ тѣмъ, что называется паническимъ страхомъ. Прежде я не могъ себѣ даже вообразить такой вещи, которой я устрашился бы; теперь я чувствовалъ, что у меня сердце упало, умъ не въ состояніи работать, тѣло дрожитъ. А предстояло еще отправиться въ лѣсъ, въ мою одинокую, ничѣмъ незащищенную пещеру. Съ большими колебаніями, съ большою неохотою я пошелъ.

Тамъ я поѣлъ немного холоднаго супа, оставшагося съ прошлаго вечера, такъ какъ огонь разводить я не рѣшался. Скоро я совершенно пришелъ въ себя, отогналъ мнимые страхи и спокойно улегся спать.

Сколько я спалъ,—какъ ни старался, не могъ припомнить,—но внезапно я былъ разбуженъ потокомъ свѣта. Я проснулся, точно отъ удара, и въ одно мгновеніе приподнялся на колѣни, но свѣтъ исчезъ такъ же быстро, какъ появился. Кругомъ была тьма кромѣшная, и въ этой темнотѣ раздавался лишь невообразимый ревъ бури.

Прошло, по крайней мѣрѣ, полминуты, прежде чѣмъ я пришелъ въ себя. Сперва я рѣшилъ, что у меня былъ просто кошмаръ, но сразу же разубѣдился въ этомъ. Во-первыхъ, пологъ моей палатки, который я передъ сномъ тщательно привязалъ, былъ раскрытъ; во-вторыхъ, я еще живо чувствовалъ запахъ

раскаленнаго металла и горящаго масла. Не могло быть сомнѣнія: меня разбудилъ свѣтъ отъ потайного фонаря, который кто-то поднесъ къ моему лицу, чтобы его разглядѣть. Онъ его разглядѣлъ и ушелъ прочь. Что же это значитъ? Или онъ зналъ меня раньше и узналъ, или не зналъ? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ могъ сдѣлать со мною что угодно...

Тутъ я вскочилъ, потому что ясно представилась опасность, грозившая павильону. Въ самомъ дѣлѣ, меня могли убить, или навѣки искалѣчить, могли ограбить, могли, наконецъ, меня разбудить, спросить, кто я такой, что здѣсь мнѣ нужно... Слѣдовательно, меня разбудили по ошибкѣ: искали, очевидно, не меня.

Не мало понадобилось мнѣ рѣшимости, чтобы выйти изъ пещеры и погрузиться въ непроглядную темь окружавшей ее чащи кустарника, изъ котораго и днемъ не скоро можно было выбраться. Однако, я благополучно вышелъ изъ нея и, пройдя оставшуюся часть лѣса, отправился къ павильону. Я шелъ по дюнѣ мокрый до нитки отъ ночного ливня, оглушаемый ревомъ вѣтра, бившаго прямо въ лицо, находясь каждое мгновеніе подъ опасеніемъ попасть въ засаду. При полной темнотѣ ночи и непрекращавшемся ревѣ бури цѣлая непріятельская армія могла бы быть скрыта въ дюнахъ, и я ни слухомъ, ни зрѣніемъ не могъ бы узнать ея близости.

Всю остальную часть ночи, показавшуюся мнѣ невообразимо долгою, я караулилъ площадку передъ павильономъ, но не видѣлъ ни единаго человѣческаго существа, не слышалъ ни одного звука, кромѣ бурнаго, зловѣщаго шума морского прибоя, смѣшивавшагося съ жуткими завываніями вѣтра. Маленькій, лишь еле замѣтный, свѣтъ, сквозившій черезъ щель ставни одного изъ верхнихъ оконъ павильона, держалъ мнѣ компанію до разсвѣта.

V. Повѣствуетъ о свиданіи Норсмаура со мною и Кларою.

При первомъ лучѣ дня я оставилъ открытое мѣсто передъ павильономъ и направился къ моей пряткѣ въ высокомъ песчаномъ холмѣ около бухты, чтобы поджидать приходъ Клары. Утро было сѣрое и печальное; вѣтеръ усмирился передъ восходомъ солнца, отливъ былъ въ полномъ ходу, но дождь продолжалъ немилосердно лить. На всей пустынѣ дюнъ не виднѣлось ни одного живого существа; однако, я былъ увѣренъ, что въ окрестностяхъ

павильона уже собрались враги. Фонарь, разбудившій меня ночью, и шляпа, отнесенная вѣтромъ съ Граденской топи на берегъ, служили достаточно краснорѣчивыми сигналами опасности, грозившей Кларѣ и жителямъ павильона.

Было уже семь съ половиною или около восьми часовъ, когда обликъ дорогой мнѣ дѣвушки, наконецъ, показался на порогѣ павильона. Несмотря на отчаянный дождь, Клара рѣшительно направилась къ берегу. Разумѣется, я не сталъ ждать, пока она дойдетъ до обычнаго мѣста встрѣчи, и былъ около нея уже на первомъ же заворотѣ, скрытомъ отъ павильона.

— Мнѣ очень трудно было уйти!—воскликнула она, завидѣвъ меня.—Они не хотѣли, чтобы я шла гулять въ такой дождь.

— И вы, Клара, не побоялись?

— Нѣтъ,—отвѣтила она такъ просто, что душа моя наполнилась довѣріемъ и радостью.

Дѣйствительно, моя жена была и самая лучшая, и самая храбрая изъ женщинъ, какихъ я только встрѣтилъ. Я зналъ прекрасныхъ по своей добротѣ и другимъ душевнымъ качествамъ женщинъ; зналъ и очень храбрыхъ, но не встрѣчалъ сочетанія доброты и значительной степени смѣлости въ одной и той же женщинѣ; моя жена была, очевидно, исключеніемъ: ея рѣшительность и безстрашіе соединились съ самыми обстоятельными и прекрасными чертами женскаго характера.

Я разсказалъ все, что со мною случилось; Клара сильно блѣднѣла, слушая разсказъ, но сдерживала свои чувства.

— Вы видите, я цѣлъ и невредимъ,—сказалъ я въ заключеніе,—очевидно, не меня искали; но, если бы они того пожелали, уже ночью меня не было бы въ живыхъ.

Она положила мнѣ руку на плечо.

— И я не имѣла предчувствія объ этомъ!—воскликнула она.

Выраженіе ея голоса проникло въ мою душу. Я обвилъ ея станъ рукою и привлекъ ее къ себѣ, и, прежде чѣмъ мы очнулись, ея руки были на моихъ плечахъ, ея губы прикоснулись къ моимъ. Словъ любви мы не произнесли. Я до сихъ поръ помню прикосновеніе ея щеки, мокрой и холодной отъ дождя,—часто впослѣдствіи я цѣловалъ ея щеку, когда она умывалась, чтобы оживить въ моей памяти первый нашъ поцѣлуй на морскомъ берегу въ то достопамятное утро.

Мы простояли такимъ образомъ нѣсколько секундъ,—а мо-

жетъ быть и больше, потому что время для влюбленныхъ быстро летитъ,—какъ вдругъ нашъ слухъ поразилъ раскатъ хохота, какого-то дикаго, неестественнаго хохота, которымъ нерѣдко маскируютъ досаду и гнѣвъ.

Мы обернулись, но талія Клары осталась въ моей рукѣ, а она и не подумала освободиться.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ Норсмауръ съ заложенными назадъ руками. Лицо его было страшное, сильно насупленныя брови придавали ему свирѣпый видъ; ноздри широко раздувались и поблѣднѣли отъ сдерживаемой злости. Онъ глядѣлъ на насъ въ упоръ.

— Ахъ, Кассилисъ!—произнесъ онъ самымъ язвительнымъ тономъ, какъ только я показалъ свое лицо.

— Онъ самый, Норсмауръ!—отвѣтилъ я совершенно спокойно, такъ какъ я нисколько не растерялся.

— Вотъ какъ, миссъ Хедльстонъ,—продолжалъ онъ медленно, но измѣнившимся отъ гнѣва голосомъ,—вы храните свое слово вашему отцу и мнѣ? Вотъ цѣна, которою отплачиваете за жизнь отца? Вотъ до какой степени вы увлеклись этимъ молодымъ джентльменомъ, что не останавливаетесь ни передъ ливнемъ, ни передъ приличіями, ни передъ самыми обыкновенными предосторожностями...

— Миссъ Хедльстонъ,—пытался я заговорить, но онъ грубо меня перебилъ:

— Эй, вы тамъ! Придержите свой языкъ,—крикнулъ онъ,—я разговариваю съ этой дѣвушкой, а не съ вами!

— Эта дѣвушка, какъ вы ее называете, моя жена!—громко и твердо объявилъ я.

И Клара, еще ближе придвинувшись ко мнѣ, подтвердила истину моихъ словъ.

— Ваша что?!—крикнулъ онъ.—Вы лжете!

— Норсмауръ, — отвѣтилъ я, придавая голосу возможное спокойствіе,—мы всѣ знаемъ, что у васъ прескверный характеръ, и я не буду, конечно, сердиться на ваши необдуманныя слова. Но прежде всего не кричите, говорите возможно тише—мы здѣсь не одни.

Онъ оглянулся кругомъ, и я замѣтилъ, что мои слова значительно утишили его расходившіяся чувства.

— Что вы подразумѣваете, однако?

— Итальянцы!

Это было единственное слово, которое я произнесъ, но оно произвело магическое дѣйствіе. Норсмауръ выговорилъ страшное проклятіе, но тотчасъ затѣмъ замолкъ и переводилъ съ изумленіемъ свои глаза то на меня, то на Клару.

— Мистеру Кассилису извѣстно все, что мнѣ самой извѣстно,—сказала Клара.

— А мнѣ неизвѣстно,—выпалилъ онъ,—откуда этотъ дьяволъ-Кассилисъ сюда явился, и что этотъ дьяволъ-Кассилисъ здѣсь дѣлаетъ! Вы говорите, что женаты. Этому я совершенно не вѣрю. Если бы вы были дѣйствительно женаты, то быстро получили бы разводъ—здѣсь, въ Граденской топи. Всего четыре съ половиною минуты требуется, Кассилисъ! Я содержу это маленькое кладбище спеціально для друзей.

— Ну, а для итальянца потребовалось больше, чѣмъ указанныя вами четыре съ половиною минуты, Норсмауръ.

Онъ опять посмотрѣлъ на меня, точно ошеломленный моими словами, и затѣмъ попросилъ меня, почти совершенно вѣжливо, объяснить ему, въ чемъ дѣло.

— Сейчасъ у васъ слишкомъ много шансовъ въ сравненіи со мною,—добавилъ онъ въ заключеніе.

Я конечно, согласился сообщить все, что знаю, и онъ внимательно слушалъ, не удерживаясь, впрочемъ, отъ разныхъ восклицаній и проклятій, пока я разсказывалъ, какъ случайно попалъ въ его помѣстье, какъ онъ, Норсмауръ, меня чуть не закололъ кинжаломъ, какъ я выслѣдилъ итальянцевъ, и пр.

— Такъ!—произнесъ онъ, когда я кончилъ.—Тутъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. А что вы совѣтуете дѣлать?

— Я предлагаю остаться съ вами и протянуть другъ другу руку,—былъ мой отвѣтъ.

— Вы славный человѣкъ! — сказалъ онъ съ какою-то особенною интонаціею въ голосѣ.

— Я не боюсь,—сказалъ я.

— Итакъ,—продолжалъ онъ,—предо мною мужъ и жена? И вы рѣшитесь мнѣ сказать это въ глаза, миссъ Хедльстонъ?

— Собственно, мы еще не женаты, но дали другъ другу слово, — отвѣтила Клара, — и сдержимъ его; мы обвѣнчаемся при первой же возможности.

— Браво!—воскликнулъ Норсмауръ.—А мой уговоръ съ ва-

нимъ батюшкой? Будь я проклятъ, вы, вѣдь, не сумасшедшая женщина; вы понимаете, отъ чего зависитъ жизнь вашего отца: стоитъ мнѣ лишь заложить руки въ карманы и удалиться отсюда, и вашему отцу сегодня же перерѣжутъ горло!

Но Клара не растерялась.

— Все это я знаю,—отвѣтила она съ удивительною находчивостью,—но знаю только, что вы этого не сдѣлаете. Вы заключили съ моимъ отцомъ сдѣлку, недостойную джентльмена, но вы, все же настоящій джентльменъ, свое слово сдержите и никогда не покинете того, кому дали слово защитить.

— Ага!—воскликнулъ Норсмауръ.—Вы думате, что я отдалъ яхту даромъ? Вы думаете, что это изъ любви къ старому джентльмену я рискую свободою и жизнью? И еще затѣмъ, чтобы присутствовать на вашей свадьбѣ? Что жъ,—добавилъ онъ со странною улыбкою, — быть можетъ, вы до нѣкоторой степени правы... Но, вотъ Кассились. Онъ-то знаетъ меня хорошо. Такой ли я человѣкъ, чтобы можно мнѣ довѣряться? Можно ли меня считать человѣкомъ надежнымъ, щепетильнымъ, добрымъ къ кому бы то ни было? Вы это знаете?

— Я знаю, что вы наговорили много лишняго,—возразила Клара,—но я увѣрена, что вы настоящій джентльменъ, и, повѣрьте, мнѣ не страшно.

Норсмауръ смотрѣлъ на нее восхищенными глазами, точно съ особеннымъ одобреніемъ относясь къ ея словамъ.

— Но вы, Франкъ,—обратился онъ въ мою сторону,—неужто вы думаете, что я уступлю ее вамъ безъ борьбы? Говорю вполнѣ откровенно,—берегитесь, Франкъ! Скоро я схвачусь съ вами на жизнь и смерть!

— Это будетъ въ третій разъ,—перебилъ я его, улыбаясь.

— Ахъ, да! Забылъ. Дѣйствительно, въ третій разъ. Что же, третій разъ, говорятъ, самый счастливый...

— Вы подразумѣваете, что въ третій разъ у васъ къ услугамъ будетъ уже экипажъ «Краснаго Графа»? — спросилъ я, чувствуя, что начинаю злиться и желаю обозлить Норсмаура.

Но онъ уже рѣшилъ успокоиться и обратился только къ Кларѣ:

— Вы слышите, что онъ говоритъ?

— Я слышу, что двое мужчинъ болтаютъ пустое,—заявила она.—Я презирала бы себя за подобныя мысли и рѣчи. Да вы

сами не вѣрите ни единому слову изъ того, что сейчасъ говорили: охота вамъ выставлять себя не то злодѣями, не то глупцами!

— Браво!—воскликнулъ Норсмауръ.—Это называется приговоръ—труба въ день судный. Но она еще не мистриссъ Кассилисъ, а потомъ, что будетъ—посмотримъ. Больше ничего не скажу: шансы сейчасъ не на моей сторонѣ!

Тутъ Клара очень меня удивила.

— Я васъ оставлю обоихъ,—сказала она быстро.—Отецъ слишкомъ долго одинъ въ павильонѣ. Но помните: вы должны быть друзьями, потому что каждый изъ васъ добрый ко мнѣ другъ.

Жена мнѣ потомъ объяснила мотивы своего поступка. Она чувствовала, что, если она останется, то мы не перестанемъ пикироваться въ ея присутствіи и, быть можетъ, серьезно даже поссоримся. Я думаю, что она была права, потому что, какъ только она ушла, мы оба совершенно успокоились и стали говорить съ довѣріемъ другъ къ другу.

Норсмауръ все время смотрѣлъ Кларѣ вслѣдъ, пока она не скрылась за холмомъ.

— Право, это замѣчательнѣйшая дѣвушка на всемъ свѣтѣ!—произнесъ онъ, добавивъ къ тому весьма выразительную клятву.—Смотрите, какая дѣятельная, какая рѣшительная!

Я старался улучить минуту, чтобы скорѣе узнать общее положеніе дѣлъ, и потому, не поддерживая разговора о милой Кларѣ, спросилъ:

— Какъ думаете, Норсмауръ,—мы всѣ попали въ скверныя обстоятельства?

— О, да! — отвѣтилъ онъ съ большимъ воодушевленіемъ, глядя мнѣ прямо въ глаза.—Тутъ цѣлый адъ съ чертями надъ нашей головой. Вѣрьте мнѣ, или нѣтъ, но я совершенно серьезно опасаюсь за свою жизнь.

— Скажите мнѣ одну вещь,—спросилъ я снова.—При чемъ итальянцы въ всей этой исторіи? Что имъ нужно отъ мистера Хедльстона?

— Развѣ не знаете?!—вскрикнулъ онъ.—Старый мошенникъ принялъ на храненіе, и притомъ на тайное храненіе, громадный капиталъ отъ итальянскихъ карбонаріи *):—цѣлыхъ

---

*) Такъ назывались члены тайнаго политическаго союза, сначала направленнаго противъ владычества французовъ въ Италіи, а затѣмъ,

двѣсти восемьдесятъ тысячъ фунтовъ, ну, и, конечно, растратилъ его,—не знаю только, весь ли,—неудачными спекуляціями. Изъ-за этой растраты не удалось возстаніе въ Тридентѣ или Пармѣ, которое должно было послужить сигналомъ къ революціи во всей Италіи, и теперь карбонаріи гонятся за Хедльстономъ, чтобы ему отомстить. Счастье будетъ, если наша шкура останется цѣла.

— Карбонаріи!—воскликнулъ я.—Ну, плохо дѣло! Не сдобровать старику.

— То же и я думаю,—сказалъ Норсмауръ.—Вообще, всѣ мы тутъ попали въ изрядную ловушку, и, откровенно говоря, я радъ, что вы здѣсь и поможете намъ. Если и не удастся охранить старика, постараюсь, по крайней мѣрѣ, спасти дочь... Идите въ павильонъ и оставайтесь съ нами. И вотъ вамъ мое слово,—моя рука; я вамъ другъ, пока старикъ не спасется или не будетъ убитъ. Но,—добавилъ онъ,—какъ только дѣло рѣшится, мы снова соперники, и, предупреждаю, берегитесь!

— Идетъ!—отвѣтилъ я.

И мы пожали другъ другу руки.

— Теперь скорѣе въ нашу цитадель!—сказалъ Норсмауръ и быстро пошелъ противъ дождя.

VI. Повѣствуетъ о моемъ знакомствѣ съ высокимъ мужчиною.

Въ павильонъ впустила насъ Клара. Я почти не узналъ комнатъ перваго этажа—онѣ, дѣйствительно, были укрѣплены, какъ цитадель. Выходная дверь, кромѣ прежнихъ болтовъ, защищалась еще очень крѣпкою баррикадою, которую, однако, изнутри легко было разобрать настолько, чтобы быстро пріотворить самую дверь. Изъ сѣней мы прошли въ столовую, слабо освѣщавшуюся лампою. Окна ея были защищены еще надежнѣе, чѣмъ наружный входъ. Створы ставней были укрѣплены продольными и поперечными желѣзными полосами, которыя, въ свою очередь, соединялись съ другими металлическими подставками и брусками, упиравшимися частью въ полъ, частью

въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія поставившаго себѣ цѣлью объединеніе Италіи, подъ сѣнью демократической республики. Сначала карбонаріи переодѣвались угольщиками, откуда и произошло ихъ названіе (carbonaro, по-итальянски,—угольщикъ).

въ потолокъ, частью даже въ противоположную стѣну. Вся эта защита выглядывала прочною и удобною. Я не могъ скрыть своего удивленія.

— Я здѣсь инженерствовалъ!—воскликнулъ Норсмауръ.—Помните скамейки въ саду? Вотъ онѣ: видите, какъ пригодились!

— Я не зналъ за вами столько талантовъ,—отвѣтилъ я.—Настоящій крѣпостной инженеръ.

— Нужно вамъ оружіе?—спросилъ Норсмауръ, указывая на большую коллекцію ружей и пистолетовъ, размѣщенную въ удивительномъ порядкѣ вдоль стѣны; нѣсколько ружей наготовѣ были прислонены къ буфету.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ я.—Со времени нашей ночной встрѣчи, я не выхожу безъ револьвера. Но, сказать вамъ по правдѣ, я нуждаюсь въ подкрѣпленіи пищей: со вчерашняго вечера ничего не было у меня во рту.

Норсмауръ тотчасъ досталъ блюдо холоднаго мяса, къ которому я присѣлъ съ великимъ аппетитомъ, и бутылку хорошаго бургундскаго, хотя, какъ я уже говорилъ выше, я всегда, по принципу, избѣгалъ вина, и если въ рѣдкихъ случаяхъ его пилъ, то въ самомъ ничтожномъ количествѣ; тутъ же, помнится, я съ громаднымъ удовольствіемъ выпилъ почти всю бутылку, — не менѣе трехъ четвертей,—но надо принять во вниманіе, что я въ павильонъ пришелъ весь измокшій и сильно озябшій отъ дождя, и вино благотворно меня согрѣло.

Во время ѣды я продолжалъ разсматривать и хвалить «укрѣпленія».

— Положительно, можно выдержать осаду!—рѣшилъ я въ заключеніе.

— Да, но лишь очень коротенькую,—медленно промолвилъ Норсмауръ, растягивая слова.—Впрочемъ, это вопросъ второстепенный. Меня гораздо болѣе смущаютъ послѣдствія такой осады. Передъ нами двойная опасность! Если начнемъ отстрѣливаться, то, какъ ни безлюдны ближайшія окрестности, все же кто-нибудь скоро услышитъ, и сбѣжится народъ. Тогда одно изъ двухъ: или карбонаріи успѣютъ насъ раньше убить, или сами разбѣгутся, но тогда же откроютъ Хедльстона, арестуютъ его, и, конечно, насъ, какъ его сообщниковъ или укрывателей. Не правда ли, пріятная дилемма: или смерть отъ карбонарія, или

тюрьма, по закону? Плохо на этомъ свѣтѣ имѣть противъ себя законъ! Я это уже высказалъ старому Хедльстону, и онъ, кажется, началъ теперь раздѣлять мое мнѣніе...

— Кстати. Разъ вы заговорили о Хедльстонѣ,—замѣтилъ я,—что это за человѣкъ?

— Онъ?—воскликнулъ Норсмауръ.—О, это зловредная штука! Я, собственно, ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы схватили его всѣ черти, какіе только есть въ Италіи, и мгновенно свернули бы ему шею. Я ему совершенно не сочувствую, вы меня понимаете? Я просто съ нимъ заключилъ сдѣлку,—за руку его дочери обѣщалъ спасти его отъ закона и итальянской мести, и долженъ ее довести до конца.

— О, это я, конечно, понимаю,—сказалъ я.—А какъ м-ръ Хедльстонъ приметъ мое появленіе?

— О, предоставьте это Кларѣ!—отвѣтилъ Норсмауръ.

При другихъ обстоятельствахъ я ударилъ бы Норсмаура по лицу за такую грубую фамильярность по отношенію къ имени моей невѣсты, но мы заключили перемиріе, и я счелъ необходимымъ его соблюдать. Нужно замѣтить, что и Норсмауръ держался того же взгляда все время, пока Хедльстону и, главное, его дочери грозила опасность. Могу засвидѣтельствовать самымъ торжественнымъ образомъ, но не безъ гордости, что вправѣ то же самое утверждать относительно моего поведенія. И для насъ обоихъ это было дѣло очень не легкое: дѣйствительно, врядъ ли когда двое мужчинъ попадали въ такое исключительно странное и раздражающее положеніе.

Послѣ того, какъ я кончилъ ѣсть, мы принялись за послѣдовательный осмотръ нижняго этажа. Мы перепробовали укрѣпленія каждаго окна и кое-гдѣ старались ихъ усилить; по всему павильону разносились звонкіе удары нашихъ молотковъ. Я предложилъ продѣлать нѣсколько маленькихъ отверстій въ ставняхъ, чтобы имѣть возможность наблюдать мѣста, ближайшія къ павильону, но оказалось, что есть уже достаточно такихъ отверстій въ верхнемъ этажѣ.

Хотя всѣ укрѣпленія казались вполнѣ надежными, все же этотъ осмотръ не принесъ мнѣ успокоенія. Удручала мысль, что предстоитъ защищать семь мѣстъ—двѣ двери и пять оконъ,—въ нижнемъ этажѣ, а всѣхъ защитниковъ, включая даже Клару и больного старика, было четверо противъ неизвѣстнаго числа

нападающихъ. Я высказалъ Норсмауру свои опасенія, и онъ съ полною искренностью отвѣтилъ, что раздѣляетъ мою тревогу.

— Да что много говорить!—прибавилъ онъ.—Не пройдетъ сутокъ, какъ насъ всѣхъ зарѣжутъ и, вмѣсто погребенія, бросятъ въ Граденскую топь. Для себя я уже это считаю на роду у меня написаннымъ.

Я невольно вздрогнулъ при упоминаніи о Граденскихъ пескахъ, но, стараясь успокоить Норсмаура, напомнилъ, что враги пощадили меня въ лѣсу.

— Не обольщайтесь!—отвѣтилъ онъ.—Тогда ваша связь съ павильономъ не была еще установлена, а теперь вы въ одной компаніи со старымъ банкиромъ. Всѣхъ насъ, безъ исключенія, бросятъ въ топь,—попомните мои слова!

Я почувствовалъ гнетущій страхъ за Клару, и тутъ же послышался ея милый голосъ, призывавшій насъ наверхъ. Норсмауръ пошелъ впереди, показывая мнѣ дорогу, и постучался въ дверь комнаты, надъ которою и девять лѣтъ тому назадъ, и теперь была надпись: «Спальня моего дяди»,—такова была предсмертная воля строителя павильона.

— Войдите, Норсмауръ! Войдите, пожалуйста, дорогой сэръ Кассилисъ!—послышался голосъ изнутри.

Дверь пріотворилъ Норсмауръ и пропустилъ меня впередъ. Въ то же мгновеніе Клара уходила отъ отца черезъ боковую дверь въ комнату, которая прежде служила студіею, а теперь была обращена въ ея спальню. Въ кровати, отодвинутой къ задней стѣнѣ,—а когда я осматривалъ павильонъ передъ пріѣздомъ Норсмаура, она стояла у самаго окна,—сидѣлъ Бернардъ Хедльстонъ.

Хотя въ ночь высадки я только мелькомъ, при свѣтѣ слабаго фонаря, видѣлъ его черты, но я тотчасъ узналъ того, который теперь носилъ названіе злостнаго банкрота. Его блѣдное, изможденное лицо обрамляла большая рыжая борода и длинные бакенбарды того же цвѣта; высокія скулы и кривой носъ придавали ему видъ монгола; голова была покрыта чернымъ шелковымъ колпакомъ, который вмѣстѣ съ зеленымъ пологомъ кровати еще сильнѣе оттѣнилъ лихорадочный блескъ свѣтлыхъ его глазъ и мертвенную блѣдность лица. Рядомъ съ нимъ, на кровати, раскрыта была массивная Библія, и тутъ же лежали большія зо-

Старикъ сидѣлъ, окруженный подушками...

лотыя очки; я замѣтилъ также пачку другихъ книгъ на стойкѣ у изголовья кровати.

Старикъ сидѣлъ, окруженный подушками и сильно согнувшись впередъ; его голова склонилась почти до колѣнъ, пока онъ не приподнялъ ее, чтобы меня привѣтствовать. Я думаю, что,

если бы не суждено было ему умереть другою смертью, онъ черезъ нѣсколько недѣль, все равно, скончался бы отъ истощенія силъ.

Хедльстонъ протянулъ мнѣ руку—длинную, тонкую и до непріятности волосатую.

— Пожалуйте, пожалуйте, мистеръ Кассилисъ!—произнесъ онъ торопливо.—Еще покровитель,—онъ откашлялся,—второй покровитель. Мой лучшій привѣтъ вамъ, мистеръ Кассилисъ, какъ доброму другу моей дочери. Вотъ они собрались около меня, друзья моей дочери, хотятъ меня спасти... Благослови ихъ, Господи!

Я подготовлялся къ этой встрѣчѣ, старался внушить себѣ доброе расположеніе къ отцу моей Клары, но, увидѣвъ старика, услышавъ его вкрадчивый голосъ, явно преувеличенную, притворную любезность, сразу почувствовалъ, что исчезли всѣ мои доброжелательныя намѣренія. Я убѣдился, что не въ состояніи ему симпатизировать, и свою руку протянулъ, протестуя въ мысляхъ противъ этой вынужденной церемоніи.

— Кассилисъ хорошій человѣкъ,—сказалъ Норсмауръ,—онъ одинъ стоитъ десяти!

— Я слышалъ,—горячо воскликнулъ старикъ,—то же самое мнѣ говорила дочь! Ахъ, мистеръ Кассилисъ, вы видите, покаралъ меня мой грѣхъ! Я очень, очень низко упалъ, но меня немного поддерживаетъ раскаяніе. Мы всѣ должны предстать передъ лицомъ Всевышняго, мистеръ Кассилисъ! Я являюсь слишкомъ поздно, но съ искреннимъ, клянусь, смиреніемъ на Его судъ.

— Ну, затянулъ пѣсенку!—грубо замѣтилъ Норсмауръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой Норсмауръ!—крикнулъ банкиръ.—Не говорите этого, не искушайте меня! Вы забываете, дорогой мой, что въ эту же ночь можетъ призвать меня Господь.

Нельзя было безъ жалости смотрѣть на угнетенное состояніе старика. Я самъ раздѣлялъ мнѣніе Норсмаура и отъ души смѣялся про себя, слыша увѣщанія, которыя онъ расточалъ старому грѣшнику.

— Бросьте, Хедльстонъ!—продолжалъ Норсмауръ.—Вы къ себѣ несправедливы. Вы человѣкъ, въ полномъ смыслѣ, міра сего, прошли, что называется, сквозь огонь и мѣдныя трубы раньше еще, чѣмъ я родился. Ваша совѣсть... выдублена какъ самая

лучшая южно-американская кожа, и вы только забыли продубить печень; отсюда всѣ безпокойства!

— Ахъ, шутникъ, шутникъ!—сказалъ Хедльстонъ, грозя пальцемъ.—Правда, я никогда не былъ ригористомъ: я всегда ненавидѣлъ ригоризмъ, но всегда оставались у меня добрыя чувства. Я былъ нехорошій человѣкъ, мистеръ Кассилисъ; я не думаю этого отрицать, но я испортился только послѣ смерти жены. Тяжело вдовому жить... За мною очень много грѣховъ, я не отказываюсь отъ этого, но есть же и въ нихъ мѣра, я надѣюсь. И, если уже говорить... Ай!—крикнулъ онъ внезапно.

Его голова приподнялась, пальцы растопырились, лицо исказилось отъ страха; вытаращенные глаза смотрѣли на окно...

— Нѣтъ. Ничего нѣтъ, слава тебѣ, Господи! Это былъ шумъ отъ дождя,—прибавилъ онъ послѣ паузы и съ невыразимымъ облегченіемъ.

Онъ откинулъ спину на подушки и нѣсколько секундъ казался очень близкимъ къ обмороку, но пересилилъ недомоганіе и волнующимся, дрожащимъ голосомъ началъ снова меня благодарить за готовность стать на его защиту.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, мистеръ Хедльстонъ,—сказалъ я, давъ ему договорить и успокоиться.—Правда, что при васъ есть еще деньги?

Этотъ вопросъ замѣтно ему не понравился, и онъ съ неохотою отвѣтилъ, что, дѣйствительно, при немъ остались деньги, но весьма немного.

— Хорошо,—продолжалъ я.—Вѣдь, именно, за этими деньгами гонятся итальянцы. Отчего же вы имъ не отдаете?

— Ахъ, мистеръ Кассилисъ,—возразилъ онъ, покачавъ головой,—я хотѣлъ отдать; я предлагалъ, но они не денегъ, а крови моей требуютъ!

— Хедльстонъ, если ужъ говорить, то говорить всю правду!—вмѣшался Норсмауръ.—Вы должны сказать, сколько вы имъ предлагали, а предложили очень мало, сравнительно съ тою суммою, которая у нихъ пропала, и изъ-за этого, Франкъ, они и требуютъ другой расплаты. И эти итальянцы просто разсудили. Они и остатки денегъ возьмутъ, и кровью отмстятъ за пропажу остальныхъ.

— Деньги здѣсь, въ павильонѣ?—спросилъ я.

— Здѣсь,—отвѣтилъ Норсмауръ.—Пусть бы онѣ лучше лежали на днѣ морскомъ...

Вдругъ онъ крикнулъ Хедльстону:

— Что это вы мнѣ дѣлаете какія-то гримасы? Или вы думаете, что Кассилисъ насъ продастъ?

Хедльстонъ, разумѣется, отвѣтилъ, что ничего подобнаго не могло быть у него въ мысляхъ.

— Къ чему вы о деньгахъ спросили, Франкъ?—обратился ко мнѣ Норсмауръ.

— Я хотѣлъ предложить небольшое занятіе до обѣда,—отвѣтилъ я.—Предлагаю пересчитать всѣ эти деньги и положить ихъ передъ дверью павильона. Если придутъ карбонаріи, пусть они деньги и возьмутъ. Это вѣдь ихъ собственность.

— О, нѣтъ ,нѣтъ!—воскликнулъ Хедльстонъ.—Эти деньги имъ не принадлежатъ. Если ужъ отдавать, такъ въ пользу всѣхъ кредиторовъ, пропорціонально ихъ вкладамъ...

— Что говорить пустое, Хедльстонъ!—прервалъ его Норсмауръ.—Вы этого, все равно, не сдѣлаете.

— А моя дочь? Съ чѣмъ она останется?—простоналъ презрѣнный старикъ.

— Ваша дочь въ этихъ деньгахъ не нуждается. У нея два поклонника, Кассилисъ и я,—и оба мы не нищіе,—и кого бы изъ насъ она ни выбрала, безъ средствъ не останется. Ну, а что касается васъ то, чтобы покончить съ вопросомъ, скажу, во-первыхъ, что вы не имѣете права ни на одинъ фарсингъ изъ этой суммы, а, во-вторыхъ, вамъ смерть съ часу на часъ угрожаетъ. Зачѣмъ же вамъ деньги?

Разумѣется, это было жестоко сказано, но Хедльстонъ не внушалъ никакой симпатіи, и хотя я замѣтилъ, какъ онъ отъ словъ Норсмаура скорчился, все же и я рѣшилъ прибавить свой ударъ.

— Норсмауръ и я, мы готовы оказать всю свою помощь, чтобы спасти вамъ жизнь, но неужели вы думаете, что мы способны укрывать краденыя деньги?

Старикъ снова содрогнулся, на лицѣ показалось гнѣвное выраженіе, но онъ благоразумно удержался.

— Дорогіе мои друзья,—сказалъ онъ, наконецъ,—дѣлайте съ моими деньгами все, что хотите. Я все передаю въ ваши руки. Дайте мнѣ только успокиться.

Мы съ радостью отошли отъ него. Бросивъ около двери последній взглядъ, я видѣлъ, какъ онъ положилъ большую Библію на колѣни и дрожавшими руками надѣвалъ очки, чтобы приступить къ чтенію.

VII. Повѣствуетъ о томъ, какъ въ окнѣ павильона раздалось одно страшное слово.

Воспоминаніе о томъ, что произошло послѣ полудня, навсегда запечатлѣлось въ моемъ мозгу. Норсмауръ и я были убѣждены въ неминуемости атаки, и, будь въ нашей власти повліять на ходъ обстоятельствъ, мы сами ускорили бы развязку критическаго положенія. Самое худшее, что могло бы случиться, это то, что насъ захватили бы врасплохъ, и, однако, трудно было себѣ представить болѣе невыносимое состояніе, чѣмъ отсрочка этой развязки. Я пробовалъ, было, читать. Хотя я никогда, что называется, не глоталъ книгъ, все же очень много читалъ. Однако, въ этотъ день всѣ книги, за которыя я только брался, казались мнѣ неодолимо скучными. Даже разговоръ не клеился, а часы все шли, да шли. То и дѣло Норсмауръ или я подходили къ окнамъ и долго озирали дюны или съ трепетомъ прислушивались къ шуму извнѣ. Однако, ничто не обнаруживало присутствія нашихъ враговъ.

Мы нѣсколько разъ возвращались къ обсужденію моего предложенія отдать итальянцамъ деньги. Разумѣется, при большемъ хладнокровіи мы признали бы этотъ планъ совсѣмъ не умнымъ, но въ нашемъ волненіи это показалось послѣднимъ средствомъ къ спасенію, и планъ былъ окончательно принятъ.

Деньги состояли частью изъ звонкой монеты, частью изъ ассигнацій; были и аккредитивы на имя нѣкоего Джемса Грегори. Мы ихъ собрали, пересчитали, заключили въ денежную сумку, принадлежавшую Норсмауру, и составили на итальянскомъ языкѣ письмо съ нужными объясненіями. Письмо было подписано нами обоими и содержало клятвенное увѣреніе, что у Хедльстона послѣ банкротства не осталось никакихъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы добровольно передаемъ. Это былъ самый сумасшедшій поступокъ двухъ человѣкъ, думавшихъ, что они обладаютъ здравымъ умомъ. Въ самомъ дѣлѣ, сумка могла попасть не въ тѣ руки, для которыхъ была предназначена, и

тогда не только пропали бы деньги, но мы документально были бы изобличены въ преступленіи, совершенномъ не нами. Но, какъ я уже сказалъ, никто изъ насъ не въ состояніи былъ хладнокровно разобраться въ этой ужасной путаницѣ, и, хорошо ли или худо, мы жаждали только скорѣе покончить съ дѣломъ. Къ тому же мы были убѣждены, что всѣ холмы на дюнахъ наполнены шпіонами, слѣдившими за всѣми нашими движеніями, и потому наше появленіе, вмѣстѣ съ сумкой, могло привести къ переговорамъ,—быть можетъ, даже къ компромиссу.

Было около трехъ, когда мы вышли изъ павильона. Дождь перестаталъ, и солнце свѣтило уже привѣтливо. Никогда чайки такъ близко не подлетали къ дому и не выказывали такъ мало боязни человѣческихъ существъ. У самаго порога одна изъ нихъ чуть не задѣла нашихъ головъ; дикій ея крикъ раздался прямо въ моемъ ухѣ.

— Это для насъ плохая примѣта,—сказалъ Норсмауръ, который, подобно почти всѣмъ свободомыслящимъ, далеко не свободенъ былъ отъ суевѣрій,—чайки предчувствуютъ, что мы оба будемъ убиты.

Я сдѣлалъ ему легкое возраженіе, но лишь наполовину искреннее, такъ какъ это обстоятельство и на меня повліяло удручающимъ образомъ.

Передъ домомъ, саженяхъ въ двухъ, была полоска газона; на нее я положилъ сумку съ деньгами, а Норсмауръ махалъ бѣлымъ платкомъ надъ головой, чтобы обратить вниманіе врага. Никто, однако, не показался. Мы тогда стали кричать по-итальянски, что являемся посредниками, но, кромѣ шума морского прибоя и крика чаекъ, тишина ничѣмъ не нарушалась. Это молчаніе угнетало душу. Я посмотрѣлъ на Норсмаура; онъ былъ необыкновенно блѣденъ и нервно поворачивался во всѣ стороны, точно боялся, что врагъ успѣетъ проскользнуть въ дверь павильона.

— Боже мой,—шепнулъ онъ мнѣ,—это уже слишкомъ!

Я отвѣчалъ тѣмъ же шепотомъ:

— А вдругъ они всѣ ушли?

— Посмотрите туда,—возразилъ онъ, указывая поворотомъ головы на подозрительное мѣсто.

Я взглянулъ по тому направленію. Въ сѣверной части лѣса,

Норсмауръ махалъ бѣлымъ платкомъ...

надъ деревьями, вздымался легкій дымокъ, совершенно отчетливо видный.

— Норсмауръ, — мы продолжали переговариваться шепотомъ,—прямо невозможно, чтобы такъ продолжалось. Если ужъ погибать, то пусть это сдѣлается скорѣе. Оставайтесь тутъ кара-

улить павильонъ, а я пойду впередъ и, будьте увѣрены, доберусь до ихъ лагеря.

Прищуривъ глаза и еще разъ посмотрѣвъ кругомъ, онъ кивкомъ головы выразилъ свое согласіе.

Сердце мое билось, какъ молотокъ, когда я быстро шелъ къ лѣсу. Передъ тѣмъ я чувствовалъ ознобъ и холодъ, теперь тѣло мое точно горѣло. Дорога была страшно неровная; на каждомъ шагу могли бы оказаться сотни людей, скрытыхъ за кустами и холмами. Мнѣ пригодилось прежнее знаніе мѣстности; я могъ выбрать дорогу наиболѣе высокими холмами, откуда еще издали легко усмотрѣть врага. Скоро я былъ вознагражденъ за свою предусмотрительность. Взойдя на холмъ, нѣсколько возвышавшійся надъ остальною мѣстностью, я увидѣлъ, саженяхъ въ двадцати пяти, человѣка, который, низко согнувшись, старался быстро пробѣжать по дну оврага. Очевидно, я открылъ одного изъ шпіоновъ въ его засадѣ. Тотчасъ я окликнулъ его по-англійски и по-итальянски; онъ же, замѣтивъ, что скрываться дольше безполезно, выскочилъ изъ оврага и стрѣлой побѣжалъ по направленію къ лѣсу.

Разумѣется, я въ погоню не пустился. Я узналъ то, что намъ было нужно, а именно, что за нами слѣдятъ, и павильонъ въ осадѣ; поэтому я поспѣшилъ обратно кратчайшимъ путемъ къ мѣсту, гдѣ ожидалъ меня Норсмауръ съ денежной сумкой. Онъ былъ еще блѣднѣе прежняго; голосъ его дрожалъ.

— Могли вы разсмотрѣть, на кого онъ похожъ?

— Я видѣлъ только его спину.

— Знаете, Франкъ, войдемъ въ домъ. Я совсѣмъ не трусъ, но мнѣ невмоготу здѣсь оставаться!—проговорилъ онъ страстнымъ шепотомъ.

Вокругъ павильона все было тихо, и солнце мягко сіяло передъ закатомъ. Даже чайки описывали свои круги на большемъ разстояніи и опускались на песчаные холмы берега около бухты. Эта тишина, однако, производила болѣе устрашающее впечатлѣніе, чѣмъ цѣлый полкъ солдатъ съ заряженнымъ оружіемъ, и только когда мы плотно забаррикадировали дверь, я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, и у меня прояснилось сознаніе. Мы съ Норсмауромъ обмѣнялись быстрымъ взглядомъ, и я думаю, что каждый изъ насъ былъ пораженъ блѣдностью и разстроеннымъ видомъ другого.

Я увидѣлъ человѣка, который, согнувшись старался пробѣжать по оврагу...

— Вы были правы,—сказалъ я,—все погибло! Дайте руку, старый товарищъ, на прощанье.

— О, да,—воскликнулъ онъ,—пожмемъ другъ другу руки,

но помните,—я не хочу хитрить. Если, благодаря какому-нибудь невозможному случаю, мы избавимся отъ этой опасности, я опять вашъ врагъ и... тогда берегитесь!

— Ну, это уже старо,—отвѣтилъ я,—и, пожалуй, надоѣло.

Норсмауръ былъ точно пораженъ моимъ отвѣтомъ; онъ молча подошелъ къ лѣстницѣ и остановился.

— Вы меня не понимаете,—сказалъ онъ,—я не обманщикъ и самъ оберегаю себя, вотъ и все. Это, можетъ быть, и старо, и надоѣло вамъ, мистеръ Кассилисъ, но это мнѣ совершенно все равно. Я говорю то, что мнѣ нравится, а не то, что вамъ можетъ казаться пріятно или непріятно для васъ. Подите лучше наверхъ и поухаживайте за дѣвицей, пока еще есть время. Что же меня касается, я здѣсь останусь.

— И я останусь съ вами,—заявилъ я,—неужто вы думаете, что я позволю себѣ воспользоваться какимъ-либо запретнымъ плодомъ, хотя бы и съ вашего разрѣшенія?

— Франкъ,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой,—это просто несчастье, что вы такой оселъ... Казалось бы, у васъ есть все, чтобы быть человѣкомъ. Я только потомъ буду вашимъ врагомъ, а теперь вы совершенно напрасно стараетесь меня раздразнить и вывести изъ себя. А знаете ли вы,—продолжалъ онъ уже мягкимъ голосомъ,—вѣдь, мы съ вами два самыхъ несчастныхъ человѣка въ Англіи. Мы дожили до тридцатипятилѣтняго возраста, нѣтъ у насъ жены, нѣтъ ребенка, нѣтъ никого, о комъ бы заботиться, для кого, для чего жить. Бѣдные, жалкіе мы черти! И вотъ теперь оба сцѣпились изъ-за дѣвушки! Какъ будто ихъ мало въ Соединенномъ Королевствѣ — нѣсколько милліоновъ! Ахъ, Франкъ, Франкъ, отъ всей души жалѣю того изъ насъ, кто—я или вы—потеряетъ въ этой игрѣ. Какъ это говорится въ писаніи—лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ и потопили его въ глубинѣ морской... Давайте лучше выпьемъ,—заключилъ онъ внезапно, но безъ всякаго выраженія легкомыслія.

Я былъ тронутъ его словами; я чувствовалъ, что для него они много значатъ, и потому согласился. Онъ сѣлъ за столъ, налилъ стаканъ хереса и поднесъ его къ своимъ глазамъ.

— Если вы побѣдите меня, Франкъ, — сказалъ онъ,—я запью, а вы что сдѣлаете, если побѣдителемъ выйду я?

— Право, не знаю,—былъ мой отвѣтъ.

— Такъ,—сказалъ онъ,—ну, что же, выпьемъ, а вотъ и тостъ, подходящій къ случаю: «Italia irredenta» *).

Остатокъ дня прошелъ въ той же вынужденной бездѣятельности и утомительной тоскѣ. Пришло время обѣда. Я сталъ накрывать столъ, а Норсмауръ съ Кларою заготовляли для стола хранившіяся въ кухнѣ кушанья. Проходя раза два-три мимо нихъ, я былъ очень удивленъ, что рѣчь все шла обо мнѣ. Норсмауръ шутилъ и предлагалъ разные способы, чтобы Клара вѣрнѣе разобралась въ своихъ женихахъ, но при этомъ онъ ни слова не произнесъ въ мое осужденіе и больше смѣялся надъ самимъ собой. Зная Норсмаура, я чувствовалъ, какую борьбу онъ переживаетъ въ душѣ,— и это, въ связи съ окружавшей насъ трагической опасностью, взволновало меня до слезъ; помню, мелькнула мысль,—между прочимъ, совершенно безплодная,— что вотъ три благородныхъ человѣка черезъ нѣсколько часовъ должны погибнуть изъ-за вора-банкира.

Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, я черезъ ставни верхняго этажа осмотрѣлъ еще разъ окружавшую насъ мѣстность. Наступалъ уже вечеръ. Дюны казались совершенно безлюдными, и денежная сумка оставалась не тронутою.

Хедльстонъ, въ широкомъ желтомъ халатѣ, сѣлъ на одинъ конецъ стола, Клара—за другой. Норсмауръ и я очутились визави. Лампы ярко горѣли, вино было хорошее, кушанья, хотя и холодныя, оказались отлично приготовленными. Точно по молчаливому соглашенію никто изъ насъ не заговаривалъ объ ожидавшей насъ катастрофѣ, и если принять во вниманіе нашу трагическую обстановку, мы провели обѣденное время съ удивительной безпечностью, даже съ весельемъ. Правда, то Норсмауръ, то я вставали изъ-за стола и обходили всѣ окна, и каждый разъ Хедльстонъ вначалѣ сильно смущался и съ тревогой осматривался кругомъ, но онъ почти тотчасъ наполнялъ свой стаканъ и, вытеревъ лобъ платкомъ, снова заводилъ общій разговоръ.

Я былъ удивленъ его умомъ и обширностью знаній. Разумѣется, это былъ недюжинный человѣкъ. Онъ много наблюдалъ въ жизни, многое читалъ, обладалъ, очевидно, выдающимися способностями, и хотя онъ нисколько не сдѣлался для меня болѣе симпатичнымъ, но я могъ понять его успѣхъ въ жизни и тотъ огромный почетъ, которымъ онъ пользовался до банкротства.

*) За непримиримую Италію!

Это былъ вполнѣ свѣтскій человѣкъ, владѣвшій въ совершенствѣ талантомъ занимать общество. Я его разъ только въ жизни и слышалъ, и притомъ въ обстановкѣ самой неблагопріятной, но все же я считаю его однимъ изъ наиболѣе блестящихъ собесѣдниковъ, какихъ я только встрѣчалъ. Онъ началъ разсказывать съ большимъ юморомъ,—и, повидимому, не чувствуя никакой неловкости,—о продѣлкахъ какой-то торговой компаніи, съ которой онъ столкнулся въ юности,—а быть можетъ, онъ самъ въ ней участвовалъ,—и положительно увлекъ насъ своимъ разсказомъ, хотя все время къ чувству веселости присоединялось какое-то ощущеніе неловкости за оратора. Вдругъ бесѣда оборвалась самымъ внезапнымъ образомъ.

Послышался звукъ, точно кто-то провелъ мокрымъ пальцемъ по стеклу. Мы сразу всѣ побѣлѣли, какъ полотно, и сидѣли точно парализованные, даже языкъ у всѣхъ отнялся.

— Кажется, это улитка?—произнесъ я, наконецъ.—Я слыхалъ, что эти животныя издаютъ довольно громкій звукъ, когда ползаютъ по стеклу.

— Какая тамъ улитка, будь она проклята!—вскрикнулъ Норсмауръ.—Слушайте!

Тотъ же звукъ послышался еще два раза, черезъ правильные промежутки, а затѣмъ сквозь запертыя ставни раздалось необыкновенно громкимъ голосомъ итальянское слово «traditore» *).

У Хедльстона откинулась назадъ голова, задрожали рѣсницы, онъ безъ сознанія упалъ подъ столъ. Норсмауръ и я бросились къ ружьямъ у шкафа, Клара вскочила на ноги и обѣими руками схватила себя за горло, очевидно, чтобы задержать крикъ ужаса.

Мы стояли, готовые къ атакѣ, но прошла секунда, другая, третья: шла минута за минутой, а вокругъ павильона продолжалась полная тишина, нарушаемая лишь однообразнымъ гуломъ морского прибоя.

— Живѣй!—воскликнулъ Норсмауръ.—Надо скорѣй перетащить старика наверхъ, пока они не пришли!

---

*) Предатель!

Тотъ же звукъ послышался еще два раза...

VIII. Повѣствуетъ о развязкѣ исторіи стараго банкира.

Всѣ трое мы съ большимъ трудомъ перенесли стараго банкира наверхъ, въ «дядину комнату»; онъ все время оставался въ глубокомъ обморокѣ. Клара стала мочить ему голову и грудь, я же и Норсмауръ поспѣшили къ верхнимъ окнамъ, въ кото-

рыхъ, какъ я уже говорилъ, продѣланы были широкія щели, позволявшія осматривать мѣстность вокругъ павильона на большое разстояніе. Небо очистилось отъ тучъ; взошелъ полный мѣсяцъ и далеко на дюны разливалъ свой ясный свѣтъ. Ничего подозрительнаго нельзя было замѣтить, и, если бы не неровности почвы и чернѣвшіе кусты, за которыми легко могли спрятаться итальянцы, казалось бы, что окрестности совершенно безлюдны.

— Слава Богу, Агги сегодня не должна притти,—подумалъ вслухъ Норсмауръ.

Агги было имя старой няни. Очевидно, онъ только сейчасъ ее вспомнилъ, взглянувъ, вѣроятно, на обычную ея ночную дорогу, но и эта забота, хотя поздняя, и задушевный тонъ, которымъ она была высказана, явились для меня совершенно новою чертою въ такомъ черствомъ эгоистѣ, какимъ я прежде зналъ Норсмаура.

Мы снова находились въ вынужденномъ, пассивномъ ожиданіи. Норсмауръ подошелъ къ камину и протянулъ руки къ раскаленной золѣ, точно ему стало холодно. Я машинально слѣдилъ за его движеніями, выступилъ немного впередъ и сталъ спиной къ окну. Почти въ тотъ же моментъ послышался какой-то шумъ: то треснуло оконное стекло надъ самой моей головой, и дюймахъ въ двухъ отъ меня пролетѣла пуля, застрявшая въ противоположной стѣнѣ. Я инстинктивно подался назадъ, въ уголъ за окно; одновременно бросилась туда и Клара съ крикомъ отчаянія. Она думала, что я раненъ. Я старался ее успокоить,—говорилъ, что ея заботливость обо мнѣ такъ велика, такъ трогательна, такъ пріятна, что я готовъ каждый день и въ теченіе всего дня подвергаться выстрѣламъ, лишь бы въ награду видѣть такія проявленія ея чувствъ,—но она долго не могла притти въ себя; къ ласковымъ словамъ прибавились нѣжныя ласки,—точно мы совершенно забыли окружавшую обстановку,—какъ вдругъ раздался рѣзкій голосъ Норсмаура.

— Изъ духового ружья стрѣляли!—сказалъ онъ.—Изволите видѣть: избѣгаютъ шума...

Усадивъ Клару на стулъ, я обернулся въ сторону Норсмаура. Онъ стоялъ спиною къ камину, заложивъ назадъ руки съ судорожно сжатыми пальцами. Дикій взглядъ, знакомое, свирѣпое выраженіе лица ясно говорило о клокотавшей въ его груди

бурѣ. Это былъ тотъ же взглядъ, который я у него замѣтилъ, когда въ мартовскую ночь онъ на меня бросился какъ дикій звѣрь и хотѣлъ задушить. Онъ смотрѣлъ прямо впередъ, но все же могъ насъ видѣть, и ярость его способна была внезапно разразиться подобно шторму. Признаюсь, я дрожалъ за ближайшую минуту: передъ тою битвою, которая насъ ожидала извнѣ, могла еще разыграться борьба на смерть внутри стѣнъ. Такъ мы простояли нѣсколько секундъ; я зорко слѣдилъ за нимъ, готовясь къ его нападенію. Внезапно на лицѣ его мелькнула перемѣна, точно облегченіе. Онъ взялъ стоявшую за нимъ лампу и обернулся къ намъ.

— Необходимо выяснить одну вещь,—сказалъ онъ сравнительно спокойно,—кого намѣревались они убить? Кого-нибудь изъ насъ или только Хедльстона? Какъ думаете? Они приняли васъ за него или выстрѣлили въ перваго, кто приблизился къ окну?

— Я убѣжденъ, что они меня приняли за Хедльстона,— отвѣтилъ я,— я почти такой же высокій.

— Вотъ я сейчасъ въ этомъ удостовѣрюсь, — произнесъ Норсмауръ съ особенною твердостью.

И онъ медленно подошелъ къ окну, поднялъ надъ своей головой лампу и простоялъ не менѣе полминуты, спокойно ожидая покушенія на свою жизнь.

Клара, было, бросилась впередъ, чтобы оттащить его отъ опаснаго мѣста, но съ эгоизмомъ, который я счелъ вполнѣ извинительнымъ, я силой ее удержалъ около себя.

— Да,—сказалъ Норсмауръ, хладнокровно отходя отъ окна,—дѣйствительно, они ищутъ одного лишь Хедльстона.

— О, мистеръ Норсмауръ!—воскликнула Клара,—она не нашла больше что сказать, но Норсмауръ могъ видѣть, что его смѣлость была оцѣнена по достоинству.

Онъ же съ своей стороны смотрѣлъ на меня, гордо поднявъ голову и съ выраженіемъ торжества. Я сразу понялъ, что онъ рискнулъ жизнью единственно съ цѣлью смѣстить меня съ положенія героя минуты. Онъ хрустнулъ пальцами.

— Дѣло только что завязывается,—сказалъ онъ,—потомъ, когда начнется схватка, они не будутъ такъ разборчивы.

Извнѣ послышался громкій призывъ къ намъ. Черезъ щели

ставни, при лунномъ свѣтѣ, мы увидѣли человѣка, стоявшаго съ чѣмъ-то бѣлымъ въ протянутой рукѣ.

Это былъ тотъ же человѣкъ, который произнесъ слово «предатель». Своимъ необыкновенно громкимъ голосомъ, который черезъ ставни проникалъ во всѣ уголки павильона и могъ бы быть даже услышанъ изъ лѣса, онъ объявилъ, что если предатель «Одльстонъ» будетъ имъ выданъ, то остальные получатъ полную свободу. Если же нѣтъ, то всѣ погибнутъ вмѣстѣ съ предателемъ.

— Ну, Хедльстонъ, что вы на это скажете? — спросилъ Норсмауръ, обернувшись въ сторону постели.

До этого момента банкиръ не выказывалъ никакихъ признаковъ жизни, и я думалъ, что онъ продолжаетъ лежать въ обморокѣ. Но тутъ онъ какъ бы сразу очнулся и въ безсвязныхъ фразахъ, точно больной въ бреду, только умолялъ насъ не выдать его, не покинуть... Это была самая отвратительная сцена, какую я только могъ вообразить.

— Довольно!—крикнулъ Норсмауръ.

Отворивъ настежь окно, онъ высунулъ голову и возбужденнымъ голосомъ, забывая не только объ опасности, но и о присутствіи молодой леди, началъ ругать посланника въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ, какъ на англійскомъ, такъ и на итальянскомъ языкѣ, и кончилъ пожеланіемъ ему уйти по-добру поздорову туда, откуда онъ пришелъ. Я убѣжденъ, что эта возможность выругаться во всю въ ту минуту, которая угрожала немедленной смертью, доставила Норсмауру высочайшее наслажденіе.

Въ это время итальянецъ положилъ свой парламентерскій флагъ въ карманъ и исчезъ за песчанымъ холмомъ.

— Они благородно начали войну,—сказалъ Норсмауръ,—очевидно, всѣ джентльмены и военные. По правдѣ сказать, я очень хотѣлъ бы, чтобы мы могли помѣняться мѣстами, и для васъ, Франкъ, и особенно для васъ, дорогая миссъ Клара. Оставили бы эту злосчастную тварь на его постели, будь съ нимъ, что будетъ. Что? Не глядите такъ возмущенно, мы всѣ сейчасъ перейдемъ въ то состояніе, которое называется вѣчностью. И чего намъ искренно не высказаться? Что меня касается, то если я могъ бы сначала задушить Хедльстона, а затѣмъ взять Клару

Мы увидѣли человѣка, стоявшаго съ чѣмъ-то бѣлымъ въ рукахъ...

въ мои объятія, я умеръ бы съ удовольствіемъ, даже съ гордостью. Клянусь Богомъ, я расцѣлую ее хотя бы насильно!

Прежде чѣмъ я могъ заступиться, Норсмауръ грубо обнялъ и сталъ цѣловать отбивавшуюся отъ него Клару. Но тутъ я на-

бросился на него съ такой силой, что онъ сразу долженъ былъ выпустить несчастную дѣвушку, и грузно упалъ, ударившись о стѣну. Къ моему удивленію, онъ даже не всталъ, чтобы на меня напасть, а только захохоталъ. Онъ хохоталъ такъ громко и такъ долго, что мы подумали, что онъ лишился разсудка.

— Ну, Франкъ,—сказалъ онъ, когда нѣсколько успокоился,—теперь ваша очередь. Вотъ вамъ моя рука. Прощайте, до свиданія!

И, видя, что я стою неподвижно и смотрю на него съ негодованіемъ, онъ воскликнулъ:

— Эхъ, вы, человѣкъ! Вы находите время сердиться? Неужто вы думаете, что мы и умирать будемъ со всѣми приличными манерами, принятыми въ обществѣ? Ну, я поцѣловалъ дѣвицу и очень тому радъ. Теперь поцѣлуйте вы ее, и будемъ квиты!

Я отвернулся съ чувствомъ презрѣнія, котораго не могъ скрыть.

— Какъ вамъ угодно,—сказалъ онъ,—вы были глупымъ фатомъ въ жизни, фатомъ вы и умрете.

Онъ усѣлся въ кресло, положивъ ружье на колѣни, забавляясь взведеніемъ и опусканіемъ курка, но я видѣлъ, что его покинуло оживленное, почти веселое, настроеніе, и на смѣну надвинулись тучи въ его душу.

Во все время этой сцены нападавшіе могли подойти къ самому дому и начать атаку, потому что мы трое совершенно забыли объ угрожавшей намъ опасности. Но тутъ Хедльстонъ вдругъ вскрикнулъ и прыгнулъ съ кровати.

Я спросилъ его, въ чемъ дѣло.

— Пожаръ!—крикнулъ онъ.—Они подожгли домъ!

Норсмауръ тотчасъ вскочилъ на ноги, и мы выбѣжали въ сосѣднюю комнату. Она была ярко освѣщена зловѣщимъ краснымъ свѣтомъ. Пламя поднялось до окна, и подгорѣвшая ставня рухнула на коверъ съ брякающимъ шумомъ. Итальянцы подожгли боковую пристройку, гдѣ Норсмауръ проявлялъ свои фотографическіе негативы.

— Дѣло жаркое!—воскликнулъ Норсмауръ.—Скорѣе назадъ.

Мы бросились къ нашимъ наблюдательнымъ постамъ и увидѣли, что вдоль всей задней стѣны павильона были устроены костры и притомъ, вѣроятно, политые какимъ-нибудь минераль-

Мы бросились къ нашимъ наблюдательнымъ постамъ..

нымъ масломъ, потому что, несмотря на начавшійся дождь, онѣ не переставали разгораться. Огонь, какъ уже сказано, занялся съ пристройки, и съ каждымъ мгновеніемъ пламя поднималось все выше; съ минуты на минуту должна была загорѣться задняя дверь павильона, около которой былъ разложенъ особый большой костеръ, уже вполнѣ разгорѣвшійся; даже углы крыши начинали тлѣть,—мы могли ихъ видѣть, потому что края крыши, построенной на крѣпкихъ деревянныхъ балкахъ, далеко выступали изъ-за стѣнъ. При яркомъ отблескѣ огня мы посмотрѣли и направо, и налѣво,—и не замѣтили ни единаго человѣческаго существа на открытомъ мѣстѣ вокругъ павильона. Въ эту минуту въ комнату ворвались клубы горячаго и ѣдкаго дыма.

— Ну, конецъ! — вскрикнулъ Норсмауръ. — И отлично, слава Богу!

Мы бросились къ «дядиной комнатѣ». Хедльстонъ поспѣшно надѣвалъ сапоги. Руки его дрожали, но на лицѣ было твердое выраженіе рѣшимости, какого еще я у него не наблюдалъ. Рядомъ стояла Клара, собираясь накинуть плащъ себѣ на плечи. Она смотрѣла на отца въ упоръ; взглядъ ея, казалось, выражалъ то надежду, то мучительное сомнѣніе.

— Ну, ребятушки, пора сдѣлать вылазку! — вскрикнулъ Норсмауръ.—Печку натопили, какъ слѣдуетъ,—сейчасъ сами зажаримся! Что меня касается, я предпочитаю схватиться въ ручную—будь, что будетъ!

— Ничего больше и не остается!—добавилъ я.

— Ничего!—воскликнули вмѣстѣ Клара и ея отецъ, но съ совершенно различными интонаціями.

Мы всѣ поспѣшили внизъ. Жаръ тамъ былъ уже невыносимъ; въ ушахъ раздавались гулъ и трескъ надвигавшагося огня; еле мы успѣли пройти мимо одного изъ оконъ, какъ оно рухнуло, и въ комнату ворвался снопъ пламени, освѣтившаго всю внутренность павильона колеблющимся, зловѣщимъ огнемъ. Въ то же мгновеніе вверху рухнуло что-то грузное: очевидно, загорѣлся весь домъ, точно коробка спичекъ, и съ минуты на минуту грозилъ обвалиться надъ нашими головами.

Я и Норсмауръ хотѣли броситься съ револьверами впередъ, но Хедльстонъ, который передъ тѣмъ отказался взять огнестрѣльное оружіе, насъ остановилъ и властнымъ жестомъ выдвинулся впередъ.

— Пусть Клара отворяетъ дверь!—сказалъ онъ громкимъ, приказывающимъ голосомъ.—Это ее предохранитъ отъ перваго залпа, если они приготовились стрѣлять. Вы оба также въ первый моментъ не выходите. Я—козелъ отпущенія; меня осудили мои грѣхи!

Блѣдная, какъ полотно, но владѣя всѣми своими чувствами, Клара быстро начала разбирать баррикаду. Ставъ за плечомъ Хедльстона съ револьверомъ въ рукѣ и затаивъ дыханіе, я могъ слышать, какъ онъ быстрымъ, прерывавшимся отъ волненія шепотомъ произносилъ молитву за молитвою; долженъ признаться,—какъ бы ужаснымъ ни показалось мое сужденіе,—что тогда онъ мнѣ показался еще болѣе противнымъ: даже въ такую рѣшительную минуту онъ думалъ о своемъ спасеніи. Тутъ Клара отворила дверь, придвинувъ ее на себя. Передъ нами открылись дюны, ярко освѣщенныя смѣшаннымъ сіяніемъ луннаго свѣта и отблескомъ пожара.

Хедльстонъ съ удивительною для него силою одновременно оттолкнулъ назадъ ладонями своихъ рукъ меня и Норсмаура. Раньше, чѣмъ мы успѣли очнуться отъ совершенно неожиданнаго толчка въ грудь, Хедльстонъ выбѣжалъ за порогъ съ напряженно вытянутыми вверхъ надъ головою руками, точно человѣкъ, собравшійся нырнуть.

— Я здѣсь! — кричалъ онъ.—Я—Хедльстонъ! Убивайте меня, остальныхъ пощадите!

Внезапное его появленіе, вѣроятно, ошеломило нашихъ враговъ, скрытыхъ среди холмовъ. По крайней мѣрѣ, очнувшись и взявъ Клару за руки,—каждый со своей стороны,—мы успѣли выйти за дверь, а Хедльстонъ—отбѣжать довольно далеко, а они не подавали еще признаковъ жизни. Но еле мы спустились съ крыльца, спѣша къ Хедльстону на помощь, какъ съ разныхъ холмовъ вспыхнуло десять-двѣнадцать огоньковъ, и одновременно раздались выстрѣлы. Хедльстонъ зашатался, простеръ руки впередъ и навзничь упалъ въ траву.

— Traditore! Traditore! — закричали невидимые мстители.

Въ эту же минуту какъ разъ съ воспламенившагося со всѣхъ сторонъ дома съ ужаснымъ трескомъ и шумомъ скатилась часть крыши, и къ небу взвился огромный столбъ огня.

Его должны были увидѣть съ моря миль за тридцать и далеко отъ берега до пика Грейстиль—самой высокой восточной оконечности Каульдерскихъ горъ.

IX. Повѣствуетъ о томъ, какимъ образомъ Норсмауръ осуществилъ свое мщеніе.

Я не въ состояніи описать то, что послѣдовало за трагическою минутою смерти Хедльстона. Все въ моихъ воспоминаніяхъ тутъ смѣшалось, какъ мучительныя и безпорядочныя перипетіи кошмара. Клара, помнится, глухо вскрикнула и упала бы, если бы я и Норсмауръ не поддержали ея безчувственное тѣло. На насъ никто не напалъ—я не могъ бы этого забыть; никого даже мы не видѣли. Мы бѣжали, охваченные, вѣроятно, паническимъ страхомъ, съ Кларою на рукахъ; помню, я держалъ ее то одинъ, то вмѣстѣ съ Норсмауромъ, то силою отбивалъ отъ Норсмаура дорогую для меня ношу. Какъ мы добрались до лѣсу и разыскали мою пещеру, это совершенно исчезло изъ моей памяти. Первымъ яснымъ моментомъ мнѣ рисуется слѣдующій: Клара, въ обморокѣ, лежитъ около самой палатки, а мы съ Норсмауромъ боремся, упавъ оба на землю, и онъ съ нѣмою яростью бьетъ меня по головѣ рукояткою своего револьвера. Онъ два раза ударилъ меня по черепу,—очевидно, до крови,—и отъ этой, вѣроятно, небольшой потери крови прояснилось мое сознаніе.

Я схватилъ его руку съ револьверомъ.

— Норсмауръ!—проговорилъ, помню, я.—Вы потомъ меня убейте. Сперва спасемъ Клару!

Въ эту минуту Норсмауръ имѣлъ надо мною верхъ. Однако, какъ только онъ услышалъ мои послѣднія слова, тотчасъ вскочилъ на ноги и бросился къ палаткѣ. Схвативъ безчувственную Клару, онъ прижималъ ее къ сердцу и осыпалъ поцѣлуями и ласками.

— Стыдно!—кричалъ я.—Норсмауръ, стыдитесь!

И, несмотря на сильное головокруженіе, я подбѣжалъ и началъ его бить кулаками по плечамъ и головѣ.

Онъ оставилъ свою добычу и, взглянувъ на меня въ упоръ, проговорилъ:

Хедльстонъ зашатался и навзничъ упалъ на траву...

— Вы были подо мною. Я могъ васъ убить. Я васъ отпустилъ, а вы на меня снова напали, ударили! Подлецъ!

— Сами вы подлецъ! Хотѣла бы она вашихъ поцѣлуевъ, если бы могла ихъ чувствовать? Она возмутилась бы! И теперь

она такъ долго въ обморокѣ, что можетъ сейчасъ умереть, и вы губите дорогое время, да еще злоупотребляете ея безпомощностью. Отойдите!—крикнулъ я.—Я долженъ ее спасти!

Онъ на мгновеніе побѣлѣлъ отъ гнѣва и чуть на меня не ринулся, но вдругъ отошелъ въ сторону.

— Дѣлайте, что хотите!—проговорилъ онъ тихо.

Я бросился на колѣни передъ Кларою и поспѣшно, какъ только умѣлъ, началъ разстегивать ея платье и лифъ, но не успѣлъ еще окончить, какъ почувствовалъ, что Норсмауръ схватилъ меня за плечо.

— Прочь отъ нея руки! — крикнулъ онъ съ остервенѣніемъ.—Думаете, что у меня больше нѣтъ крови въ жилахъ?

— Норсмауръ!—прокричалъ я въ отвѣтъ.—Вы сами ей не помогаете и мнѣ мѣшаете, что же мнѣ остается—васъ убить?

— Вотъ это лучше!—продолжалъ онъ тѣмъ же крикомъ.—Пусть она тоже умретъ съ нами. Прочь отъ нея! Выходите на на бой!

— Вы замѣтьте,—сказалъ я, поднимаясь на ноги,—что я даже не поцѣловалъ ее!

— Не посмѣли!—продолжалъ Норсмауръ.

Не знаю, что со мною сдѣлалось. Съ одной стороны, я не побоялся угрозы Норсмаура; съ другой—не рѣшился расцѣловать мою дорогую Клару со всею глубиною моего чувства. Я медленно опустился на колѣни передъ нею и, не обращая на Норсмаура никакого вниманія, освободилъ ея лицо отъ разсыпавшихся въ безпорядкѣ волосъ и тихо, съ глубокою почтительностью, приложилъ на мгновеніе свои губы къ ея холодному лбу. Это была нѣжная ласка, которую могъ бы оказать только отецъ своей дочери, а не мужчина, которому угрожала немедленная смерть,—женщинѣ, почти мертвой.

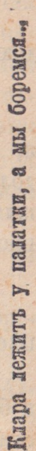
— Теперь, мистеръ Норсмауръ,—сказалъ я, вставая,—я къ вашимъ услугамъ!

Тутъ, къ великому моему изумленію, я замѣтилъ, что онъ стоитъ, отвернувшись отъ меня.

— Вы слышали?—спросилъ я его.

— Слышалъ,—отвѣтилъ онъ негромко.—Если хотите биться, я готовъ. Если не хотите, идите, помогайте Кларѣ. Мнѣ все равно.

Я не заставилъ его повторять два раза. Опустившись на зе-

Клара лежитъ у палатки, а мы боремся..

млю передъ Кларою, я снова старался оживить ее. Она все оставалась неподвижная, блѣдная, безъ чувствъ. Я начиналъ думать, что нѣжная ея душа уже отлетѣла, сердцемъ моимъ овладѣло чувство ужаса, полнаго отчаянія. Тихимъ голосомъ съ самыми нѣжными интонаціями я звалъ Клару по имени; я согрѣвалъ и сжималъ ея руки въ своихъ, часто и слегка билъ ихъ;

положилъ ея голову совсѣмъ низко, чтобы облегчить кровообращеніе, но все было напрасно: рѣсницы ея попрежнему оставались неподвижными.

— Норсмауръ,—кликнулъ я.—Вотъ моя шляпа. Ради Бога, зачерпните въ нее воды изъ ключа и давайте сюда скорѣй!

Черезъ нѣсколько секундъ онъ былъ уже около меня съ водою.

— Я налилъ ее въ свою шляпу,—сказалъ онъ,—вы не ревнуете?

— Норсмауръ...—началъ, было, я, продолжая поливать водою голову и грудь Клары, но онъ дико меня оборвалъ.

— Молчите! Ничего не говорите!

Разумѣется, разговаривать у меня не было никакой охоты, и я, поглощенный мыслями о дорогой моей голубкѣ, молча продолжалъ ее оживлять водою. Хотя Норсмауръ принесъ полную шляпу воды, но она скоро вся вышла. Не оборачиваясь, я снова протянулъ шляпу и сказалъ только одно слово:

— Еще!

Норсмауръ тотчасъ же принесъ снова воды и потомъ еще нѣсколько разъ, пока, наконецъ, Клара не раскрыла глаза.

— Ну,—сказалъ Норсмауръ,—теперь, надѣюсь, вы можете и безъ меня обойтись? Желаю вамъ доброй ночи, мистеръ Кассилисъ!

Съ этими словами онъ быстро удалился, а я поспѣшилъ развести огонь, чтобы Клара скорѣе согрѣлась. Я не боялся итальянцевъ—они, какъ я видѣлъ, не взяли ни одной вещицы изъ моего скромнаго имущества въ палаткѣ.

Согрѣвшись около костра, успокоенная моими словами и тихими ласками, Клара стала мало-по-малу приходить въ себя, овладѣла своими мыслями и даже почувствовала, что физическая ея слабость проходитъ.

Уже разсвѣтало. Вдругъ изъ чащи кустовъ, за пещерою, послышалось рѣзкое восклицаніе, вродѣ призыва. Я вскочилъ съ земли и услышалъ голосъ Норсмаура, на этотъ разъ совершенно спокойный:

— Идите сюда, Кассилисъ, и только вы! У меня есть, что вамъ показать.

Я посовѣтовался глазами съ Кларою и, получивъ ея нѣмое разрѣшеніе, вышелъ изъ палатки.

Въ нѣкоторомъ разстояніи стоялъ Норсмауръ, прислонясь спиною къ стволу дерева. Увидѣвъ меня, онъ молча повернулся и пошелъ по направленію къ морю. Я догналъ его только у опушки лѣса. Онъ остановился и сказалъ:

— Смотрите!

Я сдѣлалъ еще шага два впередъ, чтобы выбраться изъ послѣдней листвы. Ясный и холодный свѣтъ утра озарялъ знакомую мнѣ мѣстность. Отъ павильона осталась лишь черная развалина: крыша провалилась внутрь стѣнъ, одинъ уголъ дома свалился наружу; тамъ и сямъ поверхность дюны точно зарубцовалась небольшими, разбросанными черными пятнами обгорѣлой травы. Въ неподвижномъ утреннемъ воздухѣ все еще взвивались струи густого дыма, и во многихъ мѣстахъ между остатками голыхъ стѣнъ тлѣли еще кучи, точно горячіе уголья въ открытой жаровнѣ. Я взглянулъ на море. Совсѣмъ близко къ берегу стояла яхта; отъ нея на всѣхъ веслахъ спѣшила къ берегу шлюпка.

— «Красный Графъ»!—вскрикнулъ я.—Опоздалъ лишь на двѣнадцать часовъ!

— При васъ револьверъ, Франкъ?—спросилъ холодно Норсмауръ.—Онъ въ карманѣ?

Я машинально направилъ руку въ карманъ и почувствовалъ, что страшно поблѣднѣлъ. Револьверъ пропалъ. Очевидно, его украли.

— Вы видите, что вы въ моихъ рукахъ!—продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ.—Я обезоружилъ васъ ночью, когда вы ухаживали за Кларой. Теперь, утромъ—вотъ: получите его!! Безъ благодарностей! — крикнулъ онъ, простирая руку впередъ. — Я ихъ не люблю. Пожалуйста, избавьте!

И онъ пошелъ къ морю встрѣчать шлюпку, а я слѣдовалъ за нимъ, шагахъ въ двухъ позади. Когда мы проходили мимо павильона, я остановился, стараясь глазами отыскать мѣсто, гдѣ упалъ и, быть можетъ, лежалъ еще Хедльстонъ, но нигдѣ не видно было трупа, не осталось даже признаковъ пролитой крови.

— Граденская топь!—напомнилъ Норсмауръ.

Онъ продолжалъ итти впереди, пока не дошелъ до начала бухты.

— Пожалуйста, дальше не ходите! — сказалъ онъ.—Быть можетъ, вы хотѣли бы ее помѣстить на первое время въ моей Граденской усадьбѣ?

Я слѣдилъ за ходомъ шлюпки...

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ я.—Я попробую ее устроить у знакомаго священника въ Граденъ-Уэстерѣ.

Шлюпка подошла къ берегу; изъ нея выпрыгнулъ матросъ.

— Минутку подождите, ребята! — крикнулъ Норсмауръ и затѣмъ, обернувшись ко мнѣ, тихо сказалъ: знаете—обо всемъ этомъ лучше ей не говорить.

— Напротивъ!—воскликнулъ я.—Я все передамъ ей до мельчайшихъ подробностей: она должна знать все, что я самъ знаю.

— Вы меня не понимаете,—возразилъ Норсмауръ съ чувствомъ достоинства,—я думалъ, что это просто лишнее: она должна была этого отъ меня ожидать. Прощайте!

Онъ кивнулъ мнѣ головой.

Я протянулъ ему руку.

— Простите!—сказалъ онъ.—Это, конечно, мелочь, но я не въ состояніи больше выносить наши неестественныя, фальшивыя отношенія. Ужъ не думаете ли, что я могу прикинуться? Что когда-нибудь, убѣленный сѣдинами, какъ усталый скиталецъ, я присяду у вашего домашняго очага, и прочее? Нѣтъ, этого никогда не будетъ! Твердо надѣюсь, что никогда болѣе не увижу ни васъ, ни ея!

— Норсмауръ!.. Да благословитъ васъ Богъ!—воскликнулъ я горячо, отъ всей души.

— О, да; конечно.

Это были послѣднія его слова. Онъ быстро спустился къ бухтѣ и подошелъ къ шлюпкѣ. Поджидавшій матросъ протянулъ ему руку, чтобы помочь сойти въ лодку, но Норсмауръ ее отстранилъ и самъ спрыгнулъ на скамейки. Тотчасъ онъ сѣлъ къ рулю, взялъ румпель въ руку и твердо скомандовалъ отчалить.

Я машинально слѣдилъ за быстрымъ ходомъ шлюпки, за размѣреннымъ, точно тиканіе часовъ, скрипомъ веселъ въ уключинахъ.

Шлюпка была еще на полпути отъ «Краснаго Графа», какъ изъ моря выглянуло восходившее солнце.

Еще одно слово, и разсказъ мой будетъ конченъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Норсмауръ былъ убитъ, сражаясь добровольцемъ за освобожденіе Тироля въ рядахъ Гарибальди.

НОЧЛЕГЪ.

(A Lodging for the Night).

Исторія Франсуа Вильона.

Былъ поздній ноябрьскій вечеръ 1456 года. Надъ Парижемъ непрерывно шелъ снѣгъ; иногда порывы вѣтра обращали его въ вихри; порою вѣтеръ затихалъ и хлопья за хлопьями, безшумно крутясь, безостановочно сыпались съ темнаго неба. Бѣднымъ людямъ, выглядывавшимъ изъ-подъ намокшихъ рѣсницъ, казалось просто чудомъ, откуда все это сыплется безъ конца.

Франсуа Вильонъ, сидя у окна таверны, пытался сообразить, отчего это происходитъ: оттого ли, что языческій Юпитеръ ощипываетъ гусей на Олимпѣ, или это просто линяютъ святые ангелы? Но Франсуа былъ только бѣдный «свободный художникъ», и когда дѣло шло о чемъ-нибудь божественномъ, онъ не отваживался дѣлать выводы. Старый священникъ изъ Монтаржи, съ глуповатымъ лицомъ, тоже находившійся въ компаніи, угощалъ молодого бездѣльника бутылкой вина, сопровождая это остротами и прибаутками, и клялся своей сѣдой бородой, что въ возрастѣ Вильона онъ былъ такимъ же невѣрующимъ псомъ.

Воздухъ былъ сырой и пронизывающій, почти морозный. Падали большія, липкія и густыя хлопья снѣга. Весь городъ былъ покрытъ имъ. Цѣлая армія могла бы пройти по немъ изъ конца въ конецъ, и шаговъ ея не было бы слышно. Если бы въ эту ночь были въ воздухѣ птицы, то онѣ увидѣли бы островъ, похожій на большой бѣлый лоскутъ, а парижскіе мосты показались бы имъ бѣлыми непрочными перекладинами на черномъ

фонѣ рѣки. Высоко надъ головой снѣгъ осѣдалъ между колоннами собора; многія ниши были вполнѣ занесены имъ. Головы статуй покрылись высокими бѣлыми колпаками изъ снѣга. Оконечности водосточныхъ трубъ обратились въ громадные искусственные носы, опущенные книзу. Скамьи точно опухли съ одной стороны, и походили на высокія подушки. Въ промежуткахъ между порывами вѣтра слышенъ былъ унылый звукъ падающихъ съ крышъ капель.

Кладбище св. Іоанна тоже получило свою долю снѣга. Всѣ могилы были покрыты имъ; побѣлѣли высокія трубы окрестныхъ зданій. Благонамѣренные граждане давно уже были въ постеляхъ въ привычныхъ ночныхъ колпакахъ. Нигдѣ по сосѣдству не видно было ни огонька, за исключеніемъ маленькой полосы свѣта отъ лампы, которая висѣла на церковной паперти и, качаясь, бросала колеблющіяся тѣни туда и сюда. Часы пробили десять, когда прошелъ патруль со своими алебардами и фонарями. И онъ не замѣтилъ ничего подозрительнаго на кладбищѣ Св. Іоанна.

Однако, въ этомъ уснувшемъ кварталѣ, за кладбищенской стѣной, пріютился маленькій домикъ, въ которомъ еще не спали, и не спали съ дурными намѣреніями. Ничто не выдавало этого обстоятельства со стороны улицы; только струйка теплаго дыма изъ каминной трубы растопила снѣгъ на крышѣ, да у двери виднѣлись полузанесенные слѣды ногъ. Внутри домика, Франсуа Вильонъ, поэтъ,—съ университетскимъ титуломъ «магистра искусствъ»,—да нѣсколько человѣкъ изъ воровской шайки, съ которыми онъ состоялъ въ сообществѣ, проводили время безъ сна, за выпивкой. Большая груда горѣвшихъ угольевъ распространяла яркій свѣтъ изъ камина; около него сидѣлъ, растопыривъ ноги, домъ Никласъ, пикардійскій монахъ съ подоткнутой рясой; свои толстыя голыя ноги онъ протянулъ къ огню. Его громадная тѣнь точно разрѣзала пополамъ комнату, и свѣтъ огня перебѣгалъ съ одной стороны его обширной фигуры на другую и падалъ на маленькую лужу между его растопыренными ногами. Лицо, его, синебагроваго цвѣта отъ постояннаго пьянства, было испещрено сѣтью толстыхъ венъ, обычно красныхъ, а теперь свѣтлолиловыхъ. Капюшонъ слѣзъ у него съ головы назадъ и имѣлъ видъ какого-то нароста на его бычачьемъ затылкѣ.

Направо, Вильонъ и Гюи Табари, тѣсно прижавшись другъ къ другу, склонились надъ кускомъ пергамента; Вильонъ сочинялъ балладу о «жареной рыбѣ», а Табари, смотря изъ-за его плеча, громко выражалъ свое восхищеніе. Поэтъ былъ оборванецъ мрачнаго вида, маленькій, худощавый, со впалыми щеками и длинными ниспадавшими черными локонами. Онъ съ лихорадочной поспѣшностью прожигалъ свои двадцать четыре года. Невоздержанность глядѣла изъ складокъ вокругъ его глазъ и скверная улыбка кривила губы на его выразительномъ, но некрасивомъ и низменномъ лицѣ. Странное это было лицо: преобладающими его выраженіями были то свиная чувственность, то волчье звѣрство... Поэтъ обладалъ маленькими, цѣпкими руками, пальцы которыхъ походили на узловатыя веревки, и онъ быстро, выразительно шевелилъ этими пальцами. Что касается Табари, то это былъ человѣкъ массивнаго сложенія, очень учтивый, съ выраженіемъ удивительной глупости, сквозившей въ его мягкомъ носѣ и влажныхъ губахъ; онъ сталъ воромъ, какъ сталъ бы наиблагонамѣреннѣйшимъ гражданиномъ, благодаря всемогущему случаю, который управляетъ жизнью какъ людей-гусей, такъ и людей-ословъ.

По другую сторону стола, Монтиньи и Тевененъ Пенсетъ играли въ азартную игру. Въ Монтиньи чувствовались кое-какіе остатки дворянскаго происхожденія и изысканныхъ манеръ. Длинная, гибкая, даже изящная фигура, нѣчто орлиное и мрачное въ лицѣ. Тевенену повезло вдвойнѣ: онъ послѣ обѣда совершилъ ловкую кражу въ предмѣстьѣ св. Іакова, а теперь все время выигрывалъ въ карты. Съ его губъ не сходила пошлая улыбка; плѣшивая голова, съ вѣнкомъ короткихъ, рыжихъ кудрей вся порозовѣла отъ удовольствія; его выпяченный животъ трясся отъ молчаливаго смѣха, когда онъ загребалъ свой выигрышъ.

— Вдвойнѣ или квитъ?—спросилъ Тевененъ.

Монтиньи мрачно кивнулъ головой.

— «Предпочтительно ѣсть въ пышной обстановкѣ»,—писалъ Вильонъ,—«ѣсть хлѣбъ и сыръ на серебряномъ блюдѣ, или... или... Помоги мнѣ, Гюи!

Табари хихикнулъ.

«Или ѣсть петрушку на золотомъ блюдѣ»,—писалъ поэтъ.

Вѣтеръ становился рѣзче; онъ вздымалъ снѣгъ и иногда съ

глухимъ гиканьемъ и точно надгробнымъ воемъ гудѣлъ въ трубѣ камина. Похолодало и въ комнатѣ. Вильонъ, вытянувъ губы, подражалъ порывамъ вѣтра, издавая звуки, похожіе не то на стонъ, не то на свистъ. Эти дикіе, отвратительные звуки выводили изъ себя пикардійскаго монаха.

— Вы не переносите этой музыки? Она, быть можетъ, напоминаетъ вамъ скрипъ висѣлицы? — смѣялся Вильонъ. — А тамъ наверху настоящая дьявольская пляска! Но только, мои милые, отъ нея не согрѣться. Ухъ, какъ рванулъ вѣтеръ! А какъ думаете, домъ Никласъ, не слишкомъ ли холодно сегодня на Сенъ-Денисской дорогѣ?

Домъ Никласъ замигалъ глазами и имѣлъ такой видъ, точно его кто душилъ за горло. Монфоконъ—большая, страшная парижская висѣлица—стояла какъ разъ на Сенъ-Денисской дорогѣ, и шутка поэта произвела на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Что касается Табари, то онъ сталъ неудержимо смѣяться и увѣрять, что никогда не слыхалъ ничего смѣшнѣе; хохоча, онъ держался за бока и кричалъ пѣтухомъ. Вильонъ щелкнулъ его по носу, и хохотъ Табари перешелъ въ кашель.

— Ну, будетъ шумѣть, — сказалъ поэтъ, — придумаемъ лучше рифму къ слову «рыба».

— Вдвойнѣ или на квитъ!—угрюмо заявилъ Монтиньи.

— Пожалуйста,—отвѣтилъ Тевененъ.

— Есть еще что-нибудь въ бутылкѣ?—спросилъ монахъ.

— Откупорьте другую,—предложилъ Вильонъ. — Какъ можете вы надѣяться наполнить такую бочку, какъ ваша утроба, такою маленькою мѣрою, какъ бутылка? И какъ можете вы надѣяться попасть въ царство небесное? Сколько вы думаете, потребуется ангеловъ, чтобы втащить туда пикардійскаго монаха, подобнаго вамъ? Или вы полагаете, что будете вторымъ Ильей и за вами пришлютъ колесницу?

«Hominibus impossibile» *),—отвѣтилъ монахъ, наполняя стаканъ.

Табари чуть не прыгнулъ отъ восторга.

Вильонъ опять далъ ему щелчокъ по носу.

— Разрѣшаю смѣяться при моихъ шуткахъ, если хотите,— сказалъ онъ.

---

*) «То, что для людей невозможно»...—начало латинской цитаты о всемогуществѣ Божьемъ. *Примѣч. переводчика.*

— О, это было такъ хорошо сказано!—воскликнулъ Табари.

Вильонъ обратился къ нему:

— Придумай же рифму къ «рыбѣ». Ну, на что латынь? Что вамъ съ ней дѣлать на страшномъ судѣ, когда дьяволъ поволочетъ туда Гюи Табари,—дьяволъ съ горбомъ на спинѣ и раскаленными до-красна когтями. Кстати, по поводу дьявола, посмотрите на Монтиньи!—добавилъ онъ шепотомъ.

Всѣ трое украдкою, но внимательно посмотрѣли на картежника. Очевидно было, что счастье не на его сторонѣ. Ротъ его былъ скривленъ на сторону; носъ сморщенъ, но одна ноздря широко раздувалась. По народному выраженію «черный песъ взобрался на его плечи» и подъ этимъ тяжелымъ бременемъ онъ тяжело, прерывисто дышалъ.

— Онъ выглядитъ такъ, точно хочетъ пырнуть его ножомъ,—прошепталъ Табари, вытаращивъ глаза отъ страха.

Монахъ также вздрогнулъ, но отвернулся и протянулъ руки къ огню.

Можно было съ увѣренностью сказать, что монахъ вздрогнулъ отъ холода, а не отъ избытка состраданія и опасенія за жизнь Тевенена.

— Ну, ну, теперь прочтемъ балладу!—воскликнулъ Вильонъ и отбивая тактъ руками, сталъ ее декламировать, обратившись къ Табари.

Не успѣлъ онъ дойти до четвертой рифмы, какъ вдругъ произошли внезапныя, шумныя движенія игравшихъ. Игра закончилась, и Тевененъ только что хотѣлъ было открыть ротъ, чтобы возвѣстить о новомъ выигрышѣ, какъ Монтиньи вытянулся съ быстротою змѣи и вонзилъ ему кинжалъ въ сердце. Ударъ произвелъ свое дѣйствіе прежде, чѣмъ Тевененъ успѣлъ закричать или сдѣлать движеніе. Раза два содрогнулось его тѣло; руки разжались и опустились; каблуки стукнули объ полъ. Затѣмъ голова его съ широко раскрытыми глазами опрокинулась назадъ, и душа Тевенена Пенсета отправилась къ Тому, Кто ее создалъ.

Всѣ вскочили на ноги, чтобы броситься на помощь, но было слишкомъ поздно—убійство совершилось въ двѣ секунды. Четверо живыхъ товарищей смотрѣли другъ на друга и застыли въ своихъ позахъ, точно привидѣнія. Открытыя глаза убитаго смот-

рѣли на одинъ уголъ потолка съ страннымъ уродливымъ выраженіемъ.

— Боже мой!—прошепталъ, наконецъ, Табари и сталъ читать латинскія молитвы.

Вильонъ разразился истерическимъ хохотомъ. Онъ шагнулъ впередъ, отвѣсилъ комическій, нелѣпый поклонъ въ сторону Тевенена и захохоталъ еще болѣе неестественно и громко. Потомъ грузно, какъ мѣшокъ, опустился на стулъ, и казалось, онъ долженъ былъ лопнуть отъ неестественнаго, горькаго смѣха.

Монтиньи первый пришелъ въ себя.

— Надо посмотрѣть, что у него есть,—замѣтилъ онъ и очистилъ карманы убитаго привычной рукой; затѣмъ онъ раздѣлилъ деньги на четыре равныя кучки и разставилъ ихъ на столѣ.

— Берите,—сказалъ онъ.

Монахъ взялъ свою долю съ глубокимъ вздохомъ, украдкой бросивъ взглядъ на мертваго Тевенена, который началъ опускаться и валиться со стула.

— Мы всѣ тутъ въѣхали!—вскричалъ Вильонъ, подавляя свое веселье.—Эта шутка пахнетъ висѣлицей для всѣхъ молодцовъ, что тутъ есть.

И правой рукой сдѣлавъ въ воздухѣ такой жестъ, точно что-то быстро упало внизъ и стукнулось, онъ вытянулъ языкъ, склонилъ голову на бокъ, изображая повѣшеннаго. Затѣмъ спряталъ въ карманъ свою долю добычи и сталъ болтать ногами, чтобы согрѣться и возстановить кровообращеніе.

Табари послѣднимъ пришелъ въ себя. Онъ взялъ монеты и отошелъ на другой конецъ комнаты.

Монтиньи усадилъ Тевенена снова на стулъ и выдернулъ кинжалъ изъ раны; изъ раны хлынула струя крови.

— Эй, молодцы, надо скорѣе удирать!—воскликнулъ онъ, вытирая кинжалъ о фуфайку жертвы.

— Еще бы!—буркнулъ Вильонъ.—Будь проклята его жирная голова!—вдругъ воскликнулъ онъ.—Отъ нея у меня точно комъ мокроты застрялъ въ горлѣ. По какому праву человѣкъ имѣетъ рыжіе волосы, разъ онъ сдохъ?

Онъ опять грузно опустился на стулъ и закрылъ лицо руками. На этотъ разъ жестъ его былъ искренній.

Монтиньи и домъ Никласъ громко смѣялись; даже Табари слабо поддакивалъ имъ.

— Плакса!—сказалъ монахъ.

— Я всегда говорилъ, что онъ похожъ на бабу,—добавилъ Монтиньи съ презрѣніемъ.—Ну, что же ты не сидишь?—продолжалъ онъ, опять толкая мертвое тѣло.—Затуши огонь, Никъ!

Но Никъ лучше распорядился своимъ временемъ. Онъ спокойно вытащилъ кошелекъ Вильона, пока тотъ сидѣлъ ослабѣвшій и дрожащій на томъ самомъ стулѣ, гдѣ минуты за три до того сочинялъ балладу. Монтиньи и Табари знаками спрашивали свою долю въ добычѣ, и монахъ молча обѣщалъ имъ подѣлиться, когда пряталъ за пазуху маленькое кольцо. Во многихъ случаяхъ артистическая натура дѣлаетъ человѣка негоднымъ для практической жизни.

Не раньше, чѣмъ была окончена кража, вскочилъ на ноги Вильонъ и принялся разбрасывать и тушить пылавшіе угли. Въ это время Монтиньи открылъ дверь и осторожно выглянулъ изъ-за нея. Улица была совершенно пуста. Все же безопаснѣе было уходить порознь. Вильонъ спѣшилъ избавиться отъ сосѣдства съ мертвымъ Тевенепомъ, но и остальнымъ тоже хотѣлось уйти раньше него, пока онъ не обнаружилъ пропажи своихъ денегъ; по общему согласію, поэту было предоставлено выйти первымъ.

Вѣтеръ побѣдоносно разогналъ всѣ тучи на небѣ. Только немногія легкія облачка быстро пробѣгали среди звѣздъ. Было очень холодно, и по обычному оптическому эффекту всѣ предметы казались рѣзче очерченными, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ. Въ спящемъ городѣ была полная тишина, и самъ онъ казался какимъ-то скопленіемъ не то снѣжныхъ горъ, не то бѣлыхъ капюшоновъ. Вильонъ проклиналъ свою судьбу. Убѣжать бы поскорѣй! Идя, поэтъ оставлялъ на улицѣ глубокіе слѣды своихъ башмаковъ; куда бы онъ ни пошелъ, онъ все же сохранялъ связь съ райономъ кладбища св. Іоанна; куда бы онъ ни повернулся, онъ неизбѣжно собственными ногами запутывался въ веревкѣ, которая связывала его съ преступленіемъ около кладбища и приводила къ висѣлицѣ на Монфоконѣ. Уродливый взглядъ умершаго въ его воспоминаніи пріобрѣталъ еще большую выразительность. Вильонъ хрустнулъ пальцами, чтобы ободриться и, выбравъ наудачу улицу, смѣло зашагалъ впередъ.

Двѣ вещи занимали его мысли во время пути: первое—видъ

висѣлицы въ Монфоконѣ въ эту свѣтлую ночь, и второе—видъ умершаго съ его плѣшивой головой и вѣнкомъ рыжихъ кудрей. Отъ обоихъ видѣній у него холодѣло сердце, и онъ возбужденно прибавлялъ шагу, какъ бы желая отогнать непріятныя мысли быстрымъ бѣгомъ. Иногда онъ оглядывался черезъ плечо, какъ бы отъ внезапнаго толчка; но онъ былъ единственнымъ движущимся предметомъ на бѣлыхъ улицахъ; только на перекресткахъ налетавшій вѣтеръ крутилъ снѣгъ, который начиналъ уже леденѣть, обращая его въ клубы блестящей пыли.

Вдругъ далеко впереди онъ увидѣлъ какую-то темную массу и пару фонарей. Эта масса двигалась, и фонари колыхались, точно ихъ несли шагавшіе люди. Это былъ патруль. Патруль переходилъ только поперекъ пути Вильона, но онъ счелъ болѣе благоразумнымъ исчезнуть изъ его поля зрѣнія возможно быстро. У него не было ни малѣйшаго желанія попасть подъ судъ, и онъ отлично сознавалъ, что оставилъ на снѣгу бросающіеся въ глаза слѣды. Какъ разъ по правую сторону отъ него находилась большая гостиница съ башенками и широкимъ портикомъ передъ дверью; домъ наполовину развалился и стоялъ пустымъ; это вспомнилъ Вильонъ. Онъ поднялся на три ступеньки и скрылся въ глубинѣ портика. Послѣ блеска снѣжныхъ улицъ, внутри было совершенно темно, и Вильонъ ощупью шелъ, вытянувъ впередъ руки. Вдругъ онъ споткнулся обо что-то одновременно твердое и мягкое, плотное и рыхлое. Сердце его затрепетало. Онъ отпрыгнулъ на два шага назадъ, и сталъ пристально вглядываться въ неожиданное препятствіе. Скоро онъ съ облегченіемъ засмѣялся. Это была женщина и уже мертвая. Онъ сталъ на колѣни, чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ. Она была холодна, какъ ледъ, окоченѣла, какъ палка. Отъ вѣтра въ ея волосахъ вздымался лоскутокъ ленты; щеки были густо нарумянены, очевидно, совсѣмъ еще недавно передъ смертью. Вильонъ пошарилъ въ карманахъ—они были совершенно пусты, но въ чулкѣ подъ подвязкой Вильонъ нашелъ двѣ маленькихъ монеты; это было очень мало, но все же хоть что-нибудь, и поэтъ растрогался при мысли о томъ, что женщина умерла, не успѣвъ истратить своихъ денегъ. Это казалось ему мрачной и печальной тайной, и, съ монетами въ рукѣ, онъ переводилъ свой взоръ съ мертвой женщины на деньги и съ денегъ на мертвую женщину, покачивая головой при размышленіяхъ о загадкѣ человѣческой жизни. Генрихъ V, ко-

роль Англіи, умершій въ Венсеннѣ какъ разъ послѣ покоренія Франціи, и эта бѣдная потаскушка, закоченѣвшая у порога человѣческаго жилья, прежде чѣмъ она успѣла истратить свои деньги—это казалось ему слишкомъ жестокимъ. На двѣ маленькія монетки можно было пріобрѣсти очень немногое. Однако, пріобрѣтенное оставило бы болѣе пріятный вкусъ у нея во рту въ то время, какъ дьяволъ пришелъ бы за ея душой, предоставляя тѣло птицамъ и червямъ. Поэтъ хотѣлъ бы использовать всѣ свои силы, прежде чѣмъ погаснетъ свѣтъ въ его глазахъ.

Размышляя такимъ образомъ, онъ машинально хватился за карманъ. Сердце его замерло; съ ногъ до головы охватило его ощущеніе холодной дрожи; онъ окаменѣлъ на мгновеніе, потомъ опять почувствовалъ лихорадочный ознобъ, и мысль о пропавшемъ кошелькѣ заставила его покрыться обильнымъ потомъ. Растратить деньги—очень естественно и жизненно—это естественный переходъ между ними и получающимися отъ нихъ наслажденіями; только одна граница между ними—время; и расточитель съ нѣсколькими кронами богатъ, какъ римскій императоръ, пока онѣ неистрачены. Для такого человѣка потеря денегъ наибольшее несчастье; это значитъ упасть въ одно мгновеніе съ неба въ пропасть,—быть всѣмъ, и стать ничѣмъ. И всего ужаснѣе, что изъ-за нихъ, изъ-за этихъ пропавшихъ для него самого денегъ, онъ можетъ еще попасться, и—завтра же быть повѣшеннымъ изъ-за кошелька, доставшагося съ такимъ трудомъ и такъ глупо исчезнувшаго. Вильонъ съ ругательствомъ выбросилъ обѣ монетки на улицу, погрозилъ кулакомъ небу, затопалъ ногами, сталъ даже топтать ими жалкій трупъ. Одумавшись, онъ зашагалъ назадъ по своимъ слѣдамъ къ только что оставленному дому за кладбищенской стѣной. Онъ уже не боялся больше патруля, который удалился и во всякомъ случаѣ прошелъ мимо, и думалъ только о своемъ пропавшемъ кошелькѣ. Конечно, онъ ничего не нашелъ. Не обронилъ ли онъ его въ самомъ домѣ? Ему хотѣлось пойти туда и убѣдиться, но мысль объ ужасномъ жильцѣ оставленной комнаты лишала его мужества. Подойдя ближе къ дому онъ увидѣлъ, что ихъ усилія потушить огонь оказались напрасными; напротивъ, огонь больше еще разгорѣлся, и его измѣнчивый свѣтъ игралъ въ щеляхъ двери и окна, и это снова вселило въ него ужасъ передъ властями и парижской висѣлицей.

Онъ вернулся къ портику гостиницы и сталъ искать въ снѣгу брошенныя имъ въ порывѣ дѣтскаго негодованія маленькія монетки. Но онъ нашелъ только одну, другая отлетѣла, должно быть, далеко и глубоко погрузилась въ снѣгъ. Съ единственной монетой въ карманѣ его планъ провести ночь въ какой-нибудь, хоть самой плохонькой, тавернѣ, рушился. Настоящую печаль, настоящее горе испытывалъ онъ, стоя, грустный, передъ портикомъ. Потъ высохъ на немъ, и хотя вѣтеръ утихъ, морозъ становился все крѣпче, и онъ чувствовалъ, какъ цѣпенѣетъ и какъ болитъ у него сердце. Что дѣлать? Какъ ни было поздно, какъ ни мало надѣялся онъ на успѣхъ, все же нужно было попробовать попасть въ домъ его крестнаго отца, капеллана церкви св. Бенуа.

Онъ бѣжалъ всю дорогу и, дойдя до дома, робко постучалъ. Отвѣта не было. Онъ стучалъ еще и еще, съ каждымъ разомъ все сильнѣе; наконецъ, послышались приближавшіеся шаги. Раскрылась форточка въ обитой желѣзными гвоздями двери, и мелькнулъ въ ней лучъ желтаго свѣта.

— Приблизьте лицо свое къ форточкѣ,—раздался изнутри голосъ капеллана.

— Это я,—жалобно произнесъ Вильонъ.

— О, это только ты, вотъ что,—возразилъ капелланъ и выругался крѣпкимъ несвященниковскимъ ругательствомъ за то, что Вильонъ безпокоитъ его въ такой поздній часъ, пожелавъ ему провалиться въ тартарары, или туда, откуда онъ явился.

— У меня застыли руки, онѣмѣли ноги, — жаловался Вильонъ,—ихъ дергаетъ судорога; носъ болитъ отъ рѣзкаго холода; я весь продрогъ, могу умереть до утра! Пустите только на эту ночь и, клянусь Богомъ, я никогда больше не обращусь къ вамъ, крестный!

— Надо было раньше притти, — холодно отвѣтилъ капелланъ. Уйди, это будетъ полезный для тебя урокъ. Молодые люди нуждаются въ урокахъ, это было и прежде, и будетъ всегда. Онъ закрылъ форточку и удалился въ внутренніе покои.

Вильонъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Онъ колотилъ дверь руками и ногами, хриплымъ голосомъ выкрикивая угрозы по адресу капеллана.

— Хитрая, старая лисица!—кричалъ онъ.—Попадись только мнѣ въ руки,—живо полетишь въ бездонную пропасть!

Поэтъ услышалъ, какъ внутри слабо стукнула дверь. Онъ съ проклятіемъ зажалъ рукой ротъ. Затѣмъ его заняла юмористическая сторона положенія; онъ засмѣялся и весело взглянулъ на небо, гдѣ звѣзды, казалось, перемигивались по поводу его неудачъ.

Что же дѣлать? Было еще очень темно на морозныхъ улицахъ. Мысль объ умершей женщинѣ быстро появилась въ его мозгу, и сердце снова сжалось отъ страха. То, что случилось съ нею въ началѣ ночи, легко можетъ случиться съ нимъ передъ разсвѣтомъ. А онъ такъ молодъ! И какія безчисленныя возможности разнообразныхъ наслажденій еще передъ нимъ! Онъ почти патетически отнесся къ мыслямъ о своей собственной судьбѣ, какъ будто это былъ кто-нибудь другой, и даже рисовалъ маленькую воображаемую виньетку къ описанію утренняго происшествія, къ моменту, когда будетъ найдено его замерзшее тѣло.

Онъ мысленно взвѣсилъ всѣ шансы, шевеля между пальцами свою монетку. Къ несчастью, онъ былъ въ плохихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми старыми пріятелями, которые раньше могли бы его пожалѣть и притти на помощь въ этомъ опасномъ положеніи. Онъ сочинялъ пасквили на ихъ счетъ, билъ, надувалъ ихъ; и, однако, теперь, когда онъ былъ въ такомъ тяжеломъ положеніи, онъ подумалъ, что, быть можетъ, найдется хоть одинъ, кто будетъ тронутъ его несчастіями. Это уже былъ шансъ. Во всякомъ случаѣ можно попытаться, и онъ направился къ одному изъ такихъ пріятелей.

Однако, дорогой произошло два случая, которые измѣнили его рѣшеніе. Во-первыхъ, онъ попалъ на густые слѣды, оставленные на снѣгу проходившимъ прежде патрулемъ; обрадовавшись, онъ и свои шаги направилъ по пути патруля, заметая такимъ образомъ собственные слѣды. Это пріободрило его, но направило по совершенно другой дорогѣ. Онъ долго по ней шелъ, потому что все еще думалъ, что послѣ обнаруженія убійства Тевенена, убійцъ непремѣнно будутъ искать по ихъ слѣдамъ на снѣгу около Парижа, и утромъ схватятъ его за шиворотъ, прежде чѣмъ онъ проснется.

Другое происшествіе подѣйствовало на него совсѣмъ иначе. Онъ подошелъ къ одному перекрестку, гдѣ недавно передъ тѣмъ одну женщину съ ребенкомъ съѣли волки. «И теперь какъ разъ такая погода», подумалъ Вильонъ, «когда волкамъ можетъ притти

фантазія вбѣжать въ парижскія улицы». Онъ остановился и сталъ осматриваться съ жуткимъ безпокойствомъ. Это былъ перекрестокъ, на который выходило нѣсколько пересѣкающихся уличекъ. Онъ вглядывался въ каждую изъ нихъ, задерживая дыханіе, чтобы лучше прислушаться, не копошится ли на снѣгу какая-нибудь темная масса, и не воютъ ли волки. Онъ вдругъ вспомнилъ свою мать, разсказывавшую ему страшную исторію о волкахъ, когда онъ былъ маленькимъ.

Мать! О, если бы онъ только зналъ, жива ли она еще? У нея онъ нашелъ бы пріютъ. Онъ рѣшилъ, что завтра разспроситъ о ней; нѣтъ, онъ сейчасъ пойдетъ и увидитъ ее, бѣдную старушку. Думая такъ, онъ отправился по дорогѣ къ жилищу матери,—это была его послѣдняя надежда на ночлегъ.

Домъ, къ которому онъ подошелъ былъ такъ же теменъ, какъ и сосѣдніе; однако, послѣ нѣсколькихъ ударовъ въ дверь онъ услыхалъ движеніе надъ головой, открывавшуюся дверь и голосъ, спрашивавшій, что ему нужно. Поэтъ назвалъ себя громкимъ шопотомъ и не безъ нѣкотораго страха ожидалъ результата. Не придется ли ему долго ждать? Вдругъ открылось окно, и полное ведро помоевъ плеснуло внизъ на ступеньки крыльца. Вильонъ не приготовился ни къ чему подобному и теперь прижался такъ тѣсно къ стѣнѣ, насколько позволяло мѣсто. Штаны его почти сразу подмерзли. Тотчасъ представилась ему смерть отъ простуды; онъ вспомнилъ, что имѣетъ наклонность къ чахоткѣ и началъ кашлять для пробы, но серьезность дѣйствительной опасности придала ему силы. Онъ отошелъ на нѣсколько саженей отъ двери дома, гдѣ его приняли такъ жестоко и, приложивъ къ носу палецъ, сталъ думать, что ему предпринять. Только одинъ способъ получить ночлегъ представлялся ему—это овладѣть имъ. Неподалеку онъ замѣтилъ домъ, который выглядѣлъ такъ, что казалось не труднымъ проникнуть въ него. Онъ быстро пошелъ къ нему, подбодряя себя мыслью о теплой еще комнатѣ съ остатками ужина, гдѣ можно провести послѣдніе часы ночи и откуда выйти на утро съ полной охапкой цѣнныхъ вещей. Онъ даже раздумывалъ о своихъ любимыхъ кушаньяхъ и винахъ и сталъ мысленно составлять меню лакомыхъ блюдъ. Въ воображеніи его появилась жареная рыба, но къ представленію о рыбѣ примѣшивалось и отвращеніе.

— Я никогда не кончу своей баллады,—подумалъ онъ и,

содрогаясь, вспомнилъ объ убитомъ Тевененѣ.—Будь проклята его рыжая, жирная, поганая голова!—возбужденно повторялъ онъ и плюнулъ на снѣгъ.

Домъ, къ которому подошелъ Вильонъ, на первый взглядъ казался совсѣмъ не освѣщеннымъ, но послѣ тщательнаго осмотра съ цѣлью отыскать наиболѣе удобный пунктъ для нападенія, Вильонъ замѣтилъ маленькій лучъ свѣта изъ-за оконныхъ занавѣсей.

— Чортъ возьми, еще не спятъ!—подумалъ онъ. — Вѣрно студентъ или духовное лицо за книгою? Будь они прокляты! Но, быть можетъ, они лежатъ въ постели пьяные и храпятъ какъ ихъ сосѣди? Не понимаю, къ чему установленъ вечерній дозоръ, который приказываетъ тушить огонь и спать? Къ чему звонари отбиваютъ часы? Что будутъ люди дѣлать днемъ, если будутъ сидѣть всю ночь? Чтобъ ихъ судорога схватила!

Онъ засмѣялся выводу, къ которому привела его логика. «Каждый человѣкъ прежде всего долженъ заниматься своимъ дѣломъ»—добавилъ онъ,—и если они не спятъ, клянусь Богомъ, я имѣю право явиться къ нимъ на ужинъ самымъ честнымъ образомъ!

Онъ смѣло подошелъ къ двери и постучалъ увѣренной рукой. Въ двухъ первыхъ случаяхъ онъ стучалъ робко, съ нѣкоторымъ страхомъ привлечь вниманіе; но теперь, когда онъ отказался отъ мысли ворваться насильственно, открытый стукъ въ дверь казался ему дѣломъ простымъ и невиннымъ. Стуки его раздались по всему дому съ легкимъ таинственнымъ эхомъ, какъ будто домъ былъ совершенно пустой; но едва замолкли эти отзвуки, какъ послышались размѣренные шаги вблизи. Вильонъ слышалъ, какъ кто-то вынулъ пару болтовъ и широко открылъ одну половинку двери, какъ будто ничего и никого не боялся и не подозрѣвалъ.

Высокая, мускулистая мужская фигура, сухощавая, нѣсколько сутуловатая, появилась передъ Вильономъ. Крупная по величинѣ голова ея обладала изящной формой. Красивыя линіи носа, туповатаго на концѣ, соединялись съ парой выразительныхъ прямыхъ бровей; ротъ и глаза были окружены мелкими морщинками, и все лицо обрамлялось сѣдой, густой бородой, аккуратно расчесанной. При свѣтѣ мерцавшей лампы весь видъ этой фигуры казался, можетъ быть, болѣе благороднымъ,

чѣмъ обыкновенно, но во всякомъ случаѣ, это было лицо изящное, скорѣе благородное, чѣмъ умное, сильное, ясное и правдивое.

— Вы поздно стучите, сударь,—сказалъ старикъ любезно, звучнымъ голосомъ.

Вильонъ униженно пробормоталъ нѣсколько подобострастныхъ словъ извиненія. Прибѣгая къ такому тону, онъ далъ восторжествовать въ себѣ нищему, а талантливому человѣку велѣлъ робко склонить голову.

— Вы озябли и голодны?—продолжалъ старикъ.—Войдите,—пригласилъ онъ съ привѣтливымъ жестомъ.

«Должно быть, какой-нибудь важный сеньоръ»,—подумалъ Вильонъ, пока тотъ, поставивъ лампу на каменный полъ, задвигалъ болты.

— Извините, я пойду впередъ,—сказалъ старикъ, покончивъ съ этимъ. Онъ повелъ поэта наверхъ, въ большую комнату, которая согрѣвалась печкою съ древеснымъ углемъ и освѣщалась висячей на потолкѣ лампой. Украшеній было мало; на буфетѣ, впрочемъ, находилась золотая посуда. Вильонъ замѣтилъ еще нѣсколько фоліантовъ и полку съ оружіемъ между оконъ. По стѣнамъ висѣли красивые ковры съ рисунками, изображавшими въ одномъ мѣстѣ распятіе Христа, а въ другомъ пастуховъ и пастушекъ у бѣгущаго ручейка. Надъ каминомъ помѣщался фамильный гербъ.

— Садитесь, пожалуйста, и извините, что я васъ оставлю ненадолго. Сегодня я одинъ дома, и если вы хотите ѣсть, мнѣ надо самому раздобыть что-нибудь для васъ.

Какъ только хозяинъ вышелъ, Вильонъ вскочилъ съ кресла, на которое онъ, войдя, опустился и принялся осматривать комнату съ вороватой кошачьей страстностью. Онъ взвѣшивалъ на рукѣ золотые кубки, перелистывалъ фоліанты, ощупывалъ щитъ фамильнаго герба и матерію на мебели. Онъ поднялъ занавѣски у оконъ и увидѣлъ, что въ окна вставлены дорогія цвѣтныя стекла съ рисунками, насколько онъ могъ разсмотрѣть, воинственныхъ сюжетовъ. Затѣмъ онъ всталъ посреди комнаты, сдѣлалъ глубокій вздохъ и, задерживая его, съ раздутыми щеками, оглядывался кругомъ, поворачиваясь на пяткахъ и какъ бы запоминая каждую особенность этой комнаты.

— Семь золотыхъ блюдъ,—сказалъ онъ,—если бы ихъ было

десять, я бы рискнулъ... Прекрасный домъ и прекрасный старикъ-хозяинъ. Да помогутъ мнѣ всѣ святые!

Услыхавъ шаги возвращавшагося по корридору старика, онъ снова бросился въ кресло и съ скромнымъ видомъ сталъ грѣть ноги передъ печкой.

Въ одной рукѣ хозяинъ держалъ блюдо съ кушаньемъ, въ другой—кувшинъ вина. Онъ поставилъ блюдо на столъ и знакомъ предложилъ Вильону придвинуться къ столу; подойдя къ буфету, онъ взялъ съ него два кубка и наполнилъ ихъ виномъ.

— За ваше благополучіе!—сказалъ онъ, степенно чокаясь съ Вильономъ.

— За наше знакомство,—отвѣчалъ поэтъ, становясь смѣлѣе. Простой человѣкъ изъ народа съ большимъ уваженіемъ отнесся бы къ любезному старому сеньору, но Вильонъ слишкомъ зачерствѣлъ; онъ слишкомъ высмѣивалъ всегда важныхъ баръ и считалъ ихъ такими же негодяями, какъ самого себя. Съ прожорливостью набросился онъ на мясо, а старикъ, откинувшись назадъ, смотрѣлъ на него съ спокойнымъ любопытствомъ.

— У васъ на плечѣ кровь, сударь,—сказалъ онъ.

Монтиньи должно быть, тронулъ его окровавленной рукой, когда Вильонъ выходилъ. Онъ выругалъ про себя товарища.

— У меня нѣтъ никакой раны,—пробормоталъ онъ.

— Я и не думаю этого,—спокойно возразилъ хозяинъ.— Участвовали въ какой-нибудь дракѣ?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ,—съ содроганіемъ подтвердилъ онъ.

— Быть можетъ, кто-нибудь убитъ?

— О, нѣтъ, никто не убитъ,—сказалъ поэтъ, все болѣе и болѣе смущаясь,—просто играли въ карты... Убитъ по несчастной случайности. Я не принималъ въ этомъ участія, да сразитъ меня Господь, если лгу,—добавилъ онъ возбужденно.

— Однимъ негодяемъ стало меньше, надѣюсь? — замѣтилъ хозяинъ дома.

— Да, вы правы,—согласился Вильонъ, окончательно успокоенный.—Негодяй, какихъ мало можно найти между Парижемъ и Іерусалимомъ. Было противно смотрѣть на него. Полагаю, вы видѣли мертвыхъ въ своей жизни? — добавилъ онъ, взглянувъ на развѣшанное оружіе.

— Многихъ,—сказалъ старикъ;—я бывалъ на войнѣ, какъ видите.

Вильонъ опустилъ ножъ и вилку, которые онъ только что поднялъ.

— Были ли среди нихъ плѣшивые?—спросилъ онъ.

— О, конечно; были и съ сѣдыми волосами, какъ у меня.

— Я не о сѣдыхъ думалъ; волосы у того были рыжіе.

У Вильона опять появился приступъ дрожи и смѣха, но онъ побѣдилъ его, выпивъ большой глотокъ вина.

— Мнѣ не по себѣ, когда я думаю объ этомъ,—продолжалъ онъ,—я знакомъ былъ съ нимъ, будь онъ проклятъ! Не понимаю, дрожу ли я оттого, что вспоминаю о немъ, или вспоминаю о немъ, потому что задрожалъ?

— Есть у васъ деньги?—спросилъ старикъ.

— У меня только маленькая монетка, одинъ грошъ,—отвѣтилъ поэтъ, смѣясь.—И ее-то я досталъ въ чулкѣ умершей потаскушки. Она была, бѣдняжка, такъ же мертва, какъ Цезарь, холодна, какъ камень, и съ обрывкомъ ленты въ волосахъ. Тяжелое время года зима—для волковъ, волчицъ и такихъ бродягъ, какъ я.

— Однако, кто вы такой?—перебилъ старикъ. — Я Ангеранъ де ла Фелье, владѣтель Бризту. Кто же вы, чѣмъ можете вы быть?

Вильонъ всталъ и сдѣлалъ почтительный поклонъ.

— Я зовусь Франсуа Вильонъ, бѣдный магистръ здѣшняго университета. Я немного понимаю толкъ въ латыни, но еще больше въ разныхъ порокахъ. Могу сочинять стихи, баллады, хороводныя пѣсни и всякія другія такія вещи, и очень люблю вино. Рожденъ, говорятъ, на чердакѣ и умру, по всей вѣроятности, на висѣлицѣ. Могу прибавить, сеньоръ, что съ этой ночи я вашъ покорнѣйшій слуга!

— Ни въ какомъ случаѣ не слуга, а гость мой на сегодняшнюю ночь, но—и только.

— Гость очень признательный,—вѣжливо сказалъ Вильонъ и выпилъ вино съ молчаливымъ поклономъ въ сторону хозяина.

— У васъ, очевидно, есть хорошія способности,—началъ старикъ, постучавъ пальцемъ по лбу,—большія способности; вы учились, имѣете ученую степень, и, однако, берете деньги съ

умершей на улицѣ женщины. Развѣ это не воровство своего рода?

— Это тотъ родъ воровства, какой постоянно практикуется на войнѣ,—возразилъ Вильонъ.

— Война—поле чести!—сказалъ хозяинъ гордо.—Человѣкъ рискуетъ своей жизнью во имя короля, Бога и его святыхъ ангеловъ.

— Оставьте, пожалуйста!—сказалъ Вильонъ.—Если я дѣйствительно воръ, то развѣ я также не рискую своей жизнью и притомъ при болѣе тяжелыхъ условіяхъ?

— Вы это дѣлаете для выгоды, а не для чести.

— Выгода?—повторилъ Вильонъ, пожавъ плечами.—Бѣдняку нуженъ ужинъ, и онъ достаетъ его. Такъ поступаетъ и солдатъ во время похода. Чѣмъ инымъ являются всѣ эти реквизиціи, о которыхъ мы столько слышимъ? Если онѣ и не доставляютъ выгоды тѣмъ, кто занимается этимъ дѣломъ, все же это убытокъ для того, у кого все отнято. Военные попиваютъ вино, сидя у огня, въ то время какъ какой-нибудь мѣщанинъ кусаетъ свои ногти, доставляя имъ вино и топливо. Я видѣлъ многихъ пахарей, раскачивающихся на деревьяхъ по всей странѣ; да, я видѣлъ однажды тридцать труповъ на одномъ вязѣ—всѣ они имѣли чрезвычайно жалкій видъ—и когда я спросилъ кого-то, за что они были повѣшены, мнѣ объяснили, что они не могли наскрести достаточное количество денегъ для нуждъ войска.

— Такія вещи, къ сожалѣнію, неизбѣжны на войнѣ, и люди низкаго происхожденія должны все исполнять съ преданностью. Правда, нѣкоторые начальники дѣйствуютъ очень жестоко. Во всякомъ классѣ встрѣчаются люди съ безжалостной душой. Дѣйствительно, есть военные, которые не лучше разбойниковъ...

— Вы видите, что сами не можете провести разницы между воиномъ и разбойникомъ, а что такое воръ,—какъ не отдѣльный разбойникъ съ осмотрительностью въ дѣйствіяхъ? Я краду кусокъ баранины, пусть хоть цѣлую ножку, не обезпокоивъ никого. Фермеръ поворчитъ немного, но отъ этого не съѣстъ меньше за своимъ ужиномъ, и такъ же будетъ доволенъ тѣмъ, что осталось. Вы же ѣздите съ торжествомъ, съ трубачами впереди, и отбираете цѣлое стадо овецъ, да еще безжалостно бьете фермера при такой сдѣлкѣ. У меня нѣтъ трубача. Я бродяга и песъ, и смерть на висѣлицѣ еще слишкомъ хороша для меня,—чтожъ

дѣлать!—Но если вы спросите фермера, кого онъ предпочитаетъ, вы увидите, кѣмъ изъ насъ онъ больше тяготится и кого больше проклинаетъ.

— Сравните же насъ обоихъ,—сказалъ хозяинъ,—я старъ, крѣпокъ и пользуюсь уваженіемъ. Если бы мнѣ завтра пришлось покинуть свой домъ, сотни людей были бы горды принять меня, а бѣдняки провели бы ночь на улицѣ съ дѣтьми, если бы я только намекнулъ, что хочу остаться одинъ. А вы бродите по улицамъ, безъ крова и пріюта, и крадете гроши у умершей на улицѣ женщины. Я не боюсь ничего; не боюсь людей, а васъ я видѣлъ дрожащимъ и утратившимъ способность рѣчи. Я въ собственномъ домѣ ожидаю, когда Богъ призоветъ меня къ себѣ, или, если угодно будетъ королю, умру на полѣ брани. Вы же все думаете о висѣлицѣ, какъ бродяга, готовый къ смерти, безъ надежды на славу. Развѣ между нами нѣтъ разницы?

— Такое же далекое разстояніе между нами, какъ отъ земли до луны,—согласился Вильонъ.—Но если бы я родился господиномъ Бризту, а вы были бы бѣднымъ Франсуа Вильономъ, развѣ разница была бы менѣе? Я бы грѣлъ свои ноги у этой печки, а вы должны были бы искать украденные гроши въ снѣгу. Развѣ тогда не я былъ бы воиномъ, а вы воромъ?

— Воръ!—вскричалъ старикъ.—Я воръ! Если бы вы понимали свои слова, вы бы раскаялись въ нихъ.

Поэтъ простеръ руки съ неподражаемо наглымъ жестомъ.

— Если бы вы предоставили мнѣ честь развить мои аргументы...

— Довольно съ васъ и того, что я терплю ваше присутствіе,—перебилъ старикъ;—научитесь сдерживать свой языкъ, когда вы разговариваете съ старыми, уважаемыми людьми, а то кто-нибудь менѣе терпѣливый, чѣмъ я, можетъ съ вами обойтись весьма чувствительнымъ для васъ образомъ.

Онъ всталъ и началъ ходить изъ одного конца комнаты въ другой, борясь между гнѣвомъ и отвращеніемъ.

Вильонъ украдкой снова наполнилъ кубокъ и еще болѣе удобно усѣлся въ креслѣ, скрестивъ ноги и облокотясь рукой на спинку кресла. Онъ былъ сытъ, отогрѣлся и нисколько не боялся своего хозяина послѣ того, какъ заклеймилъ его такъ мѣтко, какъ только позволяла разница ихъ положенія. Ночь уже кончалась и даже неожиданно хорошо послѣ всего пережитаго;

Вильонъ чувствовалъ себя увѣреннѣе въ безопасномъ выходѣ отсюда утромъ.

— Скажите мнѣ только одно,—спросилъ старикъ, останавливаясь,—вы дѣйствительно воръ?

— Я уважаю священныя права гостепріимства,—отвѣтилъ Вильонъ,—но вообще я, въ самомъ дѣлѣ, воръ.

— Вы еще такъ молоды,—продолжалъ хозяинъ.

— Я бы никогда не былъ такимъ старымъ, какъ теперь, перебилъ поэтъ, показывая свои пальцы,—если бы не эти десять моихъ талантовъ. Они были моими крестными матерями и отцами.

— Вы можете еще раскаяться и исправиться.

— Я ежедневно раскаиваюсь, — сказалъ Вильонъ; — мало есть людей, которые столько бы каялись, какъ бѣдняга Франсуа. Что касается исправленія, я и на это согласенъ, если ктонибудь измѣнитъ мои обстоятельства. Однимъ раскаяніемъ не насытишься.

— Исправленіе должно совершиться въ душѣ, — сказалъ старикъ торжественно.

— Дорогой сеньоръ,—отвѣтилъ быстро Вильонъ,—неужто вы серьезно думаете, что я ворую ради удовольствія? Я ненавижу воровство, какъ всякую другую работу или опасность. Зубы мои стучатъ, когда я вижу висѣлицу. Но я вѣдь долженъ ѣсть, пить и нѣкоторымъ образомъ вращаться въ обществѣ. Что за чортъ! Человѣкъ не одинокое животное. Господь сотворилъ для него жену... Сдѣлайте меня королевскимъ ключникомъ или настоятелемъ монастыря, или судьей, и тогда я дѣйствительно исправлюсь. Но разъ вы предоставляете мнѣ оставаться бѣднымъ баккалавромъ Франсуа Вильономъ безъ гроша въ карманѣ то, конечно, я и останусь тѣмъ, что есть.

— Милосердіе Божіе неисчерпаемо!

— Я еретикъ въ этихъ вопросахъ,—сказалъ Франсуа. Богъ сдѣлалъ васъ сеньоромъ Бризту, судьей округа, но мнѣ онъ ничего не далъ, кромѣ быстраго ума и десяти пальцевъ на рукахъ. Могу ли я самъ налить себѣ вина? Почтительно благодарю. У васъ превосходное вино.

Старикъ все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ за спину руки. Быть можетъ, теперь и ему не казалась такою рѣзкою параллель между ворами и воинами; быть можетъ, Виль-

онъ заинтересовалъ его и вызвалъ въ немъ нѣкоторую симпатію; быть можетъ въ мозгу старика получилась путаница отъ такой массы необыкновенныхъ разсужденій, но какова бы ни была причина, онъ настолько желалъ направить молодого человѣка на лучшій образъ мыслей, что не могъ рѣшиться вышвырнуть его на улицу.

— Во всемъ этомъ есть что-то такое, что я не могу понять,—сказалъ онъ наконецъ.—Вашъ языкъ полонъ хитрости; заблужденія ваши—дѣло рукъ дьявола, но дьяволъ духъ очень слабый по сравненію съ праведнымъ Богомъ, и всѣ его хитрости напрасны передъ словомъ истинной чести, какъ тьма передъ свѣтомъ. Послушайте меня еще немного. Много лѣтъ тому назадъ я научился тому, что джентльменъ долженъ жить по-рыцарски и любя Бога, короля и королеву; хотя я и видѣлъ, что творится много странныхъ вещей на свѣтѣ, я лично старался всегда направлять свой путь согласно съ этими правилами. Эти правила не только запечатлѣваются въ дѣяніяхъ великихъ людей, но они записаны въ сердцѣ благороднаго человѣка. Только не всѣмъ дано читать это. Вы говорите о пищѣ, винѣ, и я отлично знаю, что голодъ является большимъ испытаніемъ, но вы забываете о другихъ нуждахъ; вы ничего не знаете о чести, о вѣрѣ въ Бога, о другихъ людяхъ, объ ихъ милостяхъ и безупречной любви. Можетъ быть, я и не очень мудръ—хотя и считаю себя умнымъ—но вы мнѣ представляетесь человѣкомъ, заблудившимся и надѣлавшимъ много ошибокъ въ своей жизни. Вы привязаны къ низменнымъ потребностямъ и совершенно забыли все высокое и единственно истинное, какъ человѣкъ, который думалъ бы о лѣченіи зубной боли въ день страшнаго суда. Честь, любовь и вѣра не только благороднѣй, чѣмъ пища и питье, но и желаемъ мы ихъ больше и страдаемъ болѣе отъ ихъ отсутствія. Я говорю вамъ, какъ думаю, чтобъ вамъ легче было понять меня, Разъ вы заботитесь только о томъ, чтобы наполнить брюхо, вы не становитесь менѣе внимательнымъ къ другимъ потребностямъ души, а отъ этого портятся радости вашей жизни, и вы становитесь низкимъ.

Вильонъ былъ чувствительно уязвленъ этой проповѣдью.

— Вы думаете, во мнѣ нѣтъ чувства чести!—вскричалъ онъ.—Я, дѣйствительно, бѣденъ, какъ извѣстно Богу. Тяжело видѣть богатыхъ людей въ перчаткахъ, а самому согрѣвать свои

руки дыханіемъ его рта. Пустое брюхо—ужасная вещь, а вы говорите объ этомъ такъ легко. Если бы у васъ было такъ мало всего, какъ у меня, вы иначе бы запѣли. Во всякомъ случаѣ я воръ—думайте объ этомъ какъ вамъ угодно,—но, вѣдь, я не дьяволъ, явившійся изъ ада, да поразитъ меня Богъ, если я лгу! Я бы хотѣлъ, чтобы вы знали, что и у меня есть своя честь, такая же хорошая какъ и ваша, хотя я и не болтаю объ этомъ такъ, будто это какое-то чудо — имѣть честь. Мнѣ представляется совершенно естественнымъ имѣть ее; она всегда внутри меня, и я пользуюсь ею, когда требуется. Подумайте, сколько времени провелъ я съ вами въ этой комнатѣ? Развѣ вы не говорили, что вы одинъ въ домѣ? Взгляните на свои золотыя блюда. Вы, пожалуй, человѣкъ сильный, но вы стары и безоружны, а у меня есть ножъ. Мнѣ бы достаточно было сдѣлать одинъ ударъ и вы лежали бы съ холодной сталью въ кишкахъ, а я бы ушелъ на улицу съ кучей золотыхъ вещей. Не думаете ли вы, что у меня не хватаетъ ума видѣть это? А я пренебрегъ этимъ. Ваши проклятые кубки въ такой же безопасности, какъ въ церкви, и сердце ваше бьется такъ же ровно, какъ всегда. А я сейчасъ выйду отсюда такимъ же бѣднякомъ, какимъ пришелъ, съ единственнымъ грошомъ, которымъ вы мнѣ колете глаза. А вы думаете, что у меня нѣтъ чувства чести,—да поразитъ меня Богъ!

Старикъ протянулъ правую руку.

— Я скажу вамъ, кто вы такой,—произнесъ онъ,—вы негодяй, мой милый: безразсудный, жестокосердный негодяй и бродяга. Я провелъ съ вами часъ. О, повѣрьте, я чувствую себя опозореннымъ. А вы ѣли и пили за моимъ столомъ. Я уже усталъ отъ вашего пребыванія. День наступаетъ, и ночныя птицы должны садиться на свой насѣстъ. Хотите итти впереди или сзади?

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ поэтъ, вставая.—Я вѣрю въ вашу суровую честность.—Онъ съ задумчивымъ видомъ осушилъ свой кубокъ. — Я хочу добавить, что вы были очень умны,—сказалъ онъ, постукивая пальцами по лбу,—но годы, годы! Умъ одеревенѣлъ и ревматизмы...

Старикъ пошелъ впереди него съ гордымъ видомъ. Вильонъ слѣдовалъ за нимъ, насвистывая, засунувъ руки за поясъ.

— Да помилуетъ васъ Богъ,—сказалъ сеньоръ у двери.

— Прощайте, папаша,—отвѣчалъ поэтъ, зѣвая,—большое спасибо за холодную баранину и вино!

Дверь заперлась за нимъ. Брезжилъ разсвѣтъ надъ бѣлыми крышами домовъ. Морознымъ, непривѣтливымъ утромъ начинался день. Вильсонъ постоялъ и смѣло вышелъ на середину улицы.

— Старый дуракъ!—подумалъ онъ. — Да и кубки-то его врядъ ли особенно дорогіе.

ДВЕРЬ СИРА ДЕ-МАЛЕТРУА.

(The Sire de Malétroit's Door).

Денису де-Болье не минуло еще двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, но онъ считалъ себя вполнѣ взрослымъ и совершеннымъ кавалеромъ. Въ тѣ грубыя воинственныя времена мужчины рано развивались. Если юноша участвовалъ хотя въ одномъ правильномъ сраженіи или въ десяткѣ набѣговъ и успѣлъ кого-нибудь убить приличнымъ образомъ; если при этомъ онъ могъ поговорить о военномъ искусствѣ и усвоилъ обычныя манеры людей своего круга, то его и взаправду считали «совершеннымъ кавалеромъ» и легко прощали невинное фанфаронство—стремленіе казаться старше своихъ лѣтъ.

Денисъ съ должною заботливостью поставилъ свою лошадь въ конюшню гостиницы, съ должною солидностью поужиналъ и затѣмъ, въ отличномъ расположеніи духа, отправился въ гости. Это было не особенно благоразумно; лучше дождался бы онъ утра, такъ какъ городъ занимали англійскія и бургундскія союзныя войска, и хотя у Дениса въ карманѣ былъ пропускъ для ходьбы вечеромъ по улицамъ, но это была мало надежная защита при возможныхъ случайныхъ столкновеніяхъ въ городѣ, объявленномъ на военномъ положеніи.

Дѣло происходило въ сентябрѣ 1429 года. Погода стояла отвратительная. Порывистый, бѣшеный вѣтеръ съ дождемъ крутилъ опавшіе съ деревьевъ аллей листья. Кое-гдѣ въ окнахъ виднѣлся свѣтъ; временами до слуха Дениса доносились крики и гульба веселившихся послѣ ужина солдатъ и быстро умолкали развѣвавшійся наверху высокаго шпица, поблѣднѣлъ на фонѣ уносимые вѣтромъ. Ночь быстро наступила; англійскій флагъ,

бѣгущихъ облаковъ и обратился въ темное пятно, похожее на провалъ въ бурномъ свинцово-сѣромъ хаосѣ неба.

Денисъ де-Болье шелъ быстро и скоро уже стучалъ у дверей своего друга, но, хотя онъ и обѣщалъ самому себѣ пробыть недолго и рано вернуться домой, его встрѣтили такъ радушно, и самому ему было такъ весело, что давно уже прошла полночь, когда онъ попрощался на порогѣ съ своимъ другомъ. За это время вѣтеръ стихъ, но на улицѣ было черно, какъ въ могилѣ; изъ-за густыхъ тучъ не видать было ни звѣздъ, ни луны. Денисъ былъ плохо знакомъ съ запутанными переулками Шато-Ландона; даже днемъ онъ затруднился бы въ выборѣ между ними, а теперь, при совершенной темнотѣ, онъ вскорѣ совсѣмъ потерялъ дорогу. Онъ зналъ только одно—надо подняться на холмъ, такъ какъ домъ его друга находился на нижнемъ концѣ города, а гостиница Дениса стояла наверху, у церкви. Руководствуясь однимъ этимъ указаніемъ, онъ подвигался точно ощупью и вскорѣ вышелъ на открытое мѣсто, гдѣ надъ головой виднѣлся уже порядочный кусокъ неба. Жуткое и непріятное положеніе—очутиться въ полной темнотѣ въ почти незнакомомъ городѣ.

Прикосновеніе руки къ холоднымъ оконнымъ переплетамъ заставляетъ человѣка вздрагивать, какъ отъ прикосновенія жабы; отъ неровностей мостовой онъ то-и-дѣло спотыкается; въ наиболѣе темныхъ мѣстахъ угрожаютъ засады и ямы; чѣмъ яснѣе воздухъ, тѣмъ болѣе странный, непонятный видъ принимаютъ дома и отклоняютъ его отъ вѣрнаго пути. Денисъ все это переиспыталъ. Но надо было скорѣе добраться до гостиницы, — только тамъ онъ могъ считать себя въ безопасности,—и потому онъ шелъ возможно быстро, но осторожно, останавливаясь на каждомъ углу, чтобы разсмотрѣть, угадать дорогу.

Нѣкоторое время онъ шелъ по такому узкому переулку, что могъ касаться рукой до противоположныхъ стѣнъ; затѣмъ переулокъ круто обрывался внизъ. Положительно, эта дорога не вела къ его гостиницѣ; но надежда на лучшее освѣщеніе побудила его пойти впередъ на развѣдки. Переулокъ оканчивался террасой съ сторожевой башней, въ которой было отверстіе, и черезъ это отверстіе, какъ изъ амбразуры, можно было различить далеко внизу долину подъ городомъ и въ ней — темную аллею, сквозь которую свѣтлымъ пятномъ виднѣлась полоса рѣки, про-

текавшей здѣсь черезъ шлюзы. Небо нѣсколько прояснилось, нависшія тучи уже замѣтно отдѣлялись отъ черныхъ вершинъ окрестныхъ холмовъ.

Оглянувшись на террасу, Денисъ могъ уже разсмотрѣть, что ближайшій домъ отличается необычайною архитектурою. Прежде всего его поразилъ слабый свѣтъ наверху, точно изъ многихъ отверстій. Вглядѣвшись, Денисъ различилъ, что этотъ свѣтъ исходитъ изъ замысловатой сѣти фигурныхъ оконцевъ круглой часовни, но сама часовня виситъ, словно въ воздухѣ; онъ не сразу разсмотрѣлъ, что ее поддерживаетъ рядъ крутыхъ откосовъ, отходящихъ отъ массивной стѣны дома. Этотъ слабый свѣтъ еще рѣзче оттѣнялъ черноту остроконечной крыши и нѣсколькихъ примыкавшихъ къ ней башенокъ. Затѣмъ Денисъ увидалъ и большой глубокій портикъ, украшенный изваяніями, а надъ нимъ два каменныхъ чудовища, скрывавшія въ своихъ пастяхъ концы длинныхъ водосточныхъ трубъ. Денисъ рѣшилъ, что это городское жилище какого-нибудь знатнаго сеньора, вдругъ вспомнилъ свой домъ въ Буржѣ и нѣкоторое еще время постоялъ здѣсь, мысленно сравнивая архитектуру обоихъ домовъ, богатство и знатность ихъ обитателей

Надо было подумать о дальнѣйшей дорогѣ. Отъ террасы, казалось, былъ лишь одинъ выходъ—тотъ переулокъ, который привелъ Дениса къ ней; оставалось только подняться по нему обратно. Дениса это не смутило: онъ теперь зналъ, что онъ высоко на горѣ и потому недалеко отъ главной улицы, гдѣ стояла его гостиница. Денисъ быстро двинулся по переулку, но не успѣлъ пройти сотню-другую шаговъ, какъ увидалъ факелы спускающагося по переулку патруля и громкіе голоса солдатъ. Денисъ пріостановился и съ тревогою замѣтилъ, что солдаты пьяны. «Съ ними и пропускъ не поможетъ: могутъ прямо убить, какъ собаку, и баста!»—подумалъ Денисъ. Онъ рѣшилъ тихо отъ нихъ удалиться.

Къ несчастью, когда онъ быстро обернулся, чтобы побѣжать назадъ, его нога споткнулась о камень, и онъ упалъ, не сдержавъ легкаго крика, а его шпага громко зазвенѣла, ударившись о мостовую. Два или три солдата окликнули по-французски и по-англійски—кто тамъ? Денисъ не отвѣтилъ и быстро побѣжалъ внизъ по переулку. На террасѣ онъ пріостановился, чтобы осмотрѣться. Солдаты уже тронулись въ догонку, громко бряцая

оружіемъ и направляя факелы во всѣ темные уголки переулка.

Денисъ оглянулся кругомъ и бросился въ портикъ того дома, на который онъ передъ тѣмъ любовался. Тамъ его могли совсѣмъ не замѣтить, и во всякомъ случаѣ это была позиція, сравнительно очень выгодная для веденія переговоровъ или для самозащиты. Думая такъ, онъ вынулъ шпагу и прислонился къ двери. Къ его удивленію, дверь подалась подъ давленіемъ его спины, и, хотя онъ въ тотъ же моментъ отскочилъ, дверь продолжала открываться на безшумныхъ, смазанныхъ масломъ петляхъ, пока не открылась совершенно; за нею было совершенно темно. Когда обстоятельства благопріятствуютъ заинтересованному человѣку, онъ не особенно расположенъ критически разбирать, какъ и почему такъ случилось; его собственное личное удобство кажется достаточнымъ объясненіемъ наиболѣе странныхъ и неожиданныхъ перемѣнъ въ подлунномъ мірѣ; и потому Денисъ, ни секунды не раздумывая, вошелъ внутрь и притворилъ за собой дверь, чтобы обезпечить себѣ убѣжище. Ему не приходило въ голову закрыть ее совершенно, но по какой-то необъяснимой причинѣ—можетъ быть, благодаря пружинѣ, или скрытой гирѣ—тяжелая масса дубоваго дерева выскользнула изъ его рукъ и захлопнулась съ сильнымъ стукомъ.

Въ этотъ самый моментъ патруль уже подошелъ къ террасѣ и продолжалъ звать бѣглеца съ угрозами и ругательствами. Денисъ слышалъ, какъ солдаты разыскивали его во всѣхъ закоулкахъ террасы; они подошли даже къ двери, за которою стоялъ Денисъ, и потыкали ее концами мечей. Къ счастью, весь патруль былъ слишкомъ навеселѣ, чтобы довести поиски до конца. Они удалились, и скоро совершенно умолкли пьяные крики и бряцанье оружія.

Денисъ вздохнулъ свободно. Для безопасности онъ подождалъ еще нѣсколько минутъ, затѣмъ сталъ ощупывать дверь, чтобы открыть ее и снова выйти на террасу. Внутренняя сторона двери оказалась совершенно гладкой; не имѣлось ни ручки, ни украшеній, ни выступовъ. Онъ запустилъ ногти въ края двери и потянулъ ее къ себѣ, но она не поддавалась. Онъ попробовалъ ее потрясти, но она оказалась крѣпкою, какъ скала. Денисъ дебольше нахмурился и тихонько свистнулъ. Что такое съ дверью?—удивлялся онъ. Какимъ образомъ она открывалась? Какъ могла

она такъ легко и крѣпко закрыться за нимъ? Въ этомъ было что-то темное и таинственное, что мало нравилось молодому человѣку. Все это было похоже на западню; но кто бы могъ предполагать западню въ такомъ спокойномъ и великолѣпномъ домѣ, благородномъ даже по внѣшности? И, однако, западня это или не западня, намѣренная или ненамѣренная, а онъ былъ отличнѣйшимъ образомъ пойманъ; рѣшительно, нигдѣ не было никакого выхода. Темнота стала давить его. Онъ сталъ прислушиваться; сначала все казалось тихо вокругъ, но вдругъ гдѣ-то недалеко послышался точно слабый вздохъ, тихое рыданіе, затѣмъ—осторожный скрипъ, какъ будто недалеко скрывались люди, старавшіеся не производить никакого шума. Все существо Дениса потрясла мысль объ опасности, и онъ повернулся лицомъ по направленію подозрительныхъ звуковъ. Тогда въ первый разъ онъ увидѣлъ внутри дома, на нѣкоторой высотѣ, полоску свѣта, которая, казалось, выходила черезъ щель двухъ половинокъ какой-то портьеры. Видѣть свѣтъ было уже облегченіемъ для Дениса; онъ почувствовалъ что-то вродѣ того, что испытываетъ человѣкъ, который долго не могъ выбраться изъ болота и вдругъ нащупываетъ ногою твердую почву. Онъ стоялъ и пристально глядѣлъ на полоску свѣта, стараясь связать воедино нѣкоторыя логическія соображенія относительно всего его окружающаго. Очевидно, что къ двери, изъ которой шелъ свѣтъ, вели ступеньки. Онъ увидѣлъ и другую полоску свѣта, тонкую, какъ игла, и слабую, какъ фосфорическій отблескъ, которая точно скользила по полированному дереву перилъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ему пришло въ голову, что онъ не одинъ, сердце его забилось съ необыкновенной силой, и непреодолимое желаніе что-либо предпринять всецѣло овладѣло имъ. Ему казалось, что онъ находится въ смертельной опасности. Что же могло быть болѣе естественно, какъ подняться по ступенькамъ, отодвинуть портьеру и сразу пойти навстрѣчу всѣмъ непріятностямъ? Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ узнать что-нибудь положительное; по меньшей мѣрѣ, онъ не будетъ больше въ темнотѣ. Онъ тихонько шагнулъ впередъ съ протянутыми руками, пока ноги его не коснулись ступенекъ, затѣмъ онъ быстро поднялся по лѣстницѣ, остановился на мгновеніе, чтобы собраться съ духомъ, и, съ силою раздвинувъ портьеру, вошелъ.

Онъ очутился въ очень большой комнатѣ съ облицовкой

изъ камня. Въ трехъ стѣнахъ было по двери, а въ четвертой два большихъ окна, между которыми находился каминъ, украшенный рѣзьбою и гербами рода де-Малетруа.

Денисъ узналъ гербы и былъ доволенъ, что очутился въ такомъ хорошемъ домѣ. Комната была ярко освѣщена, но въ ней почти не было мебели, кромѣ массивнаго стола и двухъ креселъ. Каминъ не топился. Полъ былъ усланъ камышемъ, очевидно, очень старымъ.

На высокомъ креслѣ около камина, и какъ разъ лицомъ къ Денису, сидѣлъ маленькій старый джентльменъ, закутанный въ мѣховую накидку. Онъ сидѣлъ съ скрещенными ногами и сложенными на груди руками; кружка съ пряным виномъ стояла около него на полочкѣ у стѣны. Лицо его носило выраженіе мужества и силы, но, собственно, не человѣческой силы, а скорѣе это было выраженіе, какое мы встрѣчаемъ у быка, козла или борова: нѣчто двусмысленное и льстивое, алчное, свирѣпое и опасное. Верхняя губа его была очень толста, точно распухла отъ удара или зубной боли; улыбка, остроконечныя брови и маленькіе острые глаза имѣли странное, почти комически-непріятное выраженіе. Красивые сѣдые волосы обрамляли все лицо, какъ у святыхъ, и одною густою прядью падали на воротникъ. Борода и усы могли служить образцомъ старческой красоты. Однако, возрастъ,—быть можетъ, вслѣдствіе особенныхъ предосторожностей и тщательнаго ухода за ними,—нисколько не отразился на его рукахъ, которыя кидались въ глаза своей красотой. Было бы трудно себѣ представить, не видя его, это сочетаніе чего-то и плотскаго, и деликатнаго въ формѣ его рукъ; заостренные пальцы напоминали пальцы женщинъ Леонардо Винчи. Ногти были вполнѣ совершенной формы и отличались мертвенной, поразительной бѣлизной. Видъ старика тѣмъ болѣе казался страшнымъ, что такія руки подходили бы къ дѣвѣ-мученицѣ, сложившей ихъ на своей груди, но представляли слишкомъ сильный контрастъ съ жесткимъ, прямо страшнымъ выраженіемъ лица этого человѣка. Онъ же, точно языческій богъ или его изваяніе, сидѣлъ неподвижно на стулѣ, съ глубокой ироніей и коварствомъ во взглядѣ

Таковъ былъ Алэнъ, сиръ де-Малетруа.

Денисъ и онъ молча смотрѣли другъ на друга въ теченіе двухъ-трехъ секундъ.

— Прошу, войдите,—сказалъ сиръ де-Малетруа,—я ждалъ васъ весь вечеръ.

Онъ не всталъ, но слова его сопровождались улыбкой и хотя легкимъ, но вѣжливымъ кивкомъ головы. Отчасти вслѣдствіе этой улыбки, отчасти вслѣдствіе какого-то страннаго мелодическаго рокота, который слышался въ голосѣ сира де-Малетруа, Дениса до мозга костей пронизало острое чувство отвращенія къ старику. Благодаря этому и понятному смущенію, онъ едва могъ найти нѣсколько словъ для отвѣта.

— Боюсь,—сказалъ онъ,—что произошло двойное недоразумѣніе. Я не тотъ, кого вы ожидали. Кажется, вы ожидали гостя; что же касается меня, то въ мои намѣренія не входило и не могло входить совершить подобное вторженіе.

— Ну, ну,—отвѣтилъ старикъ снисходительно,—вы здѣсь, а это главное. Садитесь, другъ мой, и располагайтесь, какъ вамъ удобнѣе. Теперь мы потолкуемъ о нашемъ маленькомъ дѣлѣ.

Денисъ видѣлъ, что положеніе еще болѣе осложняется, благодаря продолжающемуся недоразумѣнію, и поспѣшилъ съ своими объясненіями.

— Ваша дверь...—началъ, было, онъ.

— Вы говорите о моей двери?—спросилъ хозяинъ, поднимая свои остроконечныя брови.—О, это мое маленькое изобрѣтеніе...—Онъ пожалъ плечами.—Широкое гостепріимство... По вашимъ словамъ, вы не имѣли ни малѣйшаго желанія познакомиться со мной. Что-жъ, старикамъ приходится мириться съ антипатіей къ нимъ; только когда антипатія эта затрагиваетъ нашу честь, мы придумываемъ способъ побѣдить ее. Вы являетесь безъ приглашенія, но, повѣрьте, будете желаннымъ гостемъ.

— Вы продолжаете заблуждаться, сударь, — сказалъ Денисъ.—Между нами не можетъ быть ничего общаго. Я совершенно чужой человѣкъ въ этой сторонѣ; мое имя Денисъ, я сынъ покойнаго де-Болье. Если вы видите меня въ своемъ домѣ, то только...

— Мой молодой другъ,—перебилъ старикъ,—позвольте мнѣ имѣть на этотъ счетъ мое собственное мнѣніе. Можетъ быть, оно въ настоящій моментъ отличается отъ вашего,—и онъ искоса взглянулъ на молодого человѣка,—но время покажетъ, кто изъ насъ былъ правъ.

Денисъ пришелъ къ заключенію, что имѣетъ дѣло съ помѣ-

шапнымъ. Онъ усѣлся, пожавъ плечами, собираясь терпѣливо ждать развязки. Наступила пауза, во время которой Денису показалось, что онъ различаетъ быстрый шопотъ, точно чтеніе молитвъ, и что онъ идетъ изъ-за портьеры, какъ разъ напротивъ него. Иногда ему слышался одинъ голосъ, иногда два; сильный, низкій голосъ, казалось, свидѣтельствовалъ то о подъемѣ, то объ упадкѣ духа говорившаго. Онъ подумалъ, что портьера закрываетъ входъ въ часовню, которую онъ замѣтилъ снаружи.

Старикъ все это время съ улыбкой разсматривалъ Дениса съ головы до ногъ и временами издавалъ легкій звукъ, похожій на щебетанье птицы или пискъ мыши, и выражавшій, должно быть, высокую степень удовольствія.

Положеніе стало вскорѣ невыносимымъ для Дениса, и, чтобы прекратить его, онъ вѣжливо замѣтилъ, что вѣтеръ утихъ.

Съ старикомъ сдѣлался припадокъ молчаливаго смѣха, настолько сильный и продолжительный, что лицо его стало совсѣмъ краснымъ.

Денисъ вскочилъ и съ рѣшительнымъ жестомъ надѣлъ шляпу.

— Сиръ,—сказалъ онъ,—если вы въ твердомъ умѣ, то жестоко оскорбляете меня. Если вы не въ здравомъ умѣ, то я могъ бы съ большею пользою употребить свои умственныя способности, чѣмъ на бесѣду съ сумасшедшими. Теперь я ясно понимаю, въ чемъ дѣло. Вы съ первой же минуты заставили меня играть роль дурака; вы отказались выслушать мои объясненія, но нѣтъ такой власти подъ небомъ, которая заставила бы меня оставаться здѣсь дольше! Если я не могу уйти отсюда болѣе пристойнымъ образомъ, я шпагой въ куски изрублю вашу дверь.

Сиръ де-Малетруа протянулъ правую руку и пошевелилъ пальцами.

— Дорогой племянникъ,—сказалъ онъ,—успокойтесь и садитесь!

— Племянникъ!—вскричалъ Денисъ.—Вы это солгали!

И онъ вызывающе щелкнулъ пальцами по направленію къ старику.

— Садитесь вы, негодяй!—закричалъ вдругъ старикъ неожиданно громкимъ голосомъ, грубымъ, какъ собачій лай.—Не воображаете ли вы,—продолжалъ онъ,—что, устроивъ приспособленіе, чтобы за вами захлопнулась дверь, я на этомъ и покончилъ? Если вы предпочитаете быть связаннымъ по рукамъ и

по погамъ, пока пе затрещатъ у васъ кости, вставайте и попробуйте выйти отсюда. Если предпочитаете остаться свободнымъ молодымъ человѣкомъ, любезно бесѣдующимъ съ старымъ джентльменомъ, тогда сидите спокойно, и да сохранитъ васъ Богъ!

— Вы хотите сказать, что я въ плѣну?—спросилъ Денисъ.

— Я только устанавливаю факты, — отвѣтилъ собесѣдникъ,—а вамъ предоставляю дѣлать заключенія.

Денисъ снова сѣлъ. По внѣшности онъ казался спокойнымъ, но внутри у него все то кипѣло гнѣвомъ, то холодѣло отъ страха. Онъ уже не думалъ, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ. Но если старикъ здоровъ,—то что ему отъ него нужно, ради Создателя? Какое нелѣпое и трагическое происшествіе! Какъ ему держаться?

Пока онъ предавался непріятнымъ размышленіямъ, портьера, закрывавшая дверь въ часовню, откинулась, и оттуда вышелъ высокій священникъ въ облаченіи и, бросивъ испытующій взглядъ на Дениса, сказалъ что-то шепотомъ старику.

— Она въ лучшемъ расположеніи?—спросилъ тотъ.

— Болѣе уступчива, мессиръ,—отвѣтилъ священникъ.

— Ну, теперь да поможетъ ей Богъ!—сказалъ старикъ и презрительно засмѣялся.—Ей трудно угодить,—продолжалъ онъ.— Юноша пріятный, не низкаго происхожденія, да и по собственному ея выбору. На что же больше можетъ она разсчитывать?

— Положеніе не обычное для молодой дѣвицы,—сказалъ священникъ,—и является большимъ испытаніемъ для ея скромности.

— Ей бы прежде нужно было подумать объ этомъ. Богу извѣстно, что я тутъ не при чемъ. Но разъ наша барышня пошла на то, она должна принять и всѣ послѣдствія.—И, обращаясь къ Денису, онъ спросилъ:

— Господинъ де-Болье, могу я представить васъ своей племянницѣ? Она ожидала вашего появленія, долженъ сказать, съ еще большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ я самъ.

Денису поневолѣ пришлось покориться. Все, чего онъ желалъ, это узнать какъ можно скорѣе худшее, что его ожидаетъ. Поэтому онъ тотчасъ же всталъ и учтиво поклонился. Сиръ де-Малетруа послѣдовалъ его примѣру и, прихрамывая, опираясь

на руку священника, пошелъ къ часовнѣ. Священникъ откинулъ портьеру, и всѣ трое вошли.

Строеніе выдавалось своей архитектурою. Легкій красивый сводъ покоился на шести большихъ колоннахъ и былъ богато украшенъ. Круглое пространство за алтаремъ также украшалось массой рельефныхъ орнаментовъ; оно было пронизано многими окнами въ формѣ звѣздъ, трилистниковъ и круговъ. Въ окна плохо были вставлены стекла, и ночной воздухъ свободно разгуливалъ по часовнѣ. Восковыя свѣчи, изъ которыхъ до полсотни было зажжено на алтарѣ, задувались вѣтромъ, и свѣтъ то былъ очень яркимъ, то наполовину затмевался. На ступенькахъ алтаря стояла на колѣняхъ молодая дѣвушка, богато одѣтая, какъ невѣста. Морозъ пробѣжалъ по тѣлу Дениса, когда онъ увидѣлъ нарядъ невѣсты. Съ отчаянной силой онъ хотѣлъ отбросить рождавшіяся предположенія. Нѣтъ, ничего подобнаго не могло, не должно было быть!..

— Бланшъ,—сказалъ старикъ своимъ наиболѣе тонкимъ голосомъ,—я привелъ къ вамъ друга, который очень желаетъ видѣть васъ, моя маленькая дѣвочка. Обернитесь и дайте ему свою хорошенькую ручку. Очень хорошо быть набожной, но надо же быть и вѣжливой, племянница моя.

Дѣвушка поднялась съ колѣнъ и обернулась къ пришедшимъ. Она пошла къ нимъ колеблющимися шагами; утомленіе и стыдъ сквозили въ каждой линіи ея молодого существа; голова была низко опущена, глаза глядѣли на полъ, пока она медленно приближалась. Вдругъ взоръ ея упалъ на ноги Дениса де-Болье— ноги, которыми, надо замѣтить, онъ очень гордился, и которыя обувалъ въ самую элегантную обувь даже во время путешествій—и остановилась, точно отъ вида его желтыхъ башмаковъ ей стало особенно неловко; она быстро подняла глаза на обладателя ихъ. Взоры молодыхъ людей встрѣтились. Выраженіе стыда смѣнилось выраженіемъ страха и ужаса на лицѣ дѣвушки; губы ея побѣлѣли; съ пронзительнымъ воплемъ она закрыла лицо руками и упала на полъ часовни.

— Это не тотъ!—вскричала она.—Дядя, это не тотъ!

Сиръ де-Малетруа прошепталъ любезно:

— Конечно, нѣтъ, я такъ и ожидалъ. Такъ непріятно, что вы не могли вспомнить его имени.

— Это правда, правда, я никогда до этой минуты не видала

этого господина!—закричала она.—Я никогда и глазъ на него не поднимала, и я не хочу его видѣть.—Мессиръ,—добавила она, обращаясь къ Денису,—если вы благородный человѣкъ, вы подтвердите мои слова. Видѣла ли я васъ когда-нибудь, видѣли ли вы меня когда-нибудь до этой минуты?

— Что касается меня, то я никогда не имѣлъ этого удовольствія,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Въ первый разъ въ жизни, мессиръ, я вижу вашу уважаемую племянницу.

Старикъ пожалъ плечами.

— Очень грустно это слышать, но что жъ дѣлать!—сказалъ онъ.—Я самъ былъ мало знакомъ съ своей покойной женой въ то время, какъ женился на ней, что доказываетъ,—добавилъ онъ съ гримасой,—что такіе неожиданные браки часто влекутъ за собой великолѣпное согласіе въ послѣдующей жизни. Что касается жениха,—онъ, вѣроятно, желаетъ имѣть голосъ въ этомъ дѣлѣ,—то я даю ему два часа, которые онъ можетъ провести до церемоніи бракосочетанія.—И онъ повернулся въ сопровожденіи священника къ двери.

Дѣвушка мгновенно вскочила на ноги.

— Дядя, не можетъ быть, чтобы вы серьезно это говорили!—вскричала она.—Клянусь Богомъ, я скорѣе наложу руки на себя, чѣмъ выйду за этого молодого человѣка. Вся душа моя возмущена! Богъ запрещаетъ такіе браки! Вы позорите свои сѣдые волосы! О, дядя, сжальтесь надо мной! Нѣтъ женщины во всемъ мірѣ, которая не предпочла бы смерть такому браку! Можетъ быть,—добавила она прерывающимся голосомъ,—вы не вѣрите мнѣ, можетъ быть, вы до сихъ поръ думаете, что...—И она посмотрѣла на Дениса, дрожа отъ страха и презрѣнія,—до сихъ поръ думаете, что это тотъ?

— Говоря откровенно, — отвѣтилъ старикъ у порога,—я такъ думаю. Позвольте мнѣ, Бланшъ де-Малетруа, разъ навсегда изложить вамъ мой образъ мыслей на этотъ счетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы унизили себя и готовы были обезчестить мой родъ и имя, которое я носилъ и въ мирное, и въ военное время больше шестидесяти лѣтъ, вы потеряли право не только обсуждать мои рѣшенія, но даже смотрѣть мнѣ въ лицо. Если бы живъ былъ вашъ отецъ, онъ избилъ бы васъ и выгналъ изъ дома. У него была желѣзная рука. Вы должны благодарить Бога за то, что имѣете дѣло съ бархатной рукой дяди, сударыня! Моя обязан-

ность выдать васъ замужъ. Изъ чистаго доброжелательства я постарался найти для васъ вашего собственнаго поклонника. Полагаю, что успѣлъ въ этомъ. Но если это и не удалось мнѣ, то клянусь Господомъ Богомъ и всѣми святыми ангелами Его,—это мнѣ совершенно все равно. Потому, позвольте мнѣ рекомендовать вамъ быть любезнѣе съ вашимъ юнымъ другомъ, такъ какъ вашъ лакей, напримѣръ, былъ бы вамъ менѣе подходящимъ женихомъ.

Съ этими словами онъ вышелъ съ слѣдовавшимъ за нимъ по пятамъ капелланомъ, и портьера опустилась.

Дѣвушка повернулась къ Денису съ сверкающими глазами.

— Что это все значитъ, сударь?—спросила она.

— Одинъ Господь вѣдаетъ,—отвѣтилъ онъ мрачно. — Я плѣнникъ въ этомъ домѣ, который кажется мнѣ домомъ сумасшедшихъ. Больше я ничего не знаю и ничего не понимаю.

— Скажите, пожалуйста, какъ вы вошли сюда? — спросила она.

Онъ вкратцѣ разсказалъ.

— Въ концѣ концовъ,—добавилъ онъ,—можетъ быть, вы послѣдуете моему примѣру и попробуете разрѣшить всѣ эти загадки? Боже мой, чѣмъ можетъ все это кончиться?

Она стояла молча, и онъ видѣлъ, какъ дрожали ея губы, а глаза безъ слезъ горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Потомъ она закрыла лицо руками.

— О, какъ голова болитъ! — сказала она усталымъ голосомъ.—Что я могу сказать о себѣ? Но я обязана сообщить вамъ свою исторію, какъ ни мало женственнымъ это покажется. Мое имя Бланшъ де-Малетруа. Я осталась давно безъ отца и матери, о, такъ давно, что едва помню ихъ. Дѣйствительно, я была очень несчастна всю свою жизнь. Три мѣсяца тому назадъ одинъ молодой капитанъ ежедневно становился около меня въ церкви. Я видѣла, что нравлюсь ему. Конечно, я заслуживаю порицанія, но я такъ рада была, что хоть кто-нибудь любитъ меня, то когда онъ сунулъ мнѣ письмо, я принесла его домой и прочла съ большимъ удовольствіемъ. Съ того времени онъ писалъ часто. Онъ боялся заговорить со мной, несчастный юноша! Онъ просилъ меня оставлять иногда вечеромъ дверь отворенной, чтобы мы могли поговорить минуты двѣ на лѣстницѣ. Онъ зналъ, насколько дядя довѣрялъ мнѣ!

У молодой дѣвушки вырвалось нѣчто въ родѣ рыданія, и прошло нѣсколько мгновеній прежде, чѣмъ она могла продолжать

— Дядя мой человѣкъ жесткій и очень ловкій. Онъ продѣлывалъ массу хитрыхъ штукъ на войнѣ; былъ большимъ вельможей при дворѣ и былъ близокъ къ королевѣ Изабеллѣ въ прежнія времена. Почему онъ сталъ подозрѣвать меня—не знаю, но скрыть что-либо отъ него очень трудно. Сегодня утромъ, когда мы вернулись отъ обѣдни, онъ схватилъ мою руку, заставилъ разжать ее и прочелъ маленькую записку. Послѣ прочтенія онъ вѣжливо возвратилъ мнѣ ее. Въ запискѣ меня просили оставить открытою дверь,—вотъ это-то и погубило насъ всѣхъ. Дядя продержалъ меня въ моей комнатѣ до самаго вечера, потомъ приказалъ мнѣ надѣть этотъ нарядъ—жестокая насмѣшка для молодой дѣвушки, не правда ли? Я предполагаю,—такъ какъ дядя не могъ добиться отъ меня, чтобы я назвала имя капитана,—что онъ устроилъ для него ловушку, въ которую, по волѣ Божьей, попали вы. Я была въ большомъ смущеніи. Могла ли я знать, что капитанъ захочетъ жениться на мнѣ при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ? Можетъ быть, онъ просто хотѣлъ подшутить надо мной, и я показалась ему недостойной стать его женой? Поистинѣ, я не представляла себѣ, что меня постигнетъ такое постыдное наказаніе! Не могу думать, что Богъ допустить молодую дѣвушку до такого позора передъ молодымъ человѣкомъ! Я все сказала вамъ и не могу разсчитывать на то, чтобы вы меня не презирали.

Денисъ почтительно поклонился.

— Сударыня,—сказалъ онъ, — вы оказали мнѣ большую честь, сдѣлавъ такое признаніе. Мнѣ остается только доказать, что и я достоинъ ея. Гдѣ можетъ находиться теперь сиръ де-Малетруа?

— Должно быть, онъ пишетъ въ сосѣдней залѣ, — отвѣтила она.

— Могу я провести васъ туда, сударыня?—спросилъ Денисъ. Онъ подалъ ей руку, и оба вышли изъ часовни.

Бланшъ была очень сконфужена и разстроена, а Денисъ шелъ гордо, съ сознаніемъ важной миссіи, которую онъ надѣялся выполнить съ честью.

Сиръ де-Малетруа всталъ, привѣтствуя ихъ ироническимъ поклономъ.

— Сиръ,—сказалъ Денисъ, принимая самый важный видъ,— я имѣю нѣчто сказать вамъ по поводу этого бракосочетанія. Долженъ сообщить вамъ, что не приму участія въ томъ, чтобы принуждать молодую леди къ этому браку. При другихъ условіяхъ, я былъ бы гордъ получить ея руку, такъ какъ чувствую, что она такъ же добра, какъ и прекрасна, но при настоящемъ положеніи дѣлъ,—подъ давленіемъ насилія,—я имѣю честь отказаться, мессиръ, отъ этой руки.

Бланшъ смотрѣла на него благодарнымъ взглядомъ, а старикъ все улыбался и улыбался до тѣхъ поръ, пока его улыбка не довела Дениса до тошноты.

— Боюсь, господинъ де-Болье,—сказалъ Малетруа,—что вы не совсѣмъ поняли меня. Я предлагаю вамъ выборъ. Прошу васъ, подойдемте къ окну.

И онъ направился къ одному изъ большихъ открытыхъ оконъ.

— Видите,—сказалъ старикъ, — тутъ имѣется желѣзное кольцо вверху окна, и сквозь него можно продѣть очень крѣпкую веревку. Теперь слушайте меня внимательно. Если ваше нерасположеніе къ моей племянницѣ будетъ непреоборимо, я велю васъ повѣсить на этомъ окнѣ еще до восхода солнца. Конечно, я прибѣгну къ этому крайнему средству, повѣрьте, съ большимъ сожалѣніемъ, потому что я вовсе не желаю вашей смерти: я только желаю выдать замужъ свою племянницу. Если же вы будете упрямиться, то сами пеняйте на себя. Вашъ родъ очень почтенный, господинъ де-Болье, но если бы вы даже происходили отъ Карла Великаго, то и тогда вы не могли бы безнаказанно отказываться отъ руки де-Малетруа—даже если бы невѣста была такъ же вульгарна, какъ первая попавшаяся простонародная дѣвка, и такъ же безобразна, какъ чудовища, какъ маски надъ моей дверью. Въ данномъ случаѣ я не о ней и не о васъ, и даже не о собственныхъ чувствахъ забочусь,—вынуждаетъ меня поступать такимъ образомъ честь моего дома. Она была скомпрометирована. Я считаю васъ виновникомъ; быть можетъ, я ошибся, и, во всякомъ случаѣ, теперь вы знаете нашъ секретъ, и врядъ ли теперь будете удивляться моему требованію, чтобы вы смыли это пятно. Если вы не хотите—да падетъ кровь на вашу голову! Не могу сказать, чтобы мнѣ было особенно пріятно видѣть ваши останки болтающимися подъ моими окнами, но изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее, и если мнѣ не удастся сегодня

возстановить честь моего дома, я, по крайней мѣрѣ, затушу скандалъ.

Наступило молчанiе.

— Я полагаю, что существуютъ другiе способы для улаженiя запутанныхъ положенiй между джентльменами,—сказалъ Денисъ,—вы носите шпагу, и я слышалъ, что отлично владѣли ею.

Сиръ де-Малетруа сдѣлалъ знакъ капеллану, и тотъ большими шагами, молча, перешелъ комнату и поднялъ портьеру одной изъ трехъ дверей. Только на одно мгновенiе поднялась портьера и снова опустилась, но Денисъ успѣлъ замѣтить полутемную комнату, полную вооруженныхъ людей.

— Если бы я былъ помоложе, господинъ де-Болье, — сказалъ старикъ,—я съ восторгомъ принялъ бы вашъ вызовъ, но теперь я слишкомъ старъ. Вѣрная стража—сила стариковъ, и мнѣ приходится ею пользоваться. Очень тяжело сознавать, что старѣешь, но съ нѣкоторымъ терпѣнiемъ можно и къ этому привыкнуть. Вы и племянница, какъ вижу, желаете еще подумать и поговорить? Я предоставляю вамъ эту залу на два часа, такъ какъ не хочу пойти противъ вашего желанiя. Не спѣшите!—добавилъ онъ, поднимая руку, когда увидѣлъ угрожающее выраженiе лица Дениса. — Если васъ возмущаетъ мысль быть повѣшеннымъ, то для васъ достаточно будетъ времени въ теченiе двухъ часовъ — выброситься изъ окна или схватиться съ копьями моей стражи. Два часа жизни — все же два часа. Многое можетъ измѣниться даже и въ меньшiй срокъ. Кромѣ того, если я ясно понимаю выраженiе лица моей племянницы, она собирается что-то вамъ сказать. Вы не захотите испортить послѣднихъ часовъ своей жизни невѣжливостью по отношенiю къ дамѣ.

Денисъ взглянулъ на Бланшъ. Она смотрѣла на него съ умоляющимъ видомъ.

Казалось, старикъ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ симптомомъ соглашенiя, потому что, улыбнувшись имъ обоимъ, онъ любезно добавилъ:

— Если вы дадите мнѣ честное слово, господинъ де-Болье, подождать моего возвращенiя черезъ два часа и не предпринимать чего-нибудь отчаяннаго, я удалю стражу и предоставлю вамъ полную свободу бесѣдовать съ дѣвицей.

Денисъ опять взглянулъ на дѣвушку, которая, казалось, побуждала его согласиться.

— Даю свое честное слово,—проговорилъ Денисъ.

Мессиръ де-Малетруа поклонился и заковылялъ по комнатѣ, прочищая себѣ горло тѣмъ страннымъ щебетаніемъ, которое такъ раздражало слухъ молодого человѣка.

Сначала старикъ взялъ какія-то бумаги со стола, потомъ подошелъ къ двери мрачной комнаты и, казалось, отдалъ, какое-то приказаніе людямъ, находившимся за портьерой, наконецъ, направился къ той двери, черезъ которую вошелъ сюда Денисъ. На порогѣ онъ обернулся, чтобы послать послѣдній поклонъ и улыбку молодой парочкѣ, и вышелъ въ сопровожденіи капеллана, державшаго въ рукѣ свѣтильникъ.

Какъ только они ушли, Бланшъ подошла къ Денису съ протянутыми руками. Лицо ея возбужденно горѣло, и въ глазахъ стояли слезы.

— Вы не должны умирать!—воскликнула она.—Вамъ придется жениться на мнѣ.

— Вы думаете, сударыня,—отвѣчалъ Денисъ,—что я очень боюсь смерти?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула она.—Я вижу, что вы не трусъ. Но я не могу вынести мысли, что вы можете быть убиты изъ-за такого недоразумѣнія.

— Боюсь,—возразилъ Денисъ,—что вы недостаточно оцѣниваете трудность положенія, сударыня. То что вы съ великодушіемъ мнѣ предлагаете, я слишкомъ гордъ, чтобы принять. Въ моментъ благороднаго состраданія ко мнѣ вы забыли о томъ, который, быть можетъ, имѣетъ уже право на ваши чувства...

Говоря это, онъ скромно опустилъ глаза внизъ и продолжалъ стоять такъ, чтобы не видѣть ея смущенія. Она съ минуту стояла молча, затѣмъ быстро отошла и, бросившись на кресло своего дяди, разразилась рыданіями.

Денисъ былъ въ великомъ затрудненіи. Онъ оглядѣлся, какъ бы ища чего-нибудь для вдохновенія, и кончилъ тѣмъ, что, увидѣвъ стулъ, опустился на него, будто собираясь что-нибудь обдумать. Онъ нѣкоторое время игралъ рукояткой шпаги, и если мысли у него и были, то лишь о томъ, что лучше бы онъ умеръ тысячу разъ раньше, и его тѣло бросили бы въ самую грязную

помойную яму всей Франціи. Глаза его блуждали по залѣ, но не могли ни на чемъ остановиться. Онъ всматривался въ широкія пространства между украшеніями стѣнъ, терявшіяся въ темнотѣ комнаты; его пронизывало ощущеніе какой-то холодной пустыни;—начало казаться, что онъ никогда не видѣлъ такой большой и мрачной церкви и такой печальной могилы. Всхлипыванія дѣвушки раздавались въ правильные промежутки, и казалось, что ими можно измѣрить время, какъ тиканьемъ часовъ. Потомъ Денисъ обратилъ глаза на фамильный гербъ Малетруа и началъ читать надписи на немъ; дочиталъ и снова сталъ читать, пока глаза совершенно не утомились. Онъ перевелъ ихъ въ темные углы залы,—ему показалось, что они кишатъ какими то ужасными животными. Нѣсколько разъ онъ начиналъ дремать, но тотчасъ его пробуждала мысль, что послѣдніе два часа непрерывно убавляются, а смерть пододвигается все ближе и ближе.

Сперва изрѣдка, а потомъ все чаще и чаще бросалъ онъ взгляды на Бланшъ. Она сидѣла, наклонившись впередъ и закрывъ лицо руками; слезы ея перемежались иногда судорожными спазмами горла, но Денисъ, несмотря на такое печальное состояніе, совсѣмъ неблагопріятное для наружности молодой дѣвушки, находилъ, что, хотя она и полненькая, но чрезвычайно изящна; любовался ея смуглою кожею, которая, какъ казалось ему, дышетъ теплотой; а что касается ея косы, то онъ рѣшилъ, что ни у одной женщины въ мірѣ не можетъ быть такихъ прекрасныхъ волосъ. Онъ замѣтилъ, что кисти ея рукъ очень похожи на замѣчательныя руки ея дяди, но, конечно, онѣ болѣе шли къ ея изящной фигурѣ; къ тому же онѣ казались безконечно нѣжными и ласкающими. Онъ вспомнилъ взглядъ ея голубыхъ глазъ, когда она на него смотрѣла сперва съ выраженіемъ гнѣва, потомъ съ признательностью и состраданіемъ, и чѣмъ больше онъ любовался ея совершенствами, тѣмъ ужаснѣе начинала казаться смерть, тѣмъ глубже онъ страдалъ отъ непрекращавшихся слезъ несчастной Бланшъ. Онъ чувствовалъ, что нѣтъ ни одного мужчины, который нашелъ бы рѣшимость разстаться съ жизнью, прощаясь съ такой прекрасной дѣвушкой. И онъ далъ бы сорокъ минутъ изъ своего послѣдняго часа, если бы можно было вернуть назадъ его жестокія послѣднія фразы,—какъ будто ихъ никогда и не было.

Внезапно громко и рѣзко закричали вторые пѣтухи. Этотъ звукъ въ тишинѣ ночи былъ точно лучемъ свѣта въ темнотѣ,— онъ вернулъ ихъ къ дѣйствительности.

— Боже мой, неужто я ничѣмъ не могу вамъ помочь?— спросила она, поднявъ голову.

— Сударыня,—отвѣтилъ Денисъ,—если я сказалъ что-либо для васъ непріятное, обидное, повѣрьте мнѣ, я думалъ о вашемъ спасеніи, а не о своемъ

Она поблагодарила его взглядомъ, полнымъ слезъ.

— Я нахожу ваше положеніе ужаснымъ, — продолжалъ онъ.—Вашъ дядя—позоръ человѣчества! Его поведеніе по отношенію къ вамъ болѣе, чѣмъ жестоко. Но повѣрьте мнѣ, сударыня, нѣтъ того молодого джентльмена во всей Франціи, который не согласился бы, даже не обрадовался бы случаю пожертвовать жизнью, чтобы только оказать вамъ услугу.

— Я сразу увидала, что вы очень храбры и великодушны,— отвѣтила она,—но мнѣ нужно, мнѣ необходимо знать, какъ я могу вамъ помочь, чѣмъ услужить: теперь или... потомъ,—прибавила она съ дрожью въ голосѣ.

— О, очень легко,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.—Посмотрите на меня какъ на друга, а не какъ на непрошеннаго бродягу, ворвавшагося сюда самымъ нелѣпымъ образомъ. Постарайтесь забыть, въ какое неестественное положеніе насъ поставили. Пусть мои послѣднія минуты пройдутъ беззаботно, пріятно,—и вотъ вы мнѣ окажете самую большую услугу, какая только теперь въ вашей власти.

— Вы слишкомъ любезны,—произнесла она, и лицо ея выразило глубокую печаль,—и ваша любезность... она меня огорчаетъ. Сядьте, пожайлуста, ближе, и если у васъ есть что-нибудь сказать мнѣ вполнѣ откровенно—говорите. Я васъ слушаю внимательно, я никогда не забуду того, что вы мнѣ скажете. Ахъ, сиръ де-Болье!—вырвалось у нея внезапно. — Сиръ де-Болье, какъ я могу смотрѣть вамъ въ лицо?—И она разрыдалась съ еще большей силой.

— Сударыня,—сказалъ Денисъ, взявъ ея ручки въ свои,— подумайте о томъ короткомъ времени, которое осталось для моей жизни и не омрачайте мои послѣднія минуты зрѣлищемъ горя, которому я не въ силахъ помочь, пожертвовавъ даже своей жизнью!

— Правда, я думаю только о себѣ,—отвѣтила Бланшъ,—я буду тверже, сиръ де Больe, если это для васъ пріятно. Но подумайте, не могу ли я быть полезной вамъ, хотя бы въ будущемъ? Нѣтъ ли у васъ друзей, которымъ вы хотѣли бы передать ваше послѣднее прощаніе? Дайте мнѣ какія угодно порученія; чѣмъ они труднѣе, тѣмъ душѣ моей станетъ легче. Дайте мнѣ возможность дѣломъ выразить вамъ мою безмѣрную благодарность, а не только слезами!

— Моя мать вторично вышла замужъ, и у нея есть, о комъ заботиться. Мои земли наслѣдуетъ братъ Гишаръ, и я врядъ ли ошибусь, если скажу, что это вполнѣ его утѣшитъ послѣ извѣстія о моей смерти. Жизнь есть легкій паръ, который пролетаетъ мимо,—кажется, такъ говорится въ священныхъ книгахъ. Когда человѣкъ стоитъ на хорошей дорогѣ, и передъ нимъ открыта вся жизнь, ему кажется, что онъ человѣкъ очень важный на этомъ свѣтѣ. Его конь встрѣчаетъ его веселымъ ржаньемъ; когда онъ проѣзжаетъ по городу впереди своей свиты, трубы громко гремятъ, и дѣвицы бросаются къ окнамъ, чтобы взглянуть на героя. Отовсюду онъ получаетъ—даже отъ самыхъ знатныхъ особъ—выраженія довѣрія и уваженія. Не удивительно, что иногда успѣхъ кружитъ ему голову. Но какъ только онъ умеръ, то, будь онъ при жизни такъ же славенъ, какъ Геркулесъ, или такъ же мудръ, какъ Соломонъ, всѣ его скоро забудутъ. Не прошло десяти лѣтъ, какъ отецъ мой палъ въ бою и съ нимъ вмѣстѣ много извѣстныхъ въ свое время рыцарей—бой былъ доблестный, о немъ говорили съ восхищеніемъ,—а теперь, я увѣренъ, что не только о нихъ не думаютъ, но даже забыли ихъ имена. Нѣтъ, сударыня, если вы только вдумаетесь, вы увидите, что смерть есть темный, покрытый пылью уголъ; въ немъ человѣкъ обрѣтаетъ себѣ глухую могилу, изъ которой выйдетъ лишь въ Судный день. Теперь, при жизни, у меня было очень мало дру-
Какъ только умру—ни одного не останется.

— Ахъ, сиръ де Больe!—воскликнула она.—Вы забыли Бланшъ де-Малетруа...

— У васъ очень мягкій и добрый характеръ, сударыня, и вы склонны оцѣнивать маленькую услугу далеко выше ея цѣны!

— Это совсѣмъ не такъ,—отвѣтила она,—вы совершенно меня не понимаете, если думаете, что я такъ удручена своимъ собственнымъ горемъ. Я говорила такъ потому, что вы самый

благородный человѣкъ, какого я только встрѣчала, потому что у васъ такой умъ, такая душа, которая сдѣлала бы даже человѣка простого званія знаменитымъ въ его отечествѣ

— И, однако, я долженъ умереть здѣсь, въ мышеловкѣ,— отвѣтилъ онъ,—и мой предсмертный крикъ—не больше, чѣмъ пискъ убиваемой мыши.

Бланшъ не знала, что отвѣтить; лицо ея исказилось отъ горя, нравственной боли; но вдругъ въ глазахъ блеснулъ свѣтлый лучъ, и она снова заговорила съ улыбкой:

— Я не могу допустить, чтобы мой рыцарь такъ унижалъ себя. Всякій, кто жертвуетъ своею жизнью для жизни другого, будетъ встрѣченъ въ раю всѣми герольдами и ангелами Господа. И затѣмъ у васъ нѣтъ причинъ отчаиваться, потому что... Скажите, считаете ли вы меня красивой?—спросила она, глубоко зардѣвшись.

— О, конечно, сударыня!

— Я этому чрезвычайно рада,—отвѣтила она съ одушевленіемъ.—А какъ думаете, много ли во Франціи найдется мужчинъ, которымъ красивая дѣвушка — собственными своими устами—сдѣлала бы предложеніе, и которые отказались бы отъ этого предложенія на ней жениться? Я знаю, что вамъ, мужчинамъ, нравятся побѣды другого рода, но мы, женщины, знаемъ, что болѣе всего драгоцѣнно въ любви.

— Вы слишкомъ добры,—сказалъ онъ,—но вы не заставите меня забыть, что предложеніе сдѣлано мнѣ изъ состраданія, а не по чувству любви.

— Почему вы такъ думаете?—спросила она, опустивъ голову.—Я сама еще не была увѣрена въ своихъ чувствахъ. Выслушайте меня до конца, сиръ де-Болье. Я знаю, что вы должны меня презирать, и сознаюсь, что слова дяди, да и собственныя мои признанія о томъ человѣкѣ, капитанѣ... даютъ на это право. Я слишкомъ ничтожное существо, чтобы занять ваши мысли, хотя, увы, вамъ приходится за меня именно умирать. Но когда я просила васъ жениться на мнѣ, то, конечно,.. повѣрьте мнѣ, конечно, это было оттого, что я не только уважала васъ и восхищалась вами, но и потому, что полюбила васъ всей душой. Я полюбила съ того мгновенія, когда вы стали на моей сторонѣ противъ непреклоннаго моего дяди. Если бы вы могли видѣть самого себя, какъ вы были благородны и красивы въ ту ми-

нуту! Вы жалѣли бы меня, а не презирали! И теперь,—воскликнула она, стремительно протянувъ руки впередъ,—хотя я вамъ откровенно высказала всѣ свои чувства, помните, что я узнала ваши чувства ко мнѣ. Повѣрьте мнѣ, я не буду больше утомлять васъ непріятными для васъ просьбами о согласіи. Я слишкомъ горда для этого, и объявляю передъ лицомъ нашей пресвятой Богоматери, что если вы не возьмете назадъ своихъ словъ, я за васъ не выйду замужъ. Это для меня, благорожденной, такъ же невозможно, какъ выйти за конюха моего дяди!

На лицѣ Дениса показалась горькая усмѣшка.

— Не велика та любовь,—сказалъ онъ,—которая зиждется на гордости.

Она не отвѣчала, хотя, вѣроятно, у нея было другое мнѣніе на этотъ счетъ.

— Уже разсвѣтаетъ, — сказалъ онъ, вздохнувъ,—подойдемте сюда, къ окну.

Дѣйствительно, начинало разсвѣтать. На горизонтѣ появилась свѣтлая полоска. Надъ извилинами рѣки и сводами лѣса разстилался легкій туманъ. Все тихо было вокругъ, и эта тишина нарушилась лишь криками пѣтуховъ, оживленно встрѣчавшихъ начало дня. Надъ верхушками деревьевъ, подъ самыми окнами, повѣялъ легкій вѣтерокъ. Свѣтъ разливался все шире, и, наконецъ, показался раскаленный красный шаръ солнца. Денисъ вздрогнулъ. Онъ взялъ ея руку и машинально удерживалъ ее въ своей.

— Что же, день уже начался?—сказала она, затѣмъ съ достаточной нелогичностью воскликнула:—Какъ долго тянулась эта ночь! Но увы, что же мы скажемъ дядѣ, когда онъ вернется?

— То, что вы захотите сказать!—отвѣтилъ Денисъ, пожимая ея пальчики.

Она молчала.

— Бланшъ,—проговорилъ онъ быстрымъ, но неровнымъ, страстнымъ голосомъ,—вы видѣли, что я не боюсь смерти, вы знаете, что легче мнѣ выброситься изъ этого окна, чѣмъ коснуться до васъ пальцемъ безъ вашего свободнаго и полнаго согласія. Но если вы хоть немного заботитесь обо мнѣ, не давайте мнѣ кончить свою жизнь съ чувствомъ тяжкаго недоразумѣнія—потому что я полюбилъ всею душею васъ больше, чѣмъ весь

Дядя пожелалъ своему новому племяннику добраго утра.

міръ,—и хотя я готовъ умереть за васъ съ наслажденіемъ,—но теперь я промѣнялъ бы всѣ награды рая на то, чтобы остаться жить, любить васъ, служить вамъ всю свою жизнь!

Когда онъ кончилъ свою рѣчь, гдѣ-то внутри дома громко ударилъ колоколъ, и бряцанье оружія въ коридорѣ показало, что стража вернулась на свой постъ. Два часа времени уже истекли.

— И это послѣ всего того, что вы слышали обо мнѣ?—прошептала она, склоняясь къ нему.

— Я ничего не слыхалъ,—отвѣтилъ онъ.

— Имя капитана было Флоримонъ де Шандиверъ,—прошептала она ему на ухо.

— Я не слыхалъ этого имени! — отвѣтилъ онъ, обнимая стройную фигуру дѣвушки и покрывая поцѣлуями ея влажное отъ слезъ личико.

Сзади послышалось щебетаніе, а за нимъ какое-то клохтанье, но на этотъ разъ смѣхъ сира де-Малетруа показался Денису очень мелодичнымъ. Онъ обернулся.

Дядя пожелалъ своему новому племяннику добраго утра.

ПРОВИДѢНІЕ И ГИТАРА.

(Providence and the Guitar).

ГЛАВА I.

Monsieur Леонъ Бертелини всегда заботился о своей внѣшности и съ нею старательно согласовалъ осанку, манеры, рѣчь; да и душевное его настроеніе чаще всего гармонировало съ костюмами, которые онъ надѣвалъ въ тотъ или иной часъ дня. Даже въ домашней обстановкѣ онъ являлъ собою подобіе то испанскаго гидальго, то театральнаго бандита, и часто отъ него положительно вѣяло Рембрандтомъ.

Между тѣмъ это былъ человѣкъ маленькаго роста, съ несомнѣнною наклонностью къ полнотѣ и добродушнѣйшимъ лицомъ, почти всегда отражавшимъ великолѣпное расположеніе духа; выдѣлялись лишь его чрезвычайно выразительные темные глаза, въ которыхъ свѣтились веселый характеръ, неугомонный духъ и вся вообще его подвижная натура.

Явись онъ передъ вами въ соотвѣтственномъ костюмѣ, и вы могли бы его принять за что-то среднее между говорливымъ брадобрѣемъ, содержателемъ гостиницы и любезнѣйшимъ аптекаремъ.

Но стоило ему облачиться въ любимый костюмъ: затѣйливо обвязать шею бѣлымъ платочкомъ, взамѣнъ или въ отрицаніе галстуха, надѣть бархатную, дерзостно вызывающаго вида куртку, за которою слѣдовало нѣчто вродѣ театральнаго трико, и обувавшіе его ноги во всякую погоду башмаки изъ матеріи, еще болѣе тонкой, чѣмъ на сценѣ у персонажей Мольера, да еще лихо накрыть голову мягкою шляпою, огромныя поля которой то скрывали, то обнаруживали свѣсившуюся надъ его бровью прядь густыхъ кудрей, точно у боговъ Олимпа, и вы тотчасъ, при пер-

вомъ же взглядѣ, должны были понять и признать, что передъ вами «избранная натура»—великій человѣкъ.

Надѣвая пальто, Бертелини, разумѣется, презиралъ употребленіе рукавовъ. Пристегнувъ его одною пуговицею на плечахъ и откинувъ назадъ, на подобіе театральнаго плаща, онъ ходилъ съ поступью и манерами графа Альмавивы *).

Я придерживаюсь того мнѣнія, что господину Бертелини подошло лѣтъ уже подъ сорокъ, но сердцемъ онъ оставался совсѣмъ юнцомъ. Какъ дитя любовался онъ своимъ щегольскимъ видомъ и вообще жизненный путь пробѣгалъ съ безпечностью ребенка, постоянно играя какую-нибудь роль со всѣми радостями ея переживаній. Жизнь не даровала Леону Бертелини и малой доли богатства или эффектной внѣшности графа Альмавивы, но это нисколько ему не мѣшало всецѣло проникаться настроеніями испанскаго гранда и то и дѣло играть въ «Альмавиву».

Я видѣлъ его въ минуты подобнаго самовнушенія. Онъ такъ сживался со своею ролью, вкладывая въ нее столько теплоты, естественности, заразительной веселости, что впечатлѣніе получилось поразительное.

Я и увѣровалъ тогда въ эту позу «великаго человѣка».

Но дѣйствительная жизнь, увы! строится не на такомъ фундаментѣ. Нельзя прожить вѣкъ одною альмавивовщиною, и «великій человѣкъ», провалившись въ разныхъ театрахъ, принужденъ былъ спуститься съ завѣтной артистической вышины. Пришлось зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный гастролями игры на гитарѣ да пѣніемъ комическихъ куплетовъ и романсовъ,—по десятку и болѣе каждый вечеръ,—и вдобавокъ во время «турнэ» въ провинціи послѣ собственныхъ концертовъ устраивать «безпроигрышныя» лотереи...

Была и мадамъ Бертелини—вѣрная подруга мужа и единственная соучастница его скромной артистической дѣятельности. Повидимому, на лѣстницѣ разумныхъ существъ она занимала болѣе высокое мѣсто, чѣмъ ея мужъ, и это придавало ей естественное выраженіе собственнаго достоинства, смѣнявшееся

*) Традиціонный типъ молодого испанскаго гранда, увѣковѣченный въ безсмертномъ «Севильскомъ Цирюльникѣ», и также въ «Свадьбѣ Фигаро»,—французскаго драматурга-сатирика Бомарше.

Примѣч. переводчика.

порою нѣсколько меланхолическимъ выраженіемъ. Этотъ видъ придавалъ ея красивымъ вообще чертамъ особаго рода привлекательность и, несомнѣнно, шелъ къ ней, но совершенно не гармонировалъ съ жизнерадостнымъ, то и дѣло приподнятымъ до небесъ, почти мальчишескимъ задоромъ ея супруга.

Онъ же все парилъ въ небесахъ, точно соколъ въ свѣжій вѣтерокъ высоко и далеко отъ волненій и зла грѣшной земли. Суровыя бури нерѣдко огорчали его небосклонъ, но на него не дѣйствовали ни угрюмые туманы, ни угнетающая атмосфера; онъ не зналъ, что такое слезливый упадокъ силъ. На злую напасть, на горькую, незаслуженную обиду онъ отвѣчалъ эффектнымъ ударомъ кулака по столу или гордою позою, схваченною отъ Меленга или Фредерика *), и этого достаточно было, чтобы развѣять минутный гнѣвъ или «отомстить» нечестивому обидчику. Пусть бы хотя небо валилось, но если при этомъ Леону Бертелини досталась «хорошая» роль, онъ больше ничего бы не потребовалъ и остался бы совершенно доволенъ.

Если не самые поступки, то духъ ихъ, вся атмосфера, въ которой виталъ Леонъ Бертелини, увлекали и его жену. Они давно и горячо любили другъ друга. По природнымъ склонностямъ супруги Бертелини, казалось бы, должны были очень скоро разойтись; между тѣмъ они продолжали жизненный путь вмѣстѣ, рука объ руку, поддерживая и утѣшая другъ друга.

ГЛАВА II.

Однажды чета Бертилини прибыла на гастроли въ крохотный городокъ Кастель-ле-Гаши **). Пассажировъ и ихъ багажъ— два чемоданчика и гитара въ затасканномъ и засаленномъ отъ времени ящикѣ-футлярѣ,—взялъ съ желѣзнодорожной

---

*) Знаменитые французскіе актеры временъ второй имперіи и послѣдующихъ годовъ. Фредерикъ (Леметръ),—извѣстенъ былъ и заграницею, слава же Меленга (Melingue) не выступала за предѣлы Франціи, но тамъ онъ пользовался огромною популярностью, какъ лучшій исполнитель героическихъ ролей,—преимущественно, въ мелодрамахъ.

Примѣч. переводчика.

**) Въ этомъ придуманномъ названіи комическое сопоставленіе древняго имени рыцарскаго замка (castel) и слова gâchis, означающаго: мѣшанина, крошево, соръ.

Примѣч. переводчика.

станціи омнибусъ и отвезъ въ узенькую улицу къ мрачному зданію стариннаго вида, вродѣ монастыря и съ такими толстыми стѣнами, что стоило запереть ворота и можно было бы выдержать продолжительную средневѣковую осаду. Это была гостиница «Черной Головы». Путешественниковъ при входѣ поразилъ запахъ, несшійся отъ внутреннихъ покоевъ—странная смѣсь испареній отъ соломы, шоколада и старыхъ женскихъ одеждъ.

Бертелини даже пріостановился на порогѣ. Его охватило какое-то тягостное предчувствіе. Показалось ему, что онъ и раньше входилъ въ такую же гостиницу, отъ которой пахло такъ же скверно, и приняли его тамъ скверно.

Хозяинъ въ широкой поярковой шляпѣ,—Бертелини увидѣлъ въ ней трагическій тонъ да и въ ея носителѣ «фасонъ» совсѣмъ трагическій,—хозяинъ всталъ со стула, надъ которымъ висѣла огромная связка ключей его комнатныхъ и ящичныхъ владѣній и, обнаживъ голову, выступилъ навстрѣчу пріѣзжимъ съ самою широкою медовою улыбкою, почтительно держа «трагическую шляпу» обѣими руками.

— Милостивый государь, имѣю честь кланяться! Позвольте васъ спросить, какую плату вы берете съ артистовъ за комнату и ужинъ?—произнесъ Бертелини тономъ, довольно торжественнымъ, но вполнѣ вѣжливымъ и даже съ маленькою заискивающею ноткою.

— Съ артистовъ?! — повторилъ хозяинъ, и съ лица его мгновенно сбѣжала привѣтственная улыбка.—Съ артистовъ,—прибавилъ онъ уже совсѣмъ грубо,—четыре франка въ сутки..

И онъ повернулся къ Бертелини спиною. Пріѣзжіе оказались слишкомъ незначительными.

Во французскихъ провинціальныхъ гостиницахъ скидкою обычно пользуются и артисты, и коммивояжеры; но отношеніе къ этимъ двумъ категоріямъ лицъ совершенно различное: коммивояжеры—желанные гости. Они могутъ требовать, что угодно, даже закланія жирнаго тельца,—и все въ гостиницѣ къ ихъ услугамъ; артистовъ же, хотя бы они обладали наружностью и манерами графа Альмавивы или по богатству костюма производили такое же впечатлѣніе, какъ царь Соломонъ съ его пышными одеждами во время его наивысшей славы,—встрѣчаютъ, чуть ли не какъ собакъ, и прислуживаютъ имъ съ тою же без-

церемонною небрежностью и нахальнымъ невниманіемъ, какъ случайно заѣхавшей, одинокой и робкой женщинѣ.

Какъ ни привыкъ Бертелини къ «треніямъ» своей профессіи, его непріятно покоробили манеры хозяина.

— Эльвира!—шепнулъ онъ женѣ.—Запомни мои слова о Кастель-ле-Гаши:—трагическое безуміе!

— Подожди. Посмотримъ, что можно покушать,—отвѣтила Эльвира.

— Мы ничего здѣсь не съѣдимъ,—возразилъ Бертелини.— Насъ здѣсь угостятъ обидами, а не обѣдами. Эльвира, ты знаешь, какой у меня даръ предвидѣнія: это мѣсто проклято! Хозяинъ отеля грубъ, какъ скотина. Полицейское начальство здѣсь, конечно, въ томъ же родѣ. Концертъ не дастъ сбора. Ты простудишь себѣ горло. Глупо, страшно глупо было съ нашей стороны ѣхать въ этотъ Кастель-ле-Гаши. Пропащая поѣздка! Это будетъ второй Седанъ!

Седанъ—городъ, ненавистный обоимъ Бертелини, не только для патріотическихъ ихъ чувствъ *), такъ какъ оба Бертелини были чистѣйшіе французы, но еще и отъ того, что въ немъ они пережили самый непріятный эпизодъ своей артистической жизни, а именно, пришлось цѣлыхъ три недѣли просидѣть въ одной гостиницѣ, въ качествѣ залога въ уплату собственнаго ихъ счета въ ней, и если бы не совершенно случайный, прямо изумительный поворотъ фортуны, они и донынѣ, быть можетъ, сидѣли бы тамъ въ плѣну.

Напоминаніе про «седанскіе дни» производило на чету Бертелини впечатлѣніе неожиданнаго громового удара или перваго содроганія почвы при землетрясеніи.

Графъ Альмавива съ отчаяніемъ глубоко нахлобучилъ шляпу; вздрогнула даже Эльвира, точно передъ нею мелькнулъ зловѣщій призракъ.

— Закажемъ все-таки завтракъ,—промолвила она съ чисто женскимъ тактомъ.

Полицейское начальство города Кастель-ле-Гаши олицетворялось въ дородномъ, краснолицемъ, прыщеватомъ и вдобавокъ вѣчно потномъ комиссарѣ. Подобно множеству представителей

---

*) При Седанѣ въ 1870 году Наполеонъ III сдался пруссакамъ съ бывшею при немъ арміею.

Примѣч. переводчика.

его профессіи, онъ былъ больше полицейскій, чѣмъ человѣкъ, болѣе проникнутъ чванствомъ, чѣмъ сознаніемъ законности и служебнаго долга; безпричинно оскорбляя обывателя, онъ серьезно былъ увѣренъ, что этимъ ловко подлаживается къ правительству. Однимъ словомъ, это была грубая скотина не только по отсутствію образованія и человѣческаго достоинства, но и по принципу, такъ сказать, по убѣжденію, что именно такимъ долженъ быть образцовый полицейскій. Его «канцелярія» представляла собою темную дыру, откуда до слуха прохожихъ то и дѣло доносились не увѣщеванія или напоминанія закона, а грубые выкрики полицейскаго «усмотрѣнія».

Шесть разъ въ теченіе дня Бертелини отправлялся въ эту канцелярію за полученіемъ полицейскаго разрѣшенія на концертъ, шесть разъ находилъ ее пустою, шесть разъ дожидался тамъ комиссара, шесть разъ уходилъ, не дождавшись комиссара. Многіе горожане сразу его примѣтили, и скоро Бертелини сталъ мѣстною извѣстностью и злобою дня: на него прямо указывали, какъ на господина, «который ищетъ комиссара». Немедленно образовался отрядъ добровольцевъ: уличные мальчишки съ восторгомъ «искали комиссара» вмѣстѣ съ артистомъ, то слѣдуя по его пятамъ, то шумно опережая его.

Трудно было при такихъ условіяхъ сохранять непринужденно-гордую осанку Альмавивы и проводить его роль! Бертелини мѣнялъ и позы, и жесты, давалъ своей огромной шляпѣ самые разнообразные наклоны, останавливался и съ особымъ шикомъ крутилъ папиросы, быстро затѣмъ шагалъ впередъ, но все это начинало пріѣдаться и актеру, и зрителямъ.

Къ счастью, когда Бертелини уже въ тринадцатый разъ переходилъ черезъ базарную площадь, ему указали на комиссара, который стоялъ около базарныхъ вѣсовъ въ разстегнутомъ сюртукѣ и съ заложенными назадъ руками. Онъ наблюдалъ за взвѣшиваніемъ коровьяго масла. Бертелини быстро проложилъ себѣ дорогу черезъ базарные чаны и стойки и подошелъ къ должностному лицу съ поклономъ, который по изяществу долженъ былъ бы считаться верхомъ совершенства въ актерскомъ искусствѣ.

— Кажется, я имѣю честь видѣть господина комиссара полиціи?—спросилъ Бертелини.

Такое «благородное» обращеніе произвело на комиссара

большое впечатлѣніе, и онъ даже превзошелъ Леона Бертелини, если не изяществомъ, то глубиною отвѣтнаго поклона.

— Это я самый и есть!—отвѣтилъ онъ, стараясь придать багровому лицу посильное выраженіе любезности.

— Милостивый государь,—продолжалъ странствующій пѣвецъ,—я артистъ, и простите, что по личному дѣлу позволяю себѣ васъ безпокоить во время исполненія служебныхъ обязанностей. Сегодня вечеромъ я намѣренъ дать концертъ,—маленькое музыкальное развлеченіе въ залѣ кафе «Торжество Плуга»,—вы позволите представить вамъ эту программу,—и я явился къ вамъ за требуемымъ по закону разрѣшеніемъ.

При словѣ «артистъ» комиссаръ тотчасъ надѣлъ снятую имъ при поклонѣ шапку и принялъ видъ человѣка, который, сообразивъ, что его снисходительность зашла слишкомъ далеко, вдругъ вспоминаетъ свое положеніе въ обществѣ и обязанности службы.

— Я занятъ. Я долженъ слѣдить за взвѣшиваніемъ масла. Проходите! — произнесъ онъ, придавъ голосу надлежащую начальственную сухость.

— «Проклятый полицейскій!»—подумалъ Леонъ.—Но позвольте, г. комиссаръ,—докончилъ онъ вслухъ,—я шесть разъ былъ у васъ.

— Представьте вашу бумагу въ канцелярію, — перебилъ полицейскій. — Черезъ часъ, или около того, я посмотрю, въ чемъ дѣло. А теперь уходите. Я занятъ.

— Смотришь на масло!—подумалъ Бертелини.—О, Франція! И для этого ты сдѣлала девяносто третій годъ *).

Леонъ принялся за хлопоты по устройству концерта. Скоро въ столовыхъ всѣхъ гостиницъ и харчевенъ были положены программы вечера. Въ концѣ общей залы «Торжества Плуга» появились подмостки. Бертелини снова отправился къ комиссару, и того снова не оказалось въ полицейской камерѣ.

— Этотъ коммиссаръ настоящая г-жа Бенуатонъ **), — подумалъ Бертелини.—Проклятый полицейскій!

Онъ уже направился назадъ, какъ въ дверяхъ очутился лицомъ къ лицу передъ комиссаромъ.

*) Т. е. революцію 1793 года.

**) Очень популярное во Франціи имя,—персонажъ талантливой ранней комедіи извѣстнаго Сарду: «Семейство Бенуатонъ». Г-жа Бенуатонъ (мать) ни разу на сценѣ не появляется, про нее все время говорятъ: «Она только что вышла и дѣлаетъ визиты и покупки въ магазинахъ».

— Вотъ,—сказалъ Леонъ,—мои документы. Не будете ли столь любезны ихъ провѣрить?..

Но комиссаръ хотѣлъ ѣсть и шелъ обѣдать.

— Не надо, не надо! Я занятъ! Давайте свой концертъ,—буркнулъ онъ и поспѣшилъ домой.

— Проклятый полицейскій!—воскликнулъ Леонъ.

Глава III.

На концертѣ публики собралось очень много, и хозяинъ кафе въ этотъ вечеръ отлично торговалъ пивомъ, но чета Бертелини проработала почти въ пустую.

Между тѣмъ Леонъ былъ великолѣпенъ. Бархатный костюмъ на немъ такъ и сіялъ; одна его манера, особенно шикарная, крутить папироски въ перерывы между пѣснями,—положительно стоила денегъ; комическія мѣста въ куплетахъ онъ подчеркивалъ такъ рельефно, что самая даже заплывшая жиромъ голова въ Кастель-ле-Гаши могла понять, что тутъ, именно, надо засмѣяться; наконецъ, гитара звучало быстро, громко, увлекательно.

Со своей стороны, и Эльвира распѣвала свои романсы и патріотическія пѣсни съ большимъ подъемомъ, чѣмъ обыкновенно; голосъ ея разливался широкою волною, ласковою даже для требовательнаго слуха. И сама она,—въ роскошномъ коричневомъ платьѣ, съ модною тогда низкою таліею, и отсутствіемъ рукавовъ, обнажавшимъ руки до самыхъ плечъ, съ большимъ краснымъ, провоцирующимъ изъ-за лифа цвѣткомъ,—была совсѣмъ эффектна. Леонъ все на нее любовался, когда она пѣла, и повторялъ про себя въ многотысячный разъ, что его Эльвира—прелестнѣйшая изъ женщинъ.

Но, увы, когда Эльвира начала обходить залу съ протянутымъ тамбуриномъ, «золотая молодежь» города Кастель-ле-Гаши холодно отъ нея отворачивалась. Лишь изрѣдка въ тамбуринъ падала мѣдная монета и, несмотря на поощреніе искусства со стороны мѣстнаго городского головы, который, впрочемъ,—и то не сразу,—расщедрился всего на гривенникъ, весь сборъ былъ меньше одного франка...

Холодная дрожь охватила артистовъ: предъ такою аудиторіею моллюсковъ у самого Аполлона заныло бы сердце... Однако, оба Бертелини рѣшили не сдаваться безъ жаркаго боя,

и оба снова запѣли еще громче, еще веселѣе, и съ большею еще силою зазвенѣла гитара. Наконецъ, Леонъ затянулъ свою лучшую пѣснь, свою самую эффектную сатиру, свой «великій» номеръ: «Il y a des honnêtes gens partout!» Никогда, кажется, онъ не пѣлъ ея съ такимъ мастерствомъ, но это не пронимало мѣстныхъ «моллюсковъ». Бертелини на всю жизнь сохранилъ убѣжденіе, что кастельлегашійцы, въ отношеніи здраваго смысла и музыкальнаго слуха, составляютъ исключеніе изъ рода человѣческаго: «тупые волы», «воры!»—восклицалъ онъ. И, однако, онъ не сдавался: онъ повторялъ свои куплеты, точно бросалъ вызовъ публикѣ, точно провозглашалъ исповѣданіе новой вѣры, и лицо его такъ сіяло, что вы могли бы подумать, что лучи отъ него обратятъ на правильный путь хоть нѣсколько кастельлегашійцевъ, которые больше вниманія, повидимому, обращали на свое пиво, чѣмъ на музыку и слова пѣсни.

Онъ какъ разъ тянулъ заключительную высокую ноту, съ широко открытымъ ртомъ и откинутою назадъ головою, какъ вдругъ съ сильнымъ стукомъ отворилась дверь въ кафэ, и два новыхъ посѣтителя стали шумно пробираться по залѣ къ первому ряду «креселъ», т. е. преимущественно табуретокъ и скамеекъ. Это былъ комиссаръ полиціи, въ сопровожденіи другого не меньшаго мѣстнаго должностного лица—полевого стражника.

Неутомимый Бертелини снова во весь голосъ завопилъ: «Вездѣ есть честные люди!», но теперь аудиторія сразу отозвалась. Бертелини не могъ понять причины: онъ не вѣдалъ біографіи полевого стража, не слыхалъ о маленькой его исторіи съ почтовыми или гербовыми марками, но публика отлично ее знала, и съ великимъ наслажденіемъ забавлялась совпаденіемъ сатирическаго куплета съ мѣстнымъ «злободневнымъ» вопросомъ.

Комиссаръ, было, усѣлся на одинъ изъ переднихъ стульевъ съ видомъ Кромвеля, посѣщающаго «тупой парламентъ» *) и значительнымъ шепотомъ сталъ сообщать свои замѣчанія полевому стражу, который почтительно стоялъ за его спиною, но

---

*) Вездѣ есть честные люди!

*) Rump-parliament—прозвище данное въ насмѣшку парламенту при власти Кромвеля.

Примѣч. переводчика.

скоро глаза обоихъ чрезвычайно строго устремились на Бертелини; тотъ же все продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выкрикивать:

— «Вездѣ есть честные люди!»

Въ двадцатый разъ и во всю мощь своей глотки провозгласилъ Бертелини этотъ афоризмъ, но тутъ комиссаръ сразу вскочилъ съ мѣста и грозно замахалъ своею тростью по направленію къ пѣвцу.

— Я вамъ нуженъ?—спросилъ Леонъ, обрывая куплетъ.

— Да, вы!—крикнулъ властитель.

— «Проклятый полицейскій!» — пронеслось въ умѣ Леона,—и онъ спустился съ подмостковъ по направленію къ комиссару.

— Какъ могло такъ случиться, милостивый государь,—произнесъ, точно раздуваясь, полицейскій,—что я нахожу васъ паясничающимъ въ кафэ, въ общественномъ мѣстѣ, безъ моего разрѣшенія?

— Какъ, безъ разрѣшенія?—вскрикнулъ Леонъ съ негодованіемъ.—Позвольте вамъ напомнить...

— Довольно, довольно!—перебилъ комиссаръ.—Я не желаю объясненій.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, чего вы желаете или не желаете,—возразилъ пѣвецъ.—Я предложилъ дать объясненія, и вы не заткнете мнѣ рта. Я артистъ, милостивый государь, это—отличіе, которое, правда, вы не въ состояніи понять. Я получилъ отъ васъ разрѣшеніе, и нахожусь здѣсь на законномъ основаніи. Пусть помѣшаетъ мнѣ, кто посмѣетъ!

— А я вамъ говорю, что вы не имѣете моего письменнаго разрѣшенія,—крикнулъ комиссаръ.—Покажите мнѣ его! Покажите мою подпись!

Леонъ сообразилъ, что онъ попалъ въ западню, но почувствовалъ подъемъ духа, и, отбросивъ назадъ свои пышныя кудри, сразу вошелъ въ роль угнетеннаго благородства, комиссаръ же для него предсталъ въ роли тирана. Благородство стало наступать, тиранъ подался нѣсколько назадъ. Аудиторія привстала и слушала съ серьезнымъ и молчаливымъ вниманіемъ, обычнымъ тогда у французовъ при зрѣлищѣ столкновеній съ полиціею.

Эльвира присѣла. Подобныя эпизоды не представляли для

ней интереса новизны, и на ея лицѣ отразились лишь утомленіе и печаль, а не страхъ.

— Еще одно слово,—заревѣлъ комиссаръ,—и я васъ арестую!

— Меня арестовать?!.—вскрикнулъ Леонъ.—Не посмѣете!

— Я... я начальникъ полиціи!

Леонъ удержалъ свои чувства. Внушительно, но весьма деликатно, онъ отвѣтилъ:

— Повидимому, это дѣйствительно такъ.

Такой стилистическій оборотъ былъ слишкомъ тонокъ для кастель-легашійцевъ: никто въ залѣ даже не улыбнулся; что же касается комиссара, онъ просто приказалъ пѣвцу слѣдовать за нимъ въ «канцелярію» и горделиво направилъ начальственныя стопы ко двери. Леону оставалось только повиноваться. Онъ это и сдѣлалъ, тотчасъ придавъ лицу, послѣ надлежащей пантомимы, выраженіе полнѣйшаго равнодушія. Конечно, за обоими потянулась цѣлая свита любопытныхъ.

Тѣмъ временемъ, городской голова, который еще раньше вышелъ, уже поджидалъ комиссара у входа въ канцелярію. Мэръ во Франціи является благодѣтельнымъ противовѣсомъ придиркамъ полицейскихъ и часто принимаетъ гражданъ подъ свою защиту отъ ихъ притѣсненій. Какъ выборное лицо, мэръ большею частью не зазнается, не особенно чванится своимъ общественнымъ положеніемъ, бываетъ доступенъ, слушаетъ и понимаетъ то, что ему говорятъ. Полезно, между прочимъ, путешественникамъ принять это къ свѣдѣнію *). Когда же все, повидимому, погибло, и умъ начиналъ свыкаться съ неустранимымъ фактомъ совершающейся несправедливости, у человѣка остается еще маленькій рожокъ, въ который, какъ говорится въ преданіи, онъ еще можетъ протрубить призывъ ко спасенію, и тогда, — какъ современный, вполнѣ комфортабельный, deux ex machina,—является мэръ города или деревенской общины спасать его отъ формальныхъ представителей или, точнѣе, извратителей закона.

Такъ и мэръ города Кастель-ле-Гаши, который, хотя и

*) Это относится скорѣе къ прошедшему времени; но, что касается низшей полиціи, то типы, подобные описываемому комиссару, во Франціи до сихъ поръ можно часто встрѣтить.

Примѣч. переводчика.

остался совершенно нечувствительнымъ къ искусству Леона и его музыкѣ, но ни на минуту не задумался взять притѣсненнаго артиста подъ свою защиту. Онъ тотчасъ повелъ атаку противъ комиссара въ высокопарныхъ и весьма энергичныхъ выраженіяхъ. Глубоко уязвленный комиссаръ, безсильный на почвѣ «принциповъ», упорно стоялъ на фактѣ отсутствія письменнаго разрѣшенія, и, казалось, побѣда клонилась уже на его сторону,—какъ вдругъ мэръ объявилъ, что принимаетъ на свою отвѣтственность всѣ послѣдствія, и, повернувшись къ комиссару спиною, посовѣтовалъ Леону возвратиться въ кафэ и докончить концертъ.

— Становится уже поздно!—добавилъ онъ.

Бертелини не заставилъ его повторять благой совѣтъ. Онъ со всею свитою поспѣшилъ обратно въ кафе «Торжества Плуга». Но, увы, въ его отсутствіе толпа слушателей растаяла. Эльвира съ сокрушенными взорами сидѣла на гитарномъ футлярѣ

Они видѣли, какъ посѣтители исчезали по два и по три, и это слишкомъ продолжительное зрѣлище не могло не быть удручающимъ. Каждый уходящій,—говорила она себѣ,—уноситъ въ своемъ карманѣ частицу возможнаго ея заработка; она видѣла, что деньги и за ночлегъ, и на завтрашній желѣзнодорожный билетъ, и, наконецъ, на завтрашній обѣдъ постепенно уходятъ изъ кафе, исчезая во мракѣ ночи.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она мужа совершенно истомленнымъ голосомъ.

Леонъ не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя, на опустѣвшую залу, на печальное поле пораженія... Оставалось всего десятка два слушателей, и то самаго мало обѣщающаго сорта. Минутная стрѣлка стѣнныхъ часовъ была уже близка къ одиннадцати.

— Это потерянная битва,—сказалъ онъ и, доставъ кошелекъ, вывернулъ его содержимое. — Три франка семьдесятъ пять!—вскрикнулъ онъ.—А надо четыре франка за гостиницу и шесть на желѣзную дорогу, а на лотерею не остается времени!.. Эльвира, это наше Ватерлоо.

Онъ сѣлъ и съ отчаяніемъ запустилъ обѣ руки въ свои кудри.

— О, проклятый комиссаръ! Проклятый полицейскій! — крикнулъ онъ внѣ себя.

— Соберемъ вещи и уйдемъ отсюда,—сказала Эльвира. —

Можно бы еще спѣть что-нибудь, но во всей залѣ нѣтъ сбора и на полфранка.

— Полфранка?—возопилъ Леонъ.—Полтысячи имъ чертей! Здѣсь ни одной человѣческой души! Только собаки, свиньи, комиссары! Моли Бога, чтобы мы благополучно добрались до постели.

— Ну, что еще выдумаешь!—воскликнула Эльвира, но сама невольно вздрогнула.

И они быстро начали укладываться. Коробки съ табакомъ, чубуки, три картонныхъ листа запонокъ, предназначенныхъ для «безпроигрышныхъ» лотерей, если бы лотерея состоялась, — все это было связано вмѣстѣ съ ножами, въ одинъ узелъ; гитару заточили въ ея старый футляръ; Эльвира накинула тоненькую шаль на голыя руки и плечи, и артисты направились къ гостиницѣ «Черной Головы».

На городскихъ часахъ пробило одиннадцать, когда они переходили базарную площадь. Осенняя ночь была черная, но мягкая; по дорогѣ они не встрѣтили ни одного прохожаго.

— Все это прекрасно,—сказалъ Леонъ,—но у меня какое-то скверное предчувствіе. Ночь еще не прошла...

ГЛАВА IV.

Въ гостиницѣ «Черной Головы» не было ни одного огонька; даже ворота были заперты.

— Это прямо не видано!—замѣтилъ Леонъ.—Гостиница, которая въ пять минутъ двѣнадцатаго уже закрыта. А въ кафе вѣдь, остались еще посѣтители, и между ними были коммивояжеры. Эльвира, сердце что-то щемитъ... Ну, позвонимъ!

Дверной колоколъ далъ низкую, густую ноту, которая разлилась по всему зданію, снизу до верху, съ гудящимъ, долго не замирающимъ гуломъ. Это какъ разъ подходило къ монастырскому виду зданія, къ впечатлѣнію отъ него холода и поста.

У Эльвиры болѣзненно сжалось сердце, что же касается Леона, онъ имѣлъ такой видъ, будто читаетъ и проработываетъ режиссерскія реплики къ проведенію пятаго дѣйствія мрачной трагедіи.

— Сами мы виноваты,—сказала Эльвира,—вотъ что значитъ вѣчно фантазировать!

Леонъ снова потянулъ за веревку колокола. Снова торжественный гулъ разнесся по всему зданію. Лишь когда онъ совершенно замеръ, въ окошечкѣ передней блеснулъ огонекъ и раздался громкій, взбѣшенный голосъ.

— Это что такое?!.—кричалъ сквозь дверь хозяинъ трагическаго вида.—Чуть не полночь, а вы шумите, точно пруссаки, у дверей тихой и почтенной гостиницы! О! Я узналъ васъ! —крикнулъ онъ послѣ мгновеннаго перерыва. — Бродяги-пѣвцы, которые ссорятся съ полиціею! И вотъ, извольте видѣть, теперь, точно господа, милорды и леди,—являются въ полночь! Вонъ отсюда!

— Позвольте вамъ напомнить,—возразилъ Леонъ громкимъ, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—что я вашъ гость, что я надлежащимъ образомъ записанъ въ книгѣ жильцовъ, что я оставилъ въ гостиницѣ багажъ на четыреста франковъ...

— Вы не можете его получить въ этотъ часъ!—крикнулъ въ отвѣтъ хозяинъ.—Моя гостиница—не ночной трактиръ, не пристанище для воровъ, ночныхъ распутниковъ, шарманщиковъ и шарманщицъ...

— Скотина!—крикнула ему Эльвира, задѣтая послѣднимъ эпитетомъ.

— Я тре-бу-ю сво-е-го ба-га-жа! — громко и внушительно проскандировалъ Леонъ съ удареніемъ на каждомъ слогѣ.

— Я не зна-ю ва-ше-го ба-га-жа!—тѣмъ же манеромъ отвѣчалъ хозяинъ.

— Вы за-дер-жи-ва-е-те мой ба-гажъ? Вы осмѣлитесь задержать мои вещи?!.—крикнулъ Леонъ такимъ голосомъ, что хозяинъ, очевидно, счелъ за лучшее отступить.

— Да кто вы такой?—дипломатично отвѣтилъ онъ вопросомъ на вопросъ.—Я не могу васъ узнать. Страшно темно...

— Ага! Отлично! Вы все-таки задерживаете мои вещи,—заключилъ Леонъ.—Вы за это будете отвѣчать! Я испорчу вамъ всю жизнь. Я подамъ въ судъ, во всѣ суды, и, если во Франціи есть правосудіе, оно разсудитъ насъ! И еще я изъ васъ сдѣлаю ходячее посмѣшище,—я на васъ сочиню пѣсню,—пѣсню грубую, непристойную, которая сдѣлается у васъ здѣсь народною, которую мальчишки на улицахъ будутъ кричать, которую будутъ выть у вашихъ воротъ въ самую полночь!

И голосъ Леона съ каждымъ оборотомъ рѣчи все повышался

и уже не встрѣчалъ отвѣта: непріятель безмолвно отступалъ, заглохли его шаги, скрылся послѣдній лучъ фонаря.

Леонъ обратился къ женѣ, ставъ въ героическую позу.

— Эльвира!—торжественно произнесъ онъ.—Отнынѣ у меня есть нравственный долгъ, цѣль жизни! Я долженъ уничтожить этого человѣка, какъ Эженъ Сю *) уничтожилъ привратника-швейцара! Приступимъ къ возмездію! Идемъ въ жандармерію! **).

Онъ схватилъ прислоненный къ стѣнѣ ящикъ съ гитарою, и оба съ пламенѣющимъ сердцемъ быстро двинулись по скудно освѣщеннымъ улицамъ.

Жандармерія помѣщалась за телеграфною конторою, въ самой глубинѣ обширнаго двора, который граничилъ съ садами; въ этомъ дальнемъ и тихомъ углу мирно почивала вся мѣстная стража общественной безопасности. Не малаго труда стоило до нея достучаться и поднять на ноги одного изъ жандармовъ. Когда же онъ очнулся и выслушалъ въ чемъ дѣло, то сперва помолчалъ, а затѣмъ произнесъ: «Это дѣло не наше».

И ничего больше Леонъ отъ него не добился. Напрасно пытался онъ его убѣдить, упросить, подѣйствовать на его чувство:

— Вы видите здѣсь госпожу Бертелинъ, въ бальномъ платьѣ, съ очень деликатнымъ здоровьемъ, да еще въ интересномъ положеніи.

Послѣднее фантастическое утвержденіе было сдѣлано для вящшаго лишь эффекта, но полусонный жандармъ ограничивался отвѣтомъ:

— Это дѣло не наше. Оно выходитъ изъ круга нашихъ обязанностей.

— Отлично!—заключилъ Леонъ.—Значитъ, мы должны итти къ комиссару!

Они поспѣшили въ полицейскую канцелярію. Она, конечно, оказалась запертою, но квартира комиссара, какъ извѣстно было Леону, находилась тутъ же, и онъ началъ бѣшено звонить въ ея колокольчикъ. Въ окнѣ появилась фигура, по-

---

*) Авторъ знаменитыхъ когда-то и имѣвшихъ въ свое время очень крупное общественное значеніе, романовъ: «Мартынъ Найденышъ», «Вѣчный Жидъ», «Семь смертныхъ грѣховъ» и др.

Примѣч. переводчика.

**) Французская жандармерія совсѣмъ не то, что русская охранная полиція. Она скорѣе соотвѣтствуетъ нашей уѣздной полиціи.

хожая на узенькую полосу бѣлой бумаги. Это была комиссарова жена, которая объявила, что ея мужъ еще не возвращался.

— Нѣтъ ли его у городского головы?—спросилъ Леонъ.

Она отвѣтила, что въ этомъ ничего нѣтъ невѣроятнаго.

— Позвольте спросить, какъ отыскать жилище головы?

Она не отказалась дать Леону нѣсколько указаній, хотя и довольно неопредѣленныхъ.

— Оставайся здѣсь, Эльвира,—сказалъ Леонъ,—иначе я рискую съ нимъ разминуться. Если тебя здѣсь не найду, — значитъ, ты уже будешь находиться, на законномъ основаніи, въ гостиницѣ «Черной Головы».

И Леонъ бодро отправился въ поиски за начальствомъ. Потребовалось болѣе десяти минутъ блужданія по переулкамъ и тропинкамъ межъ садовъ, чтобы найти домъ мэра, и когда, наконецъ, онъ до него дошелъ пробила, уже половина перваго.

Передъ Леономъ былъ обширный садъ, огороженный бѣлою каменною стѣною, надъ которою свѣшивалась темная листва большихъ орѣховыхъ деревьевъ. Въ стѣнѣ была дверь; на ней—почтовый ящикъ и желѣзная кнопка отъ звонка; вотъ все что можно было усмотрѣть въ жилищѣ мэра.

Леонъ взялъ скобку въ обѣ руки и началъ со всѣхъ силъ дергать ее назадъ и впередъ. Самъ колокольчикъ висѣлъ тотчасъ позади двери и, мгновенно отражая колебательныя движенія Леона, наполнялъ окрестность тревожнымъ звономъ.

Однако, изъ жилища мэра никто не отзывался, лишь изъ окна на противуположной сторонѣ улицы, донесся голосъ спросившій, въ чемъ причина необычайнаго трезвона.

— Я желаю видѣть г. мэра!—объявилъ Леонъ.

— Онъ давно уже въ постели,—отвѣтилъ голосъ.

— Онъ долженъ подняться! — крикнулъ Леонъ и взялся снова за скобку.

— Онъ васъ не услышитъ,—спокойно отвѣтилъ голосъ.— Садъ очень великъ, домъ въ дальнемъ его концѣ, а самъ мэръ, и его ключница, оба—почти глухіе.

— А!—произнесъ Леонъ послѣ маленькой паузы.—Городской голова глухъ? А? Тогда все объясняется. — Тутъ онъ вспомнилъ съ благодарнымъ чувствомъ добрую роль головы въ его столкновеніи съ полиціею.

— Да, итакъ, садъ великъ, домъ головы въ самомъ далекомъ концѣ?

— И вы можете звонить, хоть всю ночь,—прибавилъ спокойный голосъ,—и ничего изъ этого не выйдетъ; развѣ только, что испортите мнѣ всю ночь.

— Благодарю васъ, сосѣдъ,—отвѣтилъ Леонъ.—Вы должны спать. Вы будете спать.

И онъ поспѣшилъ самымъ скорымъ шагомъ обратно,—къ квартирѣ комиссара. Онъ увидѣлъ Эльвиру, ходившую взадъ и впередъ по тротуару.

— Онъ еще не вернулся?—спросилъ Леонъ.

— Нѣтъ.

— Такъ! А я увѣренъ,—воскликнулъ Леонъ,—что онъ дома. Гдѣ моя гитара? Я поведу на него форменную аттаку, Эльвира. Я огорченъ, я негодую, я свирѣпѣю, но благодарю своего Создателя, что онъ меня надѣлилъ капелькою фантазіи и находчивости. Неправеднаго судью угостимъ сейчасъ серепадою. Сейчасъ, сейчасъ угостимъ!

Тѣмъ временемъ, онъ быстро настроилъ гитару, взялъ нѣсколько аккордовъ, и сталъ въ несомнѣнно испанскую позу.

— Ну, пробуй свой голосъ, Эльвира! Готова? За мною!

Гитара зазвенѣла; въ ночной тиши раздались, въ два громкихъ голоса, звуки хора пѣсенки стараго Беранже:

«Commissaire! Commissaire!
«Colin dat sa ménagére» *).

Даже камни Кастель-ле-Гаши дрогнули отъ такой дерзкой новизны. Отъ вѣка ночь почтеннаго городка была освящена для сна и ночныхъ колпаковъ **). Что же теперь? То и дѣло въ окнахъ начали черкать спичками и зажигать свѣчи; высунулись физіономіи, опухшія отъ сна и съ изумленіемъ увидѣли передъ жилищемъ комиссара двѣ человѣческія фигуры, съ откинутыми назадъ головами, точно вопрошавшія звѣздное небо своими глазами. Гитара и ныла, и пѣла, и шумѣла, точно полъ-оркестра, и два молодецкихъ голоса во всю мощь легкихъ, всуе призывали

*) «Комиссаръ! Комиссаръ!
«Николай бьетъ хозяйку».

**) Французы въ провинціи спятъ почти круглый годъ съ открытыми окнами, и потому на ночь надѣваютъ на голову колпакъ или ермолку.

Примѣч. переводчика.

ими комиссара. И отовсюду вторило имъ эхо, повторяя кличку комиссара. Все это болѣе походило на дивертисиментъ какого-нибудь Мольеровскаго фарса, чѣмъ на эпизодъ дѣйствительной жизни города Кастель-ле-Гаши.

Комиссаръ, если не первый, то и не изъ послѣднихъ, почувствовалъ вліяніе музыки; онъ шумно подскочилъ къ окну, внѣ себя отъ бѣшенства и, высунувшись впередъ сталъ отчаянно жестикулировать руками и кричать, какъ сумасшедшій; кисточка его бѣлаго ночного колпака непрерывно болталась впередъ и назадъ, вправо и влѣво; ротъ раскрывался до рекордныхъ размѣровъ, голосъ рычалъ и хрипѣлъ. Ясно было, что, продолжись еще серенада, его постигла бы «кондрашка».

Я стѣсняюсь передавать содержаніе выкриковъ комиссара; онъ коснулся множества вопросовъ, слишкомъ серьезныхъ и острыхъ для такого мирнаго повѣствователя какъ я. Хотя комиссаръ издавна былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ скорый и громкій на языкъ, но въ описываемый ночной часъ, онъ такъ превзошелъ себя, что одна лэди-дѣвственница, которая также поднялась съ постели и подбѣжала къ своему окну, тотчасъ была принуждена поспѣшно его захлопнуть отъ крылатыхъ выраженій начальника городской полиціи.

Услышавъ голосъ комиссара, Леонъ прекратилъ серенаду и пытался ему объяснить, въ чемъ дѣло, но въ отвѣтъ слышались только угрозы ареста.

— Вотъ, погоди! Дай только спуститься внизъ!—кричалъ комиссаръ.

— А ну, ну!—отвѣчалъ Леонъ.—Спускайтесь!

— Вотъ, только не хочу!

— Не смѣете!

Комиссаръ захлопнулъ окно.

— Все пропало!—воскликнулъ Леонъ.—Серенада, кажется, и горожанамъ не понравилась. У этого мужичья нѣтъ юмора ни на каплю.

— Уйдемъ скорѣй отсюда!—промолвила, содрогаясь, Эльвира.—Я ихъ всѣхъ разглядѣла, кто у оконъ стоялъ. Такія грубыя, злыя лица...

И, давая выходъ своимъ чувствамъ, она крикнула нѣсколько разъ на зрителей, стоявшихъ еще со свѣчами около оконъ.

— Скоты! Скоты! Скоты! Скоты!

— Ну, теперь давай удирать! Заварили мы кашу! — воскликнулъ Леонъ.

И, схвативъ гитару въ одну руку и узелъ съ вещами въ другую, Леонъ далъ Эльвирѣ примѣръ поспѣшнаго отступленія отъ сцены этого нелѣпаго приключенія.

ГЛАВА V.

Къ западу отъ Кастель-ле-Гаши ряды огромныхъ старыхъ липъ образовали нѣсколько темныхъ аллей, чернота которыхъ рѣзко оттѣнялась звѣзднымъ свѣтомъ ночи. Тамъ и сямъ, между стволами липъ, находились каменныя скамейки. Царила полная тишина. Воздухъ былъ совершенно неподвиженъ; надъ аллеями нависла тяжелая атмосфера цвѣтущей липы; листья точно одеревенѣли вмѣстѣ со своими вѣтками.

Сюда, въ одну изъ этихъ аллей, подошла чета Бертелини, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ достучаться въ двѣ гостиницы, попавшихся имъ по пути. Несмотря на деликатные отказы Эльвиры, Леонъ настоялъ, чтобы она надѣла его куртку, и оба они молча сѣли на первую же скамейку. Леонъ скрутилъ папиросу и выкурилъ ее до самаго конца, вглядываясь въ верхушки деревьевъ и сквозь нихъ въ яркія созвѣздія, названія которыхъ безуспѣшно старался припомнить.

Тишину вдругъ нарушили церковные часы; они медленно и размѣренно пробили четыре четверти, затѣмъ раздался одинъ лишь полный и сильный ударъ, который долго дрожалъ въ воздухѣ, пока совсѣмъ не замеръ. Снова воцарилась недвижная тишина.

— Часъ ночи,—промолвилъ Леонъ.—Еще цѣлыхъ четыре часа до зари. Но тепло... Звѣзды сіяютъ. Табаку и спичекъ хватитъ. Знаешь, Эльвира, говорю серьезно, это приключеніе, въ концѣ концовъ, не лишено прелести. Я чувствую въ сердцѣ жизнь. Я возрождаюсь. Кругомъ чарующая природа. Вспомни, дорогая, романы Купера...

— Леонъ!—отвѣтила Эльвира почти съ яростью.—Какъ можешь ты такую чепуху нести?! Провести цѣлую ночь внѣ дома! Да, это кошмаръ, я умру.

— Милая, постарайся примириться съ положеніемъ,—нѣжно отвѣтилъ Леонъ.—Право, здѣсь довольно привлекательно. Ну,

хочешь, мы пройдемъ какую-нибудь сцену? Развѣ повторить Алцеста и Селимену? Нѣтъ? Не хочешь? Ну, тогда изъ «Двухъ сиротокъ». Начнемъ, это отвлечетъ тебя отъ печальныхъ мыслей. Я для тебя такъ сыграю, какъ никогда еще не игралъ! Я чувствую до мозга костей вдохновеніе искусства.

— Да придержи же свой языкъ!—крикнула Эльвира.—Или я съ ума сойду! Неужто ничто тебя не образумитъ, даже ужасъ нашего положенія?

— Да, въ чемъ же ужасъ? — возразилъ Леонъ. — Почему ужасъ? Гдѣ ужасъ? Гдѣ же ты хотѣла бы находиться? «Dites, la jeune belle, où voulez vous aller?»—пропѣлъ онъ.—Ахъ, вотъ мысль! — воскликнулъ Леонъ, доставая гитару изъ футляра.—Мы съ тобою споемъ! Пой: «Dites, la jeune belle!» Это успокоитъ твои чувства, Эльвира, повѣрь!

И, не ожидая отвѣта, онъ началъ наигрывать аккомпанементъ. Первые же аккорды разбудили молодого человѣка, спавшаго на сосѣдней скамейкѣ.

— Эй!—крикнулъ онъ.—Что тамъ такое? Кто вы тутъ?

— Какому царю ты подвластенъ, прощалыга-нищій?—продекламировалъ Леонъ.—Скажи пароль или умри!

Молодой человѣкъ всталъ и пошелъ къ нимъ. Въ полутемнотѣ аллеи онъ показался рослымъ, сильнымъ юношей, джентльменскаго вида и съ нѣсколько одутловатымъ лицомъ. На немъ были сѣрый костюмъ и сѣрая охотничья шляпа; когда онъ приблизился, показалась и дорожная сумка, перекинутая черезъ плечо.

— Вы сюда тоже перекочевали?—спросилъ онъ съ сильно англійскимъ произношеніемъ.—Я радъ. По крайней мѣрѣ, будетъ компанія!

Леонъ описалъ свои злоключенія; юноша, въ свою очередь, выяснилъ, что онъ студентъ Кембриджскаго университета,—но еще экзаменъ не сдавалъ,—рѣшилъ на время каникулъ сдѣлать маленькое путешествіе по Франціи, попалъ въ Кастель-ле-Гаши, но здѣсь «сѣлъ на мель» изъ-за неполученія денегъ изъ дома, и теперь, не имѣя средствъ на гостиницу, поселился въ этихъ алеяхъ: двое сутокъ тутъ ночуетъ и, вѣроятно, придется ночи двѣ еще прокоротать.

— Къ счастію, стоитъ теплая погода,—добавилъ онъ въ заключеніе.

— Слышала Эльвира?—точно обрадовавшись воскликнулъ

Леонъ и, обратившись къ студенту сказалъ:—Г-жа Бертелини придаетъ слишкомъ много значенія нашему маленькому приключенію. Со своей стороны я нахожу его прямо романтическимъ, Въ сущности, въ этой ночевкѣ на свѣжемъ воздухѣ вовсе нѣтъ особыхъ неудобствъ, или, по крайней мѣрѣ,—добавилъ онъ, перемѣняя мѣсто сидѣнія на каменной скамьѣ,—нѣтъ большихъ непріятностей, которыхъ можно было бы ожидать при другихъ обстоятельствахъ. Но что же вы все стоите? Садитесь, пожалуйста!

— Слушаю,—отвѣтилъ студентъ, садясь рядомъ съ Леономъ.—Ваша правда: какъ немножко привыкнешь, такъ хорошо спится и на каменной скамейкѣ. Вотъ только адски трудно найти, гдѣ умыться... А ночь отлично проходитъ... Я люблю вольный воздухъ, звѣзды и прочія такія вещи.

— Ахъ!—воскликнулъ Леонъ.—Вы артистъ?

— Я артистъ?—переспросилъ студентъ съ удивленіемъ.—Почему вы такъ думаете? Я вовсе не артистъ.

— Простите меня,—возразилъ актеръ,—но вы только что такъ хорошо выразились о вольномъ воздухѣ, о звѣздахъ...

— Вотъ еще пустяки! — воскликнулъ студентъ. — Какъ будто нельзя любоваться на звѣзды и быть въ то же время чѣмъ-угодно, а не артистомъ!

— Все же у васъ несомнѣнно артистическая натура, мистеръ... Прошу извиненія: не будетъ съ моей стороны нескромностью освѣдомиться, какъ васъ зовутъ?—спросилъ Леонъ.

— Моя фамилія Стубзъ.

— Очень благодаренъ, мистеръ Стубзъ. А мое имя—Бертелини; Леонъ Бертелини, бывшій артистъ Монружскаго, Бельвильскаго и Монмартрскаго театровъ *). М-ръ Стубзъ, сейчасъ, по разнымъ обстоятельствамъ, я занимаю амплуа, весьма, такъ сказать скромное, но смѣю васъ увѣрить, что я создалъ,—и притомъ въ самомъ Парижѣ,—не мало важныхъ ролей. Вотъ, напримѣръ, за Горнаго демона, въ пьесѣ того же имени, меня расхвалила вся парижская пресса, безъ исключенія!.. А госпожа Бертелини, моя супруга,—позвольте представить!—тоже артистка, и,—считаю долгомъ добавить,—артистка лучшая, чѣмъ ея

*) Второстепенные, небольшіе театры; первые два—на окраинахъ Парижа того времени.

Примѣч. переводчика.

мужъ. Она можетъ похвалиться недюжиннымъ творчествомъ. Она создала около двадцати пѣсенъ, которыя имѣли громадный успѣхъ въ одной изъ главныхъ парижскихъ концертныхъ залъ... Но, возвращаясь къ прежнему разговору, я снова повторяю, что у васъ артистическая натура. Вы артистъ въ душѣ, мистеръ Стубзъ! Смѣю васъ увѣрить, что я компетентный судья въ этихъ вопросахъ. Я надѣюсь, что вы не пойдете наперекоръ естественнымъ вашимъ влеченіямъ. Вы позволите дать вамъ добрый совѣтъ? Выбирайте артистическую карьеру!

— Очень благодаренъ! — отвѣтилъ Стубзъ, расхохотавшись.—А я мечталъ сдѣлаться банкиромъ.

— Что вы!—воскликнулъ Леонъ,—Боже избави, не говорите этого! Человѣкъ съ вашей натурою не долженъ подавлять свои духовныя стремленія. Ну, что значатъ временныя, небольшія на первыхъ порахъ, лишенія, если будете работать для благородной, высокой цѣли?

— «Малый, кажется, того... рехнулся,—подумалъ Стубзъ,—но жена у него хорошенькая, да и самъ онъ славный малый, вотъ только все «дичь несетъ». Кажется, вы говорили,—произнесъ онъ уже вслухъ,—что вы актеръ?

— О, конечно!—отвѣтилъ Леонъ,—или, точнѣе,—увы!—я былъ актеромъ...

— И вы желаете, чтобы я сдѣлался такимъ же актеромъ, какъ вы?—продолжалъ кембриджскій студентъ. Но, господинъ Бертелини, я никогда не выучу ни одной роли: память у меня—словно рѣшето. А потомъ, надо еще говорить, декламировать, дѣйствовать руками, изображать... Я столько же смыслю въ этомъ дѣлѣ, какъ вотъ эта кошка, которая тутъ пробѣжала.

— Сцена не единственное поприще,—возразилъ Леонъ.—Сдѣлайтесь поэтомъ, беллетристомъ, скульпторомъ, танцоромъ, но слѣдуйте голосу сердца; слѣдуйте ему всю жизнь: до гробовой доски служите искусству!

— Вы всѣ эти вещи называете искусствомъ?—спросилъ Стубзъ. Въ его голосѣ слышалось изумленіе.

— Да, разумѣется!—воскликнулъ Леонъ.—Развѣ это не отдѣльныя отрасли единаго, великаго искусства?

— А я этого не зналъ. Я думалъ,—сказалъ англичанинъ,—что артистъ, это человѣкъ, который рисуетъ

Пѣвецъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Тутъ, очевидно, маленькое недоразумѣніе, которое зависитъ отъ различія значеній одного и того же слова на разныхъ языкахъ,—сказалъ Леонъ послѣ нѣкоторой паузы.—До сихъ поръ людямъ за вавилонскую башню приходится расплачиваться! Если бы я умѣлъ говорить по-англійски, вы бы лучше меня поняли, и скорѣе бы послѣдовали моему совѣту.

— Ну, я этого не думаю,—простодушно отвѣчалъ Стубзъ.— Я очень люблю звѣзды, особенно, когда они ярко сіяютъ: замѣчательно пріятно тогда на нихъ смотрѣть! Но, будь я повѣшенъ, если я что-нибудь понимаю въ томъ, что вы называете искусствомъ. Оно, очевидно, не для меня писано! Я вообще не люблю, когда, знаете, надо много думать или учить. Это—дѣло «интеллигентовъ». Мнѣ же, дай Богъ, только сдать экзамены... Но,—прибавилъ онъ, замѣтивъ даже въ потемкахъ глубокое разочарованіе на лицѣ собесѣдника, — вы не думайте, чтобы я былъ врагомъ всему этому: я люблю театръ, и пѣніе, и гитару, и всѣ такія вещи.

Леонъ почувствовалъ, что они никогда не поймутъ другъ друга, и перемѣнилъ предметъ бесѣды.

— Итакъ, вы путешествуете? — сказалъ онъ, точно продолжая прежній разговоръ о приключеніяхъ юноши.—Знаете, это—романично и отважно. А какъ вамъ понравилась наша родина? Какое впечатлѣніе производитъ на васъ здѣшняя мѣстность? Эти дикіе холмы даютъ отличную перспективу, настоящій сценическій видъ—не правда ли?

— Видите ли...—началъ, было, Стубзъ, собиравшійся возвѣстить, съ апломбомъ и рисовкою первокурсника, что его нисколько не интересуютъ ни перспективы, ни сценическіе виды,—что, между прочимъ, было бы неправдою.—Видите ли,—повторилъ онъ, сообразивъ, что такое сужденіе будетъ не по вкусу Бертелини,—самому мнѣ лично нравится это мѣсто, но другіе говорятъ, что тутъ не красиво: даже въ путеводителѣ такъ сказано... Не понимаю, почему такъ сказано. А здѣсь хорошо—чертовски хорошо!

Въ этотъ моментъ вдругъ послышались рыданія.

— Мой голосъ!—воскликнула Эльвира. — Леонъ, если я здѣсь останусь еще полчаса, я потеряю голосъ. Я... я это чувствую!

— Ты не останешься здѣсь ни минуты!—съ жаромъ вскрикнулъ Бертелини. Пусть даже придется стучаться въ каждую дверь, или поджечь этотъ проклятый городишко—я найду для тебя пріютъ!

Онъ торопливо засунулъ гитару въ ящикъ, взялъ жену подъ руку, успокоивъ ее еще ласковыми словами, и обратился къ студенту:

— Мистеръ Стубзъ, — произнесъ онъ, снимая шляпу съ изящнымъ поклономъ,—убѣжище, которое я вамъ предложу, еще довольно проблематическаго свойства, но позвольте просить васъ доставить намъ удовольствіе вашей компаніи. Вы сейчасъ находитесь въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи, и, конечно, должны разрѣшить мнѣ предложить небольшой авансъ,—сколько вамъ сейчасъ можетъ понадобиться. Я прошу объ этомъ, какъ о личномъ для меня одолженіи. Мы встрѣтились такъ неожиданно, такъ необычно, что слишкомъ странно было бы тотчасъ разстаться.

Въ отвѣтъ Стубзъ пробормоталъ что-то неопредѣленное и замолчалъ, почувствовавъ, что лавируетъ неудачно.

— Я, разумѣется, не позволю себѣ ни принужденій, ни угрозъ,—продолжалъ съ улыбкою Леонъ,—но съ вашимъ отказомъ легко не примирюсь.

«Ну, я своего маршрута для него не измѣню!—сказалъ про себя студентъ, и затѣмъ, послѣ паузы, произнесъ громко и, признаться, безъ всякой изысканности:

— Извольте! Разумѣется... я весьма вамъ признателенъ,—и послѣдовалъ за четою Бертелини, думая про себя: что это, однако, за манера вынуждать людей!..

ГЛАВА VI.

Леонъ увѣренно пошелъ впередъ, какъ будто зналъ совершенно точно, куда слѣдуетъ направиться. Рыданія Эльвиры постепенно замирали. Всѣ шли молча, даже Леонъ не произносилъ ни слова. Какъ только они вышли изъ аллеи, на нихъ изъ какого-то двора отчаянно залаяла собака. Церковные часы пробили два; за ними въ сосѣднихъ домикахъ послѣдовали деревянные часы «съ кукушкой»,—точно всѣ мѣстныя кукушки сочли своимъ долгомъ дважды прокуковать о позднемъ часѣ ночи.

Вдругъ Леонъ замѣтилъ огонекъ, который свѣтился въ предмѣстьѣ города. Вся компанія поспѣшно направилась туда.

— Вотъ, и шансикъ для насъ!—объявилъ Леонъ.

Свѣтъ былъ за послѣднею городскою улицею. Среди огорода, засаженнаго турнепсомъ, стояло нѣсколько отдѣльныхъ маленькихъ домовъ и нежилыхъ строеній. Одно изъ нихъ, повидимому, недавно подверглось передѣлкѣ: въ стѣну и отчасти въ крышу было продѣлано громаднѣйшее окно, которое, какъ замѣтилъ Леонъ, выходило на сѣверъ.

— Кажется, ателье художника!—воскликнулъ онъ и даже засмѣялся отъ радости.—Если это такъ, держу десять противъ одного, что мы встрѣтимъ добрый пріемъ, который намъ такъ нуженъ.

— А я думалъ, что тѣ, которые рисуютъ, преимущественно бѣдняки,—замѣтилъ Стубзъ.

— Ахъ, мистеръ Стубзъ,—отвѣтилъ ему Леонъ.—Вы не знаете еще свѣта и людей, какъ я. Повѣрьте, чѣмъ бѣднѣе жильцы дома, тѣмъ для насъ лучше!

Они стали переходить черезъ грядки огорода.

Огонь оказался въ нижнемъ этажѣ и освѣщалъ одно окно значительно сильнѣе остальныхъ двухъ, изъ чего можно было заключить что онъ шелъ отъ лампы, стоявшей въ одномъ изъ угловъ большой комнаты; впрочемъ, вѣроятно, былъ еще свѣтъ отъ камина, потому что общее освѣщеніе то ослабѣвало, то внезапно усиливалось, точно огонь въ топкѣ.

Путники были уже близко къ дому, когда вдругъ послышался изъ него голосъ—громкій и раздраженный. Они остановились и стали прислушиваться. Голосъ усилился и поднялся до самаго высокаго регистра, но не только нельзя было разобрать, о чемъ рѣчь,—нельзя было даже разслышать отдѣльныхъ словъ, до того быстро они чередовались: это былъ неудержимый потокъ словъ, который то съ шумомъ низвергался, то нѣсколько затихалъ, а потомъ—снова несся стремглавъ. Часто повторялись однѣ и тѣ же фразы, которыя ораторъ, очевидно, считалъ особо вѣскими и сильными, подчеркивая ихъ значеніе.

Вдругъ понесся другой еще потокъ. Сразу можно было различить женскій голосъ. Онъ не въ состояніи былъ покрыть силь-

наго голоса мужчины, но рѣзко отъ него выдѣлялся своею выразительностью. Если по тону рѣчи можно было заключить, что мужчина раздраженъ или разгнѣванъ, то про женщину нужно было сказать, что голосъ ея сразу взвинтился до бѣшеной ярости. Это былъ тотъ тонъ, которымъ даже лучшія изъ женщинъ съ ума сводятъ тѣхъ, кто имъ всѣхъ дороже; тонъ, способный извести всякаго мужчину; тонъ, которымъ выкрикивается желаніе убить собесѣдника и который готовъ каждую минуту перейти въ истерику. Если бы абстрактъ человѣческаго гроба, съ человѣческими костями, былъ одаренъ способностью рѣчи, то отъ него слышался бы именно такой тонъ и такія рѣчи

Леонъ былъ человѣкъ храбрый и ко всему сверхъестественному относился несомнѣнно скептически (хотя воспитывался въ католическомъ пансіонѣ или именно вслѣдствіе этого), — но эти ужасные женскіе крики заставили его перекреститься,— точно отъ дьявольскаго навожденія. Онъ, повидимому, слышалъ ихъ не въ первый разъ въ жизни, такъ какъ встрѣчалъ не мало женщинъ на своемъ жизненномъ пути.

Очевидно, этотъ тонъ и на собесѣдника женщины произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Онъ мгновенно вскипѣлъ и началъ такую бурную отповѣдь, что студентъ, который, конечно, не могъ понять убійственнаго тона дѣйствія рѣчи женщины, и потому не обратилъ сначала на нее вниманія, сразу теперь насторожилъ уши:

— Ну, сейчасъ, потасовка!—объявилъ онъ.

Однако, потасовки не было. Мужчина смолкъ, женщина повела реплику въ болѣе еще взвинченномъ тонѣ.

— Сейчасъ истерика?—спросилъ Леонъ, обратившись къ женѣ.—Какъ насчетъ этого режиссерская ремарка?

— Я почемъ знаю!—отвѣтила Эльвира нѣсколько кислымъ тономъ.

— О, женщины, женщины!—воскликнулъ Леонъ, раскрывая ящикъ отъ гитары.—Знаете, мистеръ Стубзъ, онѣ вѣчно защищаютъ другъ друга, да еще утверждаютъ, что это не предвзятая система, а вполнѣ естественно отъ сердца идетъ. Даже госпожа Бертелини отъ этого не свободна, а еще—артистка!

— Ты безсердеченъ, Леонъ!—сказала Эльвира.—Развѣ ты не понимаешь, что эта женщина сильно разстроена.

— А этотъ мужчина?—возразилъ Леонъ, продѣвая на плечо ремень отъ гитары.—Какъ полагаешь, душечка, онъ не разстроенъ?

— Онъ мужчина! — отвѣтила Эльвира необыкновенно просто.

— Вы слышите, мистеръ Стубзъ? — обратился Леонъ къ студенту. — Вы замѣтили тонъ? Вамъ уже пора принимать такія вещи къ свѣдѣнію. Однако, что бы имъ преподнести?

— Вы хотите пѣть? — спросилъ съ удивленіемъ Стубзъ.

— Я трубадуръ, — отвѣтилъ Бертелини. — Я буду требовать, посредствомъ моего искусства, добраго пріема для представителей Искусства. Ну, скажите, мистеръ Стубзъ, имѣлъ бы я право, рѣшился бы я это сдѣлать, если бы я былъ, напримѣръ... банкиромъ?

— Но тогда вы не нуждались бы въ подобномъ гостепріимствѣ! — возразилъ студентъ.

— Пожалуй, что и такъ, — сказалъ Леонъ. — Эльвира, онъ вѣрно говоритъ?

— Разумѣется вѣрно. Развѣ ты этого не зналъ?

— Мой другъ, — внушительно отвѣтилъ Леонъ, — я ничего не знаю и не хочу знать, кромѣ того, что мнѣ пріятно. Однако, что же мы имъ поднесемъ? Надо что нибудь подходящее...

Въ умѣ Стубза пронеслась высоко цѣнимая имъ и его товарищами пѣснь «о собакѣ», и онъ тотчасъ ее предложилъ для исполненія, но оказалось, что и слова въ ней англійскія, и мелодію ея самъ Стубзъ не могъ припомнить.

Послѣ этого прекратилось его соучастіе въ отыскиваніи подходящаго сюжета.

— Надо что-нибудь припомнить относительно бездомности, — сказала Эльвира, — о лишеніяхъ страданіяхъ... скитальцевъ.

— Нашелъ! — перебилъ Леонъ.

И онъ громко затянулъ очень популярную тогда пѣсенку Дюпона:

Savez vous où gîte
Mai, ce joli mois? *).

---

*) Знаете ли вы, гдѣ обитаетъ
Май—прекрасный мѣсяцъ май?

Къ нему присоединилась Эльвира, и скоро, вслѣдъ за нею, Стубзъ, у котораго оказался сильный голосъ и хорошій слухъ: только манера пѣнія была грубовата.

Леонъ и его гитара одинаково были на высотѣ положенія.

Пѣвецъ расточалъ звуки своего голоса съ необыкновенною щедростью и воодушевленіемъ. Надо было видѣть его красивую, героическую позу, встряхиваніе его черныхъ кудрей, его глаза, устремленные въ небо, точно ищущіе, точно видящіе одобреніе звѣздъ, которымъ сочувственно вторитъ вся вселенная!

Между прочимъ, одно изъ лучшихъ свойствъ небесныхъ тѣлъ то, что они принадлежатъ всѣмъ и каждому: всякій въ правѣ ихъ считать своею собственностью, а такой вѣчный Эндиміонъ, какъ Бертелини, могъ всегда чувствовать себя центромъ вселенной, т. е. самимъ собою удовлетворяться.

Изъ троихъ пѣвцовъ, — и это достойно замѣчанія, — Леонъ, по своимъ естественнымъ средствамъ, былъ наиболѣе плохой, но одинъ онъ чистосердечно увлекался, одинъ онъ былъ въ состояніи оцѣнить и передать всю прелесть серенады. Эльвира больше думала о возможныхъ послѣдствіяхъ ихъ ночной музыки — получатъ ли они, наконецъ, пріютъ, или выйдетъ только новый скандалъ, а Стубза больше всего занималъ лишь процессъ ночного приключенія, да и вся его встрѣча съ Бертелини представлялась ему исключительно въ видѣ «адски» забавной «штуки».

«Знаете ли, гдѣ ютитъ
«Май—прекрасный мѣсяцъ май?—»

продолжало раздаваться среди грядокъ рѣпы въ звукахъ трехъ мощныхъ голосовъ.

Обитатели освященнаго дома были, очевидно, поражены изумленіемъ: свѣтъ его заходилъ въ разныя стороны, усиливался, то въ одномъ окнѣ, то въ другомъ. Затѣмъ растворилась дверь, и на крыльцѣ, съ лампою въ рукахъ, показался мужчина. Это былъ дюжій, рослый молодой человѣкъ съ всклокоченными волосами и растрепанною бородою. На немъ была длинная до колѣнъ, разноцвѣтная блуза, которая, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалась вся безпорядочно испачканною въ разноцвѣтныхъ масляныхъ краскахъ, что придавало ей подобіе одежды

арлекина. Изъ подъ блузы, точно у деревенскаго парня, ниспадали до самыхъ пятъ широкіе, мѣшкообразные штаны.

Тотчасъ за нимъ, изъ-за его плеча выглянуло блѣдное, нѣсколько изможденное, женское лицо, еще молодое и несомнѣнно красивое, но какою-то измѣнчивою, отходящею красотою, которой, очевидно, суждено было скоро исчезнуть. Выраженіе ея лица безпрестанно мѣнялось; то оно казалось оживленнымъ и пріятнымъ, то становилось вялымъ и кислымъ; все же, въ общемъ, это было привлекательное лицо. Можно было думать, что миловидность и свѣжесть молодости перейдутъ потомъ въ интересную блѣдную красоту; а контрасты юной души, слѣды нѣжности и суровой рѣзкости, сольются, въ концѣ концовъ, въ бодрый и не злой характеръ.

— Что тамъ такое? — крикнулъ мужчина. — Чего вамъ надо?

ГЛАВА VII.

Шляпа Леона была уже въ его рукѣ, и онъ выступалъ съ обычною граціею; остановка у крыльца была «сдѣлана» такъ изящно, что въ театрѣ стяжала бы единодушный взрывъ аплодисментовъ.

— Милостивый государь! — началъ Леонъ. — Долженъ признаться, что часъ теперь непростительно поздній, и наша маленькая серенада могла вамъ показаться даже дерзостью, но повѣрьте, это было лишь воззваніе къ вамъ. Я замѣчаю, что вы, артистъ. Мы трое — также артисты, но которые, вслѣдствіе рокового стеченія самыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, очутились безъ пріюта и крова... И притомъ одинъ изъ этихъ артистовъ — женщина — деликатнаго сложенія — въ бальномъ платьѣ,—въ интересномъ положеніи. Это не можетъ не тронуть женскаго сердца вашей супруги, которую я замѣчаю за вашимъ плечомъ... Въ ея лицѣ я читаю ясно добрую и уравновѣшенную душу. Ахъ, милостивая государыня и милостивый государь, одно только доброе, благородное движеніе вашей души — и вы сдѣлаете трехъ человѣкъ счастливыми! Просидѣть часа два-три около вашего очага — вотъ все, что я прошу у васъ, милостивый государь, именемъ Искусства, а васъ, милостивая государыня, — во имя святыхъ правъ женской природы.

Мужчина и женщина, какъ бы по молчаливому соглашенію, немного отошли отъ двери.

— Войдите! — буркнулъ хозяинъ.

— Прошу, пожалуйста, сударыня, — привѣтливо сказала хозяйка.

Дверь непосредственно отворялась въ большую кухню, которая, повидимому, служила и гостиною, и столовою, и мастерскою. Обстановка была очень простая и вообще скудная, только на одной изъ стѣнъ висѣли два пейзажа въ изящныхъ и довольно дорогихъ рамахъ, внушавшихъ мысль о недавнемъ представленіи картинъ на конкурсъ и о непринятіи ихъ на выставку. Леонъ тотчасъ принялся разсматривать эти картины и другія, то отходя отъ нихъ, то снова приближаясь, то глядя на нихъ съ одного бока, то — съ другого, то прищуривая глаза, то прикладывая къ нимъ кулакъ, согнутый въ трубку, — однимъ словомъ, провелъ роль знатока искусства съ присущею ему сценическою опытностью и силою.

Хозяинъ съ наслажденіемъ свѣтилъ лампочкою компетентному гостю, который пересмотрѣлъ всѣ выставленныя полотна. Эльвиру хозяйка провела прямо къ камину, а Стубзъ сталъ посреди комнаты и съ изумленіемъ слѣдилъ за движеніями и замѣчаніями Леона.

— Вы должны посмотрѣть картины еще при дневномъ свѣтѣ,—сказалъ художникъ.

— О, я уже обѣщалъ себѣ это удовольствіе!—отвѣчалъ Леонъ.—Вы мнѣ позволите одно замѣчаніе? Вы обладаете замѣчательнымъ искусствомъ композиціи!

— Вы черезчуръ добры,—возразилъ обрадованный въ душѣ артистъ.—Но не пора ли намъ ближе къ огню?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!—поспѣшилъ отвѣтить Леонъ.

Скоро вся компанія сидѣла за столомъ, на которомъ наскоро былъ собранъ холодный ужинъ съ дешевенькимъ мѣстнымъ виномъ. Меню врядъ ли могло кому нибудь особенно понравиться, но никто объ этомъ не скорбѣлъ—отлично съѣли все, что было, при самой оживленной работѣ ножей и вилокъ. Леонъ былъ, какъ всегда, великолѣпенъ: видѣть, какъ онъ ѣстъ простую, не подогрѣтую сосиску,—значило присутствовать при какомъ то особомъ

торжествѣ: онъ отдавалъ этой сосискѣ столько времени, мимики и «экспрессіи», сколько ихъ хватило бы на превосходнѣйшій англійскій ростбифъ; даже видъ его, послѣ потребленія сосиски, былъ такой же, какъ у человѣка, который очень вкусно поѣлъ, но чувствуетъ, что нѣсколько перекушалъ.

Такъ какъ Эльвира натурально сѣла около Леона, а Стубзъ столь же естественно, хотя и совершенно безсознательно—помѣстился по другую сторону Эльвиры, то хозяевамъ суждено было сидѣть за ужиномъ рядомъ. Тѣмъ сильнѣе бросилось въ глаза, что они другъ къ другу не обращали ни одного слова, даже старались не взглянуть другъ на друга. Чувствовалось, что прерванная битва еще волнуетъ ихъ сердца и снова разгорится, лишь только уйдутъ гости.

Завязался общій разговоръ, перекидывавшійся съ одного предмета на другой,—было единогласно рѣшено, что ложиться уже слишкомъ поздно, но настроеніе хозяевъ не мѣнялось: даже Шекспировскія дочери короля Лира,—Гонерилья и Регана,—показались бы менѣе непримиримыми.

Скоро Эльвира почувствовала себя настолько утомленной, что, несмотря на правила этикета, которыя она, обладая изящными манерами, всегда строго соблюдала,—самымъ естественнымъ образомъ склонила голову къ Леону на плечо и, въ то же время, съ нѣжностью, отчасти питаемой усталостью, переплела пальцы своей правой руки съ пальцами лѣвой руки мужа. Полузакрывъ глаза, она почти тотчасъ погрузилась въ сладкую дремоту, но не переставая слѣдить за собесѣдниками: такъ, она видѣла, что жена художника устремила на нее упорный взглядъ, въ которомъ перемежались и презрѣніе, и зависть.

Леонъ не могъ долго обойтись безъ табаку. Онъ осторожно высвободилъ свои пальцы изъ Эльвириной руки и тихонько скрутилъ папиросу, заботливо стараясь не нарушить покоя жены ни однимъ лишнимъ движеніемъ. Это вышло замѣчательно трогательно и мило, и, въ особенности, сильно поразило жену художника. Она на мгновеніе устремила свой взглядъ впередъ и затѣмъ украдкою, быстрымъ движеніемъ схватила подъ столомъ руку мужа. Она могла бы обойтись и безъ этого ловкаго маневра. Бѣдный малый такъ былъ пораженъ неожиданною ласкою, что остановился на полусловѣ съ широко открытымъ ртомъ, и вы-

раженіемъ лица краснорѣчиво пояснилъ всей компаніи, что его мысли приняли лишь нѣжное направленіе.

Все это было бы нелѣпо и смѣшно, если бы не вышло такъ мило. Жена художника уже высвободила свою руку, и эффектъ былъ достигнутъ. Всклокоченный художникъ зарумянился и одну минуту казался даже красавцемъ.

Разумѣется, Леонъ и Эльвира все видѣли. Оба они были отчаянные сваты, а примиреніе молодоженовъ могло даже считаться ихъ спеціальностью. По обоимъ пробѣжала сочувственная дрожь.

— Прошу прощенія!—внезапно началъ Леонъ. — Очень прошу васъ не быть на меня въ претензіи, но когда мы подходили къ вашему дому, мы слышали звуки, свидѣтельствовавшіе,—если я смѣю такъ выразиться,—о не вполнѣ совершенной гармоніи...

— Милостивый государь! — воскликнулъ было художникъ съ намѣреніемъ прекратить разговоръ.

Но его опередила жена.

— Совершенно вѣрно,—сказала она,—и я не вижу, чего тутъ стыдиться. Если мой муженекъ съ ума сходитъ, то я обязана, по меньшей мѣрѣ, предотвратить нѣкоторыя послѣдствія. Сударь, и вы, сударыня,—обратилась она къ обоимъ Бертелини, не обращая никакого вниманія на студента,—вы только вообразите себѣ! Вообразите, что этотъ несчастный мазилка, который неспособенъ даже вывѣску хорошо написать, сегодня утромъ получилъ превосходное предложеніе отъ дяди,—отъ моего родного дяди, брата моей матери, котораго я чрезвычайно люблю. Ему,—вы понимаете?—даютъ мѣсто въ конторѣ: около полуторы тысячъ франковъ жалованья въ годъ, а онъ,—вы только представьте себѣ!—изволитъ отказываться. Ради чего, спрашивается? Ради искусства—говоритъ онъ? Да вы посмотрите на его «искусство»! Пожалуйста посмотрите. Развѣ это можно посылать на выставку? Спросите его сами—можно это продать? И вотъ изъ-за этого, сударь и сударыня, я должна быть лишена всякихъ удовольствій, всякаго комфорта, должна жить чуть не впроголодь, на самой скверной окраинѣ провинціальнаго городишки. Нѣтъ, нѣтъ!—выкрикнула она.—Je ne

me tairai pas, c'est plus fort que moi! *). Я прошу обоихъ джентльменовъ и благородную леди быть судьями: развѣ это хорошо съ его стороны? Развѣ прилично? Развѣ человѣчно? Неужто я не заслуживаю лучшей участи послѣ того, какъ я вышла за него замужъ, и... (заминка)... все сдѣлала, что могла, чтобы ему нравиться и скрасить его существованіе?

Можно себѣ вообразить положеніе сидѣвшихъ за столомъ! Всѣ имѣли видъ ошалѣлый, почти полуумный, и больше всѣхъ—художникъ.

— Однако, произведенія вашего мужа имѣютъ несомнѣнныя достоинства,—сказала Эльвира, нарушая общее молчаніе.

— Такъ что же изъ этого?—отвѣтила жена.—Достоинства есть, а покупать ихъ никто не хочетъ.

— Я полагаю, что мѣсто въ конторѣ... началъ, было, Стубзъ.

— Искусство есть искусство! — воскликнулъ Леонъ. — Я привѣтствую искусство. Оно прекрасно, оно божественно! Въ немъ—душа міра, гордость человѣческой жизни! Но...—тутъ ораторъ остановился.

— Если хорошая должность въ конторѣ...,—началъ снова Стубзъ.

Обоихъ перебилъ художникъ:

— А я вамъ скажу, въ чемъ дѣло. Я—артистъ, и,—какъ говоритъ мой почтенный гость,—искусство есть и то, и прочее, Но вотъ что! Если моя жена собирается ежедневно меня изводить своею грызнею,—я лучше пойду и сейчасъ же брошусь въ воду.

— Ну, и ступай!—крикнула жена.

— Я собирался сказать,—договорилъ, наконецъ, Стубзъ,—что можно быть и конторщикомъ, и въ то же время рисовать сколько угодно. У меня есть пріятель, который служитъ въ банкѣ, и въ то же время сколотилъ уже себѣ капиталецъ акварельными рисунками.

Обѣимъ женщинамъ показалось, что Стубзъ протянулъ доску спасенія; каждая вопросительно взглянула на своего мужа,—даже Эльвира, которая сама была артисткою; видно, въ женской натурѣ всегда останется меркантильная струнка.

Мужчины обмѣнялись взглядомъ,—взглядомъ трагическимъ.

---

*) Я не замолчу: не могу молчать!

Не иначе взглянули бы другъ на друга два философа, если бы къ концу жизни внезапно узнали, что ихъ ученіе такъ и осталось непонятнымъ ихъ ученикамъ.

Леонъ всталъ.

— Искусство есть искусство,—печально и серьезно произнесъ Леонъ,—а не рисованіе акварельныхъ картинокъ и не бренчанье на фортепіано. Это—жизнь, которую артистъ переживаетъ.

— Если только онъ съ голоду не дохнетъ,—добавила жена художника.—Если вы это называете жизнью, она не для меня.

— Я скажу вотъ что,—продолжалъ Леонъ.—Пойдите сударыня въ другую комнату, и поговорите еще съ моею женою, а я здѣсь останусь и поговорю съ вашимъ супругомъ. Не знаю, выйдетъ ли что нибудь изъ этихъ разговоровъ, но позвольте попробовать.

— О, пожалуйста!—отвѣтила молодая женщина и, взявъ свѣчу, попросила Эльвиру послѣдовать за нею въ спальню.

— Дѣло въ томъ,—сказала она, опускаясь на стулъ,—что мой мужъ не можетъ рисовать.

— Да и мой не можетъ играть,—добавила Эльвира.

— А мнѣ кажется, что вашъ мужъ долженъ хорошо играть,—отвѣтила та.—Онъ мнѣ показался очень разностороннимъ и способнымъ человѣкомъ.

— Онъ такой и есть, и вдобавокъ еще замѣчательно хорошій человѣкъ,—сказала Эльвира,—но играть онъ не можетъ, не можетъ имѣть успѣха.

— Но все же онъ не такой дикій чудакъ, какъ мой: вашъ, по крайней мѣрѣ умѣетъ пѣть.

— Вы не понимаете Леона!—горячо возразила Эльвира.—Онъ совсѣмъ не претендуетъ быть хорошимъ пѣвцомъ—для этого у него слишкомъ много пониманія и вкуса; онъ поетъ лишь изъ нужды, чтобы имѣть, чѣмъ жить. И, повѣрьте мнѣ, ни тотъ, ни другой—не чудаки и не шутники. Они люди съ призваніемъ: у нихъ есть миссія, но они еще не могутъ найти дорогу, проявить себя.

— Кто они такіе, я не знаю,—отвѣтила жена художника,—но вы чуть не остались ночевать въ полѣ, а я живу въ постоянномъ страхѣ остаться безъ куска хлѣба. Я полагаю, что при-

званіе мужчины должно заключаться и въ томъ, чтобы больше всего заботиться о женѣ. Но объ этомъ у него нѣтъ заботы— ему бы лишь дѣлать по своему, разыгрывать не то шута, не то сумасшедшаго. О,—воскликнула она,—развѣ не тяжко такъ думать о своемъ мужѣ? Если бы онъ только могъ имѣть успѣхъ, но, нѣтъ... онъ не можетъ.

— Есть у васъ дѣти?—спросила Эльвира.

— Нѣтъ, но я могу ожидать...

— Дѣти многое мѣняютъ,—сказала Эльвира вздохнувъ.

Вдругъ послышался аккордъ гитары,—другой-третій,—и раздался голосъ Леона. Обѣ женщины умолкли. Жена художника точно преобразилась. Эльвира смотрѣла ей прямо въ глаза и читала ея мысли, ея чувства. Пѣсня, очевидно, пробудила сладкія воспоминанія юности. Передъ взорами молодой женщины проносилась зеленая равнина средней Франціи; въ ней благоухали яблони въ цвѣту, серебрились извилины красавицы-рѣчки, слышались упоительныя слова любви.

— Леонъ въ ударѣ. Онъ попалъ въ точку,—думала про себя Эльвира.—Но какъ онъ могъ угадать ея настроеніе?

На самомъ дѣлѣ, это оказалось довольно просто. Леонъ спросилъ художника не припомнитъ ли онъ какой-нибудь пѣсни, которая была бы связана съ счастливымъ временемъ ухаживанія его за тою, которая стала ему женою, о ихъ быломъ объясненіи въ любви, и узналъ то, что ему было нужно. Давъ еще нѣкоторое время женщинамъ наговориться, онъ вдругъ запѣлъ:

O mon amante,
O mon désir,
Sachons cueillir
L'heure charmante! *).

— Вы меня простите, сударыня,—сказала жена художника,—но вашъ мужъ великолѣпно поетъ.

— Онъ поетъ не безъ чувства,—отвѣтила Эльвира тономъ строгаго критика, хотя сама почувствовала себя нѣсколько взволнованною.—Онъ, по призванію, драматическій артистъ, а не пѣвецъ и не музыкантъ.

— Какъ жизнь печальна!—грустно промолвила жена ху-

---

*) Первый куплетъ простенькой и поэтической пѣсенки «къ возлюбленной». *Примѣч. переводчика.*

дожника.—Какъ много въ жизни пропадаетъ, точно ускользаетъ между пальцами!

— Я этого до сихъ поръ не находила,—возразила Эльвира Я думаю, что хорошія стороны жизни долго сохраняются, и со временемъ даже усиливаются.

— Послушайте! Скажите мнѣ по правдѣ: что вы мнѣ посовѣтуете сдѣлать?

— По совѣсти вамъ отвѣчу: Я бы предоставила мужу дѣлать то, что онъ желаетъ. Вѣдь, нѣтъ сомнѣнія, что художникъ васъ любитъ, а будетъ ли любить васъ конторщикъ, это еще неизвѣстно. И знаете: если онъ можетъ быть отцомъ вашихъ дѣтей, что же для васъ можетъ быть лучше, чѣмъ иначе вы его удержите при себѣ?

— Правда, онъ отличный человѣкъ,—сказала жена.

Пѣніе и веселая, ставшая дружескою, бесѣда продолжалась до свѣта, а когда взошло солнце, всѣ простились у крыльца съ самыми искренними и сердечными пожеланіями взаимнаго благополучія. Печи Кастель-ле-Гаши уже дымились, и дымъ уносился на востокъ; церковные часы прогудѣли шесть разъ.

— Моя гитара—мой добрый духъ! — воскликнулъ Леонъ, когда они направились кратчайшимъ путемъ въ ближайшую гостиницу.—Она пробудила жизнь въ комиссарѣ полиціи, взбодрила одного англійскаго туриста и примирила мужа съ женою!

Стубзъ же пошелъ своею дорогою и предался свойственнымъ ему размышленіямъ:

— Они всѣ сумасшедшіе,—думалъ онъ,—положительно сумасшедшіе, но удивительно занимательные и приличные люди.

ПОХИТИТЕЛЬ ТРУПОВЪ.

(The Body-Snatcher)

Фантастическій разсказъ.

Аккуратно каждый вечеръ мы четверо,—гробовщикъ, хозяинъ «Джорджа», Феттсъ и я собирались въ малой залѣ этой дебенгемской гостиницы. Иногда заходилъ кто-нибудь еще, но мы-то ужъ непремѣнно каждый вечеръ бывали на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Вѣялъ ли легкій вѣтеръ, бушевалъ ли вихрь, хлесталъ ли дождь, падалъ ли снѣгъ или трещалъ морозъ, намъ было все равно; каждый изъ насъ усаживался въ свое кресло.

Феттсъ, старый, вѣчно пьяный шотландецъ, какъ казалось, получившій образованіе, повидимому располагалъ кое-какими средствами, такъ какъ могъ жить, не дѣлая ровно ничего. Много лѣтъ тому назадъ, Феттсъ, (въ тѣ времена еще молодой человѣкъ), явился въ Дебенгемъ и, только благодаря тому, что онъ безвыѣздно жилъ въ нашемъ городѣ, сталъ для коренныхъ горожанъ «своимъ». Синій камлотовый сюртукъ Феттса сдѣлался чуть ли не такой же мѣстной достопримѣчательностью, какъ дебенгемская колокольня.

Феттсъ постоянно засѣдалъ въ «Джорджѣ», никогда не бывалъ въ церкви, отличался множествомъ самыхъ низкихъ пороковъ, но Дебенгемъ принималъ все это, какъ нѣчто неизбѣжное и само собой понятное. Время отъ времени Феттсъ высказывалъ довольно неопредѣленныя радикальныя мнѣнія или очень нечестивые взгляды и подчеркивалъ ихъ, громко стуча рукой о столъ. Онъ пилъ ромъ—аккуратно по пяти стакановъ въ вечеръ—и большую часть своего пребыванія въ «Джорджѣ» сидѣлъ насыщенный алкоголемъ, держа въ правой рукѣ стаканъ. Мы называли его докторомъ, такъ какъ предполагалось, что онъ обладаетъ знаніемъ медицины. Вдобавокъ, Феттсъ нѣсколько разъ

перевязывалъ переломы или вправлялъ вывихи. Но кромѣ этихъ немногихъ свѣдѣній, намъ не было извѣстно ничего о немъ и о его прошломъ.

Разъ въ темный зимній вечеръ пробило девять часовъ, а хозяинъ гостиницы все еще не присоединился къ намъ. Въ это время въ «Джорджѣ» лежалъ больной, одинъ очень извѣстный сосѣдній помѣщикъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ по дорогѣ въ парламентъ. Къ нему телеграммой вызвали еще болѣе извѣстнаго лондонскаго доктора. Для Дебенгема это было новымъ событіемъ: въ то время только что открылась желѣзная дорога къ намъ. Понятно, всѣ мы волновались.

— Онъ пріѣхалъ,—набивъ и закуривъ трубку, сказалъ подошедшій къ намъ хозяинъ «Джорджа».

— Онъ?—спросилъ я.—Кто «онъ»?. Вѣдь не докторъ же?

— Онъ самый.

— А какъ его фамилія?

— Макферленъ,—сказалъ хозяинъ.

Феттсъ допивалъ третій стаканъ, тупо отхлебывая ромъ и то покачиваясь, то оглядываясь кругомъ изумленнымъ взглядомъ. Но, едва прозвучало послѣднее слово, онъ какъ бы проснулся и дважды повторилъ фамилію «Макферленъ»; въ первый разъ довольно спокойно, во второй—со внезапнымъ волненіемъ.

— Да, — сказалъ хозяинъ; — это докторъ Уольфъ Макферленъ.

Феттсъ сразу отрезвѣлъ: его взглядъ оживился, голосъ сталъ ясенъ, звученъ, твердъ; выраженія пріобрѣли силу и рѣзкость. Перемѣна въ немъ поразила всѣхъ, намъ показалось будто передъ нами воскресъ мертвый.

— Извините, — сказалъ онъ, — я былъ невнимателенъ и плохо понялъ вашъ разговоръ. Кто этотъ Макферленъ?

Выслушавъ разсказъ хозяина, онъ прибавилъ:

— Этого не можетъ быть, не можетъ быть!.. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу!

— Развѣ вы его знаете, докторъ?—съ удивленіемъ спросилъ гробовщикъ.

— Боже сохрани,—былъ отвѣтъ;—но—это необыкновенное имя. Странно представить себѣ, что два человѣка носятъ его. Скажите мнѣ, хозяинъ, онъ старъ?

— Какъ вамъ сказать? Онъ, конечно не молодъ и у него сѣдые волосы, но на видъ онъ моложе васъ.

— Старше на много лѣтъ старше,—проговорилъ Феттсъ и, ударивъ рукой по столу, прибавилъ:—во мнѣ вы видите слѣды рома... рома и грѣха. Можетъ быть, у этого человѣка спокойная совѣсть и здоровый желудокъ? Совѣсть! Слушайте! Подумаете ли вы, что я былъ порядочнымъ человѣкомъ, хорошимъ христіаниномъ? Повѣрите? Но, нѣтъ нѣтъ. Я никогда не былъ ханжой. Будь на моемъ мѣстѣ Вольтеръ, онъ, пожалуй, сдѣлался бы святошей. Но мой мозгъ, (пальцы Феттса забарабанили по его лысому черепу)—мой ясный мозгъ не спалъ; я смотрѣлъ и видѣлъ, не дѣлая выводовъ.

— Очевидно, если вы знаете этого доктора,—послѣ тяжелаго молчанія замѣтилъ я,—вы не раздѣляете того хорошаго мнѣнія, которое имѣетъ о немъ нашъ хозяинъ.

Феттсъ не удостоилъ меня взглядомъ.

— Да,—со внезапной рѣшимостью произнесъ онъ,—я долженъ встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу!

Новое молчаніе. Въ первомъ этажѣ рѣзко стукнула дверь, и по лѣстницѣ застучали шаги.

— Это докторъ,—произнесъ хозяинъ;—скорѣе, и тогда вы поймаете его.

Отъ нашей гостиной до выходныхъ дверей стараго «Джорджа» было всего два шага. Широкая дубовая лѣстница оканчивалась въ крошечныхъ сѣняхъ; между ея послѣдней ступенью и порогомъ выходной двери умѣщался только турецкій коверъ. Это небольшое пространство каждый вечеръ заливалъ яркій свѣтъ отъ наружнаго фонаря подъ вывѣской и отъ лампъ, лучи которыхъ лились изъ окна ресторана. Такимъ то путемъ сіяющій «Джорджъ» давалъ о себѣ знать прохожимъ, окруженнымъ тьмой и холодомъ улицъ.

Феттсъ спокойно прошелъ въ свѣтлыя сѣни, и мы, слѣдившіе за нимъ, видѣли, какъ встрѣтились эти два человѣка, по выраженію одного изъ нихъ, «лицомъ къ лицу». Д-ръ Макферленъ, сильный, ловкій господинъ съ сѣдыми волосами и съ холоднымъ, спокойнымъ, полнымъ энергіи лицомъ былъ одѣтъ роскошно въ платье изъ тонкаго сукна и бѣлоснѣжное бѣлье; на его жилетѣ висѣла толстая золотая часовая цѣпочка съ золотыми брелоками. Очки его были изъ того же дорогого металла.

Шею доктора окружалъ широкій бѣлый галстукъ съ лиловыми крапинками. На рукѣ онъ несъ теплый мѣховой плащъ. Очевидно, докторъ жилъ въ атмосферѣ богатства и уваженія. Странный констрастъ составлялъ съ нимъ нашъ товарищъ по «Джорджу»—лысый, неопрятный, въ старомъ камлотовомъ сюртукѣ. Феттсъ подошелъ къ доктору подлѣ лѣстницы.

— Макферленъ,—довольно громко позвалъ онъ, скорѣе голосомъ герольда, нежели друга.

Знаменитый врачъ замеръ на четвертой ступени снизу, и выпрямился, точно безцеремонность этого обращенія его удивила и оскорбила въ немъ чувство собственнаго достоинства.

— Тодди Макферленъ,—повторилъ Феттсъ.

Пріѣзжій изъ Лондона чуть не упалъ. Въ теченіе самаго короткаго времени, онъ неподвижно смотрѣлъ на человѣка бывшаго передъ нимъ, потомъ какъ бы съ испугомъ оглянулся и шопотомъ произнесъ:

— Феттсъ... вы?..

— Да,—отвѣтилъ тотъ,—я. Развѣ вы думали, что и я умеръ? Наше знакомство не такъ-то легко порвать.

— Молчите, молчите, — произнесъ докторъ,—молчите; это такая неожиданная встрѣча—я вижу вы поражены. Сознаюсь, сначала я не узналъ васъ. Но я очень радъ, въ высшей степени радъ, что мнѣ представился случай васъ увидѣть. Въ настоящую минуту мы можемъ сказать только другъ другу: «здравствуйте» да «прощайте», потому что меня ждутъ дрожки и мнѣ нельзя опоздать на поѣздъ. Но вы... Дайте подумать!.. Да, да, скажите мнѣ вашъ адресъ и знайте, что вы вскорѣ получите обо мнѣ извѣстія. Мы должны что-нибудь сдѣлать для васъ, Феттсъ. Боюсь, что вамъ живется плоховато; но мы позаботимся объ этомъ «ради старыхъ дней», какъ пѣвалось во время нашихъ ужиновъ.

— Деньги?—рѣзко произнесъ Феттсъ,—деньги отъ васъ? Ваши деньги лежатъ тамъ, куда я швырнулъ ихъ во время дождя.

Говоря съ Феттсомъ, д-ръ Макферленъ успѣлъ оправиться; къ нему вернулась доля его прежней увѣренности и высокомѣрія; однако, необыкновенная энергія отказа снова смутила его.

Почтенное лицо доктора на мгновеніе приняло отталкивающее, злобное выраженіе.

— Милѣйшій,—сказалъ онъ,—предоставляю вамъ дѣйство-

вать, какъ угодно; я совсѣмъ не хочу обижать васъ. Я никому ничего не навязываю... А все же оставлю вамъ мой адресъ и...

— Мнѣ его не нужно, я не хочу знать въ какомъ домѣ вы живете,—прервалъ его Феттсъ.—Я услышалъ ваше имя и мнѣ стало страшно, что, можетъ быть, рѣчь, дѣйствительно, идетъ о васъ... Я все стремился допытаться существуетъ ли въ мірѣ Богъ... Теперь я знаю, что Бога нѣтъ. Уйдите!

Феттсъ все еще стоялъ между лѣстницей и выходной дверью, такъ что великій лондонскій врачъ могъ пройти на улицу, только обогнувъ его. Мысль объ этомъ униженіи заставила Макферлена медлить. Онъ былъ блѣденъ и за стеклами его очковъ поблескивали опасные огоньки. Но, стоя въ нерѣшительности, онъ замѣтилъ, что кучеръ его дрожекъ смотритъ съ улицы на необыкновенную сцену, въ то же время онъ увидѣлъ и нашу маленькую компанію, сгустившуюся въ уголкѣ «бара». Присутствіе стольких свидѣтелей, заставило Макферлена обратиться въ бѣгство. Онъ согнулся и, задѣвая за обшивку передней, съ быстротой змѣи кинулся къ выходной двери. Но не всѣ волненія окончились для него; когда онъ поровнялся съ Феттсомъ, тотъ схватилъ его за руку, и въ комнатѣ прозвучали слѣдующія слова, произнесенныя шопотомъ, но со страшной отчетливостью:

— Вы опять видѣли его?

Великій, богатый лондонскій врачъ громко закричалъ; это былъ рѣзкій, прерывистый, дрожащій вопль. Макферленъ отшвырнулъ Феттса и, закинувъ руки за голову, какъ уличенный воръ, выбѣжалъ изъ дверей. Раньше, чѣмъ кто-либо изъ насъ успѣлъ пошевелиться, дрожки задребезжали къ станціи. Все, что случилось, походило на сонъ, но послѣ сна этого остались послѣдствія. На слѣдующій день слуга нашелъ на порогѣ разбитыя золотыя очки, а въ вечеръ происшествія, мы всѣ, еле дыша, столпились подлѣ окна ресторана; съ нами былъ и Феттсъ, совершенно трезвый, блѣдный и съ выраженіемъ рѣшительности на лицѣ.

— Спаси насъ Богъ, м-ръ Феттсъ, — сказалъ хозяинъ «Джорджа», первый пришедшій въ себя.—Что все это значитъ? Странныя вещи говорили вы.

Феттсъ обернулся къ намъ и поочередно посмотрѣлъ на каждаго изъ насъ:

— Попридержите-ка языки,—сказалъ онъ; — не безопасно стоять на пути Макферлена; многіе раскаялись въ этомъ, да поздно.

Потомъ, не допивъ своего третьяго стакана, не дожидаясь четвертаго и пятаго, онъ простился съ нами, мелькнулъ подъ лампой гостиницы и ушелъ въ черную ночь.

Мы, трое, вернулись въ гостиную съ ея раскаленымъ каминомъ и четырьмя яркими свѣчами и стали перебирать все случившееся. Мало-по-малу леденящее чувство изумленія смѣнилось въ насъ жгучимъ любопытствомъ. Мы долго не расходились; насколько я помню, намъ никогда не случалось оставаться въ «Джорджѣ» позже, чѣмъ въ эту ночь. Каждый изъ насъ высказывалъ свое предположеніе, обязуясь, со временемъ, доказать его справедливость. И всѣмъ намъ стало казаться, будто для насъ важнѣе всего въ мірѣ развѣдать прошлое нашего товарища и открыть тайну, которую онъ раздѣлялъ со знаменитымъ докторомъ. Не хвастаюсь, но мнѣ сдается, что я удачнѣе всѣхъ раскрылъ ее; и можетъ быть, теперь никто изъ живущихъ людей не могъ бы разсказать вамъ о тѣхъ ужасныхъ, противоестественныхъ событіяхъ, исторію которыхъ я изложу ниже.

Въ дни своей юности Феттсъ изучалъ медицину въ Эдинбургѣ. У него былъ своеобразный талантъ,—способность быстро усваивать все слышанное и быстро передавать другимъ пріобрѣтенные взгляды, выдавая ихъ за свои собственные. Дома онъ занимался мало, но былъ вѣжливъ съ преподавателями, внимателенъ, выказывалъ сообразительность и способности. Его скоро отмѣтили, какъ молодого человѣка, который хорошо слушаетъ и хорошо запоминаетъ слышанное. Больше: къ своему великому изумленію я узналъ, что Феттсъ былъ тогда красивъ и что его наружность располагала къ нему людей.

Въ тѣ времена въ Эдинбургѣ жилъ одинъ лекторъ анатоміи, я обозначу его буквой К. Впослѣдствіи имя этого человѣка пріобрѣло слишкомъ громкую извѣстность. Когда чернь, привѣтствуя казнь Берка, громко требовала крови его начальника, человѣкъ носившій упомянутое имя, переодѣтый и загримированный, украдкой выбирался изъ Эдинбурга. Но въ ту эпоху, о которой говорю я, К. только что достигъ извѣстности и пользовался популярностью своего соперника, профессора университета.

По крайней мѣрѣ, студенты бредили имъ. И самъ Феттсъ вѣрилъ, и всѣ другіе думали, что, заслуживъ расположеніе этой метеорной знаменитости, онъ получилъ залогъ успѣха. М-ръ К. былъ превосходнымъ преподавателемъ и въ то же время «bon vivant». Ему такъ же нравилось хитрое притворство, какъ и точные препараты. Феттсъ въ обоихъ случаяхъ показалъ себя мастеромъ и былъ отмѣченъ анатомомъ. На второй годъ онъ получилъ полу-офиціальное мѣсто второго демонстратора или субъ-ассистента. На него возложили обязанность заботиться объ анатомическомъ театрѣ и объ аудиторіи. Онъ отвѣчалъ за порядокъ въ этихъ залахъ, за поведеніе остальныхъ студентовъ и долженъ былъ доставлять, принимать и распредѣлять анатомическій матеріалъ. Въ видахъ послѣдняго, въ тѣ времена весьма затруднительнаго и щекотливаго дѣла, м-ръ К. помѣстилъ Феттса въ одномъ зданіи съ диссекціонными комнатами. Именно туда-то въ темные часы, передъ зимней зарей стучались неопрятные, мрачные люди, приносившіе матеріалъ для вскрытій. И Феттсъ, руки котораго еще дрожали послѣ буйныхъ развлеченій ночи, а въ глазахъ еще стоялъ туманъ, поднимался съ постели и шелъ отворять дверь тремъ темнымъ личностямъ, которыя впослѣдствіи не избѣгли заслуженнаго возмездія. Онъ помогалъ имъ вносить ихъ трагическую ношу, платилъ деньги и, послѣ ихъ ухода, оставался одинъ съ печальными бренными останками... Послѣ такой сцены, онъ засыпалъ на часъ—другой, чтобы вознаградить себя за ночную усталость и освѣжиться для дневного труда.

Немногіе молодые люди могли бы оставаться нечувствительны къ жизни среди вѣчныхъ напоминаній о смерти. Но отвлеченные вопросы не занимали его ума. Рабъ себялюбивыхъ желаній и мелочнаго честолюбія, Феттсъ не былъ способенъ интересоваться судьбой, удачами или бѣдами другихъ людей. Холодный, легкомысленный и себялюбивый въ высшей степени, онъ обладалъ той долей осторожности, ложно называемой нравственностью, которая удерживаетъ человѣка отъ опьяненія въ неподходящую минуту или отъ кражи, способной повлечь за собой наказаніе. Кромѣ того, Феттсъ жаждалъ извѣстнаго хорошаго мнѣнія о себѣ со стороны своихъ профессоровъ и товарищей, и ему совсѣмъ не хотѣлось явно стать въ ряды отверженныхъ. Вотъ поэтому-то онъ старался отличаться въ аудиторіи и чуть не ежедневно оказывалъ своему начальнику К. несомнѣн-

ныя и явныя для того услуги. Но за дневные труды онъ вознаграждалъ себя ночными кутежами и самыми неблагородными развлеченіями. Такимъ путемъ возстановлялось равновѣсіе и то, что Феттсъ называлъ своей совѣстью, было спокойно и довольно.

Пополнять запасы для диссекціоннаго стола было трудно; это постоянно заботило и м-ра К. и его помощника. Занятія кипѣли; учащихся было много, а потому то и дѣло оказывался недостатокъ въ анатомическомъ матеріалѣ, и обязанность добывать его, уже и сама по себѣ непріятная, грозила сдѣлаться опасной для всѣхъ, кто имѣлъ къ ней отношеніе. М-ръ К. поставилъ себѣ за правило не задавать никакихъ вопросовъ продавцамъ.

— Намъ приносятъ трупъ, мы платимъ,—говаривалъ онъ, вѣчно повторяя эту фразу.

Иногда же болѣе цинично замѣчалъ своимъ помощникамъ:

— Ради спокойствія совѣсти не задавайте вопросовъ.—Но онъ не говорилъ, что анатомическій театръ пополнялся, благодаря убійствамъ. Если бы кто-либо громко высказалъ такое предположеніе, К. съ ужасомъ отшатнулся бы отъ него; но онъ такъ легкомысленно касался серьезныхъ вопросовъ, что оскорблялъ чувство и создавалъ искушеніе для людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Напримѣръ, Феттсъ нерѣдко мысленно удивлялся необыкновенной свѣжести труповъ. Его также не разъ поражала внѣшность людей, приходившихъ къ нему передъ разсвѣтомъ; они походили на висѣльниковъ, на злодѣевъ. Можетъ быть, втайнѣ, собирая всѣ данныя, онъ придавалъ слишкомъ безнравственное и слишкомъ категорическое значеніе неосторожнымъ совѣтамъ своего учителя. Словомъ, Феттсъ считалъ, что его обязанность подраздѣляется на три части: принимать приносимое; платить извѣстную сумму и закрывать глаза на доказательства преступленія.

Въ одно ноябрьское утро такая политика молчанія Феттса подверглась большому испытанію. Феттсъ не спалъ всю ночь отъ жестокой мучительной зубной боли; онъ то ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ запертый въ клѣткѣ дикій звѣрь, то бѣшено бросался на кровать; наконецъ, заснулъ тѣмъ глубокимъ, неспокойнымъ сномъ, который такъ часто является слѣдствіемъ мучительной боли. И вотъ ассистентъ проснулся отъ серди-

таго повтореннаго въ четвертый разъ условнаго сигнала. Тонкій серпъ мѣсяца ярко свѣтилъ; было вѣтрено, холодно, морозило. Городъ еще не просыпался, однако, неопредѣленные звуки служили предвѣстниками дневного шума и дѣловитаго утренняго хлопотливаго движенія. Мрачные продавцы пришли позже обыкновеннаго и, повидимому, торопились уйти. Еще совсѣмъ сонный, Феттсъ освѣтилъ для нихъ лѣстницу. Онъ еле слышалъ ихъ ворчливые ирландскіе голоса; когда же носильщики стащили холстъ со своего ужаснаго товара, онъ задремалъ, стоя и прижимаясь плечомъ къ стѣнѣ. Наступило время платить. Феттсу пришлось сдѣлать усиліе, чтобы стряхнуть съ себя дремоту. Въ эту минуту онъ увидѣлъ мертвое лицо. Феттсъ вздрогнулъ, подошелъ шага на два ближе и поднялъ свѣчу.

— Всемогущій Богъ,—крикнулъ онъ,—да вѣдь это Дженъ Гальбретъ!

Продавцы ничего не отвѣтили, только, шаркая ногами, двинулись къ дверямъ.

— Говорю вамъ, я ее знаю,—продолжалъ Феттсъ, — Еще вчера она была жива и весела. Она не могла умереть... Не можетъ быть, чтобы вы достали этотъ трупъ честнымъ путемъ.

— Конечно, сэръ, вы совершенно ошиблись,—сказалъ одинъ изъ пришедшихъ.

Другой только мрачно посмотрѣлъ на студента и потребовалъ условленной платы.

Феттсъ не могъ не почувствовать ихъ угрозъ и надвигавшейся опасности. И мужество молодого человѣка ему измѣнило. Онъ пробормоталъ что-то въ родѣ извиненія, отсчиталъ деньги и проводилъ своихъ отталкивающихъ посѣтителей.

Едва они ушли, Феттсъ поспѣшилъ удостовѣриться въ справедливости подозрѣній, мелькнувшихъ въ его мозгу и увидѣлъ, что передъ нимъ, дѣйствительно, трупъ дѣвушки, съ которой за день передъ тѣмъ онъ шутилъ и смѣялся. Къ своему ужасу, Феттсъ нашелъ на этомъ трупѣ признаки насильственной смерти. Его охватилъ безумный, паническій страхъ, онъ забился въ свою комнату, долго раздумывалъ о своемъ открытіи, трезво разобралъ значеніе наставленій м-ра К., сказалъ себѣ, какую опасность онъ навлекъ бы на себя, если бы вмѣшался въ это серьезное дѣло и, наконецъ, полный жестокой тревоги рѣшился

прежде всего спросить совѣта у своего непосредственнаго начальника—ассистента при аудиторіи.

Это мѣсто занималъ молодой докторъ, Уольфъ Макферленъ, любимецъ всѣхъ весельчаковъ студентовъ, человѣкъ способный, умный. Врачъ этотъ велъ крайне разсѣянную жизнь, не обладалъ ни малѣйшей долей совѣсти; учился за границей и много путешествовалъ. У него были привлекательныя, довольно развязныя манеры; онъ со знаніемъ дѣла судилъ о сценѣ, блисталъ на льду, ловко бѣгая на конькахъ, или управляя клюкой во время игры въ гольфъ и, въ довершеніе всего, держалъ хорошаго сильнаго рысака и гигъ. Макферленъ близко сошелся съ Феттсомъ, и немудрено: общія занятія, до извѣстной степени, связывали ихъ; когда анатомическій матеріалъ начиналъ истощаться, они вмѣстѣ садились въ гигъ Макферлена и ѣхали куда-нибудь за городъ, въ отдаленную деревню, кощунственно грабили трупы изъ могилъ уединенныхъ кладбищъ и еще до зари привозили свою добычу къ дверямъ диссекціонной комнаты.

Въ то утро, о которомъ идетъ рѣчь, Макферленъ вернулся раньше обыкновеннаго. Феттсъ услышалъ это, встрѣтилъ его на лѣстницѣ, повѣрилъ ему свои сомнѣнія и показалъ трупъ.

Макферленъ осмотрѣлъ слѣды оставшіеся на тѣлѣ.

— Да,—сказалъ онъ, кивнувъ головой.—Это подозрительно.

— Но что же мнѣ дѣлать?—спросилъ его Феттсъ.

— Дѣлать?—повторилъ Макферленъ.—А развѣ вы собираетесь что-нибудь дѣлать? Чѣмъ меньше болтать, тѣмъ лучше, сказалъ бы я.

— Но ее можетъ узнать кто-нибудь другой, — возразилъ Феттсъ.—Ее хорошо знали въ Кэстль-Рокѣ.

— Будемъ надѣяться, что этого не случится,—сказалъ Макферленъ...—Ну, что же? Вы не узнали этой дѣвушки, и конецъ. Дѣло въ томъ, что такія вещи продолжались слишкомъ долгое время. Пошевелите ихъ и вы доставите нашему К. невѣроятныхъ непріятностей, да и сами попадете на непочетную скамью. Если угодно знать, я—тоже. Чортъ возьми, что скажемъ мы съ вами въ свое оправданіе, сидя на мѣстахъ свидѣтелей? Знаете, откровенно говоря, лично я совершенно увѣренъ, что всѣ кого мы вскрываемъ были убиты.

— Макферленъ!—воскликнулъ Феттсъ.

— Ну, ну,—насмѣшливо замѣтилъ Уольфъ;—точно вы сами не подозрѣвали этого.

— Подозрѣніе одно, а...

— Увѣренность другое? Да, знаю, и мнѣ такъ же, какъ и вамъ непріятно, что въ наши руки попало вотъ это,—замѣтилъ докторъ, касаясь трупа тростью.—Я считаю, что намъ необходимо не знать чье это тѣло,—прибавилъ онъ спокойно,—и я этой мертвой не узналъ. Если вамъ угодно дѣйствовать иначе,—пожалуйста. Я не предписываю ничего, но полагаю, что всякій свѣтскій человѣкъ поступилъ бы такимъ же образомъ. Прибавлю еще одно; мнѣ кажется К. желалъ бы, чтобы мы дѣйствовали именно такъ, какъ я предлагаю. Вопросъ: почему онъ выбралъ своими ассистентами насъ съ вами? Отвѣтъ:—потому, что ему не нужно старыхъ бабъ.

Именно подобныя рѣчи могли подѣйствовать на такого молодого человѣка, какимъ былъ Феттсъ. Онъ рѣшилъ подражать Макферлену. Трупъ молодой дѣвушки вскрыли и никто не узналъ, или не пожелалъ узнать ее.

Разъ, покончивъ со своими дневными занятіями, Феттсъ зашелъ въ простую таверну и засталъ тамъ Макферлена; съ нимъ сидѣлъ какой-то человѣкъ маленькаго роста, блѣдный, смуглый, съ черными, какъ уголь, глазами. Судя по его чертамъ, отъ него можно было ожидать извѣстной доли развитія и утонченности, но его манеры не говорили ни о томъ, ни о другомъ; при ближайшемъ знакомствѣ онъ оказался грубымъ, вульгарнымъ, тупымъ существомъ. Однако, надъ Макферленомъ незнакомецъ этотъ имѣлъ замѣчательную власть; давалъ ему приказанія съ видомъ великаго Могола; при малѣйшемъ возраженіи или промедленіи горячился; грубо пользовался рабской робостью своего собесѣдника. Феттсъ почему-то сразу понравился этому задорному, самонадѣянному человѣку, который заставлялъ его пить и почтилъ необыкновенной откровенностью относительно своей прошлой дѣятельности. Если десятая доля его признаній была истиной, онъ заслуживалъ названія отвратительнаго мошенника, и вниманіе такого опытнаго человѣка щекотало тщеславіе юнаго Феттса.

— Я самъ очень дурной малый,—замѣтилъ незнакомецъ,—но Макферленъ—настоящій молодчина. Я зову его Тодди

Макферленъ. Тодди, вели-ка подать еще стаканчикъ твоему другу.

Иногда слышалось:—Тодди, сбѣгай-ка, да запри дверь.

— Тодди меня ненавидитъ,—сказалъ онъ разъ. — Да, да, Тодди, ненавидишь.

— Не зови меня этимъ проклятымъ именемъ,—проворчалъ Макферленъ.

— Только послушайте его! Вы видали, когда-нибудь какъ отчаянные ребята дѣйствуютъ ножами? Вотъ и онъ хотѣлъ бы исполосовать ножемъ мое тѣло.

— У насъ, медиковъ, другой, лучшій, образъ дѣйствій,—сказалъ Феттсъ.—Когда намъ не нравится нашъ мертвый другъ, мы подвергаемъ его диссекціи.

Макферленъ рѣзко поднялъ голову и взглянулъ на Феттса; казалось, эта шутка не пришлась ему по вкусу.

День прошелъ; Грей, какъ звали незнакомца, пригласилъ Феттса пообѣдать съ нимъ и Макферленомъ, и заказалъ такой роскошный пиръ, что вся таверна пришла въ волненіе. Послѣ обѣда онъ велѣлъ Макферлену уплатить по счету. Разстались они поздно. Грей опьянѣлъ до потери сознанія; отрезвѣвшій отъ бѣшенства Макферленъ со злобой вспомнилъ о своихъ истраченныхъ деньгахъ, о проглоченныхъ оскорбленіяхъ. Въ головѣ Феттса шумѣло послѣ обильныхъ и разнородныхъ возліяній, и онъ невѣрными шагами, пошатываясь и съ совершенно отуманеннымъ мозгомъ, вернулся домой.

На слѣдующій день Макферленъ не пришелъ въ аудиторію, и Феттсъ посмѣивался, представляя себѣ, что Уольфъ водитъ невыносимаго Грея изъ одного кабачка въ другой. Едва Феттсъ освободился, онъ отправился разыскивать по тавернамъ своихъ собутыльниковъ прошедшей ночи; однако, нигдѣ не найдя ихъ, рано вернулся къ себѣ, рано легъ спать и заснулъ сномъ праведныхъ.

Хорошо знакомый условный стукъ разбудилъ его въ четыре часа утра. Феттсъ спустился къ входной двери и остолбенѣлъ отъ удивленія при видѣ Макферлена и его гига, въ которомъ виднѣлся одинъ изъ хорошо ему знакомыхъ продолговатыхъ страшныхъ пакетовъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ.—Неужели вы ѣздили? Какъ могли вы обойтись безъ помощника?

Но Макферленъ грубо велѣлъ ему молчать и заниматься дѣломъ. Когда они отнесли трупъ во второй этажъ и положили его на столъ, Макферленъ направился было къ выходу изъ комнаты, потомъ остановился, какъ бы въ нерѣшительности и, наконецъ, сказалъ нѣсколько смущеннымъ тономъ:

— Лучше посмотрите на лицо. Это будетъ лучше,—повторилъ онъ, замѣтивъ, что Феттсъ не двигается и только съ изумленіемъ смотритъ на него.

— Но, гдѣ, какимъ образомъ, и когда вы достали «э т о»?—воскликнулъ Феттсъ.

— Посмотрите на лицо,—послышалось въ отвѣтъ.

Феттсъ былъ взволнованъ. Его осаждали странныя сомнѣнія. Онъ переводилъ взглядъ съ молодого доктора на тѣло и потомъ обратно. Наконецъ, вздрогнувъ, исполнилъ требованіе Макферлена. Феттсъ почти ожидалъ увидѣть то, что встрѣтилъ его взглядъ, тѣмъ не менѣе ударъ оказался жестокъ. Передъ нимъ, застывъ въ неподвижности смерти, на грубомъ холстѣ лежалъ обнаженный трупъ человѣка, котораго онъ недавно видѣлъ въ хорошемъ платьѣ и полнымъ грѣшныхъ мыслей. Даже въ легкомысленномъ Феттсѣ пробудились укоры совѣсти.

Жутко стало у него на душѣ, когда онъ подумалъ, что двумъ его знакомымъ пришлось лежать на ледяной подстилкѣ. Но, это были только побочныя соображенія. Его больше всего поглощала мысль о Макферленѣ. Неподготовленный къ такому странному случаю, онъ не зналъ, какъ взглянуть на товарища, боялся встрѣтить его глаза и у него не хватало ни голоса, ни словъ.

Первый нарушилъ молчаніе Макферленъ. Онъ спокойно подошелъ къ Феттсу и мягко, но рѣшительно положилъ руку на его плечо.

— Голову можно дать Ричардсону,—сказалъ Уольфъ.

Студентъ Ричардсонъ давно жаждалъ вскрыть голову.

Отвѣта не послѣдовало, и убійца продолжалъ:

— Начавъ говорить о дѣлѣ, напомню, что вы должны мнѣ заплатить; понимаете? Необходимо, чтобы ваши счеты были въ порядкѣ.

Голосъ вернулся къ Феттсу, правда, только призракъ голоса.

— Заплатить вамъ?—произнесъ онъ. Заплатить за «это»?

— Ну, да, конечно, вы заплатите. Непремѣнно, должны выдать мнѣ деньги,—произнесъ Макферленъ.—Я не смѣю дать

трупъ даромъ; вы не можете принять его безъ платы; не то мы оба набросимъ на себя тѣнь. Это повторенiе случая съ Дженъ Гальбретъ. Чѣмъ хуже дѣло, тѣмъ усиленнѣе должны мы стараться дѣйствовать такъ, какъ будто все въ порядкѣ. Гдѣ старый К. держитъ деньги?

— Вотъ тутъ,—хрипло отвѣтилъ Феттсъ, и указалъ на шкафъ въ углу комнаты.

— Тогда, дайте мнѣ ключъ,—спокойно попросилъ Макферленъ, протянувъ руку.

Минутное колебанiе, потомъ жребiй былъ брошенъ. Макферленъ не могъ подавить еле замѣтной нервной дрожи. Едва Феттсъ передалъ ему ключъ, онъ открылъ шкафъ, снялъ съ полки перо, чернила и тетрадь, а изъ ящика досталъ столько денегъ, сколько платилось обыкновенно въ такихъ случаяхъ.

— Вотъ что,—сказалъ онъ;—деньги заплачены; это первое доказательство вашей правоты, первый шагъ, ведущiй къ безопасности. Теперь вамъ нужно подкрѣпить его вторымъ. Запишите-ка расходъ въ книгу, и тогда лично вамъ не страшенъ и самый дьяволъ.

Нѣсколько секундъ Феттсъ думалъ; это была полная агонiи борьба разнорѣчивыхъ мыслей; но благодаря ужасу, который терзалъ его, восторжествовала та изъ нихъ, которая устраняла непосредственную опасность. Важнѣе всего ему казалось избѣжать немедленной ссоры съ Уольфомъ. Всѣ дальнѣйшiя затрудненiя представлялись Феттсу пустяшными, почти желанными. Онъ поставилъ на столъ свѣчу, которой до сихъ поръ не выпускалъ изъ рукъ, и спокойно, твердымъ почеркомъ внесъ въ запись число мѣсяца, характеръ покупки и цифру заплаченной за нее суммы.

— Теперь,—проговорилъ Макферленъ,—вы, по справедливости, должны положить въ карманъ барышъ. Свою долю я уже получилъ. Кстати, когда человѣку повезетъ, когда у него въ карманѣ заведется нѣсколько лишнихъ шиллинговъ... (мнѣ стыдно говорить объ этомъ), но въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ держаться извѣстнымъ образомъ. Никакихъ угощенiй, покупокъ дорогихъ книгъ, уплаты старыхъ долговъ. Занимайте, но не давайте взаймы.

— Макферленъ,—началъ Феттсъ попрежнему хриплымъ голосомъ,—въ угоду вамъ я сунулъ голову въ петлю.

— Въ угоду мнѣ?—вскрикнулъ Уольфъ.—О, полноте! Насколько я могу судить, вы сдѣлали именно то, что должны были сдѣлать, ради самозащиты. Предположимъ, я попалъ бы въ непріятную исторію, что было бы тогда съ вами? Второе маленькое дѣло явилось естественнымъ слѣдствіемъ перваго. М-ръ Грей— продолженіе миссъ Гальбретъ. Нельзя начать и остановиться. Начавъ разъ, постоянно приходится снова начинать. Это правило. Для дурного человѣка нѣтъ отдыха.

Ужасное сознаніе злобности и предательства судьбы наполнило душу несчастнаго студента.

— Боже мой, — простоналъ онъ, — да что же я сдѣлалъ? Когда я «началъ»? Я принялъ мѣсто ассистента; ну, во имя справедливости, что же тутъ дурного? Этого мѣста добивался Сервайсъ; Сервайсъ могъ получить его. Развѣ онъ тоже попалъ бы въ то положеніе, въ которомъ я теперь стою?

— Милѣйшій,—сказалъ Макферленъ,—какой вы ребенокъ. Что же случилось съ вами? Что можетъ съ вами случиться, если вы будете держать языкъ за зубами? Вы вѣрно не знаете, что такое человѣческая жизнь. На свѣтѣ существуетъ два рода людей—львы и ягнята. Если вы ягненокъ, вы попадете на ледъ, какъ Грей или Дженъ Гальбретъ; если вы левъ, вы будете жить и кататься на своихъ лошадяхъ, какъ я, какъ м-ръ К., какъ всѣ умные и смѣлые люди. Вы поражены въ данную минуту. Но посмотрите на К. Мой милый малый, вы умны, отважны; вы нравитесь мнѣ и... К. Судьба предназначила вамъ сдѣлаться охотникомъ и, какъ человѣкъ опытный, говорю вамъ: черезъ три дня вы сами будете смѣяться, думая о всѣхъ этихъ пугалахъ; смѣяться какъ студентъ надъ фарсомъ.

Сказавъ это, Макферленъ вышелъ изъ зданія и быстро уѣхалъ въ своемъ гигѣ, желая добраться домой до зари. Феттсъ остался наединѣ со своими тяжелыми мыслями. Онъ видѣлъ ужасное положеніе, въ которое попалъ. Съ невыразимымъ отчаяніемъ молодой ассистентъ сознавалъ, что его слабости нѣтъ границъ, что переходя отъ одной уступки къ другой, онъ изъ распорядителя судебъ Макферлена дошелъ до положенія его безпомощнаго, получающаго плату сообщника. Онъ отдалъ бы все въ мірѣ, чтобы за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ оказаться мужественнѣе, но ему и въ голову не приходило, что онъ могъ

бы еще быть отважен. Тайна трупа Джен Гальбрет и эта проклятая запись въ отчетной книгѣ сковывали ему языкъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Стали собираться студенты. Куски тѣла несчастнаго Грея раздавались то одному, то другому; ихъ принимали безо всякихъ замѣчаній. Ричардсонъ былъ счастливъ, получивъ голову; и раньше, чѣмъ пробилъ часъ отдыха, Феттсъ съ дрожью ликованія увидѣлъ насколько разрѣзанное на куски тѣло измѣнилось и стало безопаснѣе.

Въ теченіе двухъ дней онъ все съ возраставшей радостью наблюдалъ за ужаснымъ процессомъ измѣненія внѣшняго вида трупа.

На третій день появился Макферленъ. По его словамъ, онъ былъ боленъ; теперь Уольфъ нагонялъ потерянное время, съ необыкновенной энергіей наблюдая за работой студентовъ. Особенно цѣнную помощь оказывалъ онъ Ричардсону, то и дѣло давая ему совѣты. Ободреннаго похвалами демонстратора студента охватили горячія честолюбивыя надежды, и ему представлялось, что медаль уже у него въ рукахъ.

Не прошло и недѣли, какъ предсказаніе Макферлена сбылось. Феттсъ отдѣлался отъ ужаса и позабылъ о своей низости. Онъ уже началъ хвалить себя за смѣлость и мысленно придалъ такую окраску всему случившемуся, что смотрѣлъ на недавнія событія съ нездоровой гордостью. Своего сообщника онъ видалъ рѣдко. Понятно, они встрѣчались во время классныхъ занятій и одновременно выслушивали приказанія К. Иногда они перебрасывались двумя-тремя словами. Макферленъ былъ постоянно веселъ и обращался съ Феттсомъ очень ласково. Однако, онъ, очевидно, избѣгалъ упоминаній о ихъ общей тайнѣ; даже, когда Феттсъ шепнулъ ему, что онъ выбралъ судьбу львовъ и отрекся отъ доли ягнятъ, Уольфъ только съ улыбкой знакомъ велѣлъ ему молчать.

Наконецъ, одинъ случай снова тѣсно связалъ этихъ двухъ людей. У м-ра К. опять не хватило матеріала; студенты жаждали дѣла; ихъ учитель любилъ имѣть подъ рукой все необходимое. Въ это время получились свѣдѣнія о похоронахъ на сельскомъ кладбищѣ Гленкорсъ. Время мало измѣнило это мѣсто. Какъ теперь, такъ и тогда, оно лежало близъ проселочной дороги, вдали отъ человѣческихъ жилищъ и листва шести кедровъ скрывала его. Блеяніе овецъ на сосѣднихъ горахъ, пѣніе ручейковъ,

одного громко журчащаго по камешкамъ, другого украдкой скользившаго отъ одного пруда къ другому, шелестъ вѣтра среди старыхъ горныхъ каштановъ, да разъ въ недѣлю голосъ колокола и старинный напѣвъ псаломщика, одни нарушали тишину окрестностей сельской церкви. Однако, «воскресителя» (употребляя тогдашнее прозвище) не пугала святость мѣста, не останавливали благочестивыя соображенія. Ради своего ремесла, онъ нарушалъ покой старинныхъ могилъ, украшенныхъ вѣнками и цвѣтами, миръ тропинокъ, проложенныхъ ногами почитателей, друзей и родныхъ умершихъ, оскорблялъ приношенія и надписи, говорившія о любви и утратѣ. Чувство уваженія не отдаляло похитителя труповъ отъ сельскихъ окрестностей, гдѣ любовь особенно живуча, гдѣ узы кровнаго родства или товарищества связываютъ между собой всѣхъ прихожанъ одной церкви; напротивъ: удобство и безнаказанность влекли туда Макферлена. Къ мертвымъ тѣламъ, положеннымъ въ землю съ радостной надеждой на пробужденіе, являлась лопата, мерцающій фонарь, и они поднимались изъ могилъ, совсѣмъ не такъ, какъ предполагали схоронившіе ихъ. Гробъ ломался; погребальные покровы разрывались и печальныя останки, обернутыя въ грубый мѣшечный холстъ, сначала нѣсколько часовъ везли въ трясскомъ экипажѣ, а потомъ отдавали въ руки юношей.

Точно два коршуна, кружащіеся надъ умирающимъ ягненкомъ, Феттсъ и Макферленъ стремились къ этому свѣжему полному тишины мѣсту упокоенія. Женѣ одного фермера, прожившей шестьдесятъ лѣтъ и извѣстной только тѣмъ, что она продавала отличное масло и вела благочестивые разговоры, предстояло попасть въ ихъ руки; они собирались въ полночь вырыть ее изъ могилы и отвезти ея, лишенное погребальныхъ уборовъ мертвое тѣло въ тотъ далекій городъ, въ который она, бывало, пріѣзжала въ самыхъ своихъ лучшихъ воскресныхъ нарядахъ. Ея могилѣ, помѣщавшейся рядомъ съ могилами ея родныхъ, было суждено остаться пустой до дня воскресенія, а ея невиннымъ, почти священнымъ останкамъ, сдѣлаться предметомъ любопытства анатома.

Однажды подъ вечеръ двое похитителей двинулись въ путь, захвативъ съ собой большую бутыль. Шелъ непрерывный дождь, холодный, частый, бичующій дождь. Время отъ времени налетали порывы вѣтра, но затихали, остановленные пеленой падав-

шей воды. Несмотря на бутылку—это была невеселая, молчаливая поѣздка. Молодымъ людямъ предстояло добраться до Пеникуика, гдѣ они предполагали провести вечеръ. Разъ они остановились, чтобы спрятать свои инструменты въ чащѣ густого куста недалеко отъ кладбища, другой разъ въ Фишеръ-Тристѣ, чтобы поджарить въ маслѣ хлѣбъ на кухонномъ очагѣ и замѣнить виски пивомъ. Когда путники достигли конца своего путешествія, гитъ былъ поставленъ въ сарай, лошадь убрана и накормлена, а два молодые медика усѣлись за столъ и имъ подали самый лучшій обѣдъ и самыя лучшія вина, которыя только нашлись въ гостиницѣ. Свѣтъ, топящійся каминъ, дождь, барабанящій въ окно, холодъ и работа ожидавшая ихъ, все вмѣстѣ, придавало особенную остроту ихъ наслажденію обѣдомъ. Съ каждымъ новымъ стаканомъ сердечность ихъ отношеній увеличивалась. Скоро Макферленъ передалъ своему товарищу пригоршню золотыхъ монетъ.

— Вотъ, — сказалъ онъ. — Друзья должны оказывать другъ другу эти маленькія услуги!

Феттсъ спряталъ деньги въ карманъ и какъ эхо отозвался:

— Вы философъ. До знакомства съ вами я былъ сущимъ осломъ. Клянусь св. Георгіемъ, вы съ К. сдѣлаете изъ меня настоящаго человѣка!

— Конечно,—одобрилъ его Макферленъ.—Настоящаго человѣка! Говорю вамъ, нужно было быть не ребенкомъ, чтобы поддержать меня, помните, въ то утро. Многіе рослые, хвастливые сорокалѣтніе трусы потерялись бы при видѣ проклятой вещи. А вы, ничего! Не потеряли головы! Я наблюдалъ за вами.

— А почему бы мнѣ не сохранить присутствія духа?— хвастливо замѣтилъ Феттсъ.—Въ одномъ случаѣ, я навлекъ бы на себя множество хлопотъ и непріятностей, въ другомъ—могъ разсчитывать на вашу благодарность.

И онъ ударилъ рукой по карману, въ которомъ зазвенѣли золотыя монеты.

Эти непріятныя слова немного встревожили Макферлена. Уольфъ пожалѣлъ, что понятія, которыя онъ внушалъ своему молодому товарищу, такъ хорошо привились къ нему; но у него не было времени возражать, потому что, въ припадкѣ хвастливаго настроенія, Феттсъ шумно продолжалъ:

— Самое важное—не бояться. Ну, скажу откровенно, я со-

всѣмъ не желаю попасть на висѣлицу; это пренепріятная вещь; но я рожденъ съ презрѣніемъ ко всякаго рода ханжеству. Адъ, Богъ, дьяволъ, хорошее, дурное, грѣхъ, преступленіе и весь этотъ музей рѣдкостей — можетъ пугать мальчиковъ, но люди въ родѣ васъ и меня презираютъ ихъ. Пью въ память Грея!

Было довольно поздно. Согласно заранѣе данному приказанію, къ крыльцу подали гигъ съ ярко горѣвшими фонарями. Молодымъ людямъ осталось только заплатить по счету и пуститься въ путь. Они объявили, что ѣдутъ въ Пибльсъ; дѣйствительно, повернули въ сторону этого мѣстечка и не останавливались пока не оставили позади себя послѣднихъ домовъ города. Наконецъ, потушивъ экипажные фонари, поѣхали обратно и по проселочной дорогѣ двинулись къ Гленкорсу. Не слышалось другихъ звуковъ, кромѣ грохота колесъ экипажа, да непрерывнаго рѣзкаго журчанія дождя. Стояла черная тьма; по временамъ бѣлыя ворота или бѣлый камень въ стѣнѣ являлись ихъ руководителями, но большую часть дороги они шагомъ, чуть не ощупью, подвигались среди гулкой темноты къ торжественной и уединенной цѣли своихъ странствій. Въ лѣсу, который перерѣзываетъ мѣстность около кладбища, исчезло послѣднее мерцаніе свѣта, и молодымъ людямъ пришлось зажечь спичку и засвѣтить одинъ изъ фонарей гига. Такъ подъ деревьями, роняющими капли дождя, окруженные громадными колеблющимися тѣнями, два сообщника доѣхали до арены своихъ кощунственныхъ дѣяній.

Они оба были опытны въ этомъ отношеніи и хорошо дѣйствовали лопатами. И вотъ, послѣ двадцатиминутной работы, похитители были награждены: ихъ заступы съ глухимъ стукомъ ударились о крышку гроба. Въ то же время Макферленъ ушибшій руку о булыжникъ, поднялъ его и небрежно перебросилъ черезъ голову. Могила, въ которой они стояли, погрузившись по плечи, приходилась на самомъ краю возвышенной площадки кладбища. Они прислонили къ дереву росшему надъ крутымъ откосомъ, который спускался къ рѣкѣ, зажженный фонарь отъ гига, и онъ свѣтилъ имъ во время работы. Случайность вѣрно направила камень. Раздался звонъ разбитаго стекла; молодыхъ людей окутала ночь; звуки то глухіе, то звонкіе, сказали имъ, что фонарь, прыгая, катился съ откоса, по временамъ наталкиваясь на деревья. Два-три камня, смѣщенные этимъ валуномъ, застучали вслѣдъ за нимъ, уносясь въ глубину лощины; потомъ

тишина снова установилась. Теперь, какъ ни напрягали свой слухъ молодые люди, они не могли слышать ничего, кромѣ звука дождя, то колеблемаго вѣтромъ, то спокойно и мѣрно лившаго на многія мили открытой равнины.

Ихъ ужасная задача уже настолько подвинулась, что они сочли за лучшее докончить ее въ темнотѣ. Гробъ откопали, разломали; трупъ положили въ промокшій мѣшокъ. Похитители вдвоемъ отнесли его въ гигъ; одинъ сѣлъ въ экипажъ, чтобы держать этотъ страшный грузъ; другой взялъ лошадь подъ уздцы и повелъ ее, ощупывая рукой стѣны ограды и кусты; такъ двигались они, пока не очутились на болѣе широкой дорогѣ близъ Фишеръ-Триста. Тутъ молодые люди замѣтили на небѣ слабое разсѣянное сіяніе свѣта и привѣтствовали зарю. Они пустили лошадь хорошей рысью, и колеса ихъ экипажа весело загромыхали по направленію къ городу.

Оба медика насквозь промокли во время своей работы. Теперь, когда гигъ запрыгалъ по глубокимъ выбоинамъ, страшная вещь, стоявшая между ними, стала падать то на одного изъ нихъ, то на другого. И при каждомъ ея новомъ прикосновеніи оба инстинктивно торопливо отталкивали ее. Какъ не было естественно это качаніе трупа, оно начало дѣйствовать на нервы двухъ товарищей. Макферленъ бросилъ какую-то неумѣстную, недобрую шутку о женѣ фермера, но она прозвучала глухо и замерла среди молчанія. А страшная поклажа попрежнему перекачивалась изъ стороны въ сторону; то мертвая голова, какъ бы съ довѣріемъ, склонялась къ плечу одного или другого изъ нихъ, то сырой холодный, какъ ледъ, холстъ билъ ихъ лица. Ползучій холодъ леденилъ душу Феттса. Онъ посмотрѣлъ на мѣшокъ и ему показалось, что страшный предметъ сталъ больше прежняго. Повсюду въ окрестностяхъ, вдали и вблизи, выли собаки, провожая гигъ жалобными трагическими звуками. И въ умѣ Феттса выростала мысль о какомъ-то страшномъ чудѣ, о какой-то непостижимой замѣнѣ. Ему чудилось, что собаки воютъ отъ страха, чувствуя присутствіе ихъ кощунственной поклажи.

— Ради Бога, — съ невѣроятнымъ усиліемъ выговорилъ онъ,—ради Бога, зажжемъ фонарь.

Повидимому, и Макферленъ испытывалъ что-то подобное; хотя онъ не произнесъ ни слова, но остановилъ лошадь, передалъ вожжи товарищу и сталъ зажигать уцѣлѣвшій фонарь.

Они уже были на перекресткѣ, отъ котораго дорога ведетъ къ мѣстечку Оученклиннай. Дождь все еще лилъ съ такой силой, что, казалось, начинался второй потопъ, и въ морѣ сырости и тьмы зажечь фонарь было далеко нелегко. Но вотъ мерцающее голубое пламечко перешло на свѣтильню фонаря, стало разростаться и, наконецъ, бросило около гига широкій кругъ туманнаго свѣта. Молодые люди увидѣли другъ друга и то, что было съ ними. Намокшій холстъ плотно облегалъ мертвое тѣло; голова трупа явственно обрисовывалась; плечи хорошо были видны; призрачный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ реальный образъ, явившійся передъ молодыми людьми, заставилъ медиковъ пристальнѣе вглядѣться въ ихъ страшнаго спутника. Нѣсколько времени Макферленъ неподвижно стоялъ, поднявъ фонарь. Неопредѣленнымъ, непонятнымъ ужасомъ вѣяло отъ мертваго тѣла, закрытаго холстомъ; леденящій страхъ, какъ мокрый саванъ, обнималъ молодыхъ людей; бѣлая кожа на лицѣ Феттса натянулась; безсмысленный страхъ при мысли о томъ, чего быть не могло, заполнялъ его мозгъ. Еще секунда и онъ заговорилъ бы, но его предупредилъ Макферленъ.

— Это не женщина,—понизивъ голосъ сказалъ Уольфъ.

— Тѣло женщины положили мы въ мѣшокъ,—прошепталъ Феттсъ.

— Подержите фонарь,—произнесъ его товарищъ.—Я долженъ видѣть ея лицо.

Феттсъ взялъ фонарь, его спутникъ развязалъ мѣшокъ и поднялъ холстъ, закрывавшій голову трупа. Яркій свѣтъ упалъ на смуглыя рѣзкія черты, на выбритыя щеки лица, слишкомъ хорошо знакомаго молодымъ людямъ, и которое часто являлось имъ въ грезахъ. Дикій вопль прозвучалъ въ темнотѣ; похитители трупа бросились въ разныя стороны. Фонарь упалъ, разбился, потухъ. Лошадь, испуганная необычнымъ волненіемъ, прыгнула впередъ и понеслась къ Эдинбургу, увлекая за собой единственнаго сѣдока, оставшагося въ гигѣ,—трупъ мертваго и давно изрѣзаннаго на куски Грея.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Тип. П. П. Сойкина.

Книгоиздательство П. П. Сойкина.—Спб., Стремянная, № 12

Библіотека Романовъ

(Приключенія на сушѣ и на морѣ)

ПО ЧУЖИМЪ ВОЛНАМЪ

Первое путешествіе русскихъ вокругъ свѣта. Пов. *А. И. Красницкаго* (248 стран.), съ 20 рисунками.

Особ. отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. средн. (для младш. возр.) и низшихъ учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Цѣна въ коленкор. перепл., тиснен. золот. и краск., на велен. бум. 1 р. 25 к.

Путешествіе русскихъ вокругъ свѣта, совершенное въ 1803—1806 гг. на кораблях „Надежда" и „Нева" подъ командою флота Капитанъ-Лейтенантовъ И. Крузенштерна и Ю. Лисянскаго, не изобилуется какими-либо шумными приключеніями: русскіе люди всегда скромны и тихи, но оно первое, имъ положенъ починъ всѣмъ дальнѣйшимъ, оно создало новую эру въ исторіи русскаго мореплаванія. За Крузенштерномъ и Лисянскимъ пошли по ихъ же пути и другіе моряки, и теперь русскій флотъ сталъ дорогимъ гостемъ во всѣхъ уголкахъ земли и нѣтъ болѣе волнъ, которыя были бы ему чужими. Интересъ книги является заслуженнымъ уже по тому одному, что подобнаго описанія Крузенштерна и Лисянскаго въ русской литературѣ не существуетъ, есть лишь сухіе рефераты, представляющіе въ сокращеніи записки И. Ф. Крузенштерна. Разсказъ ведется въ повѣствовательной формѣ и прочтется какъ юношествомъ, такъ и взрослыми съ неослабнымъ интересомъ.

Праздникъ Нептуна при переходѣ черезъ экваторъ на суднѣ.

Тип. П. П. Сойкина.